

Жизнь
Наука
Мировоззрение

Н.П. Куранов

Как на свете жить.
В поисках ответа

ТОМ 1

Москва
Издательство ДАР/ВОДГЕО
2017

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДАР/ВОДГЕО»

Николай Петрович Куранов

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА

ТОМ 1

Москва

2017

УДК 502, 504, 556

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА. ТОМ 1
М., «ДАР/ВОДГЕО», 2017 г. 314 с.

ISBN 978-5-98826-016-5

Основную часть книги известного российского ученого в области прикладной гидрогео-экологии, гидротехники, водного и жилищно-коммунального хозяйств, лауреата премии правительства России, Почетного строителя России, профессора, доктора технических наук Куранова Н.П. составляют биографические данные автора, позволяющие проследить путь босоногого паренька из деревенской глубинки страны до директора столичного головного научного института, Государственного научного центра. Книга охватывает значительный период развития данной отрасли в СССР и постсоветский период, сложности выживания и становления науки в России после развала СССР.

Книга печатается в двух томах. В первом томе приведены интересные сведения из жизни замечательных людей и крупных советских и российских ученых, с кем доводилось работать и встречаться автору, отражено взаимодействие бизнеса и науки. Большое место уделено развитию научного и проектного бизнеса в России, проблемам малого и среднего бизнеса.

Автор много путешествовал по стране и миру. Этому посвящен второй том книги. Путевые заметки проникнуты любовью к жизни, к прекрасному, к Родине, к семье, к женщине. На фоне политических и производственных событий в мире и России в течение последних десятилетий они позволяют не только глубже понять период становления новой Российской государственности в сердцах и мыслях обыкновенных тружеников, но и вычленивать, принять и полюбить национальные интересы и особенности россиян.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, на тех, кому интересно анализировать закономерности судеб на фоне происходящих в мире, стране и семье событий.

ISBN 978-5-98826-016-5

e-mail: Prokofieva@darvodgeo.ru, www.darvodgeo.ru
© Издательство «ДАР/ВОДГЕО»
Большой Саввинский пер., дом 9, стр. 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	4
ГЛАВА 1. ПОСКРЕБЫШ.....	7
ГЛАВА 2. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ.....	13
ГЛАВА 3. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ.....	23
ГЛАВА 4. МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ.....	33
ГЛАВА 5. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ГОРОД ИЛИ СЕЛО.....	42
ГЛАВА 6. АСПИРАНТ, ДОЦЕНТ, ДЕКАН.....	48
ГЛАВА 7. МОСКВА, ВОДГЕО, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК. КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЖИЗНИ.....	54
ГЛАВА 8. ДОКТОР НАУК, ПРОФЕССОР. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ.....	61
ГЛАВА 9. НАУКА ИЛИ БИЗНЕС? НАУКА И БИЗНЕС!.....	74
ГЛАВА 10. МОЕ ЛЮБИМОЕ. А НАУКА ЛИ ЭТО?.....	100
ГЛАВА 11. КТО ВО МНЕ «НАСЛЕДИЛ».....	116
ГЛАВА 12. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.....	156
ГЛАВА 13. О БРАТЬЯХ НАШИХ СТАРШИХ.....	191
ГЛАВА 14. О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ.....	201
ГЛАВА 15. ВРЕЗКА В МОЮ РОДОСЛОВНУЮ.....	238
ГЛАВА 16. МОЕ ВТОРОЕ Я.....	253

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Что может быть полезнее, чем научиться жить наилучшим для себя образом?
Сомерсет Моэм*

Старость! Оказывается и в ней есть свои прелести. Во истину - Господь велик! Какое великое творение он создал – жизнь. Осмысленную жизнь! И дал тебе шанс ощущать себя счастливым сейчас, будь тебе хоть 10, хоть 30, хоть 50, хоть 70 лет, как мне сейчас. Именно сегодня и есть самый счастливый период жизни. Я устал удивляться, что в свои 70 лет не хочу быть молодым. Молодым я уже был и ничего принципиально нового в молодости не найду. А вот в 75 – да! Надеюсь, и в 80, и в 90 лет меня, безусловно, ждут новые неизведанные чувства, как сейчас, в мои 70!

Вот взялся за перо. Зачем? Толком, конечно, не знаю. Но знаю, что толчком послужили вот эти строки моей дочери, обращенные ко мне в мой 53-летний день рождения:

- Тебе, мой папа, мой учитель,
Мой создатель,
Мне никогда не выплатить долги
И слов мне все равно не хватит.
- Смогу ли когда-нибудь я научиться
Как ты любить облака, и цветы, и весну.
Как ты понимать задушевную песню птицы,
Завывание ветра и гор тишину!?
-Чтобы ни было со мною, каждый раз
Как прежде обращаюсь за советом
К тебе в безлюдный час, в безмолвный час
Я здесь, отец мой! Я учусь смотреть
На жизнь твоими ясными глазами.
Клянусь: я буду честной и простой.
И где бы я ни была, но до скончания века
Клянусь, отец мой, дочкой быть твоей,
Что значит - быть хорошим человеком

А если без патетики,
То как на свете жить?

15 декабря 1998г.

Эти строки попались мне на глаза сейчас, когда я нахожусь в санатории в Сочи, получаю свою порцию «примочек», без которых уже трудно носить себя по свету, и которые помогают даже период старости считать лучшим периодом жизни на земле, если ты в ней пребываешь. А ведь действительно, как ни крути, а аргументы голосовать за этот период очень даже весомые: дети выросли, внуки разнокалиберные, и деды им нужны в самых разных ипостасях, время - сколько хочешь, им распоряжаешься сам, сам направляешь центр своего внимания, куда считаешь нужным. Об этом в молодости только мечтать приходится. Здоровье? А в какой период здоровье не нужно? Есть ли такой период жизни? Здоровье - это необходимое условие для полноценного ощущения жизни, а я сейчас говорю о достаточных условиях. И я с маниакальным упорством голосую за старость. Конечно, если тебе есть на что оглянуться, если у тебя есть, так сказать, прошлое!

Обдумывая попавшиеся мне на глаза строки дочери, обращенные ко мне, я как будто впервые понял, почувствовал их глубину. Конечно, я и без того понимал, знал, чувствовал, гордился сердечностью и

умом ее, ее человечностью, любовью дочери ко мне. Зная, что она ненавидит фальши, я не чувствовал патетики в ее словах, а видел в них искренность и любовь. Но глубину этого послания в то время я пропустил. Не совсем, конечно, кинулся ей тогда на помощь. Наверное, даже помог чем-то. А вот на вопрос: «Как на свете жить?», как жить в трудные минуты, когда жизнь кажется наказанием, когда невыносимо больно, когда тебя предают, предают твои близкие, родные, друзья, когда ты теряешь самое драгоценное для тебя – я не знаю ответа и в свои «седые волосы». Какое не написанное, но беспокоящее ее слово прячется в вопросе дочери: нужно, правильно, следует, достойно или...? Если сам не знаешь – никого не научишь. Невозможно научить кого-то тому, чего не знаешь, не понимаешь, не умеешь сам. Или возможно? Вспомнил один забавный эпизод в своей жизни. Сельская школа. В классе шесть человек. Уроки химии. Уроки вела учитель русского языка и литературы. В химии не понимала ничегошеньки. Но других учителей нет. Она приходила на урок. Говорила, какой параграф надо выучить. Давала время на самостоятельное занятие двадцать минут, а потом вызывала меня к доске и велела рассказывать классу, да так, чтобы класс, т.е. оставшиеся пять учеников, поняли. Она требовала, чтобы я каждому поставил ту оценку, которую он заслуживает. В результате весь класс за урок получал оценки. Далеко не всегда я сам получал пятерку. Если плохо научил других, значит - сам не очень понял! До троек, правда, не доходило. Но четверки были не такой уж редкостью. И что же? Оглядываясь назад, я понимаю, что в школе именно химию я знал лучше всего. Даже лучше математики, к которой у меня была любовь, но другие методы изучения!

Вспомнив незабвенную Веру Яковлевну, которая при плохом знании предмета изобрела способ его преподавания, я решился воспользоваться той же методологией и попытаться найти ответ на заданный мне вопрос дочери. Правда, под руками у меня не было учебника. Зато за спиной у меня была и есть целая жизнь! Дело за «малым» - изложить жизнь на бумаге! Для этого, конечно, нужен талант. Однако - где же его взять?

И все же я рискну! Попробую писать искренно, и будь что будет!

Дочка, дочка, моя дочка!
Не решусь я дать совет.
Расскажу как жил я сам!
Может что-то по стопам
Наберется на ответ?!

ГЛАВА 1. ПОСКРЕБЫШ

Сам я дитя Победы. Отец пришел с фронта в середине войны. Повезло ему, маме, сестре, двум моим братьям – оторвало осколком руку. Остался жив. Один их всех. На два села вокруг. Но больше всего повезло мне – я родился вскоре после Победы в 1945 году. Голода я не знал, но я его видел. Видел среди сирот, у кого одна мама не могла досыта накормить детей, они с 4-5 лет учились выживать самостоятельно. Помню, как несколько раз я совсем шкетом приводил домой друзей, завывающих от голода, и мама кормила их сухой воблой, которую несколько раз отваривала в чугушке в печке. Отваренная таким образом вобла, из ржавой, изъеденной шашелом (так у нас называли червей, которые заводились в сухой вобле, если она долго лежала) превращалась в деликатес. Я до сих пор, в 21 веке, живя в центре столицы, иногда сооружаю это блюдо из завалывшейся воблы, которую нет-нет да присылают мне земляки – астраханцы. Помню, как в семье моего закадычного друга Егора делили кусок сахара на троих так, чтобы он был за завтраком, обедом и ужином. Мы же по сравнению со многими односельчанами жили зажиточно. Конечно, благодаря отцу - кормильцу. Однорукий, он вел себя и работал так, что мы не замечали его инвалидности. В шутку отец называл меня поскребышем, мол, по сусекам поскребли и сына нагребли. Из того раннего детства, которое я смутно помню, осколки войны долетали до меня не только голодом сельчан, но и моими тайными походами к родственникам и голодающим с рыбой, которую привозил домой отец, а мама делила их на кучки и посылала меня по адресатам. Причем так, чтобы я незаметно для других, тайно посылку передавал – этот отголосок уже не только войны, но и сталинизма, что я тогда, конечно, не знал.

Режим того времени был для меня естественным, я впитал его, можно сказать, с молоком матери. Особенно зримо это для пацана было во фразе отца: когда срать, тогда и подтирку искать. Так пренебрежительно он говорил о людях, которые не готовились заранее к серьезному делу, загодя. Но когда я нарвал газету и сложил эти листки в уборной (так у нас назывались удобства во дворе!), то отец подозвал меня к себе и отвел в уборную. Там он показал мне - в каком виде получился Сталин! Велел заранее газету не рвать, а только когда используешь по надобности. Потом сразу же выбрасываешь вниз в дерьмо. Там Сталина не найдут!

Отголоски войны доходили до меня в виде нищих, переходивших из села в село в поисках милостыни, в виде калек, которых я видел в редких вылазках в город, в виде лошадей и упряжи, которых колхоз должен иметь на случай мобилизации, а так же в сотнях других мелочей. Но эти отголоски войны не делали погоды. Погоду делала надежда людей на лучшую жизнь. Завтра будет лучше – вот что делало погоду. И завтра, действительно, было лучше, поэтому-то и верили люди в светлое завтра!

Мои первые ощущения времени, осознание своего я относится к 1948-1949 годам и связаны с сильными эмоциями карапуза. Вот отец в первый раз разрешает мне проехаться с ним на телеге до края села (в наших краях слово околица никогда не произносилось!). Я от такого доверия был преисполнен гордости, но, спрыгнув с телеги и оставшись один, я вдруг почувствовал неведомый доселе ужас – на меня бежала гусыня, вытянув змеиную шею и шипя, издавая, как мне тогда казалось и кажется сейчас, леденящие звуки, лишившие меня, в первое мгновение, прыти. Но вскоре прыть появилась и я с позором, зардевшись с ног до головы, драпанул - что есть мочи. А зарделся я потому, что уже понимал, что мне, деревенскому парнишке, бежать от гусей позорно, стыдно. Тем более, что мне отец оказал такое доверие, наградил меня самостоятельностью. Стыд был недолгим, но, как оказалось, глубоким – на всю жизнь. Он помогал мне давить в себе труса. Не всегда успешно, но, в целом, пожалуй, в отношении трусости по жизни у меня к себе не так уж много претензий.

Врезался в память еще один эпизод из раннего детства, когда по селу пошла молва, что Геська – пацан, лет на пять старше меня, сжег свои ноги. Мы с моим другом Егором подобрались к Геськиному забору и увидели, как он сидел на крыльце и подвывал, обхватив колени, ниже которых были сплошные волдыри, наводившие на нас ужас. Оказывается, Геська в каком-то азарте (гнался за кошкой, может быть!) вбежал на центральное курево. Куревом у нас назывался дымный, без огня, костер, вокруг которого собирались животные, особенно – коровы, в поисках спасения от комаров. Сверху курево по виду было

обычной кучкой мусора, а снизу у него была огромная температура, что и обеспечивало сильный дым, отгоняющий комаров. Устройством курева занимались крестьяне в Астраханской области раньше всегда, поэтому были большими мастерами этого дела. Ведь от курева до пожара всего лишь мгновение, а пожара на селе боялись больше, чем наводнения. В мое детство наводнение было обычным делом. По весне Волга разливалась, вся дельта, Прикаспийская низменность оказывались под водой, оставляя лишь редкие островки, на которых, как могли, спасались зайцы, лисы, еноты и другая сухопутная живность. Так что дед-мазаеву ситуацию приходилось мне видеть не раз. Это сельчан мало беспокоило. Беспокоила своя, домашняя скотина: кормилица корова, овцы, куры, свиньи. В низовье Волги половодье долгое, порядка месяца село под водой. Ведь сюда стекала талая вода со всей Волги – от Селигера до Астрахани. Это уже позже появились дамбы вокруг сел, появились Волжские гидроэлектростанции, которые могли регулировать сброс воды, вододелитель, который мог перенаправлять потоки воды так, чтобы в нерестовых местах вода удерживалась достаточно долгое время для вызревания малька из икры, а в других местах в это время произрастали сельскохозяйственные культуры. Тогда для рыбы было раздолье. Во время половодья рыба успевала выметать икру, получить мальков, мальки успевали окрепнуть на мелководье, а потом с радостью, в силе, скатываться вместе с талой водой в обычное русловое течение. Для рыбы-то раздолье, а вот с домашними обитателями беда! Все выпасы залиты водой. Кто увозил их на высокие острова, кто сооружал им стойбище на крышах конюшен. Выкручивались - кто как мог. Моя обязанность в этот период была на лодке накосить зеленого камыша и накормить скотину. Зато рыбу можно было хоть руками наловить сколько угодно. Сазаны любят в это время собираться косяками и устраивать, что-то подобное, игрищам (мы так и говорили – сазан играет). Имея сандоль (то же по-моему местный термин – двурогое короткое приспособление в виде вил, что широко используются в крестьянском хозяйстве), можно в этот период прокормить и себя и домашних животных. Для каждого вида животины мама запаривала свое рыбное блюдо. То, что ест свинья, не ест овца. Такому кулинарному искусству жизнь учила, думаю, всех женщин. Поскольку я в семье был младшим, поскребышком, а моя сестра в это время уже была далеко от дома – на Дону после окончания финансового техникума, то мне часто приходилось выполнять по хозяйству женские функции. Ведь маме было уже за 40 и ей не всегда хватало сил на все - про все. Как показала жизнь, эти навыки в поварском деле мне очень даже пригодились. Особенно в один из драматических периодов в моей судьбе. Отец не любил, когда мужика занимали женскими делами. Он считал, что это отвлекает его от более нужных для семьи дел, что настоящий мужик не может тратить время на дела, которые может выполнить и женщина. У него не должно быть на это время, мужику всегда есть чем заняться своими, мужскими делами. Если мужик утверждает, что он все свои дела закончил – этот для отца - не мужик. Он должен организовать дело так, чтобы работа никогда не заканчивалась, чтобы она была всегда, тогда только семья может быть спокойна за свое будущее, быть в достатке. Оглядываясь сейчас назад замечаю, что я не помню в своей жизни периода, когда бы я не знал, чем заняться. Я до глубины души всегда возмущался, когда слышал от кого-нибудь: «Мне скучно». Мне так и хотелось сказать: «Скучно? Займись делом!». Я так всегда и говорил, но в ответ часто получал ухмылку. Мол, любимого дела у меня нет, а другим я заниматься не собираюсь. Любимое дело? Нет, мне с детства известно, что к делу нельзя употреблять определение любимое или нелюбимое. Ведь не бывает любимой или нелюбимой, например, болезнь или стихия. Болезнь надо лечить, со стихией бороться, дело надо делать!

Может это и есть ответ на вопрос: «А как на свете жить?». Да, наверное. Но, конечно, не полный ответ. Чтобы иметь полный ответ, много чего еще надо. Не достаточно поскребышевского опыта. За всю жизнь этого опыта может не набраться!

Из своих дошкольных лет вспоминаются мне некоторые трудовые будни. Во-первых, еще до осознания своего я у меня, уверен, были обязанности. Зимой накормить овец, корову, т.е. принести им сена из сенника и разложить его по яслям, откуда они будут его брать, иначе оно будет у них под ногами. В те самые ясли, в которых родился Иисус Христос в Вифлееме. Когда мне посчастливилось там побывать уже в зрелом возрасте, первым делом мне захотелось узнать, а какие ясли были две тысячи лет назад. Оказалось, что приблизительно - такие же. И тогда, и в мое детство «обеденная посуда» у домашних животных не была изысканной, но удобной. Поэтому и не изменилась за два тысячелетия. В обязанности входило

накормить кур. Свиным мама сама готовила некую бурду из мелкой картошки, сорной рыбы, немного мучки. Моя обязанность была только вынести и вывалить это все в их корыто. Ранней весной всю скотину выгоняли со двора, и они с пастухами уходили в поле. Вечером возвращались коровы и овцы с пастбища, и их надо было встречать и загонять домой. Если с коровой это мероприятие носило, скорее, формальный характер (она сама шла домой, только-только завидев тебя, и мычала во все горло, мол, дойте же меня скорее!), то с овцами (у нас говорили – с баранами) все было не так просто. Во-первых, овец было полтора-два десятка. Их всех надо было найти – стадо разбрелось по всему селу. Найти, опознать. Особенно молодняк не просто было опознать. Поэтому в каждой семье была фирменная метка – особый надрез уха (важно-правого или левого!). Я был признанный специалист этого дела, управлялся за полчаса и сразу же убегал куда-нибудь играть, пока тебя не заставили еще чего-то делать сверх твоих обязанностей. А вот свиней не загоняли домой. Они с весны до осени паслись в поле, чем Бог пошлет. Главным образом, закопанными кореньями, которые у нас называли «батлачек». Если поросята были еще маленькие, то приходилось некоторое время их пасти. Помню, как я прогонял свинью или борова, вырванного носом-пятакон такой батлачек, и с удовольствием уплетал его сам. Мне нравился его горьковатый привкус. Но пасти свиней приходилось мало, они были предоставлены сами себе. Только отец раза два в месяц проверял, где свиньи, не ушли ли они на поля другого колхоза, не затерялись ли в камышовых зарослях. Осенью свиней загоняли домой, в свинарник. За это время поросята становились полноценными свиньями, и получалось от одной свиноматки целое стадо свиней. Почти всех их тут же резали или продавали живьем. Прокормить такое стадо было немыслимо. Оставляли одну-две свиноматки на зиму. Их кормили всю зиму, а весной с двумя десятками поросят опять выгоняли в поле на вольные «хлеба», т.е. на «батлачек». Свиньи давали главный денежный доход в семье. Баранов с осени до весны резали по одному, снабжая мясом семью, корова давала молоко, а телок за два года превращался в быка и, как и свиньи, был источником денежных поступлений в семью. Однажды, когда мне было уже 5 лет, в семью пришла беда. Пропало стадо из двух десятков свиней. Отец уже отчаялся искать, считая, что кто-то угнал их в чужие края. Тогда такого рода пропажи были не редкостью. Особенно воровали лошадей – цыгане. Но не брезговали и свиньями. Правда, за такие дела хозяин мог и самосуд устроить, и никто бы по этому поводу докапываться особенно и не стал. Я очень переживал, увидев расстроенного отца, а когда он куда-то отлучился, то сел на коня и поехал в поле – свиней своих искать. И нашел! Радость и гордость за себя распирали меня. Загнал свиней в свинарник. Дома никого нет. Я разделил свою радость с моим другом Егором. Рассказал, какой я молодец. Этого мне показалось мало и, подражая взрослым, я решил «отметить это дело». Нашел у мамы в потаенном уголке брагу, и мы с Егором выпили за мои производственные успехи. В результате, я напился до чертиков. Нашедшая на осенней реке меня мама, была вынуждена связывать буйного и уложить дома в постель. Проснувшись, я услышал, как мама причитала, в кого же я пошел, а отец успокаивал ее, мол – мужик растет, дело сделал, отметил его. Ну, перебрал немного, с кем не бывает. Слушал я их разговор и, как сейчас помню, от гордости за сделанное важное дело не осталось и следа. Остался стыд, жгучий стыд. Нет, думал я про себя, даже после геройского поступка нельзя поступать по-свински, а уж после моей «свинской» удачи... Этот урок детства не раз помогал мне по жизни! Но, бывало, и не срабатывал урок. Повторенье-мать ученья, говорил я тогда себе и это действительно срабатывало. Не кичись достигнутыми результатами. Радуйся, но не кичись! А как же насчет – гордись? Можно и нужно гордиться, но не своими успехами, а успехами твоих учеников, детей, внуков, успехами своей родины, народа. Гордиться своими успехами мало чем отличается от «кичиться» ими. Радость достижения цели, удовлетворение результатами своего труда вполне достойная и главная награда.

Из дошкольного еще помню проводы старшего брата Геннадия в армию. Как мы с Егором обсуждали – убьют его или не убьют. Мы знали, что на войне убивают. А чем война от армии отличается, мы, конечно, не понимали. Тем более, что тогда мамы голосили на всю ивановскую, провожая в армию своих сыновей, ведь память о войне была так свежа.

Помню смерть Сталина. Ощущение пропасти, трагедии. Всеобщая скорбь. На детей это, да и траурное радио – действовали убийственно. Я в самом деле был готов отдать свою жизнь за час жизни вождя!

Еще один урок! Урок чего? Не только пропаганды, ее силы, урок «промывания мозгов». Для меня это еще и ответ на вопрос: «Что такое любовь? Есть ли она? Чем она измеряется и измеряется ли вообще?»

Я с тех пор точно знаю, что любовь есть и знаю - чем она измеряется. Я всей душой любил отца, мать, за них рисковал бы жизнью до конца! Смертельная опасность не остановила бы меня, как не остановила бы меня эта опасность в отношении моих детей, внуков и еще нескольких человек на земле. Любовь – это понятие для оценки отношения между людьми, а не между человеком и идеей. За идею тоже можно пойти до конца, на смерть, но это не любовь – это преданность. Порыв отдать жизнь за Сталина – это не любовь к нему, а преданность идее. В детском возрасте простительно быть преданным идее, не понимая ее. Но это имеет место не редко и среди взрослых. Такова уж природа человека, он тяготеет к стадности, поэтому и оказывается в стане преданных чему-либо, даже не вполне осознавая это нечто. Не на этом ли зиждется современный терроризм? Не могу признать я за любовь и отношение к животным, к сладостям, к алкоголю и т.п.» Люблю сладкое» - не означает, что за сладость отдам жизнь. Это фигура речи – не более. На самом деле сладкое не любят, оно нравится, алкоголь не любят – к нему тянет. С животными – другая, но тоже не любовная картина. Деревенский житель ближе всего к животным, к домашним животным. Он к ним привязан, часто привязан всей душой, но приходит время и он берет нож и режет овцу, которая выросла у него на руках, бычка, который еще телянком своим теплым носом тыкался в его лицо, когда он приносил его в дом, спасая от морозов, отрубает голову курице, что цыпленком прыгала ему на руки, а он кормил ее из своего рта. А собака, а кошка – это вообще члены деревенской семьи, а он берет котят, щенков и топит их в реке, поскольку это диктует ему житейская необходимость. Нет у людей любви к животным. Это тоже фигура речи, есть привязанность к ним.

Любовь – это между людьми. И измеряется она готовностью бороться до конца за любимого или любимую, пренебрегая даже смертельной опасностью. Такие вот поскребышные дошкольные раздумья по поводу смерти Сталина или взрослые на том детском наиве, поскольку действительно глубоко коснулось. Запросто на смерть пошел бы! И любовь была, и не только к родителям. Нравилась мне до 5-6 лет одна девочка, младше меня, наверное, на годик-полтора. Звали эту девочку необычным для нашего села именем – Сталина! Ее родители откуда-то приехали и стали жить в нашем селе. Село было маленькое, но слово деревня у нас никогда не употреблялось: село и село. Два дома – село, 20 домов – село, 100 домов – село. Я в свободное, предназначенное раньше для игр время, бегал к ее дому и глядел в дырку забора - чем она занимается, во что играет, как хохочет. Никому, никогда не признавался я в этой любви. Тем более потом, когда мы подросли, и она мне не только не нравилась, но и была чужда по взглядам, манерам. Какая - то дремучесть и убогость видна была в ней всему нашему мальчишескому сообществу. И мне, в том числе. Но так я ей благодарен за первую короткую, счастливую, пылкую любовь, о которой никто на свете не знал и она, конечно же, вряд ли догадывалась – мала еще была. Много подобного потом было в жизни, но чище этого чувства, пожалуй, и не было. Потому что первое, потому что никому неизвестное, кроме меня, потому что короткое, как молния. Нет, я совсем не против вечной любви. Она, безусловно, бывает. Но по моим жизненным наблюдениям средняя продолжительность жизни любви порядка 20-30 лет. Да и то, главным образом, за счет любви между родителями и детьми. Средняя продолжительность поистине любовных отношений между партнерами разных полов на порядок меньше. Часто ее жизнь, жизнь такой любви, соизмерима с жизнью бабочки. Какова продолжительность жизни у любви однополых партнеров даже представить себе не могу – чего не испытал, того не понимаю!

Хорошо или плохо, что любовь не долгожитель? Бог знал, что творил на земле. Оглядываясь на свой жизненный путь, могу с уверенностью сказать, что мои любовные ощущения относятся к долгожителям как родительские, так и мужские. Но что такое любовь-бабочка – знаю тоже! А образ идеальной любви я видел однажды у моря на закате: две голые фигуры с всмятку сморщенными попами стояли, взявшись за руки, и неподвижно глядели на закат солнца, которое заходило за морской горизонт. Это было так красиво, трогательно, уместно, что мне казалось, что я увидел лик любви, обволакивающий все пространство вокруг этих старческих фигур.

Спасибо Вам, отец и мать,
Что в пользу жизни Вы решали,
Что по сусекам поскребли
И трудностей не испугались!

Ведь поседела голова
Отца от нечисти фашистской,
И мать от тяжести сдала,
Но Вы-то были сердцем чисты!

Не только жизнь дарили Вы,
Но и – блестяще - воспитание!
Трудом, любовью и заботой,
Без шелухи, без назиданья.

Теперь я старше стал отца,
Бывает, тешишься - чем можешь!
А сохранилось все ж в душе
Такое теплое – «поскребыш»!

ГЛАВА 2. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

В школу меня взяли уже великовозрастным детиной - почти в 8 лет. Тогда с этим строго было - нет 7 лет - гуляй еще год. Законы такого плана выполнялись безукоризненно, даже в деревне, даже если директор школы твой ближайший друг. Даже если ты уже прочитал Толстовскую «Войну и мир» и еще половину библиотечного деревенского запаса... Любовь к чтению мне привил отец. Мама была не грамотная, ей не посчастливилось закончить даже первый класс. Буквы она знала, писала с большим трудом, читала по слогам. Она училась две зимы, а весной и осенью работала в няньках, помогала отцу с матерью кормить очень многодетную семью (24 ребенка родила моя бабушка, 12 из них дожили до старости). Отец же рано остался сиротой и поэтому по программе помощи сиротам закончил 4 класса церковно-приходской школы. Читал и писал он довольно бегло. По вечерам под керосиновую лампу устраивал громкую читку. Не каждый день, конечно, а когда было время. А было оно лишь длинными, зимними вечерами. Доставлял ему литературу из библиотеки я, я ее и сдавал назад, а он читал громко, с выражением, в лицах - так любила мама. Она была очень благодарным слушателем, часто переспрашивала, задавала вопросы. Часто на эти вопросы отвечал я, отец иногда не соглашался, завязывался диспут. Мама не просто была слушателем этого диспута, а часто, активным участником. Когда она понимала суть той или иной сложной фразы, то у нее сразу складывалось свое мнение по поводу того или иного героя и здесь ее трудно было переубедить. Если отец стремился быстрее завершить диспут и продолжить громкую читку, то я старался убедить в правильности своего мнения часто до хрипоты. Позже я стал понимать, что если хочешь маму переубедить, то не надо горячиться, надо приводить житейские примеры, уводить диспут в сложное философское русло и тогда мама безнадежно махала рукой, ну, мол, может быть, вы все ученые и правы. Ученым она меня считала с первого класса, поскольку я бегло читал и писал. Отец посмеивался по этому поводу, ведь наши взгляды почти всегда совпадали. Для меня центром моего села был мой дом, мои родители, мои братья.

У мамы я был помощником. Принести воды с речки, почистить рыбу, принести дрова из дровника к печке, порезать салат из огурцов и помидоров, накормить животину, загнать их на баз, и еще десятки мелких дел. Я делал их не то чтобы охотно. Я знал, что это моя обязанность и не представлял себе, как я могу что-то не сделать. Наверное, бывали случаи, когда мои дела за меня был вынужден кто-то делать. Но не потому что я не захотел их делать, а не мог (заболел, уехал на соревнования в соседнее село, в город и т.д.). Как и я добавлял к своим делам что-то, если братья или мама не могла свои дела сделать по какой-то причине. Если мама болела, я готовил, кормил отца, доил корову. Братья были значительно старше и у них были другие заботы. Геннадий служил в армии, в Германии. Когда демобилизовался, по дому занялся плотницким делом, а по жизни - учился на курсах и работал ветфельдшером, потом бухгалтером. Юрий учился в ремесленном училище в Астрахани. В доме был уже гостем. До этого, конечно, многое по хозяйству должен был делать он. Он и делал, но по мере моего подрастания дела передавались мне. Такой вот учитель трудотерапии всегда жил в нашем доме! Это самый лучший учитель жизни, обладающий веками выверенной методикой трудового воспитания. Удивительным образом трудотерапия не мешала развитию ничего другого. Откуда - то находилось время на футбол, волейбол, А вот баскетболом в нашей деревне и не пахло. Видимо, эта игра только-только начинала набирать обороты. Волейбол занимал особое место тогда в моей жизни. Волейбол, бильярд, шашки и шахматы. Дело в том, что этим квартетом на селе увлекались не только дети, но и взрослые. Летом, когда длительное время светло, управившись с делами бабы собирались на соседских скамеечках, судачили, лузгали семечки, а мужики «подгребали» к волейбольной площадке в центре села у школы (двух площадок не было никогда, да, по моему, и сейчас нет). Кто - то вставал в игру, кто-то забирал себе роль тренера или судьи, а многие просто глазели-зрители. В такие периоды я рвался на площадку, поскольку каждая команда пыталась меня заполучить - у меня был хороший прием, а «тушить» в селе никто толком не умел. Самолюбие мое купалось в райских вязах: взрослые оказывали доверие. Такие вечера были для меня праздником. Любовь к волейболу вкупе с детской гордостью заставляли парить и душу, и сердце. Близкое с этим ощущение было у меня при бильярде.

Шашки — другое дело. Там был спортивный азарт — не более. В шашки на селе многие играли не плохо, и явно лидера не было. Здесь в каждой партии надо было играть «на полную катушку», а результат заранее не очевиден. Я очень благодарен этой игре. Считаю, что она научила меня проигрывать. Вместе с шахматами, где я был явный лидер, шашки научили меня простой истине - учиться выигрывать не надо. Выигравшему легко, за него «хлопочет» фортуна и победитель, даже при слабой игре, удовлетворен. А вот проигрывать - этому надо учиться. Еще как надо! Надо уметь не реагировать на факт проигрыша, а получать удовольствие от уровня игры, от прекрасной партии, даже если эту партию выиграл соперник. Однако, это дело непростое, но необходимое и в спорте и в жизни.

Учиться проигрывать я учил себя поэтапно. Сначала научился не психовать по поводу проигрыша, потом научился искренне поздравлять партнера с победой. А уже потом — получать удовольствие от игры, а не от выигрыша.

Король спорта — футбол и тогда был королем. Гоняли ночами где угодно и что угодно как на земле, так и на льду. Если футбол — король, то хоккей — королевич. Хоккеем увлекались только три зимних месяца. Когда Волга (точнее - Бузан!) встанет. Так и говорили «Бузан встал», т. е. покрылся льдом и можно через реку ходить пешком за дровами, в районный центр, играть в хоккей, ловить рыбу, наконец. Поздней осенью по реке несет лед и паром не ходит, и рыбы не наловишь. А когда Бузан встает — праздник, изоляция закончилась, ты свободен — ощущение такое. Это ощущение и весной — Бузан вскрылся ото льда. Можно выезжать на лодках куда угодно. Рыбу ловить чем угодно! Изоляция закончилась — весенний лед стоит долго, не вскрывается, но коварный, ходить по нему нельзя. Так что в ноябре и марте наблюдается изоляция сельчан. Условная, конечно. Но ведь это - дельта Волги. И здесь привыкли жить вместе с рекой. А если река не доступна, как в ноябре и марте, то это своего рода временная инвалидность.

Так вот — футбол и хоккей для мальчишек в те времена несли в себе очень многое, о чем мечталось. Кумирами были Бобров и Хомич, Лев Яшин и Игорь Нетто, Петров, Харламов, Старшинов, Якушев, Мальцев, братья Майоровы. Кто - то раньше, кто-то позже, но кумиры. Одно вслух произнесенное имя вызывало бурю эмоций! А они, эти игры, учили чему-нибудь? Ну, во-первых, это были превосходные лекарства, лекарства от болезней, от стрессов, от холода и голода. Они были учителями, которые учили не только терпеть боль, преодолевать себя. Они учили жить в коллективе. Учили быть принадлежностью к миру, чувствовать себя частичкой областного, государственного, мирового сообщества. Они учили гордиться страной. Коллективная гордость — этот «клей» универсален для всех времен и народов. В мой деревенский период, о котором сейчас пишу, а это пятидесятые годы, именно спорт учил меня быть гражданином. Труд учил быть человеком, а спорт — гражданином. Учеба в нашем селе с первого по седьмой класс почему-то, мне кажется, выполняла вспомогательную функцию. Важную, но вспомогательную. Быть грамотным! Пионерская организация включала в себя слова о Родине, о патриотизме, о взаимопомощи. Все мы были Тимурами в его команде, партизанами с Леной Голиковым, героями с Зоей Космодемьянской и Александром Матросовым.

Я с четвертого по седьмой класс был председателем совета дружины. Однако, азарт и увлеченность в спорте делали много больше и важнее, чем пионерский формализм. Хотя, надо признать, и прививка формализма в детстве тоже важна для ориентации в обществе, в жизни. Труд, книги, спорт, учеба, пионерия, родительский пример — вот мои учителя. Но есть и еще один учитель, которого вспоминаю с благоговением. Это кино! Кино и художественная самодеятельность. В конце сороковых - начале пятидесятых годов кино только-только дошло до нашего села. Помню висящие на деревьях простыни и установленный в конце поляны аппарат, который по очереди крутили мужики под руководством киномеханика. Крутить надо было равномерно. А то все смазывалось — картинка и звук. Зрители усаживались на поляне и хохотали, и боялись, и шли в бой всем зрительским сообществом. Потом появился движок, который заменил мужиков, но тархтел так, что «в зрительном зале» мало что было слышно. Потом к клубу пристроили будку, экран вывешивали в клубе, а из будки доносился стрекот киноленты. Зрители сидели уже не на полу, а на деревянных скамейках, которые после фильма ставили вдоль стены, и на смену фильма приходили танцы под гармонь. На селе было мало гармонистов: раз-два и обчёлся. Они были на

вес золота. Я это ощутил, когда к третьему классу научился играть на гармошке. На слух, с ошибками, играл плохо, но с охотой. Когда кто-то из «штатных» гармонистов «бастовал», то приходили гонцы к нам домой и просили: «Дядя Петя, тетя Катя отпустите Кольку нам поиграть». Меня обычно отпускали и я в клубе или на полянке пиликал что-то на гармонии, а молодежь танцевала. Почему-то особенно запомнился один эпизод: скамейка на середине поляны, я сижу на ней и играю, вокруг меня стоят пять-шесть керосиновых ламп, а за ними танцующие девушки и парни. Вальс, полька, краковяк, подеспань, подекастор, танго — вот основной набор танцев. Тогда ребята танцевали. Они приглашали девушек. Девушки с девушками стали танцевать только после фильма «Девчата». Танцор обязательно отводил девушку на то место, откуда он увел ее на танец.

Кино! Важнейшим из искусств для меня явилось КИНО. Отец был страстным любителем кино. Он не пропускал ни одного сеанса. Они (сеансы) шли вначале раз-два в месяц, потом раз в неделю, а потом уже и 2-3 раза в неделю! Отец был настолько зрительски связан с кино, что без него киномеханик не начинал сеанса. Петр Иванович здесь и время пришло — значит, можно начинать фильм. Время пришло, а Петра Ивановича нет — фильм не начинается. Продолжаются танцы, пока не придет отец. И это - не приказ начальника, не лизоблюдство. Это киношная благодарность зрителю.

Не помню случая, чтобы кто-нибудь роптал, и отец, конечно, не злоупотреблял. Я тоже стал киноманом, потому что отец всегда брал меня с собой. Я настолько привык к этому, что внутренне считал, что кино не может идти без меня, а я не могу без кино. Именно поэтому хорошо запомнил, как я первый раз пропустил фильм, который шел в нашем клубе. Маме стало плохо, вызывали врача из районного центра, маму повезли в больницу. Прибегали из клуба спросить, почему отца нет до сих пор, пора показывать фильм. Отец сказал, чтобы фильм шел без него и тогда я понял, что с мамой что-то серьезное. Мама же ходила в кино не часто. Она не любила сложных картин. Но когда всем хорошо, все красивые и веселые, она воспринимала это «на ура». От фильмов она не хотела, не желала и не ждала проблем. От фильма она ждала праздника, которого так не хватало в ее нелегком крестьянском домашнем хозяйстве. «Кубанские казаки» с незабвенным Гордей Гордеевичем, «Волга-Волга» и другие Александровские фильмы с Орловой, «Небесный тихоход» с Крючковым, «Свинарка и пастух» с ним же и Ладыниной, «Карнавальная ночь» с Гурченко — вот ее любимый репертуар. Еще любила мама фильмы о военных, не о войне, а о военных, когда они все красивые и молодые в военной форме, поправляют с хрустом ремни и гимнастерки. «Солдат Иван Бровкин» и «Иван Бровкин на целине» с Леонидом Харитоновым — любимейшие на селе картины.

А мне больше нравились проблемные фильмы: «Председатель» с Ульяновым, «Разные судьбы» с Юматовым, «Сказание о земле Сибирской» с Дружниковым, «Доживем до понедельника» с Вячеславом Тихоновым. Решению проблем героев, их удачам и бедам я отдавался полностью, был с ними, конечно, не всегда заодно, но с ними и умом, и сердцем. Я до сих пор удивляюсь родителям, да и нашим законодателям, которые пытаются оградить детей от просмотров тех или иных фильмов. Такого рода недоверие к детям не могу разделить. Они сами способны раскладывать по своим полочкам: сюда понятное, сюда смешное, сюда непонятное, сюда таинственное, запретное. Не допускать ребенка на просмотр фильма, где любовь, секс, насилие, особенно деревенского — абсурд. И секс, и насилие, и драки, убийства он встречает каждый день в своей жизни в животном мире. Вот он видит, как ворона насмерть забила молодого воробышка, а кошка поймала скворца, и тут же его слопала. Вот сошлись в нешуточной драке два косячных жеребца, бьют друг друга копытами, встают на дыбы, кусают друг друга, вырывая клочки мяса у соперника. Борются за право быть вожакom косяка лошадей. А вот лошадиный секс — это же завораживающее зрелище! Не запрещать, а объяснять! Учить, умело учить в самом разном возрасте. Но ни в коем случае не ограждать. Жизни надо учить, у нее надо учиться, и кино для этого очень даже подходящая площадка. Мы с отцом, а когда на сеансе была и мама, то втроем обязательно обсуждали фильм, кто как понял и воспринял те или иные события, бережно обходя или умело, по возрасту, комментируя «запретный плод». Отец был смелее в объяснениях малышу, мама часто его останавливала, а он заливался смехом, давая понять мне, что все это — дело житейское, а мама — она же женщина, ей простительно. Удивительное дело, но такого рода безмолвные объяснения действовали особенно эффективно. Я начинал

смотреть на маму и как на женщину, которую слабости лишь украшают. А на себя смотрел уже как на взрослого, который должен понимать, что есть вещи, о которых вслух говорить не стоит, не уместно. Не всегда нужно отстаивать до конца свою правду — надо уметь остановиться, быть в поступке выше истины, особенно если ты дело имеешь с Женщиной!

А истину надо уметь донести и должен донести, лишь подобрав время и место. Вот такие мои кино-университеты. После однажды пропущенного в связи с болезнью мамы фильма я стал избирательнее, ходил уже не на все фильмы подряд, ведь уроки тоже когда-то надо было учить. Тем более, что к нам в село привозили некоторые фильмы по 10-20 раз. Например, Чапаева и Тарзана. Помню один случай, который запомнил как знак величайшей награды мне как «деятелю искусства»: я закончил учить уроки, взял в руки баян (в пятом классе мне уже купили баян!) и стал играть вальс «На сопках Манчжурии». Из кино возвращались отец с матерью. Увлечшись игрой на баяне, я и не заметил их, а увидел только тогда, когда они уже вальсировали под мою музыку! Когда я закончил, они захлопали и расцеловали меня. Это был мой первый баянный опус для народа. Позже я на баяне играл «для народа» на свадьбах, дома — гостям при домашнем застолье, которое всегда сопровождалось хоровым пением. И у отца и у мамы были красивые голоса. У отца — густой бас. На свадьбах он часто был запевалой. Как сейчас слышу голоса: «Петр Иванович, давай нашу!» и, подобравшись, отец начинал размеренно:

«Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали!»

В домашних застольях по поводу праздников, дней рождения наш домашний хор звучал на всю деревню. Хорошо пел Юрий, Геннадий пел громко, с удовольствием, но в ноты попадал редко. Зато его жена — Валентина умела и любила петь. С остервенением, отдаваясь песне, пел и играл на баяне я. В гости к нам всегда приглашались родственники по линии мамы — Бородины - Николай Евгеньевич и Валентина Васильевна (Валентина — племянница мамы, до сих пор жива; живет в Ульяновске - дай ей Бог здоровья!). Когда я был совсем малыш — Николай Евгеньевич играл за столом на гармошке. Потом его сменил, вытеснил конкурента я. Сначала с гармонией, а потом с баяном. Они и мамина сестра тетя Дуся тоже очень любили петь. Дом наш был в центре села, так что на все село раздавалось, как «на побывку едет молодой моряк» и что «грудь его в медалях, ленты в якорях». Пели русские народные и современные советские. Романсов не знали, не пели. А вот дуэтом мы обычно пели с мамой. Когда она занималась каким-нибудь нудным делом — пряла, вязала, метала или чинила сети при свете лампы. Я учил уроки, и мы пели с ней дуэтом. Одна песня заканчивалась, начиналась другая. «Уральская рябинушка», «Услышь меня хорошая», «Лучше нету того цвета», «Пуховый платок», «Черемуха», «Белоснежная вишня», «Восемнадцать лет» и т. д. и т. п. - бесконечная вереница песен. Я откуда-то (откуда-откуда: от радио, конечно!) все песни знал наизусть, а мама уже подпевая, разучивала их по ходу «пьесы». Так за пением выучивались уроки и вязались носки под свет «лампы раскаленной».

Я где-то выше обронил на счет художественной самодеятельности. Тоже тот еще «учитель». Сельский клуб. В клубе всегда был заведующий. Его обязанность не только открывать и закрывать клуб под колхозные собрания и вечерние танцы молодежи, но и к каждому празднику готовить концерт художественной самодеятельности. В «Кубанских казаках» и в «Дело было в Пенькове» этот момент хорошо отражен. Часто завклубом кооперировался со школой и получались знатные концерты. Во всяком случае, длинные и искренние концерты. Особенно сельчане любили выступления драмкружка. Петь и плясать и дома каждый был горазд, а вот в пьесе сыграть роль — не каждому дано. Я на сцену стал выходить еще в дошкольном возрасте. Первую свою роль на сцене я играл вместе со своим старшим братом — Геннадием. У меня была роль некоего парнишки Глеба, который был хулиганом и обижал «училку-очкариху». Я эту роль играл с упоением, поскольку на сцене действительно была учительница, к которой я очень ревновал своего брата. Так что во фразу «училка-очкариха» я вкладывал столько яда, что зрители аплодировали мне на этом месте. Хорошая школа — художественная самодеятельность. Я и сейчас в свои 70 лет

снимаю ее плоды. Лечусь в прекрасном санатории «Сочи» из управления Президента. Здесь сейчас, весной, все цветет, благоухает. Песня рвется из груди, а я ее и не сдерживаю. Гуляю и пою, вполголоса, конечно, но пою. Разрешение на это получил в детстве, в кружках художественной самодеятельности.

Курс трудотерапии я прошел не только на своем домашнем хозяйстве, о чем писал раньше. Это было просто выполнение своих обязанностей. Работа в колхозе от дошкольного возраста до университетского, включая его - вот мой главный коллективный учитель труда. Недаром у меня, у столичного профессора, до сих пор на обложке трудовой книжки написано: «Трудовая книжка рыбака — колхозника!» Колхоз-то наш был рыбацкий, точнее — рыболоветский. В нем была организована одна бригада, состоящая из нескольких (около десяти) звеньев. В обязанности бригадира входило назначать звеньевых, снабжать их необходимыми орудиями ловли, организовать распределение звеньев по точкам дельты, меняя их в зависимости от результатов, организовать удобную для всех приемку — сдачу рыбы и т.п. Много лет, как раз в 50-е годы, бригадиром по рыбодобыче был отец. Вначале, когда он вернулся с фронта без руки, его определили в завхозы. Но он потомственный рыбак, и когда он привык с одной рукой жить как с двумя, пошел в рыбаки. Он грамотный по сельским меркам, да фронтовик, да рыбное дело знал с пеленок, поэтому, конечно, в бригадиры. Через рыбацкую трудотерапию прошли мои братья. Геннадий, когда бросил учебу после 5 класса, был направлен отцом в 13 лет в одно из звеньев, испытал адский труд в холодной воде, в пургу и жару запросился обратно — отец определил его на курсы ветврача. Так что до армии мой старший брат был уважаемым человеком на селе, с редкой профессией. Я помню, как он брал меня с собой, когда ходил от дома к дому весной перед началом выпаса скота и «выкладывал» скотину, превращая ее из будущих производителей в евнухов: поросята, овцы, бычки, жеребята — все под нож. Иначе мясо вонючее, и прирост малый. Никто на селе в те времена семенники (у нас говорят — яйца) не ел. Сейчас я их в большом количестве вижу на рынке. Пробовал для интереса. Готовил сам, но гостям «скормил» только под соусом «бок кита»! Юрий тоже проходил рыбацкую практику, но короткий период весельщиком в бударке. Окончив семилетнюю школу, не понаслышке зная рыбацкий труд, поступил в ремесленное училище. Сестра, а она у нас старше всех, рыбацкую долю обошла. Закончила среднюю школу в соседнем селе, короткое время работала почтальоном и вскоре уехала учиться в Астрахань. Я этот период ее жизни не помню. Помню ее уже гостьей, когда она в начале 50-х годов первый раз приехала домой с грудным еще сыном. То, что рыбацкая планида ее обошла — не странно. Были женщины — рыбацкие, но это, главным образом, в военные и послевоенные годы. Но были такие и в 50-е годы.

Меня рыбацкое крыло задело лишь слегка и приятным образом. До школы отец меня брал в рыбацкую лодку, и я заменял ему в ней ту самую руку, которую оторвали на войне. Тогда моторных лодок не было, гребли веслами, тянули «бечевой» как бурлаки (в данном случае — бурлак), помогал ставить парус и учился водить лодку на ветер под косым парусом, собирал дрова и разводил костер, согревая чай — уху отец варил сам. Мастер был. Это мастерство потом передалось и моим братьям, и мне. До сих пор внуки знают про дедову уху и спешат к деду, когда услышат о сборах. Что еще? Научился готовить икру из осетровых, сазанов, щук. Тогда сазанью икру любили, а щучьей многие брезговали. Про черную икру скажу лишь, что в детстве я ее не любил. Мне, почему-то, она напоминала скользкую лягушку. Но годам к 6-7 я ее распробовал, да и сейчас не прочь, только говорю, не надо, я ее в детстве ложками переел. Не могу удержаться от рассказа про ловлю этих самых — осетровых. Тогда это была известная тройка: осетр, севрюга, белуга. Бестер появился уже в 60-70-х годах, а стерлядь у нас практически не водилась. Так, отдельные особи — на уху, а осетровых ловили тоннами!

Для этого бригадир выбирал место — «плав». Он по каким-то своим признакам чувствовал, что в этом году осетровые будут идти, главным образом, по этой протоке (а их сотни в дельте). Тогда именно в «этой протоке» выбиралось место, длиной 1-2 км, и зачищалось на этом участке дно от всяческих коряг, топляков. В конце «плава» ставилась приемка для рыбы — большой плашкоут с прорезями по дну, через который естественным образом протекала вода. Вот туда-то и выбрасывалась пойменная рыба. Когда приемное отделение заполнялось, то приемку отбуксировывали на ближайший рыбокомбинат, а вместо нее ставили другую. Такой водный конвейер существовал всю путину, т.е. весь период, когда шла рыбная ловля.

Осетровых ловили так. Толстая капроновая сеть с большими ячейми (пролезает в ячейю самый большой кулак самого огромного мужика!) имела «стену», т.е. ширину, соизмеримую с глубиной «плава», но на 1-1,5 метра больше. Это нужно для того, чтобы сеть могла плыть по течению, перекрывая все сечение реки. Вниз эту сеть (называлась - режак!) тянули свинцовые грузила или камни из красного кирпича (таши). Сверху на поверхности воды режак удерживали специальные поплавки (балберки). Длина режака была рассчитана от берега до берега. Но он плыл не по сухому, конечно, а где-то с глубины полтора метра. Осетр на меньшую глубину не уйдет. Режак складывали специальным образом на бударку (большую рыбацкую лодку), в корму. В бударке два человека – на веслах (весельщик) и на корме (кормщик). Старший – кормщик. Весельщик начинает грести поперек реки, кормщик бросает вначале у берега «курень» - большой поплавок, который должен быть виден с другого берега. В качестве куреня часто выступали, например, выдолбленная тыква или пучок чакана, иногда – камыша. Иногда – крупный кусок пенопласта (но это уже позже!). Курень привязан к началу сети – к клячу (алка, один конец которой привязан к низу сети, другой – к ее верху). Кляч брошен в воду, сеть метр за метром бросается в реку, лодка продолжает двигаться поперек реки почти до берега, режак весь «разметался» по реке и плывет. Первая, важнейшая фаза – размёт – закончена. Как разметался (как посеешь) так и поймашь (так и пожнешь). Начинается самая спокойная, вторая фаза. Курень, кляч, режак, лодка – все плывут по течению. Эта фаза тоже очень важна. Течение поперек реки неравномерное. Весельщик должен так управлять лодкой (то натягивать сеть через подборы, то отпускать её). Он должен чувствовать, где должна быть лодка по отношению к куреню, как ведет себя режак в середине. На этом этапе, если весельщик не опытный, то кормщик заменяет его, а весельщик учится – когда грести, когда табанить, а когда «сушить» весла.

Проплыли так до конца плава. Второй этап закончился – начинается третий. Весельщик снова садится в весла, кормщик уходит на корму лодки и начинает выбирать режак в лодку, а вместе с режаком и рыбу. Бывает 5-10-15-20, а то и больше рыб. Средний вес одной рыбины 30-40 килограмм, часто попадают осетры по 60-80 килограмм, реже – более крупные. Севрюга меньше. Максимум 30-40 килограмм. Белуги – несколько сот килограммов, бывает до тонны и более. Если имеет место хороший ход осетровых, то весь режак превращается в жгут. Попавшись в сеть, рыба, естественно, не ведет себя спокойно. Она начинает биться и, как правило, цепляясь жучками, за сеть запутывается еще больше. Чтобы вытащить такие бьющиеся рыбины надо иметь навык, умение работать одной рукой, вытягивая режак, а другой темляком – большим острым крючком – врезаться в плоть рыбы в нужном месте (ближе к центру тяжести) и перевалить ее через борт. При этом в борьбе кормщика с рыбой очень важно умение весельщика. Он должен держать лодку таким образом, чтобы кормщик занимал наиболее выгодную позицию по отношению к рыбе. Только закончится одна схватка, начинается другая. В этой схватке участвует не только вторая рыба, но и первая, которая не успокоилась, оказавшись в лодке. В это время кормщик подвергается ударам тех рыб, которые уже в лодке и той рыбины, которая еще в воде. Вот это схватка так уж схватка. И она длится до тех пор пока весь режак со всей рыбой не окажется в лодке. Когда рыба очень крупная и один кормщик не справляется, то весельщик находит момент, когда можно подбежать на корму и помочь кормщику. Если же попалась белуга, то ее не вытаскивают в лодку, а сажают на кукуан (на веревку!), просовывая кукуан через жабры и рот. Затем привязывают ее в лодке. Режак и рыба в лодке или привязана к лодке – третий этап закончился. Переходят к четвертому этапу, подгоняя лодку к приемке. Там рыбу выпутывают, взвешивают, сортируют и бросают в прорези. Записывают результат в килограммах, разделяя рыбу на яловые и икранные (стоят по разному). Пятый этап – возвращение лодки на исходную позицию в начало плава и ожидание своей очереди для того, что бы все начать сначала. Расчет – в конце месяца рулонами (талонами) на хлеб, чай, муку, вермишель и прочая.

Вот так, приблизительно, ловили тогда красную рыбу (так называли осетровых). Красной, красивой, богатой называли белую по цвету рыбу! В Астрахани и сейчас ее так называют. Красная рыба – это осетровые, а красная по цвету – это лососёвые.

Помню, как мы с отцом в очередной раз делали плава, поймали довольно приличное количество рыбы, сдали ее на приемку и поплыли назад против течения в начало плава. Только мы отъехали от приемки, как я не выдержал и вылепил отцу все что я по этому поводу думаю: «Папа, ты дурак!» - ляпнул я.

Отец от неожиданности застыл, даже рот оставил открытым, а я продолжил: «Зачем ты нашу рыбу мужикам отдал и денег с них не взял?». Когда до отца, наконец, дошли мои слова, он вначале долго хохотал, а потом доходчиво объяснил, что рыба в реке – не наша, а государственная. Наш только труд. Он пообещал мне взять меня на приемку, чтобы я увидел собственными глазами, что мой труд вёсельщика не пропал даром, что за этот труд дадут мне рулоны, на которых написано, сколько килограммов и каких продуктов я могу взять в нашем сельском магазине бесплатно. Нет, не бесплатно, а за мой труд. Так я получил первый опыт материального перехода труда в реальные продукты. Хорошая школа для пятилетнего пацана. Этой школы у меня вскоре было предостаточно. Наступила сенокосная пора и отец меня отрядил работать на «сдвижку». Так у нас назывался запряженный двумя лошадьми деревянный агрегат, который собирал сено из валков в копны и свозил эти копны в намеченное место, из которых метали стога. Работа на покосе (так у нас говорили, а не на сенокосе) – очень нелегкий труд. Покос в те годы – это многоэтапная комплексная работа, в результате которой зеленая трава в июле превращалась в сухое сено в стогах. Одни траву косили. Лошадь, запряженная в сенокосилку, тянула её – эту косилку. Сегменты бегали по плашкам быстро-быстро и срубали, скашивали траву, которая ровным слоем ложилась на месте. Сенокосильщик сидел на специальном сиденье и управлял лошадью, регулировал скорость под вид травы, под её «волглость», исправлял поломки, кормил и поил лошадь, брал её поутру из табуна, а вечером, после окончания косьбы, т.е. когда роса упадет, ехал на этой лошади домой. Днем пекло. На солнце 40-50 градусов, железо раскаленное, лошадь потная, облепленная роем мух, слепней, пестрецов. Часть их них достается тебе – сенокосильщику.

Когда скошенная трава подсохнет (через 2-3 дня), то в дело вступают грабли, которые так же тянет лошадь. Грабли легче сенокосилки, поэтому лошадь идет не шагом, а бежит рысью, собирая траву и укладывая её в ровные ряды – валки. После грабель скошенное поле превращается в поле, где через 5-6 метров сухое сено лежит в валках. Затем на это поле вступают сдвижки (или волокуши – так, я слышал, кое-где называют этот агрегат). Две лошади, два седока идут по обе стороны валка, а за ними волокуша – сдвижка, которая сдвигает сено из валков в копну. Когда копна набралась нужного размера (чтобы лошади могли её тащить!), то всадники направляли лошадей на место, где предполагался стог. Довозили копну до этого места, разворачивались, вынимая сдвижку из копны, и скакали на лошадях с пустой уже сдвижкой за новой копной. Как правило, на сдвижках работали только мальчуганы. Они должны были целый день сидеть на лошади без седла, на голом её хребте, в редких случаях на подстилке, которую они клали на хребет. Взрослые такого вынести не могли. В первые дни заднее место у пацанов все было сбито, ходить было больно. Но в течение недели кожа задубевала и это уже не беспокоило, в отличие от конского пота, мух, слепней, пестрецов, комаров.

Последний этап – стогометание. Подъезжали к кучке копён, которые собрали сдвижки, на телеге мужики и бабы с вилами, которые из копён метали стога. Тоже крайне тяжелая работа – вилами цеплять и кидать кучки сена, особенно на самый верх стога. Стог – это способ хранения сена, чтобы оно не сгнило до весны, чтобы сено сохранило свое качество. Зимой, весной, когда надо было кормить скотину, к стогу подъезжали на подводах и вилами из стога перебрасывали сено на телеги (подводы), сооружая возы. Обычно, чтобы перевести весь стог, надо было отвезти около десяти возов сена к стойбищам скота. Покос – страда, от которой зависит жизнь колхоза, жизнь сельской семьи. Да еще и всё надо сделать вовремя. Траву нельзя косить раньше времени и переставать ей нельзя давать. Поэтому работали от темна - до темна. Мне посчастливилось 17 лет работать на покосе в разных ипостасях: от пятилетнего пацана на сдвижке до 22 летнего студента университета – на тракторе в качестве сенокосильщика и стогометчика! Работали не за деньги, а за трудодни и, главное, работникам сенокоса выделяли сено для домашнего скота! Так что я вполне могу себя причислить к кормильцам крупного и мелкого рогатого домашнего скота в этот период. До этого данное почетное звание носили мои братья, и я этот период Юрия и Геннадия немного помню.

На сенокосе приходилось мне - пацану, работать вместе с взрослыми. Они с охотой брали меня в свою бригаду – от работы я не отлынивал и послать куда-нибудь есть кого! В этих бригадах я учился пить водку (с устатку, после работы, или после калыма). Был благодарен отцу, что первые навыки в этом деле я

получил дома. Сколько себя помню, когда собиралась в доме компания, гулянка, мне отец всегда наливал алкоголь, как и взрослым, но пить, естественно, не заставлял и, вообще, как будто бы не обращал никакого внимания. Поскольку ребенку водка сама по себе не может нравиться – горькая, а на тебя никто не обращает внимания, то зачем пить! Так, прихлебнуть чуть-чуть – за компанию. На сенокосе мужики иногда заставляли (мол, работаешь как все, так и пей как все), но это только вначале, первую рюмку. Так я прошел алкогольные университеты без вручения диплома трезвенника, но с умением пить в любой компании, не напиваясь! Справедливости ради надо сказать, что за 70 лет 2-3 сбой все же было. Однако, все равно, по-моему, я алкогольный университет закончил с отличием. Учителя правильные были!

Колхозная трудотерапия! Да, это не только покос, рыбацкие сети, запретная добыча рыбы для засолки на зиму (бочка осетровых, бочка селедки, 2-3 тысячи вяленой воблы). В то время браконьерства, как такового, не было. Я понимаю браконьерство – это запретная ловля рыбы на продажу, а для себя – это не браконьерство, не воровство. Это способ выживания. Жить на Волге и быть без рыбы – это только лоботрясы и лентяи могли себе позволить. Вдовам – разносили рыбу. Да, по тихому, что бы власти не подводить, но ворами люди себя не считали, а общественное мнение было такое: для себя поймать и засолить на зиму-весну всяк должен обязательно. Да еще вдовам и больным помочь!

Но кроме рыбодобычи, животноводства в нашем селе в те годы активно развивалось земледелие. В довоенные годы, слышал, были сады. В послевоенные годы помню – хлопок и рис. Но вскоре хлопок исчез – не выдержал конкуренции со Средней Азией. Исчез и рис – сильно задружили с Китаем. Братья навек, риса сколько хочешь. Стали выращивать помидоры. Тепличные хозяйства, помидорные плантации, ранние сорта (маяк!), среднеспелые сорта (Волгоградский!), поздние самые вкусные сорта – каких только не было. Собирали до самого ноября. При выращивании помидоров в Астраханской области главное – полив. Делали земляные водогоны. Балиндер (существовавший после войны тип двигателя) круглосучточно тархтел на реке, подавая воду в магистральный водогон, а оттуда уже через вододелители вода подавалась на полевые водогоны, а затем и в борозды, к растениям. Для пацанов в системе поливов два вида работ. Первый – чистить от травы водогоны – где вода, там трава, сорняк, сопротивление. Срезать лопатой верхний слой с корнями огромной, выше тебя ростом, травы. Очень тяжелый физический труд. Тяжелый, но необходимый. Второй вид работы – это собственно полив, когда ты стоишь по колено в воде с лопатой и доставляешь воду до каждого корня помидоров. Здесь воду перекрываешь, ворочая мокрую землю, а туда направляешь. Все время в воде, все время ворочаешь лопатой землю. Очень тяжел труд земледельца. Так уж сложилось на земле: спел хорошо песню, умеешь забивать голы – получил сотню, собрал урожай, надоил молока, поймал рыбу – тебе рубль! Приехав в свое родное село сейчас, я могу там найти не только дома, которые были при моем детстве, но и те же заборы. Это факт, село не жалуют. Ни Господь Бог, ни правительство. Мои друзья детства лишь некоторые остались в селе или переехали в районный центр. Всюду, в школе и на сенокосе, на рыбалке, в футболе, хоккее, на сельхозработках мы были вместе: парни и девчата! Сейчас уже далеко не все живы. Наверное, в среднем, раз в год приезжаю в свое село – на кладбище к отцу. Сельское кладбище – это тот архив, который раскрывает перед тобой историю села, который вызывает многие раздумья, в том числе – как и зачем жить? Как же я любил свое село! Помню, когда учился в Саратове в университете, я использовал любую возможность сдать досрочно экзамены и умчаться на поезде в свое село. Один случай в такой поездке до сих пор возвращает меня к мысли о божественном промысле, если замешана большая любовь, точнее – преданность.

Никто не знал, что я еду домой из Саратова. Я сам еще сегодня утром не знал об этом, но почастливилось – я сдал экзамен до сессии, который не собирался сдавать. Прыгнул в поезд – утром в Астрахани. Прыгнул в автобус. Выхожу на развилке дорог за три километра от села – автобус ходил лишь в районный центр, но не в наше село. Только я вышел из автобуса, как что-то лохматое повисло на мне и покрывает мое лицо жаркими поцелуями. Огляделся – это мой пес! Почувствовал, что я приеду, прибежал за три километра на развилку дорог, где выходят все жители нашего села, находящиеся в автобусе, и встретил-таки меня. Да, так оно и было: я безгранично любил свою малую Родину, и она платила мне тем же.

Босоное детство! Счастливое!
В нем свобода – осознанный труд,
В нем любовь - неподдельно красивая,
В нем фундаменты жизни растут.

Прописалась здесь редкая искренность,
Что от сердца идет, от души!
Песни, спорт и купанье до «чертиков»
Пуп земли здесь со мною в глуши!

Босоное детство счастливое!
Злато, серебро – мутная пыль.
Это братство твое бескорыстное
Согревает всю жизнь и весь мир!

Предаюсь я счастливым рыданиям,
Забегая к тебе на минутку.
Зачерпну здесь пригоршнями прошлое,
И в душе расцветут незабудки.

Я опять полон сил и стремлений,
Я опять в этой жизни боец!
Да, Господь, ты - воистину - гений,
Как мои - незабвенные - мать и отец!

ГЛАВА 3. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Я уже говорил, что в школу меня взяли великовозрастным детиной, когда мне было почти 8 лет. На год раньше взяли моего друга, Егора Куранова. Поэтому я пытался проникнуть в школу разными путями, в том числе используя дружественные отношения моего отца с блестящим директором школы Турченко Эммой Петровной (не так давно мне представилась возможность принять участие в установлении памятника на ее могиле), но тщетно, меня в школу до 7 лет не взяли - закон не позволял. Позже я имел возможность гораздо лучше понять масштаб Эммы Петровны для нашего села, как директора, уже в качестве ее коллеги. А в школе я был восхищен ее талантом учителя. Она вела у нас немецкий язык. У меня вполне средненькие способности к языку, но знаю, что заканчивая Забузанскую семилетнюю школу, в пределах школьного материала я знал немецкий блестяще. В жизни немецкий мне не понадобился, и я, каждый раз натываясь на языковые проблемы, жалел, что Эмма Петровна вела немецкий, а не английский. В начальных классах я учился у Тамары Александровны Абрамовой. Она вела в один урок сразу и первые, и третьи классы, а потом – вторые и четвертые. Так я у нее и проучился четыре года. Мне повезло. Она любила детей, любила свою работу. Ходила к нам в село каждый день пешком из районного центра, который был за двумя реками. Потом этот путь с 8-го по 11 класс в обратном направлении проделывал я. Так что я на своей шкуре потом понял учительский подвиг. Тамара Александровна такая была не одна. Были еще 3-4 учительницы, которые жили в райцентре, а уроки вели в нашей сельской школе. Повезло еще и потому, что в один урок я мог слушать материал не только первого (второго), но и третьего (четвертого) классов. Учеников было мало, не больше пяти в каждом классе – отголоски войны. Мне было лестно, когда никто из учеников старших классов не мог решить задачу, пример или правильно написать слово – Тамара Александровна вызывала к доске меня. Мне было лестно, да, но я пытался скрыть свою гордость, вел себя спокойно, как будто ничего такого не происходило, мол, ничего особенного. Это был жест самосохранения, инстинкт вел меня по этому пути. Потому-то, мне кажется, такие действия сходили мне с рук, никто из старшекласников не пытался за это меня отлупить!

Помню, что в первом классе писали на газетах, потом появились тетради – в линейку, в полоску, в клетку. Писали пером, макая его в чернильницу.

Запомнился мне один эпизод из пятого или шестого класса. Тогда не было ни слова, ни предмета «Биология». Были «Ботаника» и «Зоология». В нашем классе должны были проводить открытый урок ботаники. Открытый урок – это значит, что на этом уроке будут присутствовать все учителя ботаники района. Как бы мастер-класс. Наша учительница так волновалась, что даже не пыталась скрыть свое волнение от нас. Мы неделю готовили какие-то наглядные пособия. Наметили всех, кто будет отвечать, какие вопросы будет задавать учитель, какие вопросы будут задавать ученики, какие возможные вопросы могут быть от гостей. В общем, показуха - во всей ее красе. А тема была связана с опытами Мичурина. Тогда фамилию Мичурина знала каждая домохозяйка. Все, кто прикасался к земле, назывались Мичуринцами. Помню финал этого урока. Учительница, в который уже раз, поднимает меня отвечать на какой-то заранее известный мне вопрос, я должен был встать и громко, четко отвечать, а в конце ответа взять «случайно» оказавшийся у меня плакат (рояль в кустах!) со словами «Нельзя ждать милостыней от природы, взять их у нее – наша задача!». Я это все провел с блеском, так что гости разразились аплодисментами. Показательный урок, оказывается – хорошо отрепетированный спектакль. Так трактует его учительское сообщество?! Почему-то этот эпизод произвел на меня такое сильное впечатление, что с тех пор я стал органически ненавидеть показуху во всех ее проявлениях. И только после появления в нашей жизни рекламы в современном виде, я сменил гнев на милость. Реклама завоевала весь мир, хотя в ее основе лежит показуха. Оказывается не все серое всегда серое - оно может и заблестеть, если за это кто-то заплатит! »Дожили!» - так говорил мой отец, когда видел торжество нелепости над здравым смыслом! И Мичурин, оказывается, не кумир, не гений, а враг, опасный враг для природы! Как же часто нами владеют крайности, а истина оказывается где-то в промежутке между двумя идеальными, почти недостижимыми точками, которые и есть крайности.

В Забузанской семилетней школе в мой период не было ни одного математика. Я тогда не знал, что люблю математику. Да, она давалась мне легко. Но как это – любит математику, да и зачем? Ответа на эти вопросы я не знал, да они и не стояли передо мной. Тогда никакой, кроме учебников, у нас литературы по математике не было, о наличии таковой я даже и не догадывался. Но в «Пионерской правде», иногда, проводилось что-то вроде конкурсов или олимпиады по математике. Я заинтересовался и часто решал эти задачки, не отправляя их, конечно. Зачем? Решил – хорошо. Не решил – плохо, надо подумать, как решить.

Но однажды я выполнил и послал какое-то задание. И через некоторое время получил очень уважительный ответ, что, мол, спасибо, Вы хорошо решили задачи, кроме такой-то. И указывают мне на мою ошибку и приводят правильное решение. Это произвело на меня сильное впечатление. Я был уверен, что задачу я решил правильно. Ведь суть задачи – надо провести сложение чисел, они все положительные и их бесконечно много. Ведь очевидно, думал и писал я, что если складывать положительные числа, то получится все большее и большее число, и если слагаемых бесконечно много, то и сумма будет бесконечно большой. «Пионерская правда», отвечая мне, сельскому пятикласснику, привела простой пример, что если я возьму отрезок длиной в один метр и разрежу его пополам, то получу два отрезка, общей длиной 1 метр. Если я оставляю в покое одну половинку и разрежу вторую половинку, то получу уже три слагаемых, в сумме дающих 1 метр. Если я эту операцию продолжу, то у меня все равно в сумме будет 1 метр. Сколько я могу продолжать эту операцию – да сколько угодно, бесконечное число раз, а в сумме я все равно получу 1 метр. Дальше они написали, что многие разделы математики связаны с умением складывать бесконечное число бесконечно малых чисел и об этом надо читать в специальной литературе. Я был поражён, нет, не подавлен, а поражён. Целые разделы математики образуют науки на умении складывать бесконечно большое число чисел? Мой сельский, колхозный практицизм бунтовал внутри меня. Зачем это нужно? Разве это может быть полезным обществу? К моему счастью, в седьмом классе у нас в селе появился профессиональный учитель математики Роза Акимовна Капкаева. Она на пальцах объяснила мне основы математического анализа, я понял, что я ничего не знаю, а если хочу знать – надо учиться. А нужно ли это людям? А как же, говорит она. Без этого невозможно было бы построить самолет. Ведь он тяжелый, а не падает. А знаешь почему? Потому что его делали люди, которые умели складывать бесконечное число бесконечно малых чисел. Этого ответа мне оказалось более чем достаточно. Может быть, поэтому я закончил механико-математический факультет университета по специальности гидромеханика и аэродинамика. Но это много позже. Сейчас же, в седьмом классе, Роза Акимовна мне давала индивидуальные задания, занимаясь с остальными пятью учениками. Роза Акимовна – мой первый учитель, который показал мне, что математику можно и нужно любить.

В восьмом классе я уже стал ходить в районный центр – Красный Яр, где была средняя школа. В нашем селе была семилетка. Пришел я туда отличником, по привычке уже к пятеркам, а тут тройки-четверки. Но не запечалился я – некогда было печалиться. Во-первых - вставал в пять тридцать утра, плотно завтракал. Знал, что обедать буду в ужин. И километра 3-4 вдоль берега реки до парома. На пароме переправляешься на другой берег и полчаса до школы топаешь. В хорошую погоду - еще ничего, а вот в непогоду – не очень! В дождь, слякоть, ветер, шторм, волны, тучи, мороз не только не комфортно, но много дольше приходится добираться из дома до школы, а потом обратно. Приходил домой – надо хозяйственные дела делать, уроки делать некогда. Научился делать уроки на ходу, на пароме. А еще захватила меня школьная жизнь. В районном центре она значительно разнообразнее. Здесь и соревнования по всем видам спорта (футбол, волейбол, баскетбол, легкая атлетика, настольный теннис, шахматы). Здесь и хор, сольное пение, стенгазеты, школьные вечера, девочки, танцы. Ничего не пропускал! Приходил домой часто поздней ночью – на последнем пароме (в 22 часа - последний!).

В средней школе, где я стал учиться, было два восьмых класса. Один из них, где был и я, был сборный, из разных сел района. Большинство сел были далеко от райцентра, поэтому они жили в интернате, а я хоть и из другого села – ходил домой. Сборный класс – значит, каждый со своими привычками, сельскими особенностями. Все мне было интересно, тем более меня выбрали секретарем комсомольской организации – жил молодежной жизнью на полную катушку. Как то даже слетел с катушек – не я один, но это слабое оправданье. После школьного вечера, где танцевали до упада, не было сил прерывать веселье,

пошли гулять по райцентру большим коллективом. Обсуждая маршрут, решили пойти на кладбище, мол, не трусы мы. Кладбище за селом, пока дошли туда - толпа поредела, девчонки все рассыпались, и нас осталось где-то 5-6 человек. Ну, подшучивая, подбадривая друг друга, прошли по кладбищу. Со мной это было впервые: ночью на кладбище. Могилы будто вырастали под носом. Но на миру и смерть красна, а смерть не наступила, покойники за нами не гнались и в белых балахонах нигде не мелькали. Уходя, вошли в раж, захватили с собой с кладбища какой-то крест, который валялся рядом с могилой. Несли его с кладбища в райцентр по очереди – тяжелый такой. Сколько же можно нести, пора ответить на вопрос, а зачем мы несем? Что мы с ним будем делать? Ответа не находилось, но потом он пришел сам собой: давайте его поставим у ворот какой-нибудь учительнице, самой-самой... Выбор пал на ту самую Веру Яковлевну, которая когда-то вела в Забузани химию, будучи географичкой. А сейчас она здесь, в райцентре, вела географию.

Скандал вышел серьезный. Похлеще, чем в кино «Доживем до понедельника». Оказывается, в этот день у Веры Яковлевны ночевала старушка – мать. Она рано поднялась, стала выходить домой, открыла калитку, а крест-то и упал на нее. Старушка повалилась вместе с крестом с криками. Прибежала Вера Яковлевна, скорая помощь и все такое. Утром приходим в школу, идут уроки и вот на третьем или на четвертом уроке открывается дверь и в класс входит разъяренный директор школы Тяпугин Владимир Сергеевич вместе с Верой Яковлевной Барановой. Дальше как в том самом кино: выходите, я все равно узнаю, кто это сделал. Мы вышли – это были лучшие ученики, цвет класса, гордость школы. А там уже была задействована милиция, привезли наших родителей, в том числе мою маму из другого села. События раскручивались в согласии с детективным жанром. Когда мы вошли в курс дела, прояснили для себя детали, то выбрали линию защиты: на кладбище были, крест валялся бесхозный, мы его несли, а потом бросили. Тяжелый очень. Дальнейшую судьбу не знаем. Директор топал ногами: признайтесь, просите прощения, тогда, может быть, и не выгоним из школы. Но мы стояли насмерть – ввали, глядя честными глазами. У нас оказалось алиби – крест утром обнаружили после Веры Яковлевны у соседнего забора, где жила другая учительница – немецкого языка. А ее сын Володя Напалков был в нашей компании. Мы поняли, что Вера Яковлевна, в пылу злобы взяла и отнесла крест соседке. Но она- то в этом точно не признается. Когда до директора дошло, что проступок учителя еще хлеще проступка учеников, он замял это дело и все обошлось. Только вот что с совестью делать? Ввали усердно и искренне. Моя мама не на шутку перепугалась за меня. Родители точно знали, что поставили крест мы, кто- то из коллектива проболтался дома. Она была в школе, думала, что вырастила честного, порядочного сына, а он врет в глаза, да еще ухмыляется, пытается свалить все на бедную Веру Яковлевну. Отец дома разборку не делал, только сказал матери: «успокойся, с кем не бывает». Он верил в меня. Даже эта некрасивая история не поколебала его веру в меня и я это ценил и буду ценить до конца жизни!

А вот тройки-четверки я и сам знал, что это не дело. Но и здесь вскоре все устаканилось, я привык к новому режиму, к новым требованиям и пятерки появились. Во всяком случае, школу закончил с медалью, правда – с серебряной. И это тоже была для меня поучительная история.

Четверку мне поставили за сочинение. Наши учителя поставили пятерку и тогда мне должны были дать золотую медаль. А эти медали были квотированы. Поэтому по такому случаю в районные школы присылали инспекторов из ОБЛОНО (областной отдел народного образования!) для окончательного решения. Как мне говорили, тема была раскрыта прекрасно (забыл тему сочинения), не было ни орфографической, ни синтаксической ошибок. Директор школы был равнодушен к нашему классу, эти сведения он сообщил мне по секрету и был убежден, что все будет в порядке. Не помню, чтобы я рвался к золотой медали. Совсем не прочь был получить хоть какую-нибудь, поскольку тогда были льготы медалистам при поступлении в ВУЗы, а именно: при прочих равных предпочтение отдавали медалистам. Инспектор ОБЛОНО вызвал меня к себе и стал со мной разбирать мое сочинение, указывая мне на стилистические ошибки, о которых доселе я понятия не имел, поскольку о них учителя никогда не говорили. Только тогда, когда инспектор показал мне, что у меня часто используемое в предыдущем предложении слово, использовалось и в последующем, я понял, о чем идет речь! Мне поставили четверку и выдали серебряную медаль, а я всю жизнь был благодарен инспектору за мой стилистический промах. В моих научных статьях

в первой редакции незаметно для меня таких ошибок было много, и я всегда на этот предмет перечитывал свои статьи, исправлял свой стиль, борясь со стилистическими ошибками, как, впрочем, не только в научном тексте.

За долгие годы в нашей школе оказались медалисты. Нас было трое: Трубачева Зоя, Могучева Люда и ваш покорный слуга, Куранов Николай – у всех серебряные медали.

И все-таки я должен признать, что учеба у меня была на втором плане. На первом был коллективизм во всех его проявлениях: спорт, самодеятельность, комсомольская работа, любовные увлечения.

В период учебы в районном центре я участвовал во многих соревнованиях по разным видам спорта. Наши школьные учителя Павел Иванович и Михаил Степанович были одновременно и тренерами. На соревнованиях по футболу мы ездили в другие школы, села, районные центры, в Астрахань на областные соревнования. Ездили в кузове на машинах, либо на баркасах. Нам выдавали форму, кормили, вручали грамоты. То же самое – по волейболу и баскетболу. Просто по футболу чаще, поскольку я играл не только за сборную школы, но и за сборную районного центра и за сборную района. В начале, в восьмом классе, я был вратарем, но однажды, когда я бросился под ноги нападающего, чтобы прервать атаку, то получил удар в солнечное сплетение, потерял сознание. После этого я уже всю жизнь играл хавбеком или центром нападения. Зимнего футбола тогда у нас не было – был хоккей. Причем – русский хоккей. Тогда не было телевизоров, и канадский хоккей мы не видели и не знали. Знали русский хоккей, где играют на таком же большом поле, как и в футбол, играют короткими клюшками с загибом. Очень скоростная красивая игра. У меня до сих пор на ноге шишка, которую получил в игре в хоккей: конек соперника вошел в мои мышцы ноги, проткнув ее почти насквозь. Конёк вынули, а швы не наложили. Так и образовалась полость, которую заполнила лимфа, образуя шишку. И сейчас еще жена пугается – эта шишка как живая, то появляется, то исчезает.

В этой школе я страстно полюбил шахматы – появились серьезные соперники. Помню одного из основных соперников – Цибулина Виктора. Он ничем, кроме шахмат, не увлекался. Они для него были всем и всюду. Он читал шахматную литературу, разбирал партии, решал шахматные задачки, этюды. Он жил шахматами и не мог им изменить ни с чем и ни с кем другим. Я у него многое почерпнул, научился любить в шахматах и этюды, и задачи, и разбор партий гроссмейстеров. По жизни у меня мало было возможностей играть в шахматы, но если была хоть малейшая возможность, я ее всегда использовал. Кроме школьного - был у меня шахматный период в два месяца в Сирии, где я работал в качестве эксперта-консультанта при выборе площадки для атомной станции близ города Алеппо (Халеб). Все свободное время я там отдавал шахматам и как бы насытился ими, играя всю жизнь от случая к случаю. Удивительно, но свою любовь к шахматам я не смог передать никому из детей. Только племяннице Наталье Геннадьевне, которая была в свое время чемпионкой района. Много сил в школе отдавалось легкой атлетике. У меня «коньком» были бег на длинные дистанции (от 400 м), прыжки в высоту (1,6 м), прыжки в длину (5,95м), пятиборье (бег на 100 м., кросс, метание копья, прыжки в длину и высоту). Тренироваться было некогда, только на уроках физкультуры и сразу на соревнования. Пожалуй, на втором месте по занимаемому времени, была художественная самодеятельность. Мне нравилось петь в хоре. Михаил Михайлович Белоусов блестяще играл на баяне и прекрасно руководил хором. Я млел от трехголосья, да и от двухголосья тоже. До сих пор в ушах звенит у меня мощное: «Ленин, всегда живой, Ленин, всегда с тобой, в горе, надежде и радости» или прелестное: «Дождик чистый дождик частый, приходи к нам в добрый час ты». Михаил Михайлович несколько раз организовывал мне сольное пение по районному радио: «Когда после вахты гитару возьмешь и тронешь струну за струной!» или « В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой, Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой».

Конечно, пели на концертах в школе, на Олимпиадах художественной самодеятельности, которые раз в году устраивались в районе. Люблю петь, пою про себя, мурлычу, в полголоса, в голос. Не люблю петь в микрофон. Мне кажется, без микрофона лучше. В драмкружке участвовал мало – последний паром уходил в 10 вечера, домой не попадал. Да и танцы – пляски поэтому бросил, ребята тренировались каждый день и допоздна, готовясь с концертами в Москву. Но в конкурсе чтецов, конечно, участвовал. До сих пор мне дорого мое первое место за чтение письма Онегина к Татьяне: «Нет, поминутно видеть Вас, повсюду

следовать за Вами, улыбку уст, движение глаз ловить влюбленными глазами...». Как же важно все это иметь в детстве, в юности. Это делает тебя свободнее, увереннее в разных обстоятельствах. А как обогащает! Ведь прикоснувшись, пусть боком, пусть неумело, оно – искусство – так или иначе, проникает в тебя, разбрасывая свои семена. Где-то и проростало! Не потому ли сейчас, в свои 70 лет бывший деревенский парнишка наибольшее удовольствие получает в Большом зале консерватории, где Чайковский, Скрябин, Прокофьев, Шнитке. Если «семена» разбросаны в детстве, то вероятность того, что что-то из этого вырастет – велика!

Комсомол! Сейчас у молодежи от этого слова скулы сводит, усмешка появляется или, у наиболее «воспитанных», какое-то подобие жалости к бывшим комсомольцам. Мол, вы не виноваты, вас же заставляли! На это можно ответить: «Никто нас не заставлял, мы сами туда шли». Можно, конечно, сказать и так: «Да, заставляли, потому что механизм вовлечения молодежи в комсомол был так отлажен, что нужно было проявить не только гибкость, но и храбрость, чтобы не оказаться в комсомоле». И то, и другое – верно, но суть, т.е. правда, совсем не в том.

Нам, жившим в то время, прошедшим эту школу, как ни крутись, проще ответить на основной вопрос, касаемый комсомола: «А нужна ли молодежи массовая организация?». Мой ответ – безусловно. Давайте посмотрим вокруг себя, на время, которое нам сейчас выпало. Невооруженным взглядом видно, что мир стал жесток, новое время более жесткое, чем прежде. В нашей стране это, конечно, объясняется отказом от социализма. Жизнь показала, что социализм беднее, но гуманнее, комфортнее в нем жить. Главное, что определяет это – не надо было бегать за деньгами. Условно, образно говоря, при советской власти деньги бегали за человеком, чтобы он достойно жил, а сейчас – человек бежит за деньгами, чтобы жить! Хорошо бегаешь – много денег, устал, упал – ты нищий. А греховная сущность человека толкает и толкает его – беги, беги, беги. Счастья нет ни у того, кто «бежит», ни у того, кто «упал». При капитализме люди богаче, при социализме – счастливее. А ведь хочется человеку быть и богатым, и счастливым. Человек, кроме того, стадное, коллективное существо. На миру ему комфортнее. На миру, в организации жестокость прячется в греховный отсек человека, а на место нее приходит взаимопомощь, поддержка друг друга. Отсюда следует, что комсомол при социализме менее необходим, чем сейчас. Нет у меня сомнения, что если бы по взмаху волшебной палочки современная молодежь была объединена не формальной, а реальной, как трудовой коллектив, организацией, ей бы легче жилось. Только как это сделать, и что это должна быть за организация – вот вопрос, на который я, конечно, не знаю ответа.

Написал и понял, что я весь пыл свой, как паровоз, выпустил в гудок. Такая организация ведь уже есть, и она отражает современность, ее чаяния, ее возможности и называется она интернет! К тому же, он всевозрастного и всемирного характера! Все, я спокоен, комсомол умер, комсомол с другим названием жив. Устаканится, наберется опыта, отшлифует новые формы интернет и люди станут счастливее, чем сейчас. Да он уже и в таком виде многих сделал счастливее. Жаль, что за деньгами все время нужно будет бегать! А если настанет такое благоденствие, что бегать за ними не надо будет, то это уже будет называться коммунизмом. А коммунизм мы как раз и строили. Это был клич, для детей, а играть в построение коммунизма приходилось и взрослым. Одним из первых шагов на пути от социализации к коммунизму Никита Сергеевич Хрущев наметил в виде стирания грани города с деревней. Рассуждал прямодушно, как ребенок: сельский человек устает на работе так же, если не больше чем городской. Надо сделать так, чтобы приходя с работы, он брал в руки книгу, шел в кино, в кафе и культурно отдыхал. А сейчас он приходит домой с работы и впрягается в домашнее хозяйство – куры, овцы, свиньи, корова, огород. Когда же ему отдыхать-то? Что надо сделать – запретить ему иметь это хозяйство. И одним росчерком пера все производители продукции – крестьяне назавтра проснулись потребителями. Вскоре полки магазинов опустели, колхозы не справлялись с директивами партии и правительства. Нам, детям комфортно было жить, ощущая себя таким строителем коммунизма, которые в нем будут жить. А вот как жилось людям, прошедшим и голод, и холод, и войну? Которые понимали, что это детский лепет, который способен снова загнать семьи в голод. Помню, как отец преподавал мне, строителю коммунизма с красным галстуком, урок философии, показывая, что материя первична, а Хрущевские байки – вторичны. Это произошло вот как: образованная из сельской швали комиссия, обходила крестьянские хозяйства – на предмет отыскания лишней

скотины. Отец посадил меня в погреб с ягнятами. Они только что появились на свет, оказались лишними и, в соответствии с приказом, должны были быть уничтожены. Для меня это был первый факт явного саботажа против советской власти, в котором я принимал личное участие. Причем не под нажимом отца, а по «идейным» соображениям. Я, пацан, сельский пацан, понимал, что сначала надо создать условия, чтобы после работы крестьянин только книжки читал. А если условия будут, то крестьянин и сам решит, что ему интереснее – книжку читать или корову доить. Очень убедительно отец показал мне, что какие бы авторитеты, что бы ни говорили, но человек должен думать и своей головой, пропускать через своё я все, что услышал. На веру можно принимать только Божье, а вот с этим и у меня и у тебя, говорил отец, не очень. Он не любил «поповское отродье», не принимал его, считал их лоботрясами, лентяями, что Богу они совсем не нужны, раз он все видит и знает. Поддерживал мой воинственный атеизм. Политические, религиозные диспуты в нашей семье не то что бы поддерживались. Они велись само собой и не только на эти темы, а на любые, чаще житейские, иногда философские. Не диспуты как таковые, а споры. Мы, братья, горячились, отец тоже, но сдерживался. Мама внимательно слушала, почти никогда не принимала участия, только время от времени, вставляя: «Да хватит вам, замолчи, успокойся» - это она обычно говорила мне. Я был заядлый спорщик! По сути, это были и не споры, а некоторая форма обсуждения той или иной проблемы. Горячо, заинтересовано, с желанием донести и убедить в своей правоте. Такие диспуты возникали почти всегда, когда четверка мужчин собиралась в доме. На столе – карты. Подкидной дурак – самая любимая игра. Она не только не мешает спорам, обсуждениям, а провоцирует их. Провоцирует, почти всегда, предсказуемой развязкой. Расслабление в дебюте, напряжение в миттельшпиле, и молниеносная развязка в эндшпиле. Нет, неправильно, шахматная терминология при игре в дурака никогда не применялась. Начало – спокойное, еще не прошли впечатления от предыдущей партии, затем напряжение нарастает и в конце игры – взрыв эмоций, кто – то что-то сгоряча не то сказал, завязывается полемика, переходящая в тот самый спор, который идет уже совсем не на ту тему, тему спровоцировало слово, а дальше непредсказуемость.

Ведь куда уведут эмоции - сказать невозможно, но в пылу споров уважение к «соперникам», особенно к отцу – безусловное. Уважение – да, а правда, истина часто остается у каждого своими. До сих пор удивляюсь и радуюсь тому, что в далеком сельском селе я называл родителей на Вы. Меня, конечно, никто этому не учил. Думаю, причина этого - раннее чтение и глубочайшее уважение к родителям, а так же наша взаимная любовь. Они вели себя так, что я не мог даже подумать «тыкать» родителям. Когда я вспоминал об этом среди своих уже возрастных друзей и коллег, то мне все в один голос говорили, что это плохо. Получается, что родители тебе не друзья, не близкие люди. Совершенно не согласен. Не друзья, конечно. Они родители, и это совсем не ниша друзей. Для меня родители другое, чем друзья, что-то связанное со святостью и всепоглощающей любовью. Не друзья, но бесконечно близкие люди.

Среди тем, которые обсуждались за карточным столом, была и тема любви. Отцу было интересно знать, в каких амурных садах пребывает его сын. Мама считала, что об этом вообще не стоит говорить, это вещи интимные и вслух не произносятся. Отец все пытался меня расколоть, а я, как мог, уводил разговоры к Пушкинской «Капитанской дочке», Каверинской «Два капитана», к Толстовской «Анне Карениной», «Воскресенью», «Война и мир». Зная, что родители любили эти произведения, были во многом не согласны с авторами и между собой. Это был беспроигрышный вариант. Если мне удавалось увести ответы на отцовские провокационные вопросы на Наташу Ростову, то я избегал лжи, недомолвок. Но, впрочем, не особенно я маскировался. Говорил, что можно было говорить, и молчал, о чем в любовных темах говорить нельзя. Нет, нет, у меня, конечно же, в школьные годы не было того, что сейчас называется «заниматься любовью». Я был не то что бы стеснительным мальчиком, скорее – возвышенным, воспитанным на лучших произведениях и кинолентах. Любовь для меня была теми райскими кущами, которыми следует любоваться, а не жить в них. Взгляд, движение головы и плеч, глаз, улыбка, правильный ракурс точеных ножек, деликатность в отказе поцелуя, неожиданность соприкосновения рук – все это трогало меня, уносило на седьмое небо, в те самые райские кущи. Этого мне было достаточно. Если сюда добавить еще и жаркие поцелуи, то получим набор волнующих любовных элементов, которые даровали мне школьные годы. Думаю, что я сам давал меньше, чем получал. Долгое время для меня знаком внимания к девочке

было догнать, ущипнуть ее. Два эпизода в моих любовных проявлениях до сих пор заставляют меня краснеть, когда я их вспоминаю. Один – в седьмом классе, когда я свою любимую прижал к какой-то стенке и в любовном экстазе обрезаю ей косу обычным куском стекла, который подобрал на улице. Реакция была для меня совершенно неожиданная (а чего можно было ждать?): ее родители, учителя, вызов моих родителей, педсовет. Ох, и наслушался я о своих бандитских наклонностях! Только отец понял, что это любовь! Другой случай – в восьмом классе. С моей любимой мы сели на каком-то уроке на задней парте. Сидели мы не на стульях, а на скамейках. Мы тихо флиртовали друг с другом, не обращая внимания на учительницу, на урок. Нам было дело только друг до друга. Уже не зная куда развивать наши отношения дальше, как получить больший кайф, я вдруг, неожиданно не только для нее, но и для себя, убираю из-под нее скамейку и она падает назад. Да падает как-то неуклюже, платье задралось ей на голову, трусики на долгие секунды представились перед всем классом, который обернулся на грохот. Ребята все заржали, девочки кинулись бить нас книжками, учительница была в ярости, выгнала меня из класса: «И чтобы без родителей завтра в школу не являлся». Стыд за свои деяния я почувствовал позже. К моему удивлению, девочка не стала относиться ко мне хуже, а вот я к ней охладел. Почему? Не знаю – охладел и все. Таковы превратности школьной любви. Эти поступки – исключения, из того самого арсенала, при котором даже за убийство оправдывают: совершил в состоянии аффекта! В данном случае – любовного аффекта!

Сейчас, будучи уже дедушкой шести внуков, могу с уверенностью сказать, что в школьные годы мне удалось сохранить любовь как явление на довольно высоком пьедестале. А это было не так-то легко. Сначала одна девочка (да уже девушка!) закидывала меня такими любовными письмами, что я проникся глубиной ее чувств, сам не имея к ней никаких, и осторожно, деликатно сумел развести эту ситуацию без всяких последствий для нее. Для меня-то последствия были очень важными – я приобрел серьезный опыт говорить «нет», да так, что это «нет» не убивало, а лишь слегка ранило. Этот опыт мне вскоре пригодился – еще в школе. Замечательная девочка из младшего на год класса в течение полугода – не меньше – засыпала меня письмами, приглашала на свидания в интимных местах, посылала за мной подружек, чтобы они привели меня. Но я уже умел говорить «нет» и с ней сохранил прекрасные отношения. А любил и встречался – целовался я только с теми, кто нравился мне.

С какой же теплотой вспоминаю я школьные годы, особенно годы учебы в райцентре. Жил полной жизнью, на полную катушку. Ценил каждую минуту. Ведь много отнимала дорога, а хотелось и того, и этого, и вон еще того. Молодость много чего не знала, зато могла! Зимой было по проще. На реках вставал лёд, и можно было напрямик через две реки и остров перебираться из дома в школу. Экономия времени часа полтора в одну сторону. И не надо бояться, что уйдет последний паром, а домой не придешь – родители с ума сойдут. Было такое однажды, когда с уроков нас отвезли работать на колхозные поля, а забрать оттуда забыли. Пока родители из Красного Яра хватились своих детей, пока нашли виноватого, пока привезли нас из колхоза в райцентр, время уже позднее, паром закончил свою работу. Я стал бродить по берегу и нашел привязанную на веревку лодку. Отвязал ее и без весел стал грести дощечками из настила. Кое-как перебрался через две реки, добрался до дома – дома паника. Отец с матерью отрядили братцев искать меня в районном центре. Они взяли моторную лодку, да впопыхах наделали в ней пожар – бензин, все-таки. Что делать – вернулись домой, а тут и я прихожу. Родители-то обрадовались, что живой остался, а братья - чуть не прибили.

А зимой - красота, всего около часа ходьбы, но весной и осенью - опасно. Но молодость опасности скорее любит, чем остерегается. Зимой я часто приводил к себе домой многих моих друзей. Моим родителям это нравилось, они были хлебосольны и многие мои одноклассники из райцентра познакомились с ними, а они любили расспрашивать меня о них. Тепло школьных лет греет меня до сих пор. Раз в пять лет мы собираемся все вместе «на козьем бульваре» - так называлось одно из любимых наших мест на набережной. Здания нашей школы уже давно нет, учителей тоже. В 2014 году было пятидесятилетие со дня окончания школы. Мне удалось встретиться с Забузанскими друзьями (Куранов Егор, Осьминин Николай, Михин Михаил, Акубасов Кайдар) и одноклассниками из Красного Яра. Часть осталась жить и работать в Красном Яру (Малетин Семен, Онищенко Евгений, Абушаева Эльвира, Кабирова Аля). Из Питера приехали Пьянов Валерий и Лебедев Николай, из Серпухова – Альмамбетов Владимир, из Омска – Назаров

Сергей, из Тихорецка – Куранов Василий, из Магадана – Нарядчина Галина. Вино лилось струей, песня лилась рекой под баянную трель Пьянова, воспоминания хлынули лавиной. На другой день ездили на цветение лотоса в дельте Волги у Каспия. Почли память ушедших, пожелали здоровья живым. Тепло школьных лет живет и греет душу в любую жизненную погоду и непогоду.

Торопим мы взрослость – куда и зачем?
На это не ищем ответа.
Но к школьным годам возвращаемся все
Из юности черпать советы.

Ведь были мы веселы и так чисты,
На все нам хватало время.
И бесшабашными были, и были горды,
Что к коммунизму идет наше племя!

Куда закатились, куда вы ушли
Мои незабвенные школьные годы?
Неужто высокое – только мечты,
И оно, то, высокое, нынче не в моде?!

Но как б не менялись жизнь и судьба -
В душе уголок сохранился,
Где то, настоящее, все же живет!
Там школьный звонок притаился!

ГЛАВА 4. МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Отремел школьный вальс выпускного вечера. Неславшие, утомлённые возвратились мы с реки, по которой на катерке с песнями встретили зарю. Надо прибрать после себя в школе и вперёд, в новую жизнь! Велика Россия и мы – в Москву! В Москву - это эксклюзивное моё решение, которое выросло из объявления в газете «Комсомольская правда». В МГУ экзамены начинаются на месяц раньше, чем в других ВУЗах Советского Союза. Это сделано для того, чтобы не поступившие в МГУ (конкурс туда огромный и контингент идёт сильный), имели возможность сдать документы в другие ВУЗы. Я чувствовал, несмотря на медаль, что из сельской школы в ВУЗ прорваться будет непросто. Поэтому – почему бы и не иметь лишнюю попытку и опыт сдачи вступительных экзаменов. Ограничение только с материальной стороны: ведь до Москвы ещё надо доехать. Родители наскребли финансы, набили полный чемодан продуктов (деньги были только на дорогу!), так что материальное воплощение идеи состоялось. Идея имела и вторую сторону. Мне надо было обязательно поступить в этом году (ведь я великовозрастный!). Причём – в университет, там были военные кафедры. Тогда на них было гонение, так что почти из всех ВУЗов брали в армию. Конечно, приняв решение, я не молчал в «тряпочку», а провёл агитационную работу, в результате которой в Москву мы отправились коллективом: Ветлугин Владимир, Назаров Сергей, Куранов Василий, Трубачёва Зоя и я. Вот этот-то коллектив, после зачистки следов выпускного вечера, сразу прыгнул на рейсовый автобус Красный Яр - Астрахань, а там на поезд, который я «вживую» увидел первый раз в жизни.

Помню свои первые впечатления о Москве. Их можно назвать одним словом - удручающие. О Москве я слышал по радио, видел в кино, читал в газетах. И, конечно, у меня были самые возвышенные представления о Москве. Скорее – не представления о Москве, а ощущения. Ощущения чего-то великого, грандиозного, недоступного. А тут, выйдя из вагона, видим на вокзале нашенскую потрёпанную публику, мусор как у нас в районе. Только дома повыше, да машин побольше. Про метро много слышали, стали разбираться: станция «Университет». Разобрались быстро. Ничего сверх естественного, но уже ближе к тому, что следует отнести к столичному!

И вот мы уже у главного здания МГУ, читаем объявления о приёмных экзаменах, о сдаче документов, об общежитии. Задумались, а куда, собственно, надо сдавать документы, кем мы хотим стать. До сих пор в голову не приходило, что в МГУ факультетов, профессий много, а о них мы не имеем никакого понятия. Я понял свою полную неподготовленность - не знаю, кем хочу стать! Получается, что хочу стать студентом университета, и чтобы не взяли в армию! Надо подумать, но думать некогда. К МГУ мы приехали ранним утром, абитуриентов ещё не пускают в здание, а «по нужде» прижало очень. Мне уже стало не до экзаменов, стал кидаться то в одну, то в другую сторону. Ребята за мной - боялись растерять друг друга. Инстинкт говорит, что надо держаться вместе, так безопаснее. Нашёл я какую-то стройку, выбрал место у подъёмного крана, справил нужду и сразу понял: «Всё, деревня кончилась, начались заботы: даже «нужду справить» и то – проблема». Не зря запрещённый Есенин говорил: «Потому что хочу я в уборную, а уборных в России нет!». Не придавал, не понимал я истинный смысл этих строк. А Есенин знал, что писал - сам из деревни.

Однако обстоятельства требовали быстро справиться с меланхолией. Открылись для нас двери в МГУ, и нам предстояло сделать свой выбор. Из всех слов о специальностях, которые я прочитал на стенде, для меня знакомое было только «механика». Ну, думаю, механик в нашем селе - уважаемый человек. Но неужели он в университете учился? Трубачёва выбрала химический факультет, Ветлугин - геологический факультет, а мы втроём-механико-математический. Разобрались по специальностям, разошлись по общежитиям. Помню, мы втроём - Сергей, Василий и я жили в одной комнате на шестнадцатом этаже в Главном здании. До первого экзамена - письменная математика - оставалась ещё неделя. Купили справочник для поступающих на мехмат МГУ и целую неделю штудировали по этому справочнику. Многие открыли для себя, в том числе некоторые разделы математики, которые мы тогда в школе не изучали - это пределы, производная и некоторые сведения из комбинаторики.

Оглядываясь назад, мне кажется, что за эту неделю нам удалось поднять свой уровень прилично,

как за год в школе. Тем не менее, письменный экзамен мы написали плохо и, забрав документы, простились с МГУ. Дальнейшая сдача была бесполезна. Мы знали, что даже некоторые абитуриенты, сдавшие все экзамены на «отлично», могли не стать студентами.

Так завершился наш десант на Москву. Вряд ли его можно считать провальным. Имея этот опыт, мы через месяц вновь сдавали экзамены и Зоя Трубачёва поступила в Грозненский нефтяной институт, Сергей Назаров - в Волгоградский политехнический институт, а я - в Саратовский университет на тот же механико-математический факультет. Со мной сдавали экзамены ещё Василий Куранов и Владимир Ветлугин, но им чуть-чуть не хватило баллов. Так судьба развела всех по своим дорогам.

Моя дорога лежала в город Пугачёв Саратовской области, где мы, абитуриенты, работали месяц на стройке, а потом - город Саратов, университет имени Чернышевского, механико-математический факультет, специальность - механика. На первых порах с общежитием не получилось, сказали: жди, дадим. Ждать было где. В это время в Саратовском индустриальном техникуме учился мой брат - Юрий. Он там оказался после армии, точнее - флота (водолаз!). Решил учиться. Поступил в этот техникум, где было полное обеспечение - одевали, обували, кормили, поили, давали место в общежитии. В комнате, где он жил, было ещё человек 12-13. Это были уже взрослые дяди, после армии, многие из них на ночь задерживались у подруг, так что мне всегда выпадала койка. А не выпадала - спал на полу, но это было редко. Кого не было и утром, то за них на завтрак ходил я. Помню, как на меня косились, когда при входе в столовую я называл часто разные фамилии, которые отмечали в списке.

Так что Юрий Петрович мне в самый сложный адаптационный период в Саратове предоставил и стол, и дом, и работу, т.е. подработку. Брал меня с собой на разные работы, куда приглашали «индустриков» в выходные или ночные смены. Особенно запомнилась мне работа грузчиком на винзаводе, где расплачивались не только рублём, но и кружкой ликёра из цистерн в цехе. Во время совместного проживания в Саратове мы с Юрием старались проводить свободное время вместе. Бывали на катках, в банях, в театрах, в кино. Вдвоём или с нашими девушками (не в банях, конечно!). Для меня тогда многое было впервые: первое общежитие, первый ресторан, первая общественная баня (а у нас в селе была своя!), первый каток (на селе была замёрзшая река), первый оперный театр. Первая опера у меня была «Кармен». Кроме Юрия, со мной была красивая девушка из «индустриков». Опера казалась мне волшебством. На моих дорогах потом было много опер в Большом театре, Миланская - Ласкала в Шанхае, Венская опера, Пражская опера, Мариинка и т.д., но такого сильного впечатления как первая «Кармен» в Саратовском оперном театре не оставила ни одна! Что значат первые впечатления! Я до сих пор в путешествиях избегаю «второго», точнее «последующего» просмотра. Стремлюсь к новым и новым местам. Они на меня оказывают гораздо большее впечатление. Точно знаю, что мне интереснее оказаться, например, в Нарьян-Маре, где я никогда не был, чем в Париже на Елисейских полях. Конечно же, и роль нравившейся мне девушки не стоит принижать, хоть мы с ней вскоре расстались по её инициативе. Она сказала, что университетская ниша не для неё. У неё есть парень в «индустриках», она благодарна мне за впечатления, но боится потерять того, своего. Мы расстались друзьями. С оперным театром в тот период меня связывает встреча с Юрием Алексеевичем Гагариным. Он тогда только-только стал отходить от международных рукоплесканий и, наконец, нашлось время, чтобы отдать дань прошлому в своей судьбе. А он был когда-то студентом Саратовского индустриального техникума, куда и приехал с визитом. «Индустрики» и все Саратовцы горячо встретили Гагарина, а торжественный вечер проходил в оперном театре. Среди приглашённых - «индустрики», а значит и я под какой-то, теперь не помню, фамилией. Так что и встрече с Гагариным и его семьёй я так же обязан Юрию.

Ещё я ему обязан бурному празднованию своего двадцатилетия. В то время я уже жил в университетском общежитии и у меня была другая девушка, которая потом стала моей женой. На двадцатилетие Юрий пришёл к нам в общежитие со своим другом и с полным рюкзаком лимонной водки. Меня, слава богу, Валентина вовремя увела в укромное место. Вернулся к себе в комнату я довольно поздно и завалился спать. Наутро, просыпаюсь от каких-то стонов, раздававшихся из разных концов комнаты. Особенно неистовал один мой друг Баландин Виктор (в последствии, обладатель красного диплома университета, профессор, доктор наук): он висел под кроватью, привязанный к ней простынями. Руки у него посинели, да

и сам он был весь синий и кричал: «Тону, тону». Это-то необычное для общежития слово и разбудило меня. Оказывается, до этого он кричал «пить-пить». Другой мой друг и сосед по комнате Юдин Владимир (тоже очень рано стал доктором наук, профессором в московском энергетическом институте). По доброте души взял чайник и стал лить воду в рот Баландину. Привязанный под кроватью, он, конечно, не мог нормально пить и стал «тонуть». Под этот вопль пьяные стали вспоминать прошедший вечер, кто что помнит. Долго ещё шли разговоры об особенностях лимонной водки: пьёшь как воду, а потом сразу отрубаетесь. Баландин, к тому же, стал буйно себя вести. Привычные «индустрики» - Юрий с другом по прозвищу Джамайка - были относительно трезвые, связали бедокура, а сами ушли к себе в общежитие. Вся наша комната, двенадцать человек, конечно, не пошла на лекции и завалились спать. Но не Баландин! Он был образцом примерного студента и не мог позволить себе пропустить лекции. Заявился на лекцию Баландин, естественно, с перегаром, посиневший, так что вскоре к нам в комнату нагрянула комиссия, застав полный бардак в комнате с нагромождением бутылок и стойким сивушным запахом. На другой день вызвали в деканат меня как зачинщика (юбиляр!). Декан и секретарь партийной организации приговорили выгнать из университета и, конечно, из общежития. Спасли меня мои отличные оценки и книжка работника-колхозника. Секретарша деканата, которая нас знала лучше деканатского начальства, попросила на первый раз ограничиться месячным нарядом вне очереди по мытью общежитийский полов, а при повторении – пеняйте на себя! В общем, обошёлся я условным сроком, но полы были не условные, а реальные.

От университетской учёбы первые впечатления были удручающими. В абитуриентах было прекрасно. Новые знакомства, новые друзья-подруги, стройка, свежий воздух, вечером танцы в общежитии. В студентах же - сплошные лекции и семинары по разным математическим дисциплинам: математическая логика, высшая алгебра, аналитическая геометрия, математический анализ. Помню, сижу на первых лекциях дурак-дураком. Ничего не понимаю. Слов - и тех не понимал, какие-то «кси, пси, этта, дзетта». Куда попал? Какая механика? Воронов Николай Иванович - наш забузанский механик - от всего этого повесился бы. Ему надо трактора чинить, а он кси, пси! Погоревал я, погоревал, но делать нечего. Взялся за гуж... Вскоре кси-пси показались и не такими уж страшными. А потом ещё через какое-то время - полюбились. Обрела свой смысл и механика как наука о движении. Любые движения (от космического корабля до муравья!) можно описать математическими символами. А с символами можно действовать как угодно: делить, умножать, брать степени и логарифмы, находить пределы, интегралы и ряды, преобразовывать тригонометрические выражения и т.д. и т.п. А значит всё это можно делать и с движениями, изучать новые явления, приборы, оборудования, в которых всегда найдётся место движению. Успокоился, оказывается механик, владеющий математическим аппаратом, может описывать и решать физические, химические, биологические проблемы. Осталось за «малым делом» - научиться всему этому. Этим и занимался в университете. Помню, как отца одолевали те же мысли: «Кем ты будешь, сын мой?». Я сам туманно представлял свою будущую профессию, не мог, конечно, вразумительно ответить ему. Уже значительно позднее, когда я учился в аспирантуре, работал дома над проблемой решения задач с подвижными границами при промывках земель, отец незаметно для меня подошёл сзади и долго смотрел, чем это я так увлеченно занимаюсь. Глубоко вздохнув, он обречённо произнёс: «Промывками земель занимаются в поле, а ты столько часов сидишь, исписал кучу бумаг непонятными значками, почти всё выбросил. Какие-то крючки рисуешь, даже нет ни одного слова. Как этими задачками можно убрать соль из почвы?». Он не сказал, что от этого толку не будет, не хватило духу. Ведь он видел увлечённость, с которой я занимался «крючками», он знал меня - не буду же я безтолку торчать за столом за этим занятием. Его опыт, крестьянская хватка были в смятении, как будто он только что встретился с мистическим, необъяснимым явлением! Приблизительно такие же чувства были и у меня в первый месяц учёбы. Пропасть между школьным обучением и университетским, когда на тебя ежедневно сваливается громада нового, непонятного и не даётся никакого времени на осмысление этой громады, привела меня к состоянию полной апатии, подавила меня. И не только меня - многих других способных ребят. Мне каким-то чудом удалось вскоре справиться со своим состоянием, и уже первую сессию я сдал на одни пятёрки-к великому моему изумлению. Получил повышенную стипендию-шестьдесят рублей, а это был серьёзный материальный стимул, который я активно использовал в течение всего времени обучения. Но некоторые способные ре-

бятя сломались: кто-то ушёл сам, кого-то отчислили. Убеждён, что в этот период важную роль играли не только способности, не только умение работать «задним местом», но и характер. Во всяком случае, меня в этом убеждают факты, а именно: два моих друга, после армии, как и я из деревни далеко не блистали знаниями, которые были у многих городских ребят на нашем факультете. Однако все мы оказались в отличниках - кто сразу, кто несколько позже. Дружба с армейскими ребятами - Баландин Виктор и Коростилёв Александр - на первых курсах дали мне многое. Они были постарше, по опытнее. Уже знали, почём фунт лиха. Умели работать, умели жить в общежитии и пить, в том числе. У нас было чему друг у друга поучиться. Это я излагаю сейчас на бумаге то, что спрессовывалось за прошедшие с этого времени пятьдесят лет. На самом же деле, мы просто крепко подружились. Баландин и Коростилёв знакомы были раньше, я, как бы примкнул к ним, и как-то сложилось, что мы обращались друг к другу словом «друг». «Друг, скажи, а как тебе эта девушка», например. Потом наши пути с Баландиным разошлись, а с Саней Коростилёвым мы вместе прошли все эти годы и сейчас не теряем связи, хоть уже много лет живём в разных городах. Но об этом - в своём месте и в своё время!

И всё же надо признать, что я вплоть до окончания университета не понимал, чем буду заниматься по жизни, кем работать и что у меня будет за специальность, если её попытаться «обозвать» не специальным термином, а по рабоче-крестьянски, просто. Не понимал - да, но и не терзался по этому поводу: придёт время, тогда и пойму. Решать проблемы следует по мере их поступления - этот лозунг именно тогда я взял на вооружение и до настоящего времени руководствуюсь этим принципом. А проблемы не заставляли себя ждать, они сыпались как из рога изобилия: лекции, семинары, коллоквиумы, зачёты, экзамены. Бытовые проблемы были решены: мне уже на первом курсе дали общежитие на улице Кутякова - полуразрушенное здание, по пятнадцать-двадцать человек в комнате. Переехал от «индустриков» сюда, на Кутякова. К третьему курсу построили новое общежитие в районе шестой дачной - в студгородке, где кроме нашего университетского общежития были общежития ещё нескольких институтов. Стипендии хватало, а еще из дома привозил продукты, выбираясь туда пять-шесть раз в году, в том числе летом на сенокос. Продолжал заниматься спортом: футбол, баскетбол, но значительно меньше, чем в школе. Не хватало времени. Любовные отношения тоже сложились. Уже на первом курсе на одном из танцевальных вечеров, которые проводились в общежитии в подвале, в Красном уголке меня пригласила на танец девушка, на которую я обратил внимание ещё раньше на лекциях. Она начала разговор, что на танец я приглашён по делу, что она какой-то там комсорг, а ей известно, что я отличник и должен здесь, в Красном уголке помогать отстающим студентам. Я, конечно, сказал, что польщён, что каждый вечер торчу здесь, в Красном уголке над лекциями, практическими заданиями. Что сам ничего не понимаю, но по дружбе, если спросят, что-нибудь, да объясню! Так я познакомился с Нуйкиной Валентиной Степановной, с которой потом не расставался двадцать с лишним лет (с 1964 по 1987!).

После Красного уголка, мы уходили куда-нибудь гулять и целовались бесконечно, до самозабвения, позволив себе большее лишь в первую брачную ночь в сентябре 1968 года.

До этого, в абитуриентах я влюбился в городе Пугачёве в нашу коллегу-однокурсницу Свету Васильковскую. И не я один. Были стычки по этому поводу. Но красавица и умница Васильковская, отдав предпочтение мне, позволила лишь сопроводить её после окончания абитуриентских работ в её родной город Балаково, где сообщила, что у неё есть парень, с которым она вместе училась в школе, вместе поступила в университет. Она не поступила и всё же, наконец, поступила и теперь они вскоре поженятся. Уже в Саратове, в университете, она познакомила меня со своим избранником. Простой, умный, хороший человек. Светлана молодец, преподала мне урок, как бережно следует относиться к чувствам друг друга. Я эти уроки проходил ещё в средней школе, так что в полной мере оценил Васильковскую деликатность, очень благодарен ей. Я до сих пор сохранил к Светлане тёплые чувства, хотя ничего не знаю о ней вот уже больше сорока пяти лет!

Мой друг Саня Коростылёв женился после первого курса. Ведь у него за плечами армия, а в его родных краях его ждала красавица-невеста, Надежда Андреевна. Они сняли квартиру в Саратове. Так что наша с Саней дружба вылилась в дружбу квартета: он с женой, я с девушкой, которая стала женой на пятом курсе. Все праздники проводили вместе. Это был прекрасный период учёбы, дружбы и любви.

А с женитьбой дело происходило так. После четвёртого курса в 1968 году весной нас поселили в военную часть в городе Ивано-Франковск завершать военное образование и получать звёздочки младшего лейтенанта. Красивый город Ивано-Франковск, западная Украина, Карпаты. Ходили в самоволку на окраину города или прилегающие деревни за самогоном. Помню, был удивлён, что «самогонщики» плохо знали русский язык. Пристал я к одному, почему так получилось? А он мне, а зачем учить русский - мы под австрийцами были, под венграми, под поляками были, сейчас под хохлами, русскими. Мало ли ещё под кем будем - все языки не выучишь. Это я понял. Не его прямую речь, конечно, но понял смысл сказанного. Однако слово «самогон» он произносил хорошо. На мой вопрос, чем по жизни занимался при разных властях, отвечал одно и то же: «Та ж самогон и гнал!». Примерно через месяц нашей службы в воинской части (наша военная специальность-радиолокация!), подняли нас в ночь по тревоге. Ставили палатки прямо около казарм на территории военной части. На другой день видим, что палатки уже заселены, как оказалось, местными жителями. Оказывается, в городе объявили мобилизацию военнообязанных в связи с обострением международных отношений с Чехословакией. Помню висевшую на заборе пацанву и плачущих женщин, общую атмосферу предвоенной лихорадки. Но проходит день, другой, третий, местный военный контингент научился ходить строем, петь строевую «Марусю». Больше ничего не происходит. Детям надоело висеть на заборах, женам - плакать. По вечерам они перелезали через забор, устраивали пикник с самогонкой, конечно, с песнями, весельем. Военные начальники - молодцы, смотрели на это не только сквозь пальцы, но даже, как мне казалось, одобрительно. Сняли первые напряжения, которые были в городе. Но вскоре собрали офицерский состав в большом зале и нас, поскольку мы уже почти лейтенанты. Помню, как седоватый майор, лет под пятьдесят проводил инструкцию: «Ребята, в ночь погружаемся с вверенными вам подразделениями в поезд и совершаем поездной марш-бросок в Чехословакию. По ходу вас прикрепят к кадровым подразделениям. Войдём в Чехословакию, в города, в населенные пункты. Избегайте стрельбы в местное население, но если почувствуете, что стрельбы не избежать, стреляйте первыми. Врываясь в квартиру, не забывайте правило: сначала туда летит ваша граната, а потом уже вы сами. А то много наших солдат зря положили в Венгрии, отдав приказ: «Не стрелять!». Я там был, видел всё своими глазами. Когда отменили этот предательский приказ, мы их сразу присмирили, положив тысячи людей за наши сотни погибших». Слушаю я это, оглядываюсь по сторонам и вижу как у некоторых, особенно, молодых новобранцев текут слёзы по щекам. Как? Завтра бросать в жителей гранату, врываться в их дом, квартиру с автоматной очередью? Я и гранату-то настоящую никогда не бросал, да и из автомата, можно сказать, не умею стрелять, не то, что по людям - по мишеням. Инструктаж окончен, дан приказ - на погрузку. Погрузились мы в поезд и только утром узнали, что нас от греха подалее увозят в Саратов, а вся наша военная часть была брошена в Чехословакию. На перроне встречала меня Валентина, и мы на другой день пошли, сдали бумаги в ЗАГС.

Чехословакия была лишь поводом. Причина была в нашей четырёхлетней чистой, непорочной любви, в надвигающемся пятом курсе, после которого каждый едет по своему распределению, а так же в желании моих родителей свадьбу играть в Забузанае, в родном селе, в родном доме. Чтобы всё это случилось, пришлось составить план: срочно сдать документы в ЗАГС, ещё до официальной регистрации сыграть свадьбу в Забузанае, вернуться в Саратов, зарегистрировать брак, сыграть студенческую свадьбу и как раз успеть до учёбы с этим определиться. План был составлен ещё в письмах от солдата своей боевой подруге, которая нетерпеливо ждёт от него весточки. По прибытию сразу стали действовать. Мои родители уже были знакомы с моей будущей женой. Я как-то привозил её с собой для знакомства с родителями, где-то за год до свадьбы. Свадьбу делали по нашим сельским традициям. Рядом с домом на поляне построили большой шатёр. Отец жениха провожал молодых до парадного стола-стола жениха с невестой, и начинались танцы для молодёжи, которая приглашалась вся, какая есть в деревне, а так же друзья жениха и невесты с разных городов и сел. Танцы молодёжи длятся час-полтора, потом начинается заход основных гостей. Сначала заходят гости со стороны невесты (знак гостеприимства), а затем - со стороны жениха. Что такое «заходят»? Это значит - подходят к столу, где их стоя встречают жених с невестой. Там перед столом с подносом стоят «шаферы» со стороны жениха и невесты, или, по-новому, свидетели. На подносе две рюмки с наливкой и водкой (по желанию гостей). Гости берут рюмки, говорят тост молодым и проходят за

стол. И так, пока не прошли все гости. Подарки гости оставляют при входе в шатёр родителям жениха и невесты или их доверенным лицам. Наличие подарка - не обязательно. На деревенских свадьбах того времени уделяли внимание духовному - материальному считалось не этичным. Как правило, все материальные моменты, в том числе от гостей, решались до свадьбы. Люди несли тем, кто делает свадьбу, уточку, курочку, поросёнка и прочее. Я помню, что отец, как бригадир рыбодобычи, втихаря от районного начальства, разрешал специальный свадебный плав для ловли осетровых на свадьбу. Этот плав делали родители или родственники жениха и невесты. На свадьбу приходили не подарки дарить. На свадьбу приходили гулять! Так вот, после того, как заходил последний из приглашённых основных гостей объявлялся совместный танец-вальс, который танцует молодёжь вместе с взрослыми гостями. По окончании танца молодёжь покидает свадьбу, так же подходя к молодым, но без выпивки, поздравляя молодых и удаляясь из шатра. Из молодых оставались только самые близкие друзья и подруги молодожёнов. Молодёжь ушла - начинается настоящая свадьба. Жених и невеста танцуют одни свой вальс. Им аплодируют и как бы забывают про них. Они тусуются с друзьями - без спиртного. А гости гуляют: пьют, жуют, поют и плачут, бывает – дерутся! Поют частушки, матерные, конечно. Жених с невестой не чувствуют себя покинутыми. Перед ними разворачиваются разные миниатюры в разных уголках шатра. Веселье брызжет, выплёскивается, бывает, через край. Очень много зависит от квалификации тамады и шафера. Ещё больше - от заводных баб и неугомонных мужиков. Часа через два после начала «настоящей» взрослой свадьбы мать жениха уводит молодых спать - на первую ночь. Их провожают аплодисментами, и дальше, уже без молодых, веселье длится до утра.

На другой день свадьбы, который называется «поклон», жених с невестой уже в другой одежде, но тоже элегантно, обсуждаемой гостями, идут к невесте, где их так же ждёт шатёр, куда приходят вчерашние гости, похмеляются. Здесь молодожёнам уже разрешено пить. Похмелье быстро перерастает в веселье, в воспоминания забавных моментов вчерашней ночи, снова частушки, нередко, драки, в основном, из-за ревности, а причина - привычка, алкоголь. Мне нравилась одна особенность таких классических свадеб. В первый день святой обязанностью гостей со стороны жениха была забота, желание угодить, хорошо принять гостей невесты. В «поклон» же - наоборот, гости со стороны невесты пытались ублажить гостей со стороны жениха. Поскольку невеста у меня была из «другого теста» т.е. из другого города, то и свадьба, и поклон были в одном месте, в шатре. Баянист был у нас мой одноклассник Пьянов Валерий, с которым мы уже пятьдесят лет не теряем связи. Драк на нашей свадьбе не было. Но был казус, который я не мог забыть долгие годы, да и не забуду, наверное, до конца дней своих.

На третий день свадьбы, родители невесты, её сестры стали собираться отъезжать. Отец и мать, как умели, окружали их всё время и теплом, и заботой, разговорами о жизни, вопросами о судьбе. И вот отец отводит меня в сторону и спрашивает, в чём дело? А я и сам не пойму, что за ветер веет в первый день семейной жизни. Отзываю свою суженую в сторону, разбираюсь с ней, а она как воды в рот набрала. И до настоящего времени по этому вопросу так рот и не открыла! А проблема возникла вот такая. Ещё на первом курсе, после нашего знакомства мы подружились, полюбили, узнали друг друга поближе, активно рассказывали о своей прошлой жизни, о родителях, братьях, сёстрах, одноклассниках. Валентина рассказала мне, что у неё приёмный отец, что её настоящая фамилия не Нуйкина, а Ковалёва. Она помнит хорошо отца, они до первого класса жили в Саратове. Она не помнит дом, где они жили, но помнит школу, где она ходила в первый класс, водила меня к этому зданию. Отец был военный лётчик и погиб где-то на учениях. Мать даже не знает, где его могила. Переехали в город Петровск Саратовской области. Там мать вышла за Степана Нуйкина, который удочерил Валентину. Документы на новую фамилию сделали не так давно, а в школе она всегда была Ковалёвой. Она не любит своего приёмного отца и часто думает о родном отце. Я горячо предложил ей: «Давай узнаем всё о военном лётчике Ковалёве (она называла, конечно, и имя, и отчество, но я забыл их сейчас). Решили, что позже займёмся этим. А сейчас надо сессии сдавать. Валентина несколько раз показывала мне письма, адресованные Ковалёвой Валентине от одноклассников. Когда же я вернулся после летних каникул со своего сенокоса, то Валентина рассказала мне, что летом она занималась поисками следов своего отца, нашла воинскую часть, где он служил, что ей не только рассказали, как он погиб, но и свозили на могилу, которая находится в Азербайджане в городе Баку. Мы

решили, что когда-нибудь мы вместе съездим на могилу отца. Планы планами, а жизнь идёт своим чередом. Я был уверен, что планы отодвинулись по объективной причине. Сначала надо стать мужем и женой, а потом уже посещать можно родственников. Безусловно, всё это я рассказывал своим родителям, когда они спрашивали меня о моей невесте. Да она и сама им рассказывала об этом, когда я её привозил «на смотрины». Всё это было вскользь. Никто из нас не придавал этому какого-то особого значения - судьба, так сложилась судьба, как у тысяч, миллионов других людей. У всех своя судьба. И вопросы о семье являются лишь уважением, проявлением интереса к человеку как к личности. А на свадьбе в разговоре между родственниками каким-то образом зашла об этом речь. Реакция всех была ошеломляющей. Одни думали, что их пытаются оскорбить, другие думали: «Что за чертовщина?». Отец во время пришёл в себя и давай отыгрывать назад, брать вину на себя, мол, это он что-то перепутал. Тогда-то он и подозвал меня, а я жену к ответу. Но ответа нет и до сих пор. Пришлось мне ответ давать самому себе. Отцу лишь сказал: «Разберусь, папа, не бери в голову». Долго мои родители об этом не заговаривали, точнее - никогда, даже когда мы с женой приехали в Забуган работать и жили несколько лет с родителями под одной крышей. Они не говорили об этом, хотя вряд ли забыли. Зачем понадобилась такая ложь восемнадцатилетней девушке, студентке механико-математического факультета университета? Ложь в несколько этапов, в несколько лет, да ещё перед тем, с кем собралась жизнь прожить, детей рожать. Ведь всё равно надо, придётся знакомиться с родителями, родственниками. Неужели это «шило» можно утаить в «мешке»? Да и зачем это «шило», для кого, для чего? О, женщины!?

Признаюсь, честно, что я недолго задавал себе эти вопросы. Ей больше совсем не задавал никогда. Вскоре об этом я, как бы, забыл. Загнал эту ложь куда-то далеко-далеко, в самый дальний уголок моей души или сердца. Даже точно не знаю. Она не мешала мне жить. Зачем придавать этому значение, если я каждый час, каждый день вижу свою жену, с ней вместе учусь, работаю в институте, в школе, в научном институте, рожая и воспитываю детей? То, что я вижу, что чувствую - это много важнее, чем странные поступки в молодости. Но что было, то было - из песни слова не выкинешь!

А свадьба на селе получилась на славу. До сих пор, одноклассники и родственники, кто помоложе, вспоминают, как веселились все, в том числе и жених с невестой. После свадьбы - поезд, Саратов, ЗАГС, снова свадьба - студенческая, потом поездка на родину жены в город Петровск и снова, третья по счёту, свадьба. В сентябре 1968 года была свадьба, а к июню 1969 года, когда надо было сдавать госэкзамены и защищать дипломы, я за дверями аудитории, куда ушла на защиту диплома жена, стоял с тазиком, готовый вбежать в любую минуту - такой жуткий токсикоз был у жены с первенцем. У друга Сани Коростылёва к этому времени уже была дочка Екатерина. Помню, как в зимний морозный, но солнечный день забирали её из роддома. Любопытно, что вспоминая университетские годы, на память приходят бытовые моменты.

А что же учёба, которой отдавалось основное время? Вспоминались прекрасные лекторы первого и второго курсов: Пензин, Павлючук, Барабанов Алексей Иванович. Барабанов много позже, случайно, даже мистически «встретил» меня в пустыне Сахара, в Ливии, в тех местах, где растерзали не так давно Кадафи. Он - Барабанов спустился ко мне с неба, в виде листочка с его фамилией от обложки «Математический анализ», когда я, так получилось, остался один в пустыне и поджидал, что бы меня забрали из этой пышущей жарой клоаки.

Очень нравились мне аналитическая геометрия, дифференциальная геометрия, теория функций комплексного переменного – красивая, глубокая, казалось, никчёмная теория, из которой вдруг, неожиданно появились наглядные решения практических задач. Полный восторг, само собой, вызывали спецкурсы: теория упругости, гидромеханика, аэродинамика. У меня по диплому руководителем был Сапунков Яков Григорьевич. Я к нему ходил не только на его лекции по теории взрыва, но и на факультатив по методам возмущений в механике жидкости. Потом оказалось, что освоение этого факультатива определило мою научную деятельность до конца жизни. Во всяком случае – до того момента, когда пишу эти строки. С большим уважением и теплотой я вспоминаю учёбу в Саратовском университете, многих преподавателей, Савелия Владимировича Фальковича, заведующего выпускной кафедрой, учёного с мировым именем, который извиняясь, сожалел, что не может предложить мне аспирантуру на кафедре. А я и не

собирался, поскольку не имел понятия, что это такое. Оказывается, многие мечтают об этом, а я не только не мечтал об аспирантуре, но и не хотел туда, когда объяснили, что это такое. А хотел я только одного – быть поближе к родителям. Ибо всё чаще тревожить стал отец, которому после фронта предрекали короткую жизнь, а он уже превысил прогнозы на двадцать пять лет и теперь, кажется, нуждается, в том числе, в моей помощи. Все мы, пятикурсники, стали задумываться, где дальше наша дорога. Помню, меня активно агитировали в МГУ – Мордовский государственный университет, преподавателем гидромеханики на спецкафедру, а ещё в ЦАГИ – Центральный аэродинамический государственный институт, в г. Жуковском в Подмосковье. Но я поехал в Астрахань, пришёл в единственный в Астрахани технический институт рыбной промышленности и хозяйства (Астрыбвтуз) на приём к ректору. Рассказал – так мол, и так. Сам приеду и ещё одного с красным дипломом привезу (Саня Коростылёв). Ректор сделал всё, что нужно, и мы с Саней по распределению определились в Астрыбвтуз, где нам, семейным, сразу выделили отдельные комнаты в общежитии.

Пришло время прощального банкета с университетом. Банкет прошёл на ура. Но вот в каком состоянии я и мои друзья Юдин Володя и Круглов Валера оставили комнату в общежитии – это позор. Как вспоминаю – заливаюсь краской. Сломали всё, что можно – дверь, кровати, разбили все окна, лампочки. Не специально – так получилось!??

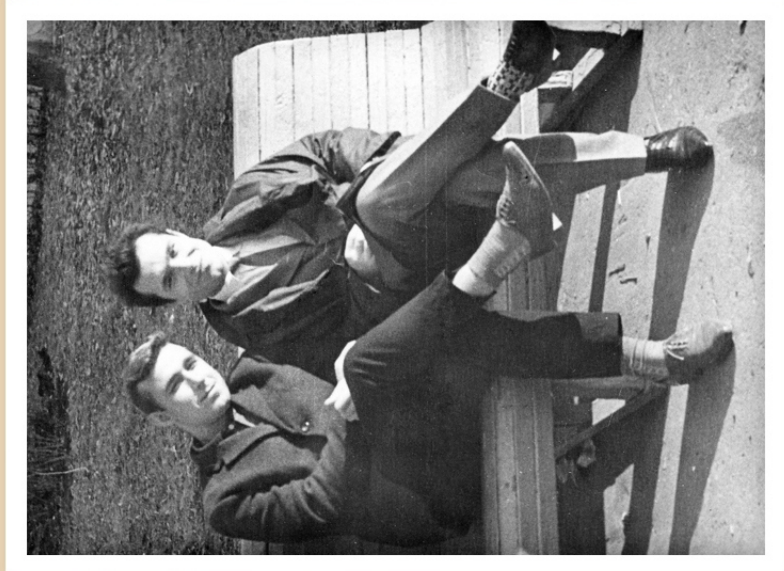
Мехмат позади! Я в сухарь превратился?
Или губы надул, пред родней загордился?
Всем признаюсь сейчас: получивши диплом
Что почувствовал я? Что дурак дураком!

За пять лет пролетевших – ничего не наскрёб...
Хоть крестьянские навыки в сердце сберёг.
Математика, знаю, царица наук,
Но для жизни царица – никчёмный ведь друг.

Не накормит – запросит сама, пригрозит.
Чудо-Юдо заставит за морем добыть!
Прошли годы. Что скажешь, мехматчик, теперь?
Как прекрасно, что эта попалась мне дверь!

Мне с царицей красиво, скажу Вам, жилось
За три моря ходил, что искал – то нашлось.
Даже то, о чём в мыслях не мог и мечтать,
Довелось мне изведать, прощупать, понять.

А царица – не баловень, не парит в облаках.
По земле она ходит, хороводит в умах.
Мне не стыдно, признаться, оглянувшись назад -
Изменил я крестьянке с царицей и рад.

ГЛАВА 5. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ГОРОД ИЛИ СЕЛО?

Вернулся я на Родину. Не домой, а в Рыбвтуз, не в Забузан, а в Астрахань! Институт принял меня, что называется, с распростертыми объятиями. Отдельная комната в студенческом общежитии, но на этаже, заселенном такими же молодыми и не очень, но семейными. Удобства и кухня – общие на этаж. Меня отрядили на кафедру теоретической механики, а жену мою – на кафедру высшей математики. Ведь по диплому я механик, а она – математик – вычислитель. На этом же этаже обосновался мой друг – Коростилев с женой и дочкой. Он оказался на кафедре теплотехники, где вел гидромеханику. Всех троих нас сразу, с первого дня определили на работу в приемную комиссию – с первого августа экзамены у абитуриентов. Я был ассистентом по высшей математике и по физике. Сразу почувствовали свою значимость – вчерашние студенты стали вершителями судеб молодежи. Радость и слезы, разочарование и надежда – эти эмоции хлынули на меня как из рога изобилия. Быть участником, а в чем-то даже вершителями этого процесса было, одновременно и лестно, и ответственно. В приемных комиссиях в Рыбвтузе я проработал лет десять и могу ответственно заявить, что в тот период где-то процентов девяносто-девяносто пять ребят поступало в институт без блата и подкупа, по знаниям. «Свои» пропускались по коррупционным схемам, разработанным высшим руководством института. Эти схемы выглядели приблизительно так. От уполномоченного высшим руководством человека – секретаря приемной комиссии, разводящему в предметной комиссии в день экзаменов до их начала поступала информация о тех, кто должен получить высший балл. Разводящий наделен обязанностями направлять абитуриентов к тому, или иному столу, где сидят экзаменаторы. В коррупционную схему входит кто-то из этих экзаменаторов и именно ему направляется «блатной». Дело сделано. Все остальные абитуриенты направляются по очереди за любой стол. Как правило, с членами приемной комиссии пытаются завести знакомства еще задолго до экзаменов заинтересованные в поступлении своих чад или знакомые знакомых. Вообще, когда экзаменатор идет на экзамен, то он, как правило, «нагружен» настойчивыми просьбами. Если повезет и «твой» абитуриент будет направлен именно за твой стол, то дальше лишь дело твоей совести. А если нет, то ты, конечно, имеешь возможность попросить за «своего», однако это чревато. Донос председателю приемной комиссии, а это значит – ректору, вполне реален. Результаты могут быть плачевны для тебя. Ректор эту линию сложил, выпестовал, что, с одной стороны, снижало вероятность поступления «блатных», минуя централизованную схему, с другой – помогало институту развиваться. При сложившемся порядке в централизованную коррупционную схему попадали только «нужные» люди, с которых можно было что-то заиметь, в том числе, институту. У ректора было много преданных, обязанных ему по «гроб жизни» людей, так что проблем с выстраиванием коррупционных схем, думаю, у него не было. Рад, что избежал такого доверия. Забегая немного вперед, скажу, что считаю работу вузовского преподавателя одной из лучших профессий на земле. Здесь и процесс становления профессионала, здесь и работа с молодежью, которая на твоих глазах проходит трудовой и жизненный путь от безусых школьников до отцов и матерей семейства, от «маменькиных сынков» до самостоятельных, сознательно строящих свое будущее специалистов. Ты невольно становишься свидетелем их возмужания в знаниях, свидетелем их жизненных перипетий, порой комических, порой – трагических. Если ты молодой преподаватель, то в тебя влюбляются, ты влюбляешься. Перед твоими глазами столько достойных, чистых помыслами и делами людей, что ты невольно учишься, восторгаясь такими образами. Не меньше ты учишься жизни и на худших примерах, которые так же в достатке проходят перед тобой. При этом ты не в стороне. Если ты живешь полной институтской жизнью, ты обрастаешь массой знакомых, которые готовы обвешать тебя просьбами, идущими в разрез твоим принципам. Каждый отказ превращает знакомого в недруга, и ты вскоре оказываешься окруженный не только друзьями, поклонниками, но и недругами. Несмотря на это я очень полюбил эту профессию, а когда вынужден был ее оставить, то долгие годы, да и до сей поры видел и вижу сны, где я тот самый молодой преподаватель, купающийся в студенческой среде.

После приемных экзаменов меня послали в колхоз с внушительной бригадой абитуриентов. Сначала нас было двое преподавателей, потом я остался, почему-то, один и в моём распоряжении было человек 200-250. Работали на арбузах. Здесь я был как рыба в воде – знал и колхоз, и студенчество. Все

прошло без ЧП. Хорошо поработали, хорошо заработали, получили массу благодарностей от колхозного руководства. Ректор нашего института Щербаков Артемий Захарович был сам человек очень активный, поощрял в институте активную комсомольскую жизнь, художественную самодеятельность (даже оперы в институте ставили!). По-видимому, ему доложили об успехах абитуриентской бригады. Во всяком случае, он вызвал меня к себе в кабинет, расспрашивал обо всем, сказал, мол, заходи, когда посчитаешь нужным. Так у меня возникло знакомство с ректором, которым я не преминул воспользоваться приблизительно через год, и вот по какому поводу. Здоровье отца явно стало сдавать, я не мог больше оставаться в стороне, хоть и ездил к родителям в село каждую неделю. Я решил, что должен переехать в село и жить вместе с родителями. Но я ведь не могу уволиться просто так. Сюда, в Рыбвтуз, я приехал по распределению, должен был проработать не менее трех лет, а потом уже можешь увольняться, если захочешь.

Ректор меня понял. Это был сильный, умный и, вместе с тем, дальновидный руководитель. Умел глядеть вперед, обладал силой убеждения. Был настоящий хозяин, считал институт своим детищем. Из всех руководителей, которых я много видел на своем веку, Артемий Захарович стоит для меня на одном из первых мест. Отпустил, наговорив мне много хороших слов. Договорились, что связь терять не будем. Время от времени я буду заезжать, докладывать о своих успехах, проблемах. «Мне очень интересно как сложится твоя судьба», - это он мне сказал на дорожку.

А до этого – год работы на кафедре теоретической механики. Работал ассистентом - учил студентов решать задачи по термеху, учился и сам. Но самые большие изменения за этот год произошли в семье – родилась дочка! Это сейчас все уже знают, кто родится – сын или дочь. А в наше время сие казалось сказкой!... Был хороший декабрьский денек. Обычно в Астрахани декабрь – дрянной месяц, слякотный. А сегодня – прекрасный, чуть-чуть морозный денек, мы с женой почти целый день гуляли. Валентина устала немного с девятимесячным-то животом. Пришли домой, в общежитие и она пошла с Надей Коростилевой в душ. Там и началось, увезли в больницу. Долго не хотела дочь выходить из материнского укрытия, выходила тяжело. Но, слава Богу, все обошлось. Началась новая жизнь – жизнь полноценной семьи. Это был декабрь 1969 года, рукой подать до 100-летия со дня рождения Ленина. В честь вождя и назвал дочку – Лена!

В общежитии, конечно, нелегко с ребенком - там свои, общежитейские страсти. Помню, как на кухне бесновались некоторые женщины, бросая друг другу в кастрюлю с борщом кусок мыла. Это жены-то старших преподавателей, доцентов!

После того, как дочке исполнилось 3 месяца, перевез я их с женой в село на свежий воздух к бабушке с дедушкой, а еще через 3 месяца забрал назад. Тяжело, говорит жена, без тебя. А еще через полгода мы снова уехали в деревню, теперь уже с серьезными намерениями там жить и работать.

Жена стала учителем математики в сельской школе и я, по совету отца, тоже пошел завучем в эту же школу, хотя и пытался надеть на себя «колхозный хомут». Отец вовремя остановил. Нет, не раздумал я идти работать по колхозной линии. Но не бросился в омут головой. Отец рассудил правильно. Берись за то, чему научили, а потом, когда оглядишься вокруг, тебе и виднее будет. А из того, чему учили - на селе только школа. Так я через год после окончания университета стал жить и работать в родном селе в должности завуча и учителя математики и физики. Это был особенный период в моей жизни. Если попытаться выразить его одним словом, то, пожалуй, это период благоденствия. Во-первых, семья перестала ощущать материальные трудности. Зарплата ассистентов в 105 рублей для молодой семьи, у которой не было даже своей кастрюли, был достаточной для проживания, но недостаточной, чтобы не испытывать материальных трудностей. На селе же мы сразу стали зажиточными! Не потому, что зарплата сильно выросла, а потому, что ее некуда было тратить. У родителей есть все, а значит и у нас. Ведь мы жили с ними вместе в родном доме! Мясо, молоко, яйца, картошка, фрукты, овощи – все свое! Рыба в речке - свежая. Когда захочется – иди, налови, не ленись. Тогда будет и соленая, и вяленая – какая хочешь. Но главное, конечно, не в этом. Из вчерашних студентов мы с женой сразу превратились в уважаемых на селе людей, т.е. в Николая Петровича и Валентину Степановну. Так нас не только называли все – от пацана, до старика, но мы и ощущали это, можно сказать, на каждом шагу. На всех сельских свадьбах, которые игрались на селе в этот период – везде мы были желанные и уважаемые гости, по-современному – статусные

гости. Вначале это зиждилось на уважении к отцу, к фамилии, к званию учителя на селе, а вскоре вырос и наш, собственный вклад в это дело. О нас добрая молва по селу пошла – ученики ведь есть почти в каждом доме. Валентина полюбила эту профессию, учеников. С удовольствием ушла в школьную жизнь. Я тоже был не промах – за мной как за магнитом тянулась детвора. Школа была восьмилетней. Была рядом с домом. Поэтому нам вдвоем с женой, да с бабушкой было не трудно заодно со школьниками растить и собственную дочь. Отец приобрел для нас лодку с мотором, мотоцикл с коляской ИЖ Юпитер-3 – очень модная тогда модель мотоцикла. Так что мы были мобильные и на реке, и на суше. Скучно не было на селе. Тем более, в школе широко отмечались все красные дни календаря – с пением, с танцами, ряженными. Кто хотел веселиться – возможностей было сколько угодно и мы не упускали этих возможностей. Мой голос к тому времени уже сложился. Окреп, так что я орал от души. Поэтому на другой день часто сипел и всегда вспоминал фильм «Приходите завтра». Ведь профессор говорил, что орать громко каждый дурак умеет, но так и не научился петь по-настоящему, зато - громко!

Почти каждое воскресенье у нас были гости. Юрий, иногда один, иногда с семьей, приезжал из Астрахани. Он там работал старшим мастером в профтехучилище, любил эту работу, получил сначала комнату в общежитии, потом квартиру. Геннадий с семьей сначала жил рядом, по соседству, а потом приезжал уже в гости из другого села, где работал председателем колхоза. Приезжал Коростилев Саня с семьей, почти каждый год приезжала Зинаида Петровна, наша старшенькая, проживавшая на Дону, но сердцем - оставшаяся в родном доме. Приезжала она, как правило, недели на 2-3 с семьей. Из Астрахани не редки были визиты семей Кузовлевых, Елизаровых и Любимовых (родные сестры отца: Александра, Зинаида и Фая), а иногда и родного брата отца – Михаила Ивановича с женой Серафимой Петровной, или их, уже давно взрослых и семейных, детей. Со стороны матери некоторые родственники жили в этом же селе. Они приглашались на многие праздники, а раз в году навещали своих родителей (моих бабушку Татьяну Алексеевну и дедушку Филиппа Семеновича Михиных) братья мамы: Иван из Астрахани, Яков из Пензы, Николай из Ленинграда, Герман из Фрунзе, а потом из Краснодар, Тимофей из Киева. Еще один брат – Григорий показывался в селе редко, и к нам не заходил. Был конфликт, который мама ему не простила – в сталинские времена они с женой Лидией Ивановной чуть не засадили отца в тюрьму «за колоски». Точнее и не знаю, в семье это не афишировалось. Отец уже давно простил, зла не держал, поддерживал хорошие отношения с их семьей, но мама – другое дело, не простила до конца своей жизни.

Мама иногда уставала от гостей, но гостеприимство отца всегда было таким искренним, бескорыстным, что под этим обаянием и мама расцветала. Мне очень нравились любые визиты, любые гости. Для всех у меня в погребе было приготовлено яблочное вино-сидр, в большом количестве из собственных яблок.

В общем, сельская жизнь бурлила вокруг нас. В школе бессменный директор Эмма Петровна уговаривала меня согласиться на директорство школой, но у меня были другие планы. Какие? Точно трудно сказать, но не школа, хотя эта профессия мне очень нравилась, пожалуй, главным образом, тем, что я видел, чувствовал, свое влияние на детей. Обратная отдача была колоссальной и это не могла проходить мимо молодого человека в 25 лет. На меня решающее действие оказывал пример отца, который всю жизнь занимался колхозными делами, жил интересами сельчан, был уважаем ими, наверное, в тот период я бы пошел работать председателем колхоза в свое село, но мне предлагали эту должность в другом селе, что мне не подходило – я должен быть рядом с отцом. Поэтому работу в школе я рассматривал как временное явление, которое надо использовать для получения необходимых знаний. Каких? Агронома, зоотехника? Я не знал, какие еще бывают профессии на селе, и стал искать возможность заочной учебы в Тимирязевской академии. Но оказалось, что заочного обучения там нет и в этот период Саня Коростилев мне говорит, что в Рыбвтузе на кафедре теплотехники появился кандидат наук, к которому он собирается поступить в аспирантуру. Когда Саня рассказал Муфтахову Ахмету Жалаяевичу обо мне и моих поисках заочного образования, то Ахмет Жалаяевич посоветовал не «валить дурака» с дополнительным образованием, а идти в аспирантуру по той теме, которая нужна в том селе, где живешь. Так пришло в мой обиход слово «аспирантура». Я глубже познакомился с его содержанием, что собственно, подразумевает это слово. И тогда я оказался сначала в кабинете первого секретаря райкома партии, чтобы понять главные проблемы района, а

потом в кабинете ректора Рыбвтуза (обещал же, что буду держать его в курсе своих дел!). После беседы он предложил мне аспирантуру у себя, т.е. со своим руководством, а консультантом определили Муфтахова, как специалиста, глубоко владеющего математическими методами.

Я рассказал своим будущим руководителям о проблемах в части массового засоления земель в районе. Ахмет Жаляевич сразу сформулировал мне тему, связанную с разработкой методов расчета солевого режима при промывках земель и я поехал в свое село готовить реферат по этой теме и готовиться к приемным экзаменам в аспирантуру. Помню один момент, который мог бы остановить мой аспирантский порыв. Экзамены в аспирантуру были поздней осенью. Я выехал на своем мотоцикле пораньше, чтобы не опоздать на экзамен. Но я не рассчитал – пошел ледоход и паром не работал. Я же не мог опаздывать – из-за меня не будут вновь собирать приемную комиссию. Бросив мотоцикл, я уговорил одного рыбака перевести меня на другой берег, лавируя между льдинами. Часто вспоминал этого мужика, который вошел в мое положение, рисковал своей жизнью, сохранил в целостности и сохранности мой мотоцикл и не взял с меня ни копейки. Тогда взаимопомощь и слова благодарности ценились выше денег. А я вот многие фамилии помню, а этого мужика – забыл. Я ж его тогда видел в первый и последний раз – он из другого села, которое стоит на той самой речке – Белый Ильмень, через которую мне надо было переправиться.

Поступив в заочную аспирантуру, я перестал метаться в мыслях - кем быть, куда податься. Я стал искать мгновения в бурной сельской жизни и работе, чтобы заняться аспирантскими делами. Быстро, с помощью Муфтахова, вышел на фундаментальные работы Веригина Николая Николаевича, стал их изучать и «кумекать», по-своему. Получил первые результаты и мои руководители отправили меня с докладом на научные конференции: сначала в Новосибирск, в Академгородок, где я поближе познакомился с учениками школы Пелагеи Яковлевны Полубариновой-Кочиной, урожденной астраханкой, академиком Российской академии наук. Потом выступал на конференции в Новочеркасске. Участие в этих научных конференциях, выступления на них показали и широту родственных проблем, и их глубину. Они, эти конференции заставили меня оторваться от частных вопросов, которые я в состоянии был решать, а взглянуть на проблемы шире. Именно тогда мне в голову пришла идея использовать арсенал методов аэродинамики, которые я изучал у Сапункова, применительно к задачам засоления земель. Дело сдвинулось, я понял - в нужном направлении. Однако жизненные обстоятельства на время отодвинули меня от аспирантских проблем. Здоровье отца серьезно ухудшилось, он, наконец, бросил работу, но отдыхать от дел ему пришлось недолго. 4 августа 1973 года отца не стало. Стал вопрос о переезде нашей семьи в Астрахань – я должен был весь отдаться написанию диссертации. Мама категорически отказалась покидать родной дом. Пробовала пожить вместе с мамой тетя Шура, отцова сестра, но женщины, так прекрасно относившиеся друг к другу, не смогли найти общий язык в совместном проживании: каждая из них была всю жизнь хозяйкой в доме. Пришлось рискнуть, оставив маму одну. Хозяйство, конечно, извели. Только сад-огород. Каждые выходные мы с Юрием приезжали домой, помогали по хозяйству, разделяли одиночество. К тому времени мама уже так устала от многолюдия в доме, что первое время у нее даже потребность была в одиночестве, но на недельку. Пропусков своих визитов мы с Юрием допускать не могли – мы и не допускали. После смерти отца не все гладко у меня стало с сердцем. Помню момент отъезда моей семьи из родного дома, слезы матери, я был на грани потери сознания. Но все же переступил через себя – бросил маму, уехал. Успокаивал себя – так требует жизнь!

Если бы молодость знала...

Да откуда же знать
Кем и как становиться,
Как по жизни шагать?

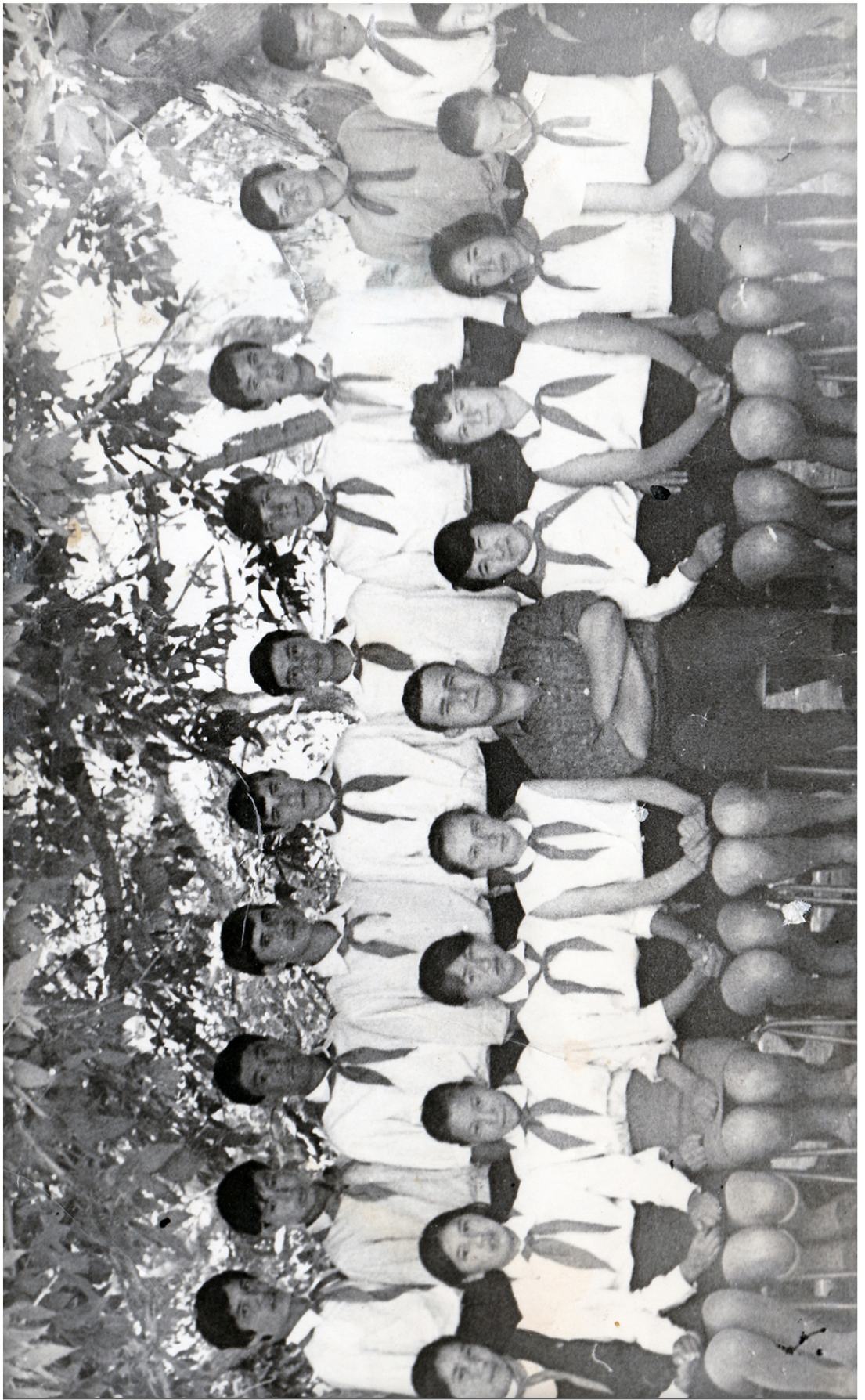
Вот и ищут потоки
Мыслей, чувств молодых.
Рядом ходят пороки -
Набрeдeшь и на них!

Ведь не Броун придумал –
Природа – не вошь:
Хаотично, случайно,
Но к чему-то придешь.

Кое-где обожжешься,
Где-то шишек набьешь
От того – наберешься,
Того – дальше пошлешь.

Ту дорогу освоишь,
По которой пойдешь.
Ведь судьбу не вручают
Ее делают, все ж!

Если б молодость знала...
Нет, не надо мне знать,
Не хочу знать заранее.
А хочу я – искать!

ГЛАВА 6. АСПИРАНТ, ДОЦЕНТ, ДЕКАН

Привёз семью из села в новое аспирантское общежитие: две комнатки, прихожая-кухня, туалет. В таких хоромах ещё жить не приходилось. Растём!

Жену снова взяли на кафедру высшей математики. Я продолжаю аспирантуру на кафедре тепло-техники. Там правят такие корифеи как Щербаков, Вургавт, Муфтахов, Маркин, Величко, растут, как на дрожжах Шевчик Саша, Плохов Толя, Вася Овчинников, Коля Селиванов, Саня Коростелев, Фадеева Надя, Толя Волошко. Один к одному – интересные люди, глубокие, перспективные. Кто был на пути в доктора наук, кто – в кандидаты наук. Я особенно-то и не жил проблемами кафедры, ушёл с головой в диссертацию. Она состояла из двух частей. Одна – фундаментальная, где найдены решения ряда интересных, нерешённых доселе задач, разработан общий метод решения некоторого класса задач. Другая – прикладная, где предложены на базе фундаментальных решений инженерные методы расчёта промывных норм, которые обеспечивают рассоление земель при разной степени засоления грунтов разной проницаемости, и так далее.

С фундаментальными решениями я выступил на семинаре в институте ВОДГЕО, который вёл тот самый Веригин, с трудов которого я начал своё вхождение в тему диссертации. Мой доклад имел ошеломляющий успех на семинаре, где собрались виднейшие специалисты Советского Союза в этой области. Веригин назначил мне встречу на другой день, и мы с ним целый день сидели, разбирались в новой методике. Он пытался досконально понять, как мне удалось найти решения тех задач, которые он наметил в своих трудах в 50-ых годах. Почему другие, в том числе и он сам, не смогли найти решения этих задач, а пацан из «деревни Зюзюкино» вдруг объявляется и говорит, что он это сделал? Когда понял, в чём дело, сразу наметил мне ещё целую серию задач, которые мне позже удалось решить и опубликовать в соавторстве с ним, Веригиным. Он дал мне домашний телефон, по которому корректировали действия. Не раз приглашал меня домой, когда я бывал в командировках в Москве. Его жена – Таисия Николаевна, всегда была со мной любезна, гостеприимна, расспрашивала о житье - бытье, рассказывала о своей судьбе, в том числе в эвакуации, в геологических партиях. Они с Николаем Николаевичем были близких специалистов – гидрогеологи, гидротехники. Моё выступление на Веригинском семинаре, которое организовал Муфтахов, сыграло важнейшую роль в моей судьбе – сразу поместило меня среди элиты специалистов гидрогеоэкологического и гидротехнического сообщества. По сути, с этого момента моим фактическим руководителем в аспирантуре стал Веригин Н.Н. Муфтахов, конечно, не возражал. Он в это время завершал докторскую диссертацию, и ему было не до меня. Щербакову – тем более. Он только говорил: «Принесёшь корочки кандидата наук – получишь ключи от квартиры». Это, конечно, был серьёзный стимул, но в то время этот стимул мне был не нужен. Интерес, с которым я занимался разработкой диссертационной темы, не нуждался ни в каких допингах, тем более, материальных стимулах. Это была школа отца, в которой я вырос с детства: «Делай своё дело, живи им, болей за него, и тогда материя сама прибежит. Не бегай за деньгами – сделай так, чтобы они бегали за тобой! В этом ключ к счастью: первичен интерес к работе – материя вторична!».

Ключи от квартиры – для меня не стимул, зато для жены - ещё какой стимул. Я привык заниматься наукой, работать в любых условиях. Могу – при кричащем радио, при визжащих детях, при подготовке завтрака, обеда или ужина, при шумно работающем телевизоре. Мог работать, одновременно выполняя какие-нибудь поручения жены. Мог работать даже в троллейбусе, когда провожал дочку на занятия по художественной гимнастике. По-моему, мне удавалось, несмотря на увлечённость наукой, уделять должное внимание семье, друзьям, родственникам. Скажу даже больше - жизнь во всех её проявлениях была приоритетом для меня, а наука была и осталась на всю жизнь увлечением, даже страстью, в которую я погружался только тогда, и так, чтобы не ущемлять другие стороны жизни и никого из близких. Совмещать – да, но не ущемлять. Конечно, мне повезло с этой «дамой», называемой наукой. Она не только принесла любовь, благополучие мне и моей семье, но и украсила жизнь регалиями, положением в обществе, ничего не украв и не требуя ничего взамен.

Вторая, внедренческая, инженерная часть диссертационной темы потребовала разработки техни-

ческого регламента, позволяющего использовать основные результаты теоретических исследований для возврата в сельскохозяйственный оборот засоленных земель. Когда эта проблема была решена в теоретическом плане, понабилось спуститься на грешную Астраханскую землю, которая, в результате несоблюдения агротехнического режима, засоляется, выходит из строя, выводится из севооборота. Инженерным сопровождением и развитием мелиоративного хозяйства в области в то время занимался институт Астрахангипроводхоз. Он проектировал мелиоративные системы, разрабатывал технологические регламенты орошения земель для разных культур, занимался реабилитацией вышедших из строя земель, в том числе из-за засоления. Пришёл я тогда к директору института Агудову с предложением внедрить мои разработки при проектировании, он вызвал Мироедову Марию Николаевну – тогда главного инженера, а позже – директора института. Мария Николаевна передала меня уже специалистам, которые занимались непосредственно этими проблемами. Так я оказался в руках Веры Гладких, с которой потом не раз сводила нас судьба. Я сделал соответствующие расчёты для тех проектов, которые тогда шли через их отдел. Они их использовали в проектах. Для диссертации этого было достаточно, но потом я ещё долгие годы сотрудничал с Астрахангипроводхозом вне темы моей диссертационной работы, когда требовалось научное обоснование тех или иных проектных решений. Это было, когда я ещё был в Астрахани, это продолжалось и тогда, когда я уже работал в Москве.

Диссертацию написал – пора защищать! Где? Веригин определил - в институте ВНИИГИМ – Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники и мелиорации. Директор этого института был Балаев. Я пошёл к нему с рекомендациями Веригина, которого Балаев очень уважал. Я даже был поражён реакцией Балаева на фамилию Веригина, как будто бы Веригин и не человек вовсе, а божество какое-то. Отправил он меня на предзащиту в отдел, которым руководил Давид Моисеевич Кац, а тот, увидев мою работу с таким обилием математического аппарата, передал её на оппонирование Мартину Гайковичу Хубляряну и Леониду Метиславовичу Рексу. Никого из них я, конечно, лично не знал, но по их трудам представлял их высочайший уровень.

Предзащита прошла без сучка, без задоринки. Мы её хорошо «обмыли» в ресторане Будапешт с некоторыми представителями отдела, в частности - с Рексом, со Славой Борисовым и его будущей женой Лизой. Со Славой у меня сложились дружеские отношения, я бывал у них дома и в тот период, и позже, когда эта супружеская пара увлеклась голоданием. В результате он резко похудел, а она растолстела, как на дрожжах. Слава Борисов был видным специалистом, занимался вопросами прогнозирования процессов орошения различных культур в различных условиях. В 90-ых годах их семья уехала в Израиль, и с тех пор я о них ничего не слышал.

Рекс тоже несколько раз приглашал меня к себе домой. Он жил рядом с Курским вокзалом. Его назначили одним из оппонентов по моей диссертации. Это значит, что он должен был не только познакомиться с работой и сложить о ней своё мнение, но и детально разобраться в ней, отметить её достоинства, выявить недостатки работы. Это и было причиной приглашения меня домой, чтобы подробно разобраться в работе. Рекс рассказывал, что работал в Ташкенте до землетрясения: «Жена у меня узбечка – злая» - зачем-то, совсем не злобно, говорил мне Рекс. Он мне говорит это, а я вспоминаю, как в Забузানে под навесом при кухне, гоню сидр и одновременно разбираюсь в работе какого-то Рекса Л.М., который предложил решение задачи промывки земель при неравномерном их засолении. Кстати, эта работа была значимой для меня, я из неё многое почерпнул.

Другим оппонентом был у меня известный учёный гидрогеолог Бочевер Файбиш Минаевич. Он – коллега Веригина, из ВОДГЕО. Они между собой не то, что не ладили, нет. Каждый из них считает, что истиной владеет он. И борется за эту истину. А истина – «девушка» скрытная. Пока доберутся они до неё, до сути – пух и перья летят словесные.

Со стороны, забавно смотреть и слушать – как петухи. На том самом семинаре в ВОДГЕО, где я выступал первый раз, как раз «петушизм» Веригина с Бочевером сыграл для меня положительную роль. Мне дали мало времени для доклада, а они стали допытываться до истины и часто полемизировали друг с другом, а я был вынужден соответственно, поправлять, возвращать их в нужное мне русло. Всё это подливало масло в огонь и лилось на мою мельницу, вызывая интерес к моему докладу у всех присутству-

ющих на семинаре.

Защита диссертации прошла успешно. В том же Будапеште состоялся банкет в мою честь. Кроме ВНИИГИМ-овцев, на банкете был Веригин с женой Таисией Николаевной и Бочеввер с Орадовской Анной Ефимовной - известной учёной из ВОДГЕО, работавшей вместе с Бочеввером. Она - автор блистательных экспериментов, связанных с растворением солей в грунтах (в последствии Орадовская А.Е. уехала в США к дочери и часто писала письма, рассказывала о своих делах и интересовалась делами института).

Так закончилась моя аспирантская жизнь. Начались трудовые будни старшего преподавателя, доцента. Это звание я получил вскоре после защиты диссертации. А ректор, ещё раньше, ещё за год до защиты диссертации и утверждения её в ВАКе попросил меня перейти на кафедру высшей математики, которая нуждалась в преподавателях. Так мы с женой стали работать не только в одном ВУЗе, но и на одной кафедре. А до этого - в одной школе. Сначала я завуч, а потом, после поступления в заочную аспирантуру, моя первоначальная должность завуча перешла к Валентине. Интересно сложилось в моей судьбе. Всю свою жизнь я работал в одном учреждении с жёнами и детьми! Это происходило как-то само собой, без моего умысла. Не без моего участия, конечно, но без какого-то определённого плана. Просто обстоятельства складывались так, что по жизни это было целесообразно, совпадало с их планами, и уж, конечно, не противоречило моим. Вскоре я стал одним из ведущих лекторов на кафедре. В этом утверждении нет никакой самонадеянности, тем более, бахвальства. Я оказался лектором на самых больших потоках студентов. Интересное, скажу я вам, ощущение молодого человека, когда он регулярно читает лекции 250 студентам первого, второго и третьего курса. Безусловно, на кафедре были преподаватели, опытнее меня, знали предмет глубже меня.

Но я не об этом, не о своей квалификации в этот момент. Пожалуй, именно тогда у меня возникло чувство – вот это моё дело, оно мне нравится, нравится своим живым участием в судьбах, в занятиях с молодёжью, участии в решениях их проблем, нравится возможностями интеллектуального роста самого, как личности при общении с молодёжью. Тогда впервые я понял, что могу курс высшей математики читать не по учебникам, которые мне не всегда нравились. Я могу для каждой специальности выстраивать курс так, как считаю нужным. Меня поражало тогда, что многие читают курс высшей математики, что механикам, что технологам, что ихтиологам, что экономистам одинаково. Различие состояло лишь в количестве часов, которые выделяются на это. Мне повезло тогда, что я некоторое время был ассистентом у недавно приехавшего на кафедру математика. К сожалению, забыл его фамилию, но по звучанию – что-то немецкое. Пусть будет Герд Эдуард Германович. Его лекции покорили меня своеобразием, изяществом стиля, простотой подхода к доказательствам классических теорем. Его лекции помогли мне проникнуться тогда мыслью о вредности стремления к математической строгости, если читается курс высшей математики, а не отдельные математические предметы, типа математический анализ, высшая алгебра и так далее. В университетах, на математических факультетах – да. А в технических ВУЗах, тем более, для гуманитарных специальностей, следование математической строгости в изложении материала – это умышленное убийство всякого интереса к математике, её полезности в их профессиях. Вызвать интерес и доступно изложить нужный материал для каждой конкретной профессии – вот что должно быть основной целью каждого ведущего преподавателя. В действительности же часто происходит обратное: выпускник ВУЗа настолько был завален ненужной и труднодоступной для него математической мощью, что в результате по окончании ВУЗа он математику знает даже хуже, чем до поступления в ВУЗ. Бойтся её и, уж точно, не будет использовать в своём деле. К сожалению, у нас это массовое явление, наблюдал я его, в том числе и по некоторым специальностям, в Московском государственном университете, в том самом МГУ, в который мне в свое время, не удалось поступить.

Да, я был очарован преподавательской деятельностью в тот период! Студенты платили мне той же монетой. Я был увлечен, если не сказать – влюблен в эту профессию, в студентов! Состояние влюблённости, влюблённости в жизнь стало моим постоянным ощущением, прекрасным наркотиком, эффект от употребления которого остался у меня на всю жизнь. Помню, когда проводилось анонимное анкетирование квалификации преподавателей среди студентов. Я получил высший бал среди всех, подвергшихся этой процедуре – почти пять из пяти возможных. Там было, наверное, с десятков вопросов, по каждому из

которых надо было проставить оценку по пятибалльной системе, в том числе: знание предмета, умение подать материал, умения поддерживать дисциплину, успеваете ли делать записи, внешний вид, манера поведения, ответы на вопросы и прочее. Так что, творческое состояние, самолюбие у меня были в полном порядке, и ... тут случилось нечто!

Поступило предложение из Москвы от института ВОДГЕО принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника лаборатории дренажа промышленных площадок. Победителю конкурса предоставлялась четырёхкомнатная квартира в зелёной зоне Москвы, рядом с работой. Это одно. Было и другое. Ректор сделал мне предложение в форме, от которого я не мог отказаться – назначил меня деканом строительного факультета, который только что открылся в институте.

Что делать? В Астрахани у меня уже есть четырёхкомнатная квартира рядом с работой – ректор сдержал слово и преподнёс ключи от квартиры на «блюдечке с золотой каёмочкой», как и обещал. В Астрахани у меня прекрасная работа, хорошо оплачиваемая, немислимые перспективы растут, как на дрожжах. Москва, конечно, тоже не Камызяк, а ВОДГЕО – не прачечная. Есть из чего выбирать. В раздумьях о шансах, о дорогах в жизни решающими оказались два аргумента: я понимал, что преподавательская деятельность, несмотря на всю свою привлекательность, не оставляет мне шансов на серьёзное занятие наукой, а науку я бросать никак не хотел - это всё же моё любимое детище. В научном же институте ты не только сам занимаешься научными исследованиями, но и продолжаешь быть преподавателем, то есть научным руководителем у аспирантов. И второе, думаю, главное: если мои дети вырастут в Москве, то они никуда не уедут, а останутся ли они в Астрахани – большой вопрос. Любил я своих детей (а их было уже двое – дочь и сын) безоглядно, не мог представить свою жизнь без их близости, их присутствия. К чести жены, скажу, что она не настаивала на каком-то варианте, право выбора оставалось за мной. Ей тоже было не просто бросить преподавательскую работу, где она была уважаема. И работа ей нравилась не меньше, чем мне.

Выбор пал на Москву. Ректор, в начале, обиделся, пытался даже помешать моему переезду, но потом рассудок взял верх над эмоциями, и мы расстались друзьями. С большой теплотой вспоминаю РыбВТУЗ, студентов, преподавателей Юсупова Роальда Алиевича – заведующего кафедрой высшей математики, Либову, Каликинскую, Наташу Ткачёву, Дорохова, Ольшанского и других, с кем приходилось работать, жить, отмечать вместе на кафедре общие и личные праздники.

Нелегко было расставаться с другом - Коростилёвым Сашей и его семьёй. С ними мы многие годы жили душа в душу. Непростые чувства были перед братьями - как будто бы предал их. Мы так хорошо, по-семейному дружно взаимодействовали. Соблюдали субординацию, то есть почитали и подчинялись старшему брату, Геннадию Петровичу. Он к этому времени тоже жил в Астрахани. Болезни заставили бросить председательскую должность, а она, эта должность, помогла ему получить хорошую квартиру в городе. Близость с Юрием не только по возрасту, но и по Саратову рвалась с моим отъездом по живому. Юрий вообще человек чувственный, эмоциональный, поэтому наш отъезд он воспринимал то, как торжество справедливости, то, как предательство младшего брата.

Но, конечно, отъезд в Москву стал самой большой трагедией для мамы. К тому времени уже был продан наш родной сельский дом, маме одной стало тяжело в нём, и она согласилась переехать в Астрахань. Она жила в моей семье. У неё была своя отдельная комната в нашей четырёхкомнатной Астраханской квартире. Переезжать с нами в Москву она наотрез отказалась. Жить с кем-нибудь из других сыновей не захотела, хотя её приглашали все. В своей квартире я её оставить не мог, так как в условиях предоставления мне квартиры в Москве стало обязательным сдача квартиры в Астрахани. Пошёл к ректору, мол, так и так: «Артемий Захарович, Вы дали мне ключи от квартиры, Вам их и передаю. Вы даёте мне справку, что я сдал квартиру, а также даёте маме благоустроенную, с удобствами, отдельную комнату в преподавательском общежитии. И Вам хорошо, и мне тоже». Он согласился, а мама была так рада, что теперь в Астрахани у неё есть «свой угол», в котором тепло, светло, вода, канализация – не деревенская хибара. Что она может принимать у себя гостей – братьев, родственников. У меня отлегло от сердца, все конфликты, связанные с отъездом, разрешились ко дню отъезда, а что там будет дальше – знает только господь бог, а нам это ещё предстоит узнать.

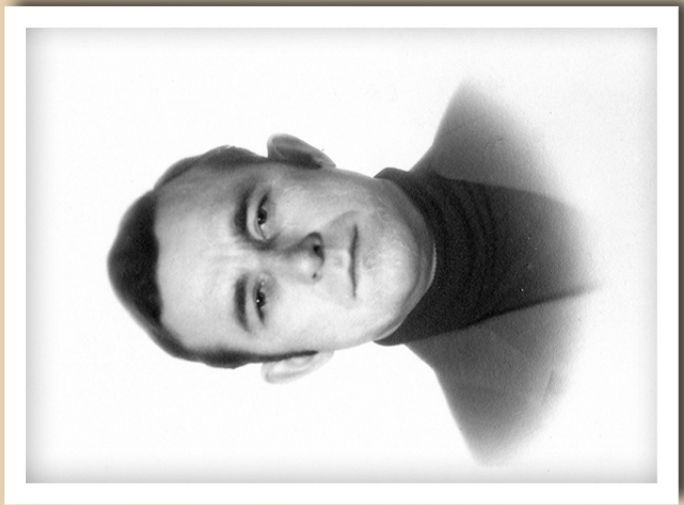
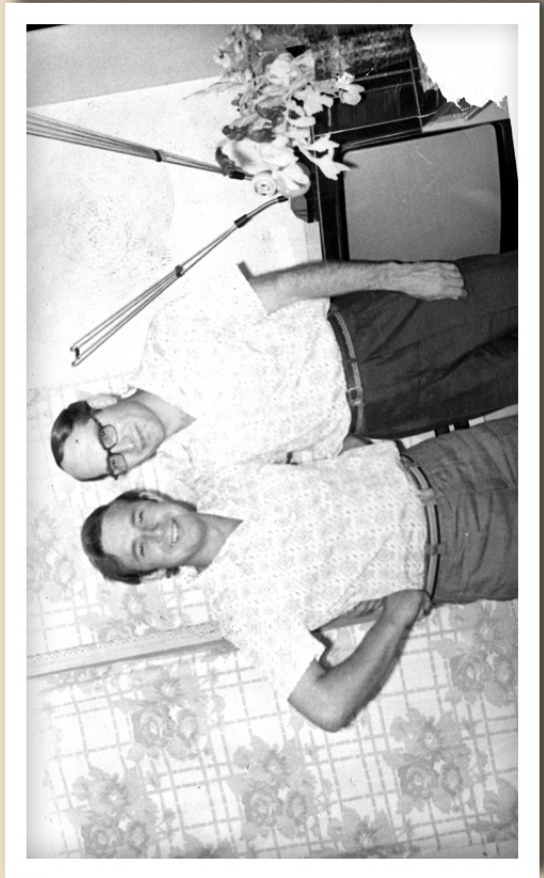
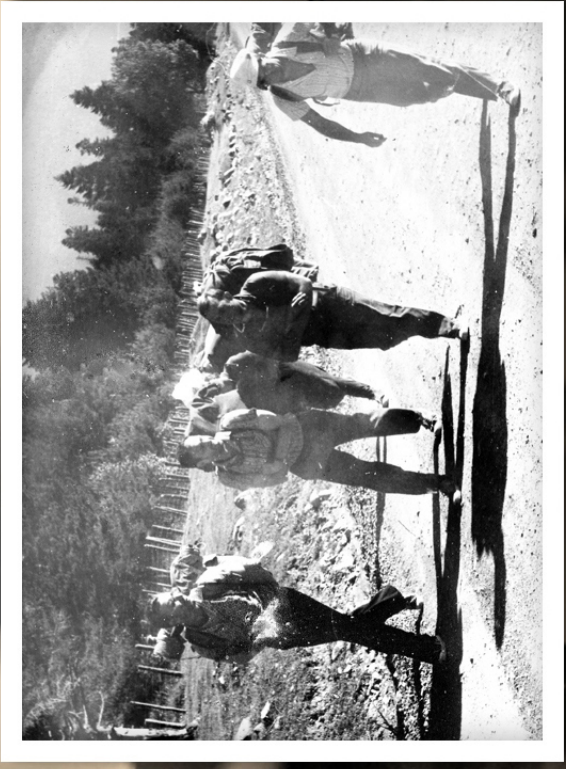
Ах, наука, наука! Что за дева такая?
Так таинственна и загадочна. Недоступная и святая!
Прикоснулся к ней, а она какова!
Поманила? Нет. С потрохами меня забрала!

Да и сам я рад, отдаваясь ей!
Заглянул к ней в ее глубины:
Ах, какой красоты, какой высоты
Нарисованы там картины.

Отравлен ли, влюблён - не одно, разве это, и то же?
Поглощён, увлечён – кандидат испечён,
И путёвка в жизнь – тоже!

Вот теперь я доцент, и чему-то учу студентов.
И декан, словно бог - кому стипендию, кому апартаменты.
Институт, будто печь, день и ночь все печет и печет дипломы.
Много лет - через тернии, через невроз – мне близки те пути и знакомы.

А наука, где ты? Не забыты ещё восторги
От твоей высоты! Не пускаешь меня на волю!
Педагогическую «печь» променял на тебя,
До конца теперь – твой: выбрал эту пленяющую долю!

ГЛАВА 7. МОСКВА, ВОДГЕО, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК. КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЖИЗНИ

13 июня 1980 года я стал москвичом и сотрудником ВНИИ ВОДГЕО. С.Н.С. – старший научный сотрудник. Произошло это по причинам как субъективного, так и объективного характера. Субъективные причины состоят, главным образом, в том, что Муфтахов А.Ж. был наиболее талантливым учеником Сергея Кузьмича Абрамова – самого крупного в Советском Союзе, да я думаю, и в мире, специалиста по защите застроенных территорий от подземных вод. Он умер в конце семидесятых годов прошлого столетия, а среди сотрудников ВОДГЕО не нашлось достойного продолжателя этого направления. Институт, конечно, не хотел терять это важное направление, постарался удержать свои лидирующие позиции в этих вопросах. Поэтому на место Абрамова С.К. был приглашён Ахмет Жаляевич – один из моих руководителей по кандидатской диссертации. Кроме того, у меня уже был определённый научный авторитет в ВОДГЕО среди таких ведущих учёных, как Веригин, Бочеввер, Орадовская и другие. Были и объективные причины. В то время Госстрой, вышестоящая организация ВОДГЕО, выделили институту деньги на выполнение большой темы, связанной с защитой около десятка крупных городов Советского Союза от подтопления и разработкой новых, современных методов борьбы с вредным воздействием грунтовых вод на подземную инфраструктуру городского хозяйства. Тему подтвердили, деньги выделили, а делать некому. Абрамов уже в возрасте, вот он и попросил Муфтахова, может даже договор какой-то был с Астрыбвтузом, чтобы он помог в выполнении этой темы. Муфтахов стал активно к разработке темы привлекать своих учеников. Я оказался наиболее продвинутым в этой работе. Саша Коростилёв в это время активно занимался другой работой. Он вскоре после защиты диссертации стал деканом судомеханического факультета. У меня тоже преподавательских дел было по горло, но я боялся потерять научную форму. И поэтому горячо взялся за это дело. К нам с Муфтаховым тогда подключились Шевчик Александр Петрович, Брумштейн Юрий Моисеевич. Шевчик подготовил базу для проведения лабораторных исследований, привлёк к проведению экспериментов студентов. В частности, над экспериментами нового вида дренажа – пневмонагнетательного стал работать мой племянник – сын Геннадия Петровича – Куранов Сергей Геннадьевич. Тогда мне и в голову не могло прийти, что эти простейшие лабораторные испытания станут прообразами, предтечами образования одного из крупнейших филиалов НПО ВОДГЕО – Астраханского филиала фирмы «ДАР/ВОДГЕО». Я же в это время занимался разработкой методов расчёта вентиляционных и пневмонагнетательных дренажей. Термин – пневмонагнетательный дренаж пришлось внедрить в обиход мне, обсуждая как-то раз такую возможность осушения грунтов с Веригиным. До этого момента любого рода использование воздуха при осушении пористых материалов называли вентиляцией. Такое положение вещей необходимо было исправить, поскольку закономерности осушения грунтов при проветривании (вентиляции) принципиально отличаются от процессов, которые происходят, если воздух не обдувает грунт, а продувается через массив грунта. Так появился новый вид осушения грунтов – пневмонагнетательный, теорию которого мне удалось разработать, а вслед за этим, и инженерные методы его расчёта, и оценки его эффективности. Этим я как раз активно и занимался, будучи ещё в Астрахани. Собственно, данное обстоятельство можно рассматривать (оно так и есть!) как объективную причину моего приглашения для работы в институт ВОДГЕО. Ахмет Жаляевич, начав работу в Москве, понял, что ему одному поднять ее крайне трудно, он занимался множеством других проблем по этой теме, а вакуумные, вентиляционные и пневмонагнетательные дренажи, то есть дренажи специального назначения с принудительным отбором влаги из грунтов, он отдал мне на откуп. С этим Муфтахов обратился к руководству института, показав на меня «пальцем». Его предложение поддержали, и вот уже июньским утром 1980 года моя семья из четверых человек просыпается утром на полу новенькой четырёхкомнатной квартиры в Кучино, где часть ВОДГЕО находилась ещё с 1934 года. Вещи не подъехали – мы их опередили. Подъём, и сразу в Кремлёвский дворец съездов на балет «Жизель» с Максимовой и Васильевым. Так началась московская жизнь. Московский период моей жизни продолжается и по настоящее время. Я же продолжаю быть связанным с институтом ВОДГЕО, проживая и видоизменяясь вместе с ним под натиском бурных перемен. Тут и перестройка, и развал Союза, тут и переход от плановых отношений к ры-

ночным, от государственного предприятия к акционерному обществу. А тогда...

Пока я начинаю понимать, что такое работа в научном учреждении. Это оказалось, как раз то, о чём мечталось: приходишь на работу, сам себе ставишь те или иные задачи, которые продиктовали твои предыдущие заботы, решаешь их долго или коротко в зависимости от их сложности и твоей квалификации. Причём, неважно, где ты, чем ты занят – ты всё равно решаешь эти задачи. Круглые сутки. В том числе во сне, помимо тебя, твоего желания. Ведь инструмент – голова. Она свободна, когда ты ешь, занимаешься домашними делами, спишь, купаешься в озере, готовишь шашлык, едешь в метро, в электричке, в поезде. Главная твоя задача состоит в том, чтобы уметь быстро переключать голову на что-то другое, когда она устала, «не варит», проветрить, провентилировать её. В этом плане главные помощники – семья, друзья и природа. О них и поговорим, как всё складывалось и развивалось в этот период.

Природа Подмосковья покорила меня. Берёзовые рощи, сосновые боры, мохнатые ели, холмы, перелески, соловьи, олени. Ничего этого в тех краях, где я вырос, не было и в помине. Произошло моё перерождение из рыбака-колхозника в грибника. Набитые грибами рюкзаки далеко за 50-60 килограмм приносил я домой с «грибалки», вываливал всё это добро на кухне, так что всей семье «волей-неволей» надо было перебирать, отваривать, солить, жарить эту снедь. Добродушное ворчание по этому поводу было мне по душе. Из-за того, что семья участвовала именно на этом, самом грязном и тяжёлом этапе «грибалки», никто из семьи не стал заядлым грибником. Главным моим партнёром, несколько позднее, был наш пёс Джин - русский спаниель, который преобразался в грибных походах: лаял радостным лаем на всё, что ему попадалось на пути: птиц, зайцев, мышей, лосей. Убегал от меня в неведомые для меня дали, так что я его лая долгое время не слышал. Я не боялся, что он меня потеряет. Джин всегда найдет - нюх у него был прекрасный. Подбежит, выскажет удовлетворение – пообщаться ведь и ему хочется, и убегает дальше.

Природником, но не грибником, был и Ахмет Жаляевич. Наши дома в Кучино стояли рядом. И они, и мы жили в домах-близнецах на одном (4-ом) этаже, в четырёхкомнатных квартирах, которые тоже были близнецами. По утрам, до работы мы с ним зимой бегали на лыжах где-то час-полтора, а в другое время бегали на соседнее озеро. Там соорудили волейбольную площадку и играли по утрам в волейбол. Обычно – два на два. К нам присоединялись ещё профессор Саркисян Вруйр Саркисович, сотрудник ВОДГЕО из лаборатории Веригина, друг Хубляряна. Мартин Гайкович теперь был уже не во ВНИИГИМ-е, а стал директором института водных проблем академии наук СССР (ИВП АН), а также наш сосед из института мер и весов. Жаль, забыл фамилию (помню кличку – «Хмурый»). Прекрасный человек! В эпоху бандитских девяностых годов потерял сына, вынужден был уйти из института и работать в школе, где ученики его не только не уважали, но и закономерно отравляли ему жизнь в силу мягкого, доброго, отзывчивого характера. Как говорится – пахали на нём. Раз «не кусает» и шею подставляет, то грех на нём не «кататься», над ним не потешаться. Он это понимал, но только разводил руками.

Ахмет Жаляевич не любил проигрывать, как и не любил ходить на лыжах за кем-то, особенно - за мной. Всегда вырывался вперёд. Его азарт, желание быть первым, бросались в глаза, и его жена, Рашида Закировна, часто посмеивалась по этому поводу над ним, на что Ахмет благодушно ухмылялся. Потом, когда Ахмета Жаляевича не стало, я вернулся к Астраханскому варианту с футбольной командой. Так же до работы играли в футбол с разновозрастными школьниками, которые отдавали предпочтение коллективному «помешательству», лишая себя не менее 2-ух часов сладкого утреннего сна! Школьники были от первого до десятого класса, в том числе – девчонки! Одним из активных участников футбольных фанатов был сын Пётр. Дочь к тому времени стала уже взрослой, то есть, была «сам с усам».

Пожалуй, к «природному» - можно отнести и эпопею с Кучинской дачей. Дело в том, что поскольку институт в Кучино «проживает» с тридцатых годов, с момента своего основания, то у него, у института, образовалось тут множество разных отростков, дачных участков, например, отдельные строения и прочее. Одним из отдельных строений был большой двухэтажный деревянный дом, бревенчатый и совершенно запущенная территория вокруг него. В этом доме жил один прелюбопытнейший дед. Можно сказать - один из образов Шукшинских персонажей, можно сказать - бомж, можно сказать – Гоголевский Плюшкин. И то, и другое, и третье - верно. Что точнее – не берусь утверждать. Он любил где-нибудь «подловить» меня на

природе в воскресный день, когда я возвращался после утренних спортивных процедур, и грузил меня историями из своей приключенческой жизни. Он действительно был членом нескольких интересных альпинистских экспедиций, сыпал именами, известными и малоизвестными для далёкой от горных интересов публики. В тот период мне было это очень интересно, поскольку я только-только познакомился с этим миром, побывал на Домбае, Чегете, покорил Эльбрус. Считал горы – особым, отдельным, прекрасным миром. Был влюблён в этот мир и покорён этим миром. Нет, не фанатом, конечно, но, как минимум, поклонником. В душе бродили эмоции, подхваченные на горных дорожках. Так вот, этот дед жил в одном из отсеков того огромного дома. Забил этот отсек всяким хламом, который он целыми днями выискивал в прилегающей местности. Случился пожар, дед на этот раз отделался лёгким испугом (дед этот имел вполне благоустроенную квартиру в нашем доме, также завалил её мусором и потом уже сгорел в очередном пожаре). Пожарные пожар потушили, но стали разбираться – чей это объект. Оказался – на балансе ВОДГЕО. Заместитель директора по хозяйственной части ВОДГЕО Соловьёв Виктор Иванович имел в то время большую власть в городе Железнодорожном, куда относилось Кучино. Сейчас одна из улиц города Железнодорожный носит его имя! Вручение четырёхкомнатных квартир приглашённым сотрудником ВОДГЕО – это дело его рук. Приглашает он меня к себе и говорит, я, мол, знаю, что ты к земле тянешься, на каком-то клочке земли картошку сажаешь. Возьми под опеку вот этот бревенчатый дом, где недавно случился пожар и территорию вокруг него вот в этих вот границах. Приведи всё в порядок и считай, что институт тебе выделил дачу. Дом огромный. Говорю Ахмету Жалаяевичу: «Давай на двоих». Так мы стали ещё и владельцами дачи в Подмосковье, что раскинулась, можно сказать, в двух шагах от наших квартир. Вкалывали мы на этой «даче» двумя семьями, привели там всё в порядок, стали получать урожаи овощей, фруктов. Так что было, чем отвлечь голову от научных проблем.

Потом, когда это место было отдано под строительство очередного дома, я сказал своим друзьям, чтобы они подогнали машины, разобрали этот дом и увезли к себе. Они так и сделали. Саша Пузырников и Виктор Митрущенко уже на другой день осуществили мой план, построив у себя в Купавне на своих участках бани. С тех пор моя семья была радушно принимаема и в одной, и в другой баньке. Ребята знали в этом толк, баники получались на славу. В то время у нас сложилась дружная семейная компания на четыре семьи. Три семьи благополучно дружили и без нас, ещё с детства, со школы. Третьим был Гарик с Валентиной Жажиной.

А у Саши Пузырникова жена стала работать в нашем институте. Людмила вскоре стала подружкой моей жены – так мы расширили тройку до четвёрки. Это был прекрасный период, хороший образчик дружбы семьями, где никому ничего от другого не надо было, но каждый был рад что-то сделать для другого. Семейные праздники проводились у каждого в его доме, но чаще всего собирались у Пузырниковых. По-видимому, главную роль в этом играло гостеприимство Людмилы, и какая-то мужицкая мудрость её мужа – Саши. Он был монтажник-высотник, где бригадиром был его лучший друг. Несколько раз они брали меня к себе в бригаду на подработку как когда-то, в студенческие годы. Я не отказывался, чувствовал потребность в физической работе. А раз не отказывался от работы, то и от финишной чарки тоже не мог отказаться. «За что и уважаем» - слышал от работяг. «Посошок» был слишком велик, так что домой добирался «на бровях». Хорошо, что это было не часто. А Саня давно уже лежит на кладбище. Сердце такую тяжёлую физическую работу с таким «посошком» долго тянуть не может. Саша Пузырников был моим учителем и первооткрывателем для меня красот подводного мира. Он влюбил меня в этот мир, научил не только любоваться им, но и охотиться в первобытном стиле, с копьём. Это было в период первого в моей жизни отпуска с семьёй, в который мы позволили себе поехать на море, в Новороссийск. Там мы отдыхали вместе с семьёй Пузырникова. Сняли две комнаты в доме на берегу моря, на окраине города, на Малой земле, у начала отрогов Кавказских гор. По утрам я делал пробежки в горы, приносил множество грибов, которые мы варили, жарили, тушили. Даже шашлык из них делали. Правда, не всегда удачно. Однажды не дожарили и уложили на несколько дней детей и женщин в больницу с отравлением. Днём водил я ребят в горы, в походы. Потом, спустившись, до изнеможения купались в море. Там Пузырников провёл со мной мастер-класс по снорклингу (тогда такого термина не было, просто – плавание с маской, трубкой и ластами).

Настоящую дружбу в то время мы водили с соседями по этажу. Лев Яковлевич и тётя Шура Антиповы были старейшинами в нашем коридоре. Лев Яковлевич работал на заводе «Серп и молот», любил водочку, как многие, но был уникам в своём роде. Он «втихаря» от жены занимал у меня деньги. Называл число и час, когда он их отдаст, обычно, связанные с получкой. Всегда приносил точно в срок, в каком бы состоянии не был. Иногда, правда, на другой день спрашивал – отдал ли он долг. Вечерами любил заглядывать к нам - поиграть в шашки. Он играл в шашки очень даже не плохо. Мне пригодился сельский опыт из детства, чтобы достойно противостоять в шашках незабвенному, добрейшему соседу. Он, к сожалению, рано умер. Рак его загрыз мгновенно. А тётя Шура всегда всем была доброй тётей. По-соседски бегали к ней, когда дома вдруг не оказывалось соли, хлеба, лука или другой какой мелочи. Прочная дружба между семьями у нас сложилась с Борисовыми – ещё одними соседями по этажу. Виктор работал электриком в ВОДГЕО, был мастером на все руки. Это он предложил мне войти в бригаду, которая в отпуск уезжала на заработки на Север. Два года я ездил с такой бригадой в Тюменскую область. Один год мы строили коровник, другой год – огромный ангар с трёхэтажным внутри административным зданием. В организации этих работ я сам не участвовал – этим занимался бригадир, который заранее вёл все переговоры. Я был чернорабочим. Таскал кирпичи, бетон, копал, пилил. В общем, всё, что было нужно и не требовало какой-то специальной профессии. Например, каменщика, водителя, монтажника, экскаваторщика, крановщика. Объекты брались с нуля и до полной сдачи. Вкалывали до изнеможения – по 14 часов. В воскресенье – полдня. Потом баня и футбол. За месяц зарабатывали оба раза по две тысячи рублей на брата. Очень солидная поддержка семейному бюджету, хотя в то время я и так уже хорошо зарабатывал – 320 рублей в месяц. По тому времени - это обеспечивало безбедное житьё-бытьё.

Семья для меня всегда была главной заботой, главной любовью. Без преувеличения могу сказать, что семья для меня была смыслом жизни. Где-то внутри меня, в моём стержне, несмотря на увлечённость наукой, привязанность к ней, наука все же была служанкой у семьи, а не семья – служанкой у науки. За любого члена семьи я, не моргнув, мог, в случае необходимости, отдать жизнь. За науку – нет. Наука была служанкой, но я не был её господином, тем более не были господами для науки члены моей семьи. Мы были с наукой хорошими друзьями. А, впрочем, точнее, мои отношения с наукой и семьёй выражает сложившееся сейчас определение счастья: утром с удовольствием спешить на работу, а вечером с удовольствием торопиться домой.

У меня-то это счастье было. С женой – сложнее. Работая в ВОДГЕО, она могла выполнять только низко квалифицированную работу. У неё не было возможности заниматься наукой – надо было рожать и растить детей. Работая в школе, в ВУЗе, она была уважаема, что для человека и с её гордыней было очень важно. А в научном институте она оказалась в роли подай-принеси, что явно диссонировало с её потребностями. Мы, конечно, с ней это обсуждали. Я убеждал её, что школа, преподавание – её призвание, надо идти туда. Но, видимо, мой пример, а мы всё-таки заканчивали один университет, один факультет, был для неё большим маяком, чем преподавание: «Останусь в ВОДГЕО, буду учиться в аспирантуре заочно». Так и сделали. Я определил ей тему диссертации, по которой у меня уже был определённый задел, но...

Но мы были уже не голодные студенты: ученая степень, приличная зарплата, двое детей, масса друзей, возможностей. В общем, как говорил незабвенный Иван Андреевич: «До того ль, голубчик, было...». А тут я уезжаю в командировку на три месяца в Ливию, в Сирт, где много позже, совсем недавно растерзали Каддафи. А в то время Ливия была процветающей страной. Я не пропускал возможности поехать по Ливии, активно работал на площадке предполагаемой атомной станции, которую начали проектировать советские специалисты, развернул там большую серию опытно-фильтрационных работ. Сам планировал опыты, сам участвовал в бурении скважин, в опытных наливах и откачках. В моём распоряжении был грузовой автомобиль, и я гонял его по пустыне Сахара, проводя опыты в разных местах. Там же я стал формировать докторскую диссертацию. К тому времени у меня уже наполнилось достаточно много материала. Кстати, формирование докторской диссертации в Ливии началось, я бы сказал, не шаблонно. Это была моя первая зарубежная командировка. Я беспартийный, поэтому инструктаж в соответствующих инстанциях я получал по полной: этого нельзя, того нельзя, а о том – даже подумать нельзя. Ну, нельзя и нельзя. Наложил полный чемодан книг и материалов, которые мне нужны для написания докторской

диссертации, и поехал. Беру чемодан, иду к таможенникам, а мне встречающий гид-переводчик машет рукой, мол, сюда-сюда. Я пошёл на его зов, и мы быстро оказались в машине, потом за его столом и спать. Наутро открываю чемодан, а он полон... Сахар! Кусковой! Я опешил. На мгновение потерял дар речи – неужели за рубежом за одну ночь книги по чьему-то умыслу могут превратиться в сахар? Бегу к переводчику. А он: «Не огорчайся, найдём мы твои книги, кому они нужны?». Нашли. В соседней Советской экспедиции на проходной стоит чемодан с книгами. Такой же, из того же магазина чемодан! Меняю местами. Я – с будущей докторской диссертацией, он – с самогоном, для которого и вёз сахар. Все - при «своих»! Оставляя в стороне научную сторону командировки в Ливию, скажу лишь, что жил и трудился - на полную катушку. Дом, где жили, был рядом с морем. В свободное время, в жару я плавал с Пузырниковской пикой до изнеможения, любуясь подводным миром Средиземного моря в пустыне.

На каждом шагу встречались противоречия парткомовской инструкции с реальной жизнью. Нельзя-нельзя превратилось в то, что всё можно. Самогон гнали, пили и продавали жён «на прокат» (видел своими глазами!): на ночь арабам отдавали.

Со мной в командировке был Игорь Коринченко, мы с ним из одной – Муфтаховской лаборатории. Игорь обладал особым состоянием души и острословием. Жизнь в Ливийской экспедиции дала ему столько пищи для острословия, что он использовал этот материал до самой смерти. Умер внезапно, в день празднования 70-летия института ВОДГЕО. И теперь, бывая на его могиле в день пионерии 19 мая, всегда вспоминаю и наш с ним «Ливийский период».

Приехал я из Ливии полный творческих сил и с чеками в «Берёзку», где детям приобрели японский магнитофон, жене - модную тогда дублёнку, и ещё всякой всячины. Прибарахлились! Однако, вскоре случилась ночь, которую мне не забыть никогда. Жена уехала на вечерние семинарские занятия по языку (или философии) и не вернулась домой. А когда вернулась, то сказала, что она всю ночь бродила здесь в Кучино по окрестностям и не могла зайти домой. Собиралась с силой духа сказать мне, что она, как жена не может выполнить свои супружеские обязанности, я в этом не виноват, просто она как женщина не может больше наступать себе на горло. Она ведь не виновата в том, что я ей опротивел. Это был удар с ясного неба. Я испортил любимой жизнь, оказывается, физически ей противен, а я этого за 20 лет и не замечал! Чурбан, мужлан - какие я только эпитеты не клеил себе!

Сказать-то сказала, а дальше что? Жизнь идёт. Дети проснулись, надо собирать в школу, завтракать. Надо собираться идти на работу. Пришла ночь: надо ложиться спать. В разные комнаты нельзя – дети увидят, спрашивать начнут. Пришлось ложиться вместе...

И так четыре года. Наконец, она подала на развод, развели нас со второго раза. Созвал я семейное собрание, сообщил детям, что мы развелись, что оба всех любим, что для них ничего не изменилось. Жена молчит, но уже, бывшая жена. Дочь, как старшая, спрашивает:

- Как это ничего не изменилось? Вы что, будете жить вместе, в этой квартире?

- Да нет, - говорю, - мы ещё не думали. Сначала вам надо решать, с кем вы будете жить. Подумайте. Одно условие – делить детей я не дам, это не бревно, которое можно распилить. Брат и сестра должны жить вместе.

Бедный сын, которому только-только исполнилось 10 лет, вдавился в диван и не мог проронить ни слова. Он безумно любил мать, но, думаю, не меньше и меня. Дочь, конечно, тоже очень любила мать, но она чувствовала, знала, что виновницей развала семьи является мать. Ей легче было принять сторону отца. Валентина робко спросила:

- Может, Петя, ты будешь жить со мной?

Он ничего не сказал, тихонько покачал головой. Последний семейный совет закончился, а жизнь продолжалась. Снова утро, снова подъём, снова учёба, работа. Валентина при нас перестала заходить на кухню. Я стал для детей и папой, и мамой. Валентина жила с нами «под одной крышей», но не с нами. Я же продолжал чувствовать перед ней какую-то вину: я видел, как она вся на нервах, исхудала, потеряла в весе не менее 10 килограмм. Я понимал, что она страдает и, наивный, считал, что причиной её страданий являлся, конечно, я. Пишу эти строки и сам себе удивляюсь: как я за четыре года не мог понять, что лапша у меня на ушах висит до самого пола. Она много раз, за эти четыре года, когда я пытался выяснить, что же

всё-таки произошло, говорила, что она на мужчин вообще смотреть не может, не то чтобы изменять. Но однажды, её ближайшая подруга Пузырникова Людмила сообщила мне, что вчера она была на свадьбе у моей бывшей жены. Сообщила и кто был в женихах. Тут только я всё понял. С трудом добрался от Пузырниковых домой и пластом пролежал суток трое. Оклемався, и первое, что сделал - выгнал бывшую жену из квартиры. Она беспрекословно ушла. Так закончилась моя первая жизнь на этой земле.

Пока я лежал пластом, отходил – всё думал: «Ну почему я так необъяснимо верил жене? Да, знаю, что все видят, все знают, а муж узнаёт последним. Но у меня ведь были тысячи мелочей, которые мне показывали истинные причины. Да и не мелочей. Ведь это я, а не кто-нибудь, в студенчестве так переживал за Ковалёву!». И в правду – любовь, обманная страна!

Сейчас всё улеглось, прошли десятилетия. Я через свою шкуру пропустил: «Легко простить, но - нелегко забыть!». Понимаю, конечно, что жена никогда меня не любила. Уважала – да, заботилась – да. Вышла замуж за перспективного и, казалось, что любила – да. В этом нет её вины, как и в том, что полюбила другого. Вина её в том, что четыре года мучила человека, который её любил, жил и работал для неё и её детей. Вина её в том, что дети пролили действительно жгучие слёзы. Я рад, безусловно, что совместными усилиями всех членов семьи нам удалось сделать так, чтобы потери для детей были минимальными. Они сохранили тёплые отношения к матери, стали вхожи в её новую семью, что внуки её считают бабушкой, а её нового мужа - дедушкой. Бывает, мы вместе за одним столом на днях рождения детей, внуков, улыбаемся, шутим, хохочем. Но всё же дети до сих пор чувствуют неловкость, когда им приходится сажать нас за один стол. По большому счёту наш разрыв скорее имеет положительные последствия, чем отрицательные. Не только потому, что в результате появился на свет ещё один человек – Маша, её дочка. Ведь от меня третьего ребёнка она не хотела, не поддавалась ни на какие уговоры. Сколько абортотв мы понаделали – трудно и сосчитать. Ещё и потому, что мои дети прошли закалку, выдержали её, острее чувствуют силу нерушимой семьи. И я получил колоссальный жизненный опыт. Я пережил, перечувствовал, как сгорала моя любовь во мне. Когда, приблизительно, через полгода Валентина попросилась назад (не знаю, что у неё там с мужем произошло), я в душе обнаружил только пепел от прежней любви:

- Поздно, поздно, - сказал я ей. – Всё сгорело!

Я и ещё много чего нового, положительного испытал потом, но это уже было в другой, во второй жизни.

«Дорогая моя столица» -
 Так могу я сейчас сказать,
 Потому что в тебя влюбился,
 Потому что хочу понять
 Отчего в тебе мощь и сила.
 Добровольно пришёл к тебе
 И так рад, что меня пригласила,
 Всё, что смог – я отдал Москве.
 Я служил и служу науке,
 Чтобы чище была вода,
 Чтоб ушли, наконец, от разрухи
 Наши сёла и города.
 Я – песчинка в твоей обойме
 И признаюсь, что тем горжусь.
 Ведь я часть, что вошла в фундамент
 Дорогого мне слова Русь.
 Ты умеешь слагать песчинки,
 В одно целое их превратить.
 Оттого-то и мощь, и сила.
 Потому-то здесь хочется жить!

ГЛАВА 8. ДОКТОР НАУК. ПРОФЕССОР. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Господь бог устроил жизнь на земле мудро. Время вспять не поворачивается, не останавливается и паровоз под названием жизнь идёт и идёт вперёд. Утро сменяется днём, день – вечером, вечер – ночью – всё по заведённому порядку, по вращению земли. Вслед за этим – быт, работа, свободное время, сон. Одновременно с тем, как разрушался наш с женой союз, шла напряжённая работа по разработке новых научных направлений в лаборатории, авральные работы по Атоммашу, завершение работ по докторской диссертации. Разработка новых научных направлений была связана с появлением у меня аспирантов. С Атоммашем же происходили вот какие метаморфозы.

На берегу Цимлянского водохранилища в городе Волгодонске вырос крупный завод атомного машиностроения. Он дал мощный импульс развитию всего города. Строительство завода стало следствием развития науки и производства в области освоения мирного атома. Атомные электростанции казались тогда чуть ли не единственным альтернативным путём добычи энергии. Советская наука в этой области в то время была в авангарде мировой науки. Собственно, и сейчас Росатом и Кириенко наиболее востребованы за рубежом. Старые дрожжи Советского Союза – нефть, газ, атом и космос до сих пор являются главными Российскими достижениями. Так вот, Атоммаш – только что построенное новейшее предприятие по производству оборудования для атомных электростанций оказалось на грани закрытия.

Причиной тому стало подтопление промплощадки завода подземными водами, которые были довольно глубоко до строительства завода. Строительство и эксплуатация предприятия привели к быстрому подъёму грунтовых вод, что не было учтено при проектировании завода. Это, в свою очередь, вызвало неравномерные осадки всех зданий и сооружений на заводе, производственных цехов, мощного, высокоточного многотонного оборудования, станков с числовым управлением, что не позволяло выдерживать требования технологических регламентов, обеспечивать нужную точность производимых изделий. В это время страной руководил Андропов Юрий Владимирович. Он поднял на уши всю Советскую науку, причастную к проблеме, снял с должностей несколько директоров научных, проектных и строительных учреждений, так что оставшееся руководство, мимо которых «просвистел» Андроповский меч, засело в Волгодонске. Но не одно руководство, конечно. Каждый прихватил с собой специалистов. На борьбу с подтоплением завода отрядили ряд организаций. Научную часть представляло ВОДГЕО. Я оказался ответственным исполнителем. Мы в своей лаборатории разработали комплекс мероприятий, сопровождали проектные работы и строительство опытно-производственных участков, а затем проводили на них экспериментальные работы, вводили корректировки в проектные решения. Наши работы закончились тогда, когда осадки прекратились, и всё вошло в прежнее русло.

На это ушло около года. Этот период мне запомнился не только и не столько ответственностью за свою работу, сколько тем, что приходилось выступать не только в роли учёного, но и проектировщика, и буровика, и чернорабочего, и постановщика опытных работ, их исполнителя, разработчика методики обработки опытных данных, обобщения результатов экспериментов и выдачи задания строительным организациям.

В результате, меч Андропова не коснулся нашего института, мои позиции в институте укрепились, а главное, я прошёл школу внедрения научных разработок в практику проектирования и строительства. Я стал значительно лучше видеть, какие действия буровиков и экскаваторщиков стоят за осуществлением того, что кроется в полученной вчера формуле за моим письменным столом.

Почувствовал, понял, узнал кое-что о связи науки и практики. Постановка и организация научных исследований в Советском Союзе были поставлены на высоком уровне. Это способствовало образованию научных школ внутри научных учреждений, становлению новых направлений в науке, которые вырастали как в недрах самой науки, так и диктовались практикой, развитием производства. Беда же Советской науки была в том, что достижения науки были не востребованы. Отсутствовал механизм заинтересованности производства в использовании научных достижений. Выполнение плана, плановых показателей, которые спускались сверху, было главной, и можно сказать, и единственной задачей производственников. Внедрение же результатов научных исследований было отдано самим научным работникам. А они для этого не

приспособлены! Человек, знающий, как и из чего лучше всего делать гвозди, как правило, не умеет ни делать, ни забивать эти гвозди. Он генетически не обладает этими способностями. Делать гвозди умеет металлург, забивать их прекрасно умеет плотник. Именно поэтому многие изобретенные «гвозди» так и лежали на полках изобретателя. А его попытки сделать эти гвозди и забивать их, как правило, были безуспешны. Исключения, конечно, были. Но Королёвы – единицы, это исключения из правил. Поэтому Советская наука шла семимильными шагами вперёд, только когда партия ставила конкретные задачи перед наукой, выстраивала механизм использования научных достижений, соединяла в один коллектив специалистов по сплавам, из которых лучше всего делать гвозди, а так же металлургов и плотников. В остальных случаях достижения Советской науки так и оставались научными достижениями, не доходя своими результатами до народа.

Опыт Атоммаша, а также мои зарубежные поездки и работа там по принципу «под ключ», помогли мне понять, наконец, зачем и кому нужна моя наука! По сути дела, в этот период я почувствовал землю под ногами, какую-то опору, фундамент. До этого мои научные изыскания, как бы, парили в облаках, доставляя удовольствие только самому себе. Теперь же они зацепились за землю, успокоив и крестьянский надрыв, который сидел во мне. Мол - тунеядец ты, никчёмный ты человек, дармоед. Сам себя тешишь наукой, от которой никому ни холодно, ни жарко, от которой никакой пользы. И при этом сытно ешь, мягко спишь, разгуливаешь по театрам. А ведь помнишь, как трудился в колхозе. Когда про тебя, про пятиклассника писала районная газета: «Каникулы Коли Куранова». Ты ведь действительно не только изобрёл вместе с сельским кузнецом конное приспособление для прополки арбузов, ты ведь сделал его. Сам полон и передал другим. Ты арбузами накормил сотни людей ещё в пятом классе, получив за это трудодень. А что сейчас? Кому нужны формулы - дармоед и есть!? Такого рода мысли, одно время, крепко донимали меня. К тому же Гриша Коммунар, один из моих коллег по работе, подливал масло в этот огонь, любил пофилософствовать на эту тему. Позже, уехал в Израиль, устроившись там в одну престижную научную организацию, имеющую солидный международный авторитет.

Связав «облака с землёй», я всё же не мог продвигаться дальше вперёд. Меня держали оковы, оковы в виде докторской диссертации. Материала было много, я понимал, что надо быстро завершать начатое, поскольку это отнимает много времени и не позволяет идти дальше.

И вот, заручившись поддержкой Ахмета Жалаяевича, я приступил к её оформлению. Так уж получилось, что первым из моей семьи увидел готовую диссертацию мой десятилетний сын Пётр. Помню, захожу домой вечером после очередного обхода магазинов за продуктами и спрашиваю сына, мол, из типографии диссертацию не занесли? А он говорит:

- Нет, диссертацию не занесли. Принесли что-то толстое и вонючее. Он не знал, как это назвать: книга – не книга! Толстое (докторская, все же!), вонючее – потому, что только что переплели. Клей типографский ещё не выветрился.

Так и зовём теперь мою докторскую диссертацию – толстая, вонючая, до сих заглядывая, по надобности, в этот труд.

По диссертационной работе у меня было, как и положено, три оппонента – доктора наук и ведущая организация.

Один из оппонентов, опять же, как и положено, был член учёного совета из ВОДГЕО. Это был Василий Павлович Недрига. Муфтахов и Веригин не могли быть оппонентами, поскольку они являлись соавторами ряда работ. Василий Павлович не шибко разбирался в наших проблемах, но был уважаемым человеком, лидер гидротехников. На предварительной защите в институте выступали многие: Алексеев, Веригин, Шержуков, Саркисян. Они высоко отозвались о работе, как и Недрига, но вдруг неожиданно с критикой работы выступил на предварительной защите Муфтахов. Я был несколько озадачен. Ведь диссертацию писал я с его одобрения, он знал её содержание, как никто другой. Мы, по обыкновению, много с ним спорили, я доказывал свою правоту, оставляя без изменения этот материал. Там, где я считал, что прав Муфтахов, я вносил поправки. Он об этом знал, он читал окончательный вариант работы и не сделал ни одного замечания. А на официальной защите диссертации, пусть предварительной, вдруг выступает против данной работы. Я-то был озадачен, а остальные члены научно-технического совета – ошарашены.

Заведующий лаборатории, где работает автор работы – против? Как в таком случае работа могла попасть на предварительную защиту? Стали разбираться внимательнее в сути претензий. Ахмет Жаляевич никаких веских доводов не привёл, а лишь указал, что для докторской диссертации материала избыточно, и часть этого материала можно было бы опустить. На это совет резонно констатировал, что впервые встречается со случаем, когда предлагается не допускать к защите диссертацию по причине, что в ней по объёму научных исследований содержится на две диссертационные работы. Муфтахову пришлось согласиться, а я этому эпизоду не придавал особого значения. Мол, знаю Ахмета хорошо. Его желание поспорить нередко заслоняет здравый смысл. Поспорили и проехало.

Но не тут-то было. Ведущий организацией по докторской диссертации был институт ВИОГЕМ, что в городе Белгороде. У ВОДГЕО с ВИОГЕМОм давние отношения. Все друг друга знают хорошо. Хорошо знают и кто – чем дышит, кто – что из себя представляет. Приезжаю туда доложить работу, а мне директор говорит:

- Что там у вас в ВОДГЕО происходит? Ваш совет направляет нам работу на отзыв, а Муфтахов звонит и просит дать отрицательный отзыв.

Тут уж я не на шутку рассердился. Не могу поверить своим ушам! Мой научный руководитель ещё по кандидатской диссертации, тот, кто настаивал, подгонял меня защищать докторскую, который знает её, как пять пальцев, и не высказывал против конкретных положений работы ни одного аргумента, с кем мы дружим семьями, с кем столько пили и пели, вдруг втихую от меня звонит руководителю крупного научного института, которого хорошо знает, и который не может отказать ему, звонит, чтобы он своими руками зарубил мой научный труд и при этом не называл бы его, Ахмета, имени!

Говорю Пономаренко, а это он был в то время директором ВИОГЕМа, и его заместителю, давнему другу Муфтахова – Кравчуку:

- Я буду защищаться! Сможете аргументированно дать отрицательное заключение – давайте. Я посмотрю, что это будут за аргументы, и буду защищаться.

На что они мне ответили:

- Нет уж. Мы дали то заключение, которое считаем объективным, а вы там разбирайтесь между собой сами.

Ездил я с диссертацией и в Киев, в институт гидромеханики академии наук Украины, к Александру Яковлевичу Олейнику, известному, уважаемому специалисту и жизнелюбу на весь Советский Союз. Я знал его раньше, а у него познакомился с его сотрудниками, которые очень тепло меня встретили, и я ещё долгое время, вплоть до распада СССР, поддерживал с ними, с их лабораторией тёплые, деловые и дружеские отношения. Особенно, с Кремезом! Олейник дал высокую оценку работе. Такой же отзыв с высокой оценкой работы я получил от Барона Владимира Александровича из института ВСЕГИНГЕО.

Однако, на защите докторской диссертации меня ждал очередной сюрприз и не скажу, что приятный.

За 5-10 минут до начала работы учёного совета по защите докторской диссертации подходит ко мне заместитель директора нашего института Алексеев Владимир Сергеевич. Он с начала моего появления в институте и по настоящее время, играл и играет важную роль в моей жизни и как один из руководителей института, и как учёный, и как уважаемый мной коллега и товарищ. Шепчет мне, что некое сообщество гидрогеологов, возглавляемое Шестаковым Всеволодом Михайловичем, решило не пускать меня в доктора наук.

Всеволод Михайлович – бывший аспирант Веригина в ВОДГЕО, ныне заведующий кафедрой гидрогеологии МГУ, очень уважаемый и заслуженно уважаемый учёный международного уровня. Мной – тем более уважаемый, один из выдающихся учёных гидрогеологов, крупный специалист по динамике подземных вод. Его труды у всех на слуху, и мне они хорошо известны. До этого времени мне не приходилось лично пересекаться с Всеволодом Михайловичем. Учебный и научный институты имеют свою специфику, которая не способствует, не провоцирует личные встречи.

К такой ситуации перед защитой я не был готов, но поскольку и без того был мобилизован, то подумалось: «А ты как хотел? Защита докторской диссертации – она так и называется – защитой, пред-

полагает нападение. Вот и защищайся, тебе есть что защищать!». В своих вопросах на защите диссертации Шестаков всё пытался увести меня в лоно классической, региональной геологии и гидрогеологии. Он знал, что я по образованию не гидрогеолог, а механик. Я же в своих ответах возвращал совет в область количественных методов, не региональных параметров, а характеристик конкретных защищаемых объектов, промплощадок, городских территорий, то есть непосредственно, в те области исследований, которые и были в работе. В выступлении Шестаков отметил, что он считает, что диссертация, конечно, имеет уровень докторской, но не по специальности гидрогеология, и поэтому призывает совет проголосовать против присвоения мне степени доктора наук. Я же, как и многие члены совета, подчёркивал, что диссертация рассматривается в совете по техническим наукам, а не по геолого-минералогическим, и поэтому позиция Шестакова понятна, но не по адресу. Безусловно, Шестаков был прав, что по геолого-минералогическим наукам моя диссертация не соответствует требованиям ВАК. Но это и не удивительно. Ведь я писал диссертацию в соответствии с требованиями ВАК по техническим наукам. В общем, отделался на совете лёгким испугом.

Да, не гладко проходили мои защиты диссертаций. Потом уже узнал, что были по моим работам - как по кандидатской, так и по докторской - «чёрные» оппоненты, то есть те, которым уже после защиты посылал ВАК диссертации для дополнительного рассмотрения, без афиширования, инкогнито.

Так я стал доктором технических наук. Всё, что со мной происходило в то время, стало для меня серьёзной базой, основанием для пересмотра своей жизненной позиции. Почему в самый критический момент против тебя идут самые близкие тебе люди: жена, с которой жили вместе более 22 лет, научный руководитель, с которым ты входил в науку, с которым ты делил все свои творческие замыслы, а он отвечал тебе тем же? Да ещё некое, как потом дополнили, еврейское сообщество, с которым я вообще не пересекался. Тем более – еврейское. У меня среди моих самых близких друзей и коллег многие имеют еврейские корни. Я же не только внешне по жизни интернационалист, я же такой по натуре, по генетике, по воспитанию. В нашей семье всегда уважали людей за дело, за характер, но уж никак не по национальной принадлежности. У отца среди друзей было много казахов, отец даже умел разговаривать по-казахски. В чём дело?

Я стал копаться в себе.

Вспомнил все свои мерзкие поступки: в детстве украл нож у брата, отрезал косу у девчонки, перед отъездом из Астрахани взял взятку у студента, который несколько месяцев до этого меня обхаживал, и поставил ему тройку, не оправдал надежды ректора Астрыбвтуза, он столько сделал для меня, а я свалил в Москву. Больше ничего, за что мне было стыдно, не накопал.

Вывод сделал такой: «Значит - молодой ещё! Не всё понимаешь в жизни. Поживёшь – поймёшь, а не поймёшь, ну что ж, значит - это туда с собой возьмёшь».

И приговор: «Живи дальше, как жил и будь что будет». Теперь думаю, что в целом вывод сделал верный.

Тем более, что некоторые подтверждающие этот вывод события не заставили себя долго ждать. Например, на другой день после защиты диссертации дома в своём рабочем столе нахожу записку, написанную бывшей женой:

«Поздравляю с защитой!

Так и должно быть у честного, доброго и чистого человека».

А вскоре Муфтахов пригласил меня в ресторан. Первый раз в жизни. Обычно мы с ним пили или дома, или на работе, или в подворотне. В подворотне ему нравилось больше всего – дома и на работе нет того кайфа. В подворотне – как с любовницей, дома – как с женой. В ресторане мы сидели долго, но разговор по существу был короткий:

- Николай, прости меня, - слова Ахмета.

- Всё, забыли, - ответил я.

Дальше мы много говорили о работе, о планах. Я пытался всё-таки выяснить – почему? В чём дело? Ахмет на это не реагировал, и мы снова обсуждали текущее и перспективы. Больше эта тема не поднималась никогда.

Некоторый занавес приоткрылся и в отношении демарша Шестакова. Дело в том, что до защиты в поисках оппонента я обратился к Пашковскому Игорю Степановичу, одному из лучших учеников Шестакова. Оставил ему диссертацию. Он сказал, что он внимательно просмотрел работу, показал её Зеегоферу (тоже известный специалист – гидрогеолог) и вынужден отказаться от оппонирования. Мол, я гидрогеолог, а здесь – одна математика, в которой я не считаю себя специалистом. И была, как бы вскользь брошена фраза, что в последнее время что-то слишком много в гидрогеологию лезут из смежных специальностей, в том числе – математиков. Думаю, этот вопрос Пашковский с Зеегофером, а может, и ещё кто-то обсуждали с Шестаковым и Всеволод Михайлович, как наиболее близкий к ВОДГЕО человек, был делегирован на заседание учёного совета. Я уже говорил об этом и здесь повторяю, что нисколько не был обижен за эти позиции. Они так думали, они не поступились своей принципиальностью и боролись до конца за чистоту своих рядов – гидрогеологов. Но весь мой предыдущий и, тем более, последующий, опыт работы в науке показал, что привлечение людей из смежных специальностей приносит новые импульсы, новые направления. Не бояться этого надо, а приветствовать. Тем более, в моём случае. Механик по образованию – это в том числе, специалист по теории фильтрации, по динамике подземных вод, по миграции загрязнений. Региональная гидрогеология слабо использует математические методы, далека от этого, но ведь есть, и инженерная гидрогеология и инженерная гидрогеоэкология, а это – область ближе к механике, чем к региональной гидрогеологии. Жизнь показала правильность этих рассуждений. Во всяком случае, у меня не было прецедента, который показал бы мне, что я не на своём месте. А через некоторое время и Шестаков, и Пашковский признали моё право иметь степень доктора наук. Во всяком случае, у нас, как мне показалось, сложились вполне доверительные отношения.

Банкет по поводу защиты докторской диссертации я организовал дома, в своей квартире. Тогда по-другому было нельзя – сухой закон Михаила Сергеевича Горбачёва. Членов совета не было. Были друзья, коллеги, родственники. На помощь холостяку пришла женская гвардия жён моих друзей, мои аспиранты, коллеги женского пола и дочь, конечно. Я был в центре внимания этой женской части, взявшей на себя хозяйственные заботы. Не только потому, конечно, что я виновник торжества, а потому, что они не знали, где что лежит, чем резать, чем крошить, где миксер, в чём варить яйца и так далее. Все что-то спрашивали у меня, только одна аспирантка, немного опоздавшая, огляделась вокруг, надела фартук и стала мыть посуду сразу смекнув, что это «узкое» место в подготовке банкета и его никто не стремится занять. Это мне запомнилось, почему-то. Да и вообще-то с этой аспиранткой много необычного что случилось. Она по образованию горный инженер, работала в проектно институте. У них на каком-то предприятии не ладилось с проектированием противопожарного водоёма. Она со своей старшей коллегой пришли ко мне на консультацию. Я им что-то показал – рассказал. Они ушли. Через некоторое время она приходит ещё с каким-то вопросом уже одна. Потом в третий раз – с новым вопросом. Тогда я стал спрашивать у неё, мол, раз у тебя столько вопросов, ты хочешь знать и то, и другое, и третье, тебе это интересно, то почему бы тебе не пойти учиться в аспирантуру. Она говорит:

- С радостью бы, но у меня дома двое маленьких детей, да двое стариков – бабушка с дедушкой. Но я подумую, - сказала она.

Я записал её телефон на всякий случай. Прошло довольно много времени. Может, год, полтора. Подходит ко мне заведующая аспирантурой Щегловская Нина Григорьевна и говорит:

- У нас закончился приём аспирантов, но Госстрой выделил ещё два места, может быть, у Вас есть кто на примете, а то пропадут места, а потом припомнят и не будут больше выделять. Но надо быстро. Через три дня комиссия по приказу уже должна быть распущена.

Говорю:

- Понял, подумую.

Стал обзванивать претендентов, но все говорят, что не готовы. Чем же помочь Нине Григорьевне? И вспомнил про «пожарницу». Но забыл фамилию и телефон не мог найти. Отбросил телефонную книгу, а она открылась на первой странице, на букве «А» - аспиранты, и там телефон.

Звоню, говорю:

- Есть горящие места в аспирантуру.

А она:

- Нет, что Вы, не до аспирантуры мне сейчас, проехали. А потом вдруг спрашивает:

- а когда экзамен?

- Послезавтра, завтра напишешь заявление, прихвати с собой проект противопожарного водоёма – сойдёт за реферат.

- Ну, если послезавтра, то пойду, а то мне некогда готовиться.

Так Елена Владимировна Прокофьева оказалась у мойки в моей квартире на праздновании защиты докторской диссертации. До этого я несколько раз встречался с ней после её поступления в аспирантуру. Вначале я с ней говорил, предлагая несколько тем для исследования. Она выбрала – пористый бетон. Вторая встреча была по обсуждению плана её работы в первый год обучения. Я выдал ей задание, сказал, чтобы сдавала экзамены по языку и философии, а также дал понять, что жду с результатом по моему заданию где-нибудь через полгода. Было некогда заниматься аспирантами: развод, предварительная защита докторской диссертации. Я уж и забывать стал про аспирантку. Через полгода приходит, показывает результаты и сданные экзамены.

- Что дальше делать? – спрашивает.

Снова дал задание, снова отослал на неопределённое время.

- Некогда, - говорю. - Надо завтра в Киев ехать, там диссертацию докладывать, а плакаты не готовы, и билетов ещё нет.

Уехала, вскоре звонок:

- Я билеты Вам купила, вагон такой-то, время такое-то. Я близко живу от Киевского вокзала. Вам к вагону поднесу.

Вот и все контакты с аспиранткой, которая столь неожиданно оказалась в моей команде.

А через год она стала моей женой. Началась вторая жизнь Куранова Николая Петровича.

Да, вторая жизнь началась через год...

А год этот прошёл в творческой и бытовой суматохе.

О творческой суматохе подробнее расскажу как-нибудь попозже. Сейчас скажу лишь, что после защиты докторской диссертации почувствовал необыкновенную лёгкость, творческую лёгкость. Работай, твори, строй планы и реализовывай их. Не надо ни от кого защищаться, доказывать, что ты «не верблюд», а доктор наук. Бери аспирантов, давай им темы, нужные не тебе для диссертации, а стране, отрасли, в которой ты работаешь. Не надо ездить на «калым» на подработку, у тебя сказочная зарплата – пятьсот рублей в месяц. Так и рвётся из души: «Я свободен, я свобо-о-о-оден!».

В самом деле: работа над диссертацией давала определённое чувство постоянной тяжести, будто мешок рыбы несёшь. Хорошо запомнил это чувство с юности. Ночь, мама поднимает с постели:

- Беги, сынок, на берег, отец приехал, рыбы привёз, помоги.

Прибегаю, рыбаки спуют туда-сюда, зюзгой воблу в мешки забрасывают из лодки и на берег. Отец увидел меня:

- Бери, сын.

Мужики поднимают с земли набитый «всклень» (так говорили у нас) мешок и забрасывают его мне на спину.

Отец:

- Донесёшь?

- Донесу! – и пошёл.

Последние сто метров нёс как в тумане, в полусознательном состоянии. Бросить нельзя – мешок порвётся, рыба вся вывалится в грязи, потом не расхлебаться с ней. Да и отцу сказал - донесу. Так и с диссертацией было – устал, творчески и в бытовом плане - измотан, а бросить нельзя. Взятся за гуж... Отсюда и «Я свобо-о-оден!». Одно обстоятельство накладывало на творческую свободу ограничение – позиция Муфтахова. К тому времени ещё не было ресторанного разговора, а наши рабочие столы стояли рядом. Сотрудники говорили: атмосфера была так накалена, что они боялись слово сказать. Казалось, любое слово могло оказаться искрой, из которой вырвется пламя гнева. А уж на кого оно обрушится – один

бог знает. Наиболее вероятно, на того, кто это слово произнесёт.

Я не хотел, да и не мог сколь-нибудь продолжительно мириться с таким положением. Пошёл к начальству – Алексееву Владимиру Сергеевичу, который всегда, на всём моём ВОДГЕОвском пути был для меня палочкой-выручалочкой. Говорю:

- Не могу больше – возьми меня к себе в лабораторию (он тогда заведовал лабораторией инженерной гидрогеологии).

Владимир Сергеевич знал о конфликте с момента его неожиданного начала. Для него это было не только не новостью, но и, как он выразился, обычным делом. Такое, мол, в ВОДГЕО возникает нередко:

- Синдром «двух медведей», - говорит.

Я стал работать в другой лаборатории, жил в Кучино, а на работу ездил в Москву на Комсомольский проспект. Теперь мы с Ахметом уже не сидели рядом, гнетущая атмосфера исчезла, мы продолжали дружить семьями (наш конфликт не затрагивал эту сторону, благодаря мудрости Рашиды Закировны). Правда, моя семья была в усечённом составе. Рашида Закировна активно подбирала мне жену. И не она одна. В этот период я на своей шкуре почувствовал, что значит быть холостяком в 42 года, имея за плечами степень доктора наук. Здесь мне очень помог школьный опыт, научивший меня говорить женщинам – нет. Остался у меня и навык говорить так, чтобы не слишком задевать самолюбие женщин. Всё это было мне не трудно, потому что в этот период для меня главное было уберечь детей от проблем, связанных со «страстями» их родителей. Я чувствовал, как до предела натянуты их нервы-струны. Ещё бы. Они всю свою жизнь прожили в безупречной семье, где не было ссор, обид. Не знали они грубого слова, окрика. И вдруг... Тяжело было обоим.

Дочери – потому что, я видел, она сменила гнев к матери на жалость к ней. Она её очень жалела, понимала, что чувствует женщина, которая, как ни крутись, бросила своих детей. Помню, как они вдвоём с матерью подошли ко мне, и дочь стала меня просить помочь матери с квартирой. Пришлось прочитать бывшей жене ликбез, что свои семейные проблемы вешать на дочь – безнравственно, кощунственно. Ей и так несладко. Хочешь разводиться – разводись. Хочешь иметь свой угол – подавай в суд. Пусть там решат, как тебя обустроить. За счёт первого или за счёт второго мужа. Но дочь к этим проблемам подключать – последнее дело. Я в тот момент был, как никогда, строг, наверное, не во всём справедлив. Но главную цель достиг – вызволил дочь из сетей семейных разбирательств, не нанеся ей безвозвратных потерь. А опыт, который она получила из трагедии нашей семьи, как мне кажется, ей крепко помог в становлении и сохранении своей семьи.

Сын всё переживал, прятал в себе. Он, как бы поддерживал отца, делал вид, что ему и так хорошо, ни разу не пожаловался даже на тех своих друзей, которые стали травить его, что мать его бросила. Дети ведь чутко ловят разговоры взрослых, а о нашей семье не «чесал язык» только ленивый. Особенно сложно ему было, когда домой приходила мать, чтобы повидаться с детьми. Он скучал по матери, но не мог при мне показывать радость встречи с ней, считая это предательством по отношению ко мне. В эти моменты даже мне было невыносимо переживать, а каково ему? Я попросил Валентину предупреждать меня, когда она приходит, чтобы к этому времени меня в доме не было. Во всяком случае, мы оба постарались, по возможности, исключить такого рода моменты. В такой ситуации не хватало ещё мне вешать на детей дополнительные нагрузки от «любовных страданий» родителей.

Но время идёт, раны заживают, жизнь продолжается. Мы с сыном и с нашими друзьями Митрущенко едем на море в Юрмалу, чтобы отвлечься от окруживших нас проблем. У Виктора с Аллой два прекрасных сына. Один из них Миша такого же возраста, как и Пётр. Так что путешествие в Юрмалу, Ригу, купание в Балтийской воде укрепило нас, Петру нашли нового друга, который потом несколько раз ходил с классом Петра в разные походы, даже ездил с нами в Питер. Эти походы классом мне как-то легко удавалось организовывать. Чаще всего я водил и возил ребят один, иногда – с учителями. Это было и с классом дочери, и с классом сына. Чтобы сгладить последствия распада семьи, я не только завёл русского спаниеля, но и старался как-то отвлечь его, поставив, например, палатку в доме в одной из комнат, куда Пётр приводил своих друзей. Это создавало простор для их воображения.

Настала пора уделить внимание и женщинам, а не шарахаться от них. Когда я для себя решил, что

нашёл женщину, с которой хочу строить новую, вторую жизнь, то стал назначать встречи с аспиранткой Прокофьевой дома, познакомил с ней детей. И тут возникли новые, непредвиденные обстоятельства. Я должен был уехать в длительную командировку в Сирию. На кого оставить детей? Слава богу, дочери почти 18 лет, она взрослая, самостоятельная. Но Петру-то всего одиннадцать лет. Договорился с детьми, что за ними присмотрит Елена Владимировна. Это я, скорее, себя успокаивал, понимая, что Елене Владимировне со своими малышами да стариками разобраться бы. Дети мне поддакивали, езжай, мол, спокойно. Всё будет о`кей. Мы и сами взрослые, и Елена, в случае чего, поможет. А сами знали, что в этот период их мать прикроет.

И я на два месяца уехал в Сирию. Так уж получилось, что и в Ливии, и в Сирии я работал в тех местах, где тогда был мир, спокойствие, страны жили будущем, думали о нём, инвестировали в будущее. Мне посчастливилось оказаться в этих странах, ничего не предпринимая для этого. Мы работали по государственным контрактам между странами, которые предусматривали строительство атомных станций – и в Ливии, и в Сирии. Место для атомной станции в Сирии мы подбирали в районе города Алеппо (Халеб) недалеко от реки Евфрат. Оставляя до времени научные и производственные проблемы, которыми я занимался там, скажу, что это было время творческого отпуска для меня. По утрам я делал пробежку по прилегающим районам города. Сейчас там всё в руинах, а тогда это были новые, только что отстроенные микрорайоны, ещё не заселённые. Везде охрана с автоматами Калашникова, которые «клацали» при моём приближении – темно, не видно, а топот слышен.

В эту командировку я от души «отрывался» в шахматы. Был там один гидрогеолог из Новосибирска, такой же любитель, как и я. Всё свободное время – резались в шахматы. Его жена на меня только что не шипела. Но глядела так, что уж точно хотела бы сжечь. Я делал вид, что ничего не замечаю, считал не вправе вторгаться в личную жизнь: хочет он играть в шахматы или не хочет, или не может – это их семейные проблемы. Там же в Сирии на моих глазах одна из жён, прилетевшая со мной к мужу, через неделю сошла с ума. Это страшное зрелище видеть безумным ещё вчера нормального, полного жизненных планов, человека. Что явилось причиной этого – не знаю, но я получил, пожалуй, впервые наглядные доказательства хрупкости нашей психики.

В Сирии мне удалось решить и внедрить несколько интересных задач по оценке фильтрационных параметров грунтов, сухих грунтов методами наливов в шурфы. Домой возвращался отдохнувшим, полным творческих замыслов, а также окончательно решившим, что дальнейшую жизнь хочу прожить с Леночкой Прокофьевой, моей аспиранткой. Однако это решение я не мог принять в одиночку - запросил добро у детей. Дочь добро дала сразу, понимала, наверное, что один мужик, даже отец, как-то не смотрится. Мою избранницу она одобрила. Пётр же сказал:

- Папа, ну разве тебе плохо с нами? - то есть я получил отказ.

Но я сказал сыну, мол, не печалься, без твоего согласия не женюсь. Согласие я получил только через год после нашего первого разговора с ним. Этому предшествовали встречи и совместные прогулки, мероприятия с Еленой и её детьми Машей и Вовой. Они были на четыре года младше Петра, двойняшки. С ними он чувствовал себя взрослым человеком. Я старался ободрить его, похвалить за заботу о младших, за помощь в воспитании детей Елены Владимировны. И он сдался, разрешив отцу жениться.

Ну что ж – жениться, так жениться. Значит – свадьба. Я посчитал нужным, уместным присутствие всех детей на свадьбе, но Елениным малышам в последний момент не разрешила бабушка нарушать режим, так что на свадьбе были только мои дети. Свадьба проводилась в том же зале, где и банкет по поводу докторской диссертации, то есть у нас в доме, в Кучино.

На другой день я проснулся, считая себя отцом уже четверых детей. Это чувство я пронёс до сегодняшних дней, уверен, что пронесу и до гробовой доски. Для меня точкой отсчёта, днём рождения второй моей жизни, является день свадьбы – 9 июля 1988 года.

Дело не только в количественном изменении членов семьи, состава семьи. Главное, почему я называю последующие события второй жизнью - это формирование новых, неизвестных мне доселе, семейных отношений, семейной атмосферы в условиях совершенно разных представлениях о них разных членов семьи. Да еще в совершенно новых для меня условиях – условиях рыночных отношений.

Если в первой жизни эти семейные отношения формировал, главным образом, я сам с участием жены, то во второй жизни, в её начале, семейные отношения давно и прочно сложились в разных семьях по-разному. Более того, в каждой семье свои семейные каноны казались незыблемыми, проверенными временем, хранящие истоки в корнях - в отцах и в дедах.

Предлагая руку и сердце своей новой избраннице, я ни на минуту не сомневался, что она переедет к нам в Кучино в нашу четырёхкомнатную квартиру, где мы уже вшестером будем жить-поживать и добра наживать. Как наживать добро – об этом в своей жизни я не думал. Я просто знал, что надо жить-поживать, и добро само придёт. Так жил мой отец, так жил я, так и собирался жить. Надо сказать, что этот принцип нашёл полное понимание у моей новой жены. «Барахло» никогда не было целью жизни Елены. Более того, её принцип: «В жизни главное еда, а штанишки – ерунда», полностью вписывался в нашу жизнь. Тем более, что под едой здесь понимались театры, выставки, путешествия. Всё заработанное – тратится на всё это. Главный оселок различий в семейных традициях шёл по оси диктатура-плюрализм. Это – если одним словом характеризовать. А если детальнее, то вырисовывается такая картина.

Елена рано осталась без матери. Она умерла в 33 года, когда дочери было семь лет, и Елена остаётся с отцом, который вскоре попадает в аварию. Авария не простая – получает серьёзную дозу радиационного облучения. Кто-то из товарищей вскоре умирает. Физика Владимира Леонидовича Прокофьева спасает спирт. Как он рассказывал: «Пили с врачом, прощаясь с жизнью, боясь заснуть и не проснуться». Тогда о действии радиации мало что было известно. Но про спирт знали, что это лекарство от всех болезней, тем более – от радиоактивного заражения. В конце концов, свалился. Проснулся – жив. Только пальцы на руках превратились в костяшки. Всякие бытовые дела и физические работы – исключаются. Стал профессором в одном из московских Вузов, заведующим кафедрой физики. Все заботы о дочери легли на бабушку с дедушкой.

Дедушка Леонид Николаевич Прокофьев – мягкий, глубокий, эрудированный человек, корнями из фабрикантов. Он закончил текстильный институт, а потом и артиллерийскую академию и академию химзащиты. Работал по приёмке космического оборудования на закрытом московском заводе. Кроме того, он является одним из разработчиков «Катюши». К моему появлению в семье был на пенсии. Бабушка – Анна Васильевна тоже была в это время на пенсии. Но и на пенсии она оставалась на своём месте – месте главы семьи. Сильный, волевой человек, обладающий дипломатическими задатками – бабушка была классическим диктатором. Она управляла всеми, не допускала мнений, а тем более действий, противоречащих её убеждению. Истина была доступна только ей, и она сама была истиной в последней инстанции. Никто не пытался всерьёз быть не согласным с ней – самому же хуже будет. Это касалось всех членов семьи, к которым она причисляла детей (кроме Владимира Леонидовича была ещё дочь Татьяна Леонидовна), внуков и правнуков (Владимира и Марию). Безусловно, и моя жена Елена, и мои дети Вова с Машей были воспитанниками, главным образом, бабушки.

Моё поведение в их семье, само собой подразумевалось, как полное подчинение бабушке. Анна Васильевна, будучи умной женщиной с дипломатической приправой, конечно, пыталась это сделать мягко, осторожно. Ведь - доктор наук, профессор. Но, поняв, что со мной этот номер не пройдёт, перешла в скрытое контрнаступление. В результате, мы с Еленой, будучи мужем и женой, шесть лет прожили врозь - она – со своими детьми, я – со своими. Так возникли понятия в моей семье, противные моему эго, а именно: твои дети, мои дети.

Почему я об этом пишу сейчас, когда всё уже давно позади, нет ни бабушки, ни дедушки, ни отца Елены Владимировны? Наверное, потому, что сам хочу разобраться и ответить себе на вопрос: мог ли я действовать более эффективно для становления моей новой семьи? Мог-то, наверное, мог, но как? Отвечая на этот вопрос сейчас, прихожу к выводу: лучшее – враг хорошего (так любил говорить Леонид Николаевич). Да, мы с Еленой, будучи мужем и женой, прожили шесть лет врозь, двумя семьями. Я не хотел этого, но Елена как-то мягко потихоньку сгладила остроту, оттягивая переезд, а потом и совсем отказалась от него. А через 6 лет, когда отец Елены забрал к себе Анну Васильевну, а Леонида Николаевича уже не было в живых, уже я с Петром переехал к жене с детьми, оставив квартиру своей взрослой дочери – Елене.

Сейчас я понимаю, что если бы настоял на своём и заставил бы жену с детьми переехать к себе, то

мы бы разошлись, семьи бы не было. Жена это понимала, а я нет, не понимал, но всё же хватило интуиции идти по «тропе» жены. Даже через 6 лет объединение в одной квартире двух «разновоспитанных» семей могло, и чуть не привело, к разрыву. Вначале переезд вызвал у всех эйфорию – наконец-то! Но через некоторое время молодёжь (уже не дети – 14 и 18 лет) почувствовала на себе противоречия во всех мелочах (тихо или громко говорить, сколько раз в день мыть руки, как и над кем шутить, что и когда смотреть и так далее, и тому подобное). Но мы с этим справились, потому что главное – это было общее желание жить вместе.

А вскоре «вырос» и Пётр. Знаю, день и час, когда он стал для меня взрослым. На мой день рождения 15 декабря он при широком застолье стал говорить тост в мою честь, внутри которого высказал желание пожить отдельно со своей девушкой в общежитии МГУ, где они оба учились, и где у них есть возможность иметь отдельную комнату.

Он боялся, что я не соглашусь, боялся обидеть меня своим решением. Но к тому времени я уже имел не только собственный опыт отъезда из дома от любимых и любящих родителей, но и опыт взросления дочери, с которой не раз мы обсуждали, а потом и реализовали её автономность. Так что тост сына, хоть и вызвал у меня слёзы, но это были слёзы умиления от его уже сегодняшней взрослости.

К этому времени я давно уже был профессором, но я, пожалуй, оставался учёным лишь наполовину и не по своей воле!

Великая сила искусства -
Смеялись над званьем «Доцент».
Ну что ж, вот теперь я профессор,
Но стал ли умней хоть на цент?

Конечно, не стал я умнее,
Но опыт – его не пропьёшь!
Разрушилась первая жизнь –
Я вторую затеял. И что ж?

В этой - другой ипостаси
Уже вдвое больше детей.
И новые чувства, и новые страсти,
И сладость бессонных ночей.

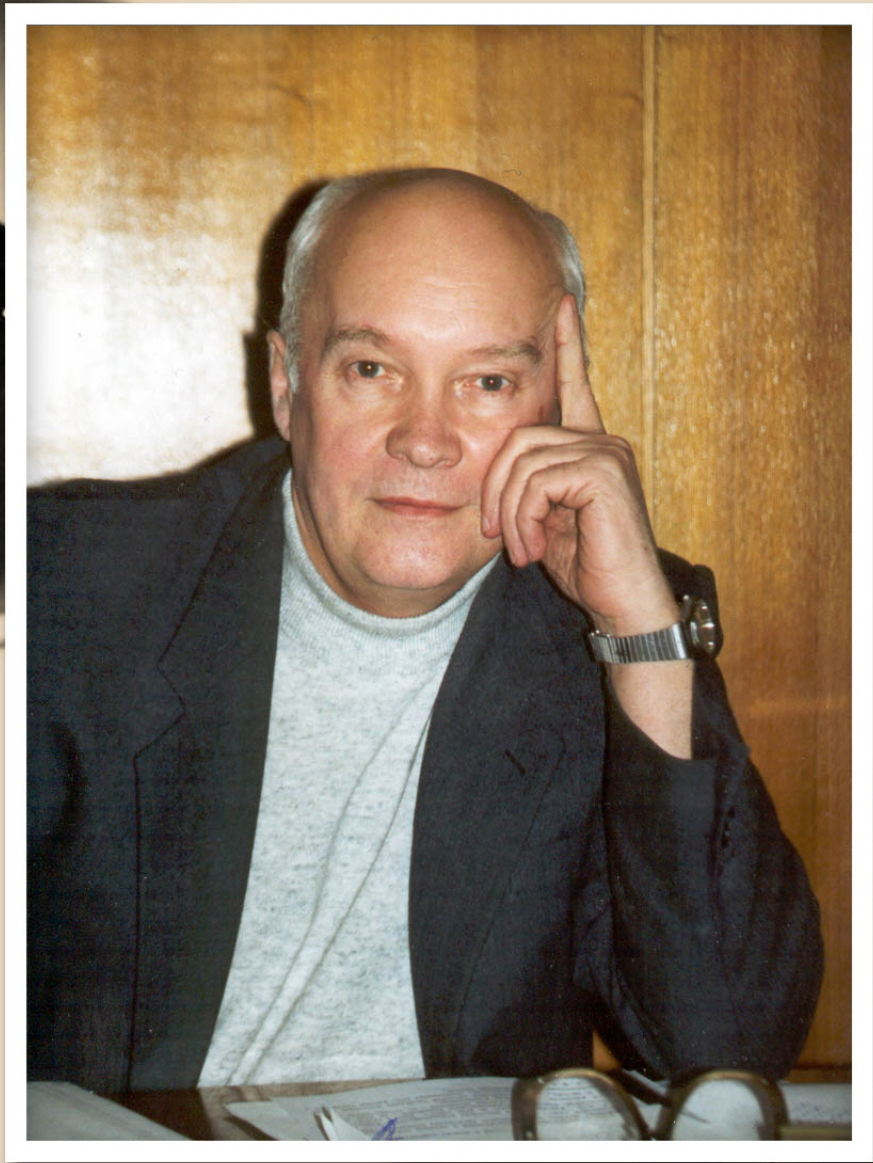
По силам мне воз оказался,
Богаче он сделал меня.
И корни во мне вновь ожили...
Я вырос, но пала страна.

Исчез ЭСЭССЭР – моя гордость,
Сплотивший когда-то народы.
Печально, что нас победила
Кучка рвущихся к власти уродов.

«А жизнь остаётся прекрасной всегда»,
Какая бы власть не бывала.
Залогом прекрасного - стала семья,
А это, поверьте, не мало!

ГЛАВА 9. НАУКА ИЛИ БИЗНЕС? БИЗНЕС И НАУКА!

Внутренняя непогода и перемены в моей семье в этот период сопровождалась штормами, ураганами, смерчами в моей стране. Советский союз шел уверенной походкой к развалу путем засилья в верхних эшелонах старцев. Генеральных секретарей хоронили одного за другим: Брежнев – Андропов – Кириленко. Когда пришло осознание, что так часто хоронить генсеков просто неприлично, появился Горбачев. Михаил Сергеевич ужаснулся от того, что он увидел с колокольни генсека. Стал перестраивать все, что мог. В результате построил новую Германию, отпустил с миром весь Варшавский союз, узаконил гласность, стал просвещать народ демократическими съездами. Некогда кухонные речи вылились в площадную вседозволенность, что родило кумиров, умеющих разрушать и разрушение не заставило себя долго ждать. Ушла Балтика, качнулась Украина. В бане Беловежской пуши решилась судьба страны, в которой я родился и вырос, которую любил и которой гордился. Не стало СССР.

В период Горбачевских поисков наука была в чести. Нам, кроме госзаказа, было дозволено заключать хозяйственные договора. Госзаказы обеспечивали выплату зарплат (профессор, доктор наук – 500 р., а это приблизительно аналог 500 тыс. рублей сейчас – В месяц!!!). Доходы от хозяйственных договоров распределялись (сверху!) так: 40% - на доплаты; 40% - на развитие; 20% - на социалку.

В результате мы не только получали премиальные, но и закупали первые персональные компьютеры типа «Наири», новейшие лабораторные приборы и оборудование. Появились путевки в Сочи, Абхазию, Крым, стали ездить в турпоходы за счет отчислений на социальные нужды. Так, мы с женой и Петром побывали в Эстонии, в поездку в Карелию к нам присоединилась еще и дочка Алена, на Соловках побывали только мы с Петром. В стране открывались и новые возможности, простирающиеся уже и за «железный занавес». Дочь, учась в МГУ на механико-математическом факультете, обратилась ко мне с просьбой отпустить ее на две недели в братскую тогда еще Польшу, к Папе Римскому, в паломники. Будто-бы Папа, в какой-то проповеди обмолвился, что, мол, неплохо бы, чтобы среди паломников к «Матке Босхе» в Чанстохове оказались и русские. Эта мысль долетела до МГУ, а оттуда – ко мне в дом. Я к тому времени побывал уже в трех странах (Ливия, Сирия, Куба), работал экспертом-консультантом и представлял, что значит выехать и быть за границей. Стал задавать дочке вопросы: когда? – послезавтра; как обменять рубли на польские деньги и сколько? – не знаю; где будете жить? – не знаю, но там будет целый отряд, так что как-то выживу! Отряд? Ну тогда и нас с Петром запиши в отряд. К моему удивлению, нас в «отряд» записали! И назавтра мы уже собрались в условленном месте, чтобы идти к Папе Римскому. В качестве подготовки к походу, я закупил сало и целую ночь сушил сухари.

Насушил полный рюкзак. Сало, консервы и сухари я посчитал той валютой, которую следовало брать с собой. А ночлег – наверное, организаторы возьмут палатки! Экспромт удался на славу. На всю жизнь и дочь, и сын, и я запомнили это нелегкое, но крайне интересное испытание. Петру тогда не было еще и 15 лет. Он был самым младшим в «отряде». Я с ужасом вспоминаю волдыри на его ногах, когда он утром едва-едва мог подняться и встать на свои ноги, а надо ведь было еще весь день шагать! Поскольку ни гроша в кармане, то только вперед и только всем вместе. Я, явно не от большого ума, вначале пошел босым – ведь к Папе Римскому- нельзя в обуви. Но асфальт и бетон вскоре показали мне такую «Кузькину мать», что я о «босоногом» этикетке до сих пор вспоминаю с содроганием. Алена была молодцом. Она была среди ровесников, среди друзей, через которых потом повстречалась со своим мужем. Так что в каком-то смысле рождение моей первой внучки Ксении (Ксюша!) было освещено святым духом Папы Римского. В нашей команде я объективно оказался Папой Русским, поскольку был старше всех и один, кто родил двух детей и которых потащил (или они меня потащили!?) к Папе Римскому! Паломничество к Папе Римскому заслуживает отдельного повествования. Здесь лишь скажу, что это было первое серьезное испытание для детей и они его с честью выдержали. Потом в их жизни было еще много и более серьезных испытаний. Все испытания они прошли и проходят с честью.

Мне иногда кажется, что в этом им помогает и тот опыт, который они получили в «битве» за Папу Римского! С сеновалами, с импровизированными пунктами раздачи продовольствия в польских деревнях, с кровоточащими мозолями, с ранними подъемами и поздними песнопеньями под гитары молодых ксен-

зов, с той высокой духовностью, которая будто бы сама возникает из ниоткуда!

Вернулись мы из похода 19 августа 1991 года – в день путча, после которого, де-факто, СССР не стало. Будем считать, что Папа Римский Павел II в нашем лице благословил распад СССР и напутствовал Россию на новый путь, и нам теперь приходится продираться в поисках светлого будущего.

Распад СССР больно ударил по многим группам населения, семьям, находящимся в разных углах страны, в разных ипостасях. Беловежские ребята и их лидер (главным образом, в окоlobанных делах!) Борис Николаевич Ельцин радостно потирали руки перед телевизионными операторами, а у «холопов лбы трещали». Со всего маху «вмазали» они и профессуре, науке. Лишили ведомственную науку госзаказов (т.е. лишили зарплаты!), в академической науке оставили тот же оклад в девальвированном виде. Говоря простыми словами, выбросили науку на рынок! А на рынке базарного пошиба разве кто-нибудь за идею, за будущий когда-нибудь, научный результат, который может быть будет (а может и его не будет?) хоть что-то заплатит?

Нет, конечно! Так профессура «пошла по рукам». Кто на рынок «спичками» торговать, кто «свалил за бугор». Мой жизненный опыт (а было мне уже за 45!), который я продолжаю считать крестьянским, подсказал мне, что не может быть, чтобы на рынке не нашлось местечка людям, которые, на первый обывательский взгляд ничего полезного делать не умеют, но обладают тем, чему можно научиться в лучшем случае, только через 25-30 лет учебы! И я открыл фирму под названием ТОО «Дренаж-ВОДГЕО». ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью. Такая юридическая форма тогда существовала. Дренаж – понятно, этим я владею, ВОДГЕО – понятно, направление работ, мой научный дом. Как и любая закономерность, появление этой фирмы было случайностью, у которой правда была своя фамилия и имя: Калачева Лариса. Это моя аспирантка того времени. Талантливая, продвинутая. Когда мы, старики, еще только разговоры разговаривали на тему – «своя фирма», Лариса уже знала, как это делается, где это делается, с чем это «едят» и предложила свои услуги по оформлению необходимых документов. Я дал добро и через неделю получаю необходимый набор документов, из которых понимаю, что теперь могу ставить свою подпись и печать на хозяйственные договора и за выполненную работу получать деньги на свой расчетный счет в банке. Дочь, студентка мехмата, взялась за все, что касается взаимоотношений с органами. Прежде всего, с налоговой инспекцией, т.е. стала главным бухгалтером, экономистом и финансовым директором одновременно.

Я стал Генеральным директором и научным работником, технологом, проводящим расчеты, выдающим рекомендации, каким образом следует подойти к той проблеме, которую фирма обязана решать в соответствии с договором. Дальше эти рекомендации нужно облечь в чертежи, по которым сметчики, строители, наладчики и т.д. завершают работу. Для этого нужны были другие специалисты-проектировщики, строители, монтажники, которых среди научных работников, как правило, не водилось. Но к тому времени, у меня сложились добрые производственные отношения со многими организациями, которым, как раз нужны были мои научные рекомендации. Поэтому у нас в фирме сначала подрабатывали, а потом перешли на постоянную работу специалисты нужного профиля. Так незаметно для себя я стал превращаться в бизнесмена. Незаметно – потому что оставался руководителем лаборатории в институте, продолжал заниматься наукой, аспирантами. Этим же занимался и в фирме. А что же бизнес? Бизнес заставлял меня находить заказчика, следить за сроками и качеством выполнения работ, сдачей работ заказчику, получением от него денег, устанавливать заработанную плату сотрудникам, привлекать новых, необходимых фирме специалистов, приобретать оборудование и необходимые материалы для выполнения работ, станки и механизмы для строителей и т.д. и т.п. Все это надо было осуществлять в атмосфере, расцветающей в стране, коррупции, где откаты становились неотъемлемой частью любого бизнеса, как и наезды правоохранительных органов в лице ОБЭПов, налоговых, экспертных и иных организаций и их представителей, не умеющих работать, но умеющих отнимать.

Так что вопрос - бизнес или наука? - меня благоразумно обошел. Во мне естественным путем выросло, что мое занятие – бизнес и наука. Этим неразрывным термином (научный бизнес, например) можно назвать мою деятельность в течение последующих 25 лет, до 2017 года, когда я пишу эти строки.

Подведем некоторые итоги этой деятельности.

Бизнес. Открыли мы фирму с пятью учредителями, каждый из которых ничего, кроме интеллектуальной собственности, т.е. головы, в это предприятие не вкладывал (Куранов Н.П., Муфтахов А.Ж., Митрущенко В.Я., Коринченко И.В., Селюков А.В.). Все мы были сотрудниками одной лаборатории ВОДГЕО, которой в то время я руководил, а это значит, что помещение у нас было, оборудование и материалы для нашей научной работы у нас были – этим нас обеспечивала наша деятельность по линии института ВОДГЕО. Такое «сидение на двух стульях» обеспечивало фирме мало затратную деятельность, а, следовательно, давало возможность получения стабильной прибыли.

На начальном этапе хороший импульс для развития фирма получила, благодаря связи с институтом Фундаментпроект. С этим институтом, ВОДГЕО в тандеме, особенно, на Волжском автомобильном заводе (АвтоВАЗ) в городе Тольятти, защищали промплощадки заводов от подтопления. Я предложил работу в фирме одной из проектных групп этого института во главе с Германом Григорьевичем Голубковым. Именно тогда я понял важность принципа «под ключ», который давал гораздо более широкие возможности для получения заказов. Отдельно научная работа, как правило, не нужна - нужно решение проблемы «под ключ».

Или, по крайней мере, решение проблемы вплоть до разработки проектной документации, прошедшей экспертизу. Эта часть работы имеет более высокий технологический статус. Остальное, по готовым проектным решениям, не требует высокой интеллектуальной нагрузки, а только опыт и соответствующую квалификацию строительно-монтажного профиля. Когда поток заказов увеличился, то потребовались проектировщики в штате фирмы. В тот период эту задачу было решать не сложно. Многие крупные организации, образованные и успешно работавшие в СССР, разваливались. Золотой фонд специалистов-проектировщиков, как и научных работников, оказался выброшенным на улицу. В числе таких институтов оказался институт Гипрокоммунстрой, где я когда-то читал лекции по повышению квалификации, давал рекомендации и консультации по ряду объектов и даже предлагал пойти учиться ко мне одному из ГИПов (главный инженер проекта) – Криксунову Юрию Яковлевичу. Юрий Яковлевич перешел в нашу фирму со своей группой и группой изыскателей, с которыми работали по проблеме подтопления г. Казани, и на все годы до настоящего времени, закрыл проблемы фирмы, связанные с гидротехническим направлением, вырастив за это время еще несколько ГИПов внутри нашей организации. Сам Юрий Яковлевич является одним из сильнейших проектировщиков России этого профиля, много лет занимает пост заместителя Генерального директора по гидротехническому направлению.

Мой опыт показывает, что если ставишь перед собой какие-либо значимые задачи, пытаешься их решить, живешь этими проблемами, то жизнь сама подсказывает тебе пути их решения.

Войдя в бизнес, у меня не было проблем в поисках путей развития фирм. Для меня было очевидным, что целью является создание крупной организации, способной решать все проблемы, которыми занимался за годы своего развития институт ВОДГЕО. Решать их вплоть до разработки проектной документации, а еще лучше – «под ключ». Криксунов Юрий Яковлевич один из прекрасных подарков, которая подготовила мне жизнь. А тут Шевчик Александр Петрович решил на переезд в обратном направлении из Челябинска в Астрахань. В это время институт ВОДГЕО и фирма вместе с Астрахангипроводхозом проводила большие работы по защите от подтопления территории Астрахани (разработали и утвердили Федеральную программу, под которую получили финансирование!), занимались инженерной защитой населенных пунктов вследствие подъема Каспийского моря, подтоплением площадки Астраханского газоконденсатного завода. Поэтому я предложил Шевчику в Астрахани организовать филиал фирмы и назначил его директором этого филиала. Александр Петрович горячо взялся за это дело, и уже вскоре филиал зажил своей собственной жизнью. Будучи директором филиала, Шевчик долгое время был главным инженером фирмы. При его участии был организован Саратовский, Тольяттинский, Челябинский и Омский филиалы, у которых судьба сложилась по-разному.

Не нравится мне слово – бизнес. Редко его употребляю. Дело, собственное дело – гораздо понятнее и, для меня, точнее. Бизнес очень смахивает на купи-продай. Дело – сразу акцентирует тебя на то, что в одиночку оно – дело – не делается. Нужны люди – соратники, единомышленники, те, кто доверяет тебе и кому ты доверяешь. Поэтому, говоря про бизнес, буду говорить о тех, кто это дело делал и делает,

доверяя мне. Ведь бизнес как собственное дело – это для меня, а для других – это просто работа. Такие вот азы акционерного общества пришлось постигать в этой жизни.

Самый большой филиал (кроме Москвы), вырос в Астрахани. Как ни крути, но, конечно, потому, что сам я - астраханец, откуда переехал в Москву. Остались связи, родственники, друзья, но внешне – все по-другому. Наоборот – астраханцы, зная, что я работаю в головном институте страны по водным проблемам, пытались привлечь меня на свою сторону при подготовке документов в соответствующие Министерства и ведомства с целью выбивания денег на решение насущных проблем города и области. Отсюда и заказы по Астраханским проблемам, а значит – база для организации филиала.

Кроме Шевчика, важную роль в развитие фирмы внесли Астраханцы – Куранов Сергей Геннадьевич и Тимофеева Екатерина Александровна, те самые Сережа и Катя, которые встречались в описании моей молодости.

Сергей, сын моего старшего брата Геннадия, пришел в Астраханский филиал вслед за Шевчиком, став его заместителем. Его отличает целеустремленность, упорство, граничащее с упрямством, умение ставить перед собой конкретные задачи и добиваться их решения во что бы то ни стало – прекрасные черты для успешного бизнеса.

Так уж получилось, что зная его с пеленок, наши жизненные пути все время пересекались до такой степени, что в школе я был у него учителем, в институте – преподавателем, на работе – его начальником. Он – обладатель четырех жен, которых я хорошо знаю. Знаю и то, что он – семьянин! Семьянин по сути своей, но у судьбы, т.е. у бога - на него какие-то свои, в этом отношении, планы. Будто бы на Сергее он ставит какой-то эксперимент на тему: «Мутация семьянина в бабника!?»

И Сергей совсем не по желанию, а вынужден в нем, в этом эксперименте, участвовать. Мне трудно словами передать чувство, которое я испытываю к Сергею. Наверное, люблю – ближе всего. Но это такое безграничное понятие, что в этом конкретном случае, требует конкретизации. Точнее, наверное, так: между нами смесь нежности с уважением, заквашенное на мужской основе и безграничном доверии.

Сейчас Сергей Геннадьевич Куранов – один из ярких лидеров в фирме ЗАО ДАР/ВОДГЕО. Это название фирмы ТОО «Дренаж-ВОДГЕО» получила после упразднения и замены аббревиатуры ТОО, на закрытое акционерное общество (ЗАО). Недавно и эта аббревиатура изменилась на АО!

Тимофеева (Коростилева) Екатерина Александровна – красивая, статная, видная, целеустремленная и упорная, как и Сергей, женщина. Ее хватку я знаю с детских лет, когда ставил с ее участием эксперимент на тему: бери конфет столько, сколько унесешь. После Сергея в Астрахани она стала директором филиала, а сейчас я назначил ее Генеральным директором того самого знаменитого института ВОДГЕО, который меня когда-то пригласил в Москву, дал мне квартиру, любимую работу. Сейчас, как и подавляющее множество других аналогичных институтов СССР, он стал АО «НИИ ВОДГЕО».

Этот знаменитый институт по количественному составу стал меньше Астраханского филиала ДАР/ВОДГЕО. Но поскольку сама фирма ДАР/ВОДГЕО выросла из НИИ ВОДГЕО, то вместе ДАР/ВОДГЕО и НИИ ВОДГЕО сейчас рассматриваются нами как объединение (научно-производственное объединение – НПО), т.е. НПО «ВОДГЕО». Вместе получается около 400 сотрудников – это самое крупное в России предприятие в данной отрасли. Понимая это, посчитал, что свою задачу в этой части на земле я выполнил и могу передать дела по бизнесу молодым. Поэтому Катя и Сергей оказались в Москве, стали лидерами, входят в руководящий состав объединения.

Екатерина Александровна, показав себя когда-то в опыте «большекромность» на конфетах, стремится преуспеть не только в руководящих, но и в научных кругах, активно занимаясь подготовкой докторской диссертации. Кандидатскую диссертацию по оценке риска аварий гидротехнических сооружений она защищала в том самом институте ВОДГЕО, которым руководит сейчас.

Сейчас директор Астраханского филиала Максимова Оксана Васильевна.

Это уже не моя «ученица», а Тимофеевой, которая ее нашла, сделала своим заместителем, а потом рекомендовала мне оставить ее за себя, что и было сделано. Много достойных людей прошли через Астраханский филиал, обо всех здесь не напишешь. Но есть там один сотрудник, который является не только одним из стержней Астраханского филиала, но еще и мой университетский друг, отец Тимофеевой Ека-

терины – Коростилев. Тот самый Александр Дмитриевич, с которым мы неразрывны были в университете и с которым вместе вживались в преподавательскую и деканскую деятельность Астрыбвтуза. Университетское образование не позволило ему полностью уйти в проектную деятельность, и вокруг него в филиале образовалась научная группа, активно развивающая методологию риска применительно к проблемам, с которыми сталкивается наша фирма. Это дает ему такой заряд, такой жизненный импульс, что научный потенциал его возрастает пропорционально возрасту. Жаль только, что наше здоровье подвержено, в этом плане, обратно пропорциональной зависимости.

Второй по численности, но не по значимости (по значимости все филиалы – первые, каждый из них проходит свой неповторимый путь!) – это Саратовский филиал, филиал в городе, в котором я учился, любил, образовал семью. Но не друзья, не связи позволили мне организовать филиал в Саратове. В основе лежит, как и в Астрахани, работа, которую мы проводили по инженерной защите Саратова от подтопления. Заказчик, а это была Администрация Саратова в лице Управления капитального строительства, схватился за первые результаты по работе, почувствовал ее значимость, масштабность для города.

Завязались деловые отношения на постоянной основе, в результате чего я решил организовать там филиал. Помню как тогдашний новый руководитель службы инженерной защиты города Владимир Викторович Тесленко, будучи в командировке в Москве, пригласил меня в гостиницу Россия, где он остановился. Познакомил меня там с молодым человеком – Чуновым Дмитрием Валерьевичем, которого специально привез из Саратова для разговора. Тема разговора: вот прекрасный парень, перспективный, порядочный – возьми его директором. Мы поговорили, и Дима приступил к работе. Сейчас Саратовский филиал – ведущее предприятие в городе Саратове и Саратовской области по проблемам водного, гидротехнического и жилищно-коммунального хозяйства. Чунов Дмитрий Валерьевич – бессменный руководитель этого филиала, который вместе с главным инженером Какаловым Игорем Леонидовичем спокойно и уверенно делают свое нужное стране и городу дело. Прав был Тесленко В.В. – Дмитрий Валерьевич и Руководитель, и Человек – все с большой буквы.

Очень непросто делалось становление Тольяттинского филиала ДАР/ВОДГЕО. На АвтоВАЗе мы долгое время работали вместе с Фундаментпроектом. Тогда директором Фундаментпроекта был Демидов, они там держали специальную экспедицию. В период Ельцинского правления эта ноша для Фундаментпроекта стала неподъемной, и Демидов предложил мне забрать ее себе. Я направил в эту экспедицию главного инженера фирмы Шевчика А.П. с ревизией. Результаты ревизии были не утешительны: два кабеки да разбитый станок.

Переговорили с руководством ВАЗа, убедились, что им наши работы необходимы, на чем настаивал тогдашний руководитель архитектурного управления ВАЗа Штрих Наум Яковлевич. Тогда мы замкнули не себя все работы, которые вели совместно с Фундаментпроектом, подписали соответствующие контракты, и волей-неволей надо было их выполнять. Сменили три директора, которые пришли к нам по линии их связи с Фундаментпроектом и ВАЗом, но их слабости (у одного - пьянка, у другого – жадность, у третьего – хитрованство) вскоре становились очевидны и тогда я решил поставить туда кого-то из своих сотрудников. Выбор пал на моего бывшего аспиранта из Астрахани – Куксина Сергея Ивановича, который с радостью принял это предложение и поставил филиал на ноги. Сейчас это ведущий филиал фирмы по изыскательским работам. Шевчик А.П., как главный инженер фирмы, сыграл в становлении этого филиала на всех его этапах важнейшую роль.

По линии Александра Петровича образовался у нас и Челябинский филиал. Приехал в Москву ко мне на встречу Быковец Василий Петрович, которого Шевчик положительно характеризовал со всех сторон. Василий Петрович приехал обсудить возможные двусторонние отношения между Челябинским ВОДГЕО и ДАР/ВОДГЕО. В результате обсуждения решили идти по пути создания в Челябинске филиала ДАР/ВОДГЕО. Через некоторое время это был полноценный филиал, выросший, в основном, из бывших сотрудников Челябинского ВОДГЕО. Выходец из Донбасских краев, Василий Петрович в хорошем смысле, куркуль, рачительный хозяин, с хорошей головой и хорошими руками, прекрасный семьянин. Он из тех людей, которые крепко стоят на земле, имеют крепкие корни и поэтому могут надежно противостоять любым внешним изменениям.

Когда грянул кризис 2008 – 2009 годов, Быковец и тогдашний генеральный директор Леонова Елена Николаевна (дочка-Аленка!) нашли способ сохранить этот филиал, который, как казалось, имел мало шансов на выживание.

С Погорельцевым Алексеем Николаевичем – директором Краснодарского филиала, меня познакомил Кузьмин Владимир Викторович, бывший аспирант Муфтахова А.Ж.

Алексей учился в аспирантуре ВОДГЕО вместе с Кузьминым В.В., но в другой лаборатории – лаборатории Егорова Александра Ивановича, видного ученого в нашем институте и в стране. В Ельцинские времена, когда нас познакомили, Алексей выживал, организовав пекарню. За организацию филиала он взялся с большой охотой и, как «очистник» по специальности, стал ориентировать филиал на то, в чем лучше всего разбирался. Вначале он сориентировался на отечественные локальные очистные сооружения хозяйственных стоков типа «Топаз», затем на немецкое оборудование, потом на Китайское и пришел к необходимости выпускать свои очистные, собираемые на собственной базе из разных комплектующих. Алексей Николаевич сочетает в себе прекрасные человеческие качества, деловые качества стратега и качества настоящего семьянина, любящего свою жену и трех дочек, которых подарила ему жизнь.

Филиал в городе Омске образовался там после моей поездки на оппонирование докторской диссертации одного из бывших аспирантов Муфтахова А.Ж. – Сологаева Валерия. Его я и назначил директором филиала. Но, к сожалению, филиал не выжил в кризис 2008-2009 г.г. Под завалами этого кризиса оказались Красноярский, Волгоградский, Обнинский, Ростовский, Казанский, Самарский филиалы, которые еще не успели встать на ноги, но подавали хорошие надежды. После этого кризиса образовался только Санкт-Петербургский филиал, благодаря активности Кузьмина В.В.(старшего). Сейчас этот филиал возглавляет Кузьмин В.В.(младший).

А что же Москва, т.е. Московский филиал, как он развивался и развивался ли?

Я уже говорил, что с приходом Криксунова Ю.Я. за вопросы проектирования для решения гидротехнических задач можно было не беспокоиться. Гидрогеоэкологическое, а точнее, направление математического моделирования, возглавил замечательный ученый и человек Расторгуев Александр Владиленинович. В его отдел влился мой сын Петр после окончания МГУ, Киселев Александр, разработавший авторскую программу по расчетам систем инженерной защиты от оползневых процессов, Каримов Рауф Хафизович – один из опытнейших расчетчиков водопроводных сетей городского хозяйства. При этом, моделирование работы дренажных сетей выполняла группа Копейкиной Ларисы Николаевны, Верле Светланы Валентиновны, Яруниной Елены Борисовны, Садретдиновой Натальи Александровны, Крупник Наталья Юрьевны.

Для формирования отдела по охране окружающей среды я пригласил из Харькова Кузьмина Владимира Викторовича, о котором уже говорил выше. Кузьмин быстро вошел в курс дела и вскоре в фирме появился полноценный отдел, в котором сочеталось опыт и молодость. Этот отдел сначала возглавляла Харитонова Наталья Вячеславовна, а затем Ткаченко Алла Евгеньевна. Кузьмин же был переведен на другую работу – стал руководителем отдела перспективных направлений, организовав в фирме гидрологические и гидрогеоэкологические изыскания, моделирование процессов внутрипластового обезжелезивания и деманганации подземных вод (силами Болдырева Кирилла), сам защитил докторскую диссертацию по оценке безопасности подземных вод. Позднее Кузьмин Владимир Викторович, как перспективное направление, стал организовывать работы в Юго-Западном Федеральном округе, что выродилось в образование Санкт-Петербургского филиала, который он и возглавил, передав через некоторое время директорство своему сыну Кузьмину Валентину Викторовичу.

Важнейшим направлением в НИИ ВОДГЕО было водоснабжение и водоотведение. Мне представлялось, что это направление необходимо развивать и в фирме, расширив научно-технологические исследования до проектно-изыскательских, строительно-монтажных и пуско-наладочных работ.

Перед всеми филиалами были поставлены эти задачи, почти в каждом из них появились ГИПы по водоснабжению и водоотведению, а главным технологом в фирме стал Селюков Александр Владимирович. Он активно развивал это направление, организовал специализированную лабораторию, создавал передвижные установки, на которых можно было отрабатывать технологию очистки воды самого сложного

состава непосредственно на объектах. Когда в наших руках оказался весь институт ВОДГЕО, то ряды технологов у нас значительно расширились (Потанина В.А., Верещагина Л.М., Морозова К.М., Соколова Е.В., Гандурина Л.В., Керин А.С., Меньшутин Ю.А., Поляков А.М., Богатеев И.М., Смирнов А.Д., Герасимов М.М. и др.). Это вывело НПО «ВОДГЕО» в число наиболее компетентных организаций в области очистки питьевых, производственных и сточных вод. Тем более, что в экспертном совете состояли такие корифеи ВОДГЕО как Швецов Валерий Николаевич, Алексеев Владимир Сергеевич. Чтобы завершить повествование о роли бизнеса в моей судьбе, допуская некоторые повторения, приведу здесь свою заметку в журнале, посвященную 20-летию фирмы, а также подробнее расшифрую фразу, брошенную выше: «в наших руках оказался весь институт ВОДГЕО».

Н.П.Куранов

**Как все это было или краткая история становления и развития фирмы «ДАР/ВОДГЕО»
(журнал «Водоснабжение, водоотведение, экологическая безопасность строительства и городского хозяйства» выпуск №14, 2012г)**

По-моему, правильно за точку отсчёта образования фирмы «ДАР/ВОДГЕО» выбрать какое-то важное событие в жизни института «ВНИИ ВОДГЕО» на рубеже 80-90 годов прошлого века. Прежде всего, потому, что по своему замыслу и пройденному пути фирма никогда её руководством не рассматривалась в качестве паразита на теле знаменитого Всесоюзного «НИИ ВОДГЕО». Наоборот, рассматривалась как необходимый, продиктованный временем, росток, назначение которого – содействовать сохранению кадрового состава «ВНИИ ВОДГЕО», придание институту формы, востребованной переменами в стране.

А перемены в стране были настолько круты, что и страны-то той, в которой образовался, развивался, решал важнейшие задачи водоснабжения, водоотведения, гидротехники, инженерной гидрогеологии институт «ВНИИ ВОДГЕО» на карте мира не осталось. Революционные перемены. В такие времена профессура выживает, «торгуя спичками». Научно-исследовательский институт, в котором более 800⁷ сотрудников в прежнем виде существовать не мог. От непонятного тогда никому из руководства института акционирования коллектив отказался, выбрав путь Федерального государственного унитарного предприятия – ФГУПа. Как оказалось потом – это была мертворождённая форма государственного предприятия без государственного заказа. Федеральная наука без государственного заказа – это и есть красивая форма наказания сверху: учёный, хочешь выжить – иди пока «торгуй спичками» или уезжай туда, где мозги сейчас востребованы. Пока - ну, пока «мы там наверху» не придумаем, что делать с теми, кто остался и выжил «на спичках», оставив трудовую книжку в стенах института.

Скажу откровенно – мне такая перспектива – ни «спичек», ни «бугра» – не была по нраву. Рассуждения были в рабоче-крестьянском изложении (как говорил мой учитель – Муфтахов Ахмет Жалаяевич) приблизительно такими. Да, под слово «наука» заказчика не найти. Но ведь мы умеем делать то, что далеко не каждому подвластно. Не один десяток лет надо учиться тому ремеслу, которым владеет учёный «ВНИИ ВОДГЕО». Проблемы в России никуда не делись, они остались. Жизнь заставляет их решать. Часть из них лучше всего можем решать мы. Значит, жизнь заставит обращаться к нам, сделает нас востребованными. Конечно, если мы сами будем смотреть на решаемые проблемы по-другому, а именно: не только давать рекомендации, как их решать, но и решать их, решать «под ключ».

«Под ключ» проблемы решаются не одиночками, а коллективом, в котором есть специалисты по каждому звену в цепи решаемых задач. Сам ВНИИ ВОДГЕО в одночасье «перезагрузиться» не мог, но время подсказало новые формы.

Приблизительно так ФГУП «НИИ ВОДГЕО» и зачал фирму «ДАР/ВОДГЕО». Зачать-то зачал, но процесс рождения, как известно, проходит в муках. «Муки» начались сразу при подготовке документов об учреждении фирмы.

По замыслу, учредительные документы готовились, во-первых, для образования комплексного проектно-изыскательского и научно-производственного предприятия, способного решать проблемы по всему профилю работ «НИИ ВОДГЕО». Во-вторых, одним из обязательных солидных акционеров должен

быть ФГУП «НИИ ВОДГЕО», т.е. изначально уже в учредительных документах «ДАР/ВОДГЕО» замыслился как тот самый «новый росток» «ВНИИ ВОДГЕО», востребованный новой конъюктурой.

Однако, тогдашние руководители «ВНИИ ВОДГЕО» не приняли эту идею. Думаю, просто не поверили в её искренность, но пошли на компромисс, а именно: из направлений работ оставили только подтопление, а в качестве акционера выступили только при 5% акций – не больше. Так образовалась в 1992 году фирма ТОО «Дренаж/ВОДГЕО», которая несколько позже, при ликвидации государством формы ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью) превратилась в ЗАО «ДАР/ВОДГЕО». Здесь мне при переговорах с акционером ФГУП «ВНИИ ВОДГЕО» (т.е. с руководством института) пришлось пойти на хитрость, убеждая, что ДАР – это тот же «дренаж, но американо-российский». Для заказчиков же название фирмы «ДАР/ВОДГЕО» с самого начала представлялось фирмой, выросшей внутри «ВОДГЕО», как проектно-изыскательский ДАР научному потенциалу института.

К большому сожалению, должен констатировать, что, мягко говоря, настороженное отношение руководства «НИИ ВОДГЕО» к «ДАР/ВОДГЕО» сохранялось до 2011 года. И только в 2011 году, когда у «НИИ ВОДГЕО» исчезла недвижимость, изначальный замысел образования проектно-изыскательской и строительной фирмы при ФГУП «НИИ ВОДГЕО» обрёл похожие на задуманные 20 лет назад формы – было образовано НПО «ВОДГЕО», как объединение двух фирм:

- Ордена Трудового Красного Знамени комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (ОАО «НИИ ВОДГЕО»);

- комплексное проектно-изыскательское и научно-производственное предприятие по водоснабжению, водоотведению, гидротехнике, инженерной гидрогеологии и охране окружающей среды (ЗАО «ДАР/ВОДГЕО»).

НПО «ВОДГЕО» - это и есть единство науки и практики, возможность внедрения современных достижений в сфере интересов по профилю двух организаций.

О том, что представляет собой фирма «ДАР/ВОДГЕО» сегодня можно получить представление, познакомившись со всеми публикациями в этом номере журнала. В данной статье эта задача не ставится. Ставится задача обозначить основные вехи развития фирмы за 20 лет. Как только формулировка задачи статьи приобрела это очертание, передо мной сразу возникла череда моих коллег, друзей, единомышленников, которые неразрывно связаны с этапами развития фирмы, собственно и определяют те самые основные вехи.

Шевчик Александр Петрович – заместитель генерального директора. С его именем связано образование ряда филиалов фирмы (Астраханский, Саратовский, Тольяттинский, Челябинский, Омский, Казахский). Активное внедрение компьютерных технологий в решение организационных, проектно-изыскательских, научных, плано-экономических проблем фирмы, придание современной формы архивам фирмы и т.п. – все это относится к его полю деятельности. Александр Петрович – постоянный, активный член Совета директоров фирмы, принципиальность которого не позволяет «протаскивать» какие-либо местечковые решения и интересы.

Профессионализм, широкий диапазон возможностей и интересов, способность почти мгновенно оказаться в любом конце нашей страны в купе с исключительной порядочностью, желанием оперативно оказать любую посильную помощь любому обратившемуся за ней, производят поистине беспрецедентное влияние на весь коллектив фирмы, составляют важнейшую часть ауры предприятия.

Мне представляется необходимым подчеркнуть роль и многих других сотрудников, без которых фирма не могла бы так активно расширяться.

Криксунов Юрий Яковлевич – именно его можно назвать прародителем проектно-изыскательского направления в «ДАР/ВОДГЕО». С Юрием Яковлевичем я был знаком давно. Он помнит, как я читал в родном для него институте «Гипрокоммунстрой» лекции по инженерной защите от подтопления. Он там был молодым ГИПом, у него был свой слаженный коллектив, и мне нередко выпадал счастливый случай консультировать их по каким-то вопросам. Уж не знаю, получали ли они что-то от моих консультаций, но точно знаю, что я не упускал возможность многому научиться у них.

Институт «Гипрокоммунстрой» стал распадаться в период упоминаемых выше революционных потрясений, и я пригласил Юрия Яковлевича вместе с его коллективом в «ДАР/ВОДГЕО».

Криксунов Юрий Яковлевич – главный инженер «ДАР/ВОДГЕО», профессионал высшей категории, который хорошо знает, что он может, чего он не может, кто может то, что не может он. Важнейшее свойство для профессионала – учиться у других, учить молодёжь, быть в курсе развития своей профессии. Всем этим Юрий Яковлевич владеет в совершенстве. Это, а также исключительные личные качества, выдвинули Криксунова Ю.Я. в число наиболее авторитетных людей фирмы. К нему идут не только за профессиональным советом, но и в поисках справедливости и чтобы «поплакаться в жилетку», да и просто поговорить по душам. Юрий Яковлевич исключительно деликатно может не принять позиции справедливо обиженного, «на смерть» встать на защиту незаслуженно обиженного. Вообще, ему в силу его душевности, отзывчивости и, конечно, профессионализма, выпала роль и «папы и мамы» в фирме в одном флаконе. Этим пользуются не только рядовые сотрудники, но и многие директора филиалов, требуя именно Юрия Яковлевича на переговоры со строптивым заказчиком.

Юрий Яковлевич привёл в «ДАР/ВОДГЕО» не только свою группу, но и группу изыскателей из «Гипрокоммунстроя», кому он доверял, на кого он мог положиться, как на себя. Возглавлял эту группу и сейчас возглавляет отдел изысканий в «ДАР/ВОДГЕО» **Маслов Сергей Николаевич**. Умение работать с заказчиком, помноженное на опыт, профессионализм, порядочность, равнодушие, способность принимать трудности заказчика, входить в его положение, понимать проблемы фирмы в текущий момент – всё это выдвигает Сергея Николаевича в число наиболее уважаемых в фирме сотрудников. Его опыт, опора на молодых, его авторитет, в том числе в регионах (Чебоксарский филиал), сделали геодезическое направление в фирме одним из наиболее профессиональных. Опорой для Сергея Николаевича в инженерно-геологических изысканиях всегда был и остается главный геолог фирмы **Балденков Геннадий Михайлович**, чей опыт в изысканиях, особенно на оползневых территориях – бесценен.

Леонова Елена Николаевна – работает в «ДАР/ВОДГЕО» со дня образования фирмы после окончания механико-математического факультета МГУ. Прошла путь от главного бухгалтера до Генерального директора фирмы, по пути защитив диссертацию и став кандидатом технических наук. Елену Николаевну отличает умение разбираться в людях, сочетать человечность со строгостью, осторожность при принятии важных решений, умение аргументировать свое мнение, слушать других, другое мнение, прислушиваться к дельным советам. Очень важно, что Генеральный директор фирмы генетически настроен на оказание всей возможной помощи сотрудникам, но при этом хорошо представляет грани возможного, владеет искусством сочетания личного интереса сотрудника с интересами коллектива, филиала, фирмы в целом.

Авторитет генерального директора – важная составная часть успеха фирмы в целом. Этот авторитет определяется не занимаемой должностью, а взращен самой Еленой Николаевной, всей её деятельностью. Знаю, что Елена Николаевна при копании в себе саму себя недооценивает. Это, конечно, большой плюс для генерального директора, хороший стимул для роста. Минус для нервной системы. А кому на Руси живётся хорошо и просто?

Куранов Сергей Геннадьевич – пришёл в фирму в ученики к Шевчику А.П., почти сразу с момента образования Астраханского филиала. За плечами - диплом с отличием технического Университета и активная работа в комсомоле. Сейчас Сергей Геннадьевич – директор Московского филиала «ДАР/ВОДГЕО», заместитель генерального директора, взвалил на себя ответственность за обеспечение заказами не только Московский филиал, но и НПО «ВОДГЕО», включая «НИИ ВОДГЕО».

Целеустремленность и трудолюбие – вот секрет, которым владеет Сергей Геннадьевич и который позволяет ему решать массу проблем. А проблемы – они ведь знают к кому идти. Прежде всего, к тому, кто от них не отворачивается, а грузит их на себя. Дай Бог, чтобы Сергею Геннадьевичу хватило сил и здоровья на долгие годы, и тогда он точно «горы свернет». Взамен он получает не только материальное благополучие, но и «кайф» от работы, и это не может не вызывать уважение.

Очень важно, что в фирме есть люди, для которых интерес фирмы в целом важнее интереса отдельного филиала, личного интереса. Сергей Геннадьевич – один из ярких представителей этой плеяды.

Он не только видит, чувствует эти интересы, но и стремится проводить их в жизнь (весь в отца и деда).

Кузьмин Владимир Викторович – один из талантливых учеников Муфтахова А.Ж. После защиты диссертации во «ВНИИ ВОДГЕО» жил и работал в Харькове и как-то заехал в «ВОДГЕО» поговорить со мной о жизни. После разговора я предложил ему переехать в Москву на работу в «ДАР/ВОДГЕО». Поставил конкретные задачи – сформировать отдел охраны окружающей среды, развивать научные идеи, которые мы обсудили. В короткое время отдел был сформирован, аспиранты Кузьмина В.В. занимались своим делом, он защитил докторскую диссертацию и возглавил дирекцию перспективных направлений в «ДАР/ВОДГЕО». Здесь ему была поставлена задача развития трёх новых для фирмы направлений: инженерно-экологические изыскания, гидравлика, гидрология. В скором времени все три направления заработали, а в кризис Кузьмин В.В. взял на себя обязательства директора Московского филиала.

Творческой натуре нужна динамика и Кузьмин В.В. отправляется в Санкт-Петербург с задачей образования там филиала «ДАР/ВОДГЕО». Санкт-Петербургский филиал, не успев, как следует, организоваться, уже стал расти и развиваться.

Любопытно, что при этом Владимир Викторович не устал повторять мне, что он никогда не хотел быть руководителем, не умеет и не хочет им быть. А мне кажется - умеет и хочет. Слово «хочет» имеет много оттенков. Конечно, Кузьмину В.В. более свойственно и хотелось бы заниматься больше научной, творческой деятельностью, ну, например, в каком-то специализированном научном центре, где-нибудь в штате Аризона, или, на худой конец, в Москве, в атмосфере, которая была когда-то присуща «ВНИИ ВОДГЕО». Но где взять ту атмосферу и специализированный научный центр. Жизнь – она ведь состоит не из одних только «хочу», пусть и с множеством оттенков. Помню, когда Кузьмин В.В. приехал ко мне в «НИИ ВОДГЕО» обсуждать какие-то методические рекомендации, которые подготовил в Харькове, он, среди прочего, рассказал, как просыпаясь утром, смотрел на спящую жену и двух сыновей и думал, на какой же угол улицы пойти продать керосин, чтобы их накормить завтраком. Вот тогда-то я и предложил ему переезд в Москву, в «ДАР/ВОДГЕО». А теперь, уже много лет работая с Владимиром Викторовичем бок о бок, я могу с уверенностью утверждать, что из всех имеющихся сейчас у него возможностей он выбирает то, что он умеет и хочет. Он умеет и хочет быть руководителем творческого коллектива, который он сам себе подберёт. Именно такую возможность «ДАР/ВОДГЕО» ему всегда представлял и представляет.

Кроме сказанного, Владимир Викторович внёс большой вклад в поддержание научной струи в фирме «ДАР/ВОДГЕО». Под его руководством уже защищены четыре кандидатские диссертации. Жаль, что в последнее время слабости Владимира Викторовича стали все чаще побеждать его сильные стороны.

К слову сказать, в фирме работает сейчас более 20 кандидатов наук, часть из которых давно имеет потенциал докторов наук, но не хочет писать и защищать докторские диссертации, поскольку не знает ответа на вопрос: зачем? Кроме Кузьмина В.В., это – Расторгуев А.В., Каримов Р.Х., Киселев А.А., Шевчик А.П., Коростилев А.Д., Куранов П.Н., Селюков А.В., Тимофеева Е. А. и др.

Уважаемые коллеги! Нам с Вами надо найти ответ на этот вопрос!

Дмитриев Вадим Валентинович – директор по строительству. Руководству «ДАР/ВОДГЕО» было понятно, что для получения стабильных заказов необходимо иметь директора по строительству. Первые годы мы обходились тем, что выдавали за своих какие-то случайные строительные бригады, которые подворачивались под руку. В связи с этим и соответствующих проблем было больше допустимого. Также мы, наука, начинали и с ПИРовскими работами. Но ПИР на науке расцветал и расцветал ускоренными темпами, а вот строительство «на науке» - это сложнее. Здесь дистанция огромного размера. Но не жалею, что брались и преодолевали эту дистанцию. Наконец, доросли до определенного постоянства в строительной деятельности, а именно: договорились со специализированной Белгородской фирмой, что она войдёт к нам в «ДАР/ВОДГЕО» в виде Белгородского филиала фирмы. Но поначалу решили отложить вопросы де-юре на потом, а де-факто работать по этой схеме. Дело пошло быстрее, тем более, что специализация строителей совпадала с профилем наших ПИРовских работ.

Тогда-то и появился Дмитриев В.В. в нашей организации. Он пришёл к нам со своим другом в

конце пятого курса МИСИ. Я предложил им несколько вариантов на выбор. Вадим выбрал стройку, его друг – науку. Поначалу Дмитриев осуществлял связь между белгородцами и Даровцами, а когда внутри белгородцев произошёл раскол, и часть из них пришла в ДАР, то в ДАРе в Москве образовалась дирекция по строительству.

Эта дирекция вначале держалась на одном человеке – **Бобрусеве Викторе Петровиче**. Строитель от Бога, болеющий за качество работы, за заработки своих подчиненных, он и указал мне на Дмитриева В.В., как на перспективного, с хорошим потенциалом, строителя. Я к молодым вообще не равнодушен и считаю, что наиболее перспективным из них лучше власть дать раньше, чем позже. Вскоре Вадим Валентинович был назначен директором по строительству в фирме. Шишки набивали и набиваем вместе – и молодой директор по строительству и руководство фирмы, главным образом – генеральный директор. При этом все набираются опыта, стоят крепче на ногах, уверенность в делах. Сейчас Вадим Валентинович уверенно берётся за самые сложные объекты, имеет лучшую в стране бригаду по сооружению лучевых дренажей, расширяет круг решаемых задач. Bravo, Вадим!

Мне о многих сотрудниках хотелось бы ещё сказать, как о вехах в становлении фирмы, но формат статьи не позволяет продолжать в том же ключе. Но и пройти мимо – не могу!

Из центра хочу отметить **Шульгина Владимира Денисовича**, который сделал направление рыбозащиты в нашей фирме одним из лучших в стране. Очень рад за Владимира Денисовича, что династия Шульгиных (основатель династии, известный учёный, д.т.н., профессор **Шульгин Денис Федорович** – один из моих учителей!) достойно закрепились в «ДАР/ВОДГЕО». Его дочь – **Шульгина Евгения Владимировна** пришла в фирму с учебной скамьи. Сейчас она главный бухгалтер фирмы. По всем параметрам – профессиональным, личным – одна из наиболее достойных и перспективных сотрудников фирмы. Совершенно не представляю фирму без **Белевич Анжелы Зигмундовны**, которая закрыла проблемы планово-экономического отдела, как только вышла из стен МГУ (механико-математический факультет!). Анжела Зигмундовна – самый востребованный сотрудник фирмы во всех её филиалах. Честность, порядочность, трудолюбие, принципиальность – всему этому можно и нужно учиться у Белевич.

Не могу не сказать несколько слов о своей жене, **Прокофьевой Елене Владимировне**, которой выпала участь с самого начала образования фирмы «подбирать» за мной. Подбирать и нести всё то, что падало у меня из рук, что я нести уже не мог, а, часто, хитрил, не хотел, зная, что всё равно подберёт. Так и пришлось ей из профессионального проектировщика превратиться в остепенённого исполнительного директора. А это – ещё одна веха в судьбе фирмы. Быть полезной там, где востребована сегодня и, вместе с тем, оставаться не заметной – это фирменный стиль Елены Владимировны!

К хранителям традиций фирмы, не равнодушных к её судьбе и развитию, следует отнести целый ряд сотрудников и, прежде всего, Расторгуева Александра Владилениовича, Хохлатова Эдуарда Михайловича, Куликовых Татьяну Михайловну и Александра Александровича, Садретдинову Наталью Александровну, которые все 20 лет жили-были вместе с фирмой.

Опорами фирмы являются её филиалы в разных регионах России.

Эффективность работы филиала во многом определяется профессиональными качествами директора.

Чуносов Дмитрий Валерьевич – директор Саратовского филиала со дня его образования. День образования филиала – это день назначения его директором. Он один, в единственном числе. Сейчас сотрудников – около 50! Помню этот день: гостиница Россия (и её уже нет!), мой хороший знакомый, друг из Саратова предлагает мне назначить директором вот этого паренька. «Зуб даю» - говорит **Тесленко Владимир Викторович**: «с большим потенциалом парень». Основательность, осторожность в подборе кадров, умение разглядеть нужное в человеке. А как они работают в паре с главным инженером филиала **Какаловым Игорем Леонидовичем** (Игорь Леонидович – потомственный ВиКовец, **Леонид Абрамович Какалов** – страстный поклонник «ВНИИ ВОДГЕО») – тандем! Можно сказать, прародители известного теперь всему миру тандема Путин – Медведев, их формы управления.

Дмитрий Валерьевич защитил ещё и кандидатскую диссертацию! От души, поздравляю и желаю процветания Саратовскому филиалу.

Тимофеева Екатерина Александровна – директор Астраханского филиала. В ней с самого детства чувствовалась личность - есть такие! Ребёнок, а уже личность! Мне пришлось вспоминать это чувство личности Екатерины Александровны, когда Астраханский филиал остался без директора, а Екатерина Александровна работала в филиале как «простой инженер». Ей было особенно не до работы, молодой женщине надо было разбираться в семейных проблемах.

Однако, когда предложили директорство, то личность восторжествовала над бытом, и мы сейчас имеем не только филиал, где число сотрудников перевалило за 80, каждый год открываются новые направления, растут перспективные кадры, но и новый тип руководителя, умеющего работать в широком диапазоне – от рядового сотрудника до губернатора и даже федерального министра! Иногда мне кажется, что ей подвластно всё – может управлять губернией, государством, миром (а что – ведь молодая, красивая женщина!). Успела и диссертацию защитить – здесь уж её отец, мой друг – **Коростилёв Александр Дмитриевич**, как говорится, достал! Сам он всегда был и остаётся неравнодушным к науке.

Погорельцев Алексей Николаевич – директор Краснодарского филиала. Защитил когда-то диссертацию в «ВОДГЕО» у Егорова Александра Ивановича, но «революционные перемены» заставили заниматься пекарней в своей деревне. Когда Кузьмин В.В. привёл ко мне для беседы Алексея Николаевича (а они вместе жили, будучи аспирантами «ВОДГЕО»!), то у меня не возникло никакого сомнения. Да, передо мной директор филиала. Скромный, сдержанный, даже тихий на вид Алексей Николаевич имеет негнбаемый внутренний стержень высокой закалки.

Убежден, своими неспешными шагами Погорельцев выведет Краснодарский филиал в передовые. Это он может! Рад за Алексея Николаевича, отца трёх славных девчушек, что они теперь рядом с офисом в Краснодаре, и он имеет возможность, когда до печёнок достанут производственные проблемы, почерпнуть у них то, что ему надо, чего не купишь ни за какие деньги.

Куксин Сергей Иванович – директор Тольяттинского филиала. Три директора сменили мы в Тольяттинском филиале, который, по сравнению со всеми другими филиалами, казалось бы, был в самых выгодных условиях. Сам филиал был образован на базе развалившейся экспедиции Фундаментпроекта, проводившей работы на промплощадке ВАЗа, связанные с подтоплением этой площадки, с геологической безопасностью предприятия. Тогда мне стало ясно, что нужно приглашать со стороны, нужен для работы на ВАЗе новый человек. Выбор пал на Сергея Ивановича, который работал в Астраханском филиале. Я о нём часто слышал, далеко не всегда лестные отзывы. Но те беседы с ним, когда он приезжал в «ВОДГЕО» как аспирант, шли в диссонанс с отзывами о нём. Разобравшись в происхождении и сути отзывов, я понял не только то, что они верны, но и понял причину их. Понял и то, что оказанное доверие может снять главные причины диссонанса.

Сергей Иванович – очень интересный тип руководителя. Ершистый, изначально настроенный против любого мнения вышестоящего руководителя – он знает, что он хочет, он знает, как прийти к результату. Ошибается, учится на своих ошибках, с опытом начинает слушать и мнение других. Жизнь не шадит его, но он не ломается, идёт своим путем. Филиал под его руководством успешно развивается.

Ширинов Рамис Морданович – директор Московского областного филиала. Очень уважаемый, опытный профессионал. Проекты, которые разрабатывает его коллектив, всегда отличает высокое качество. Очень жаль, что подводит здоровье, и очень жаль, что мало учеников.

О каждом директоре филиала, о каждом ГИПе, о каждом сотруднике хочется рассказать в юбилейном выпуске. Ведь каждый сотрудник – это страница 20-летней истории фирмы. Но вспомним Козьму Пруткова и остановимся.

Пожелаю фирме быть! Быть долгие годы! Крепчать, заставляя проблемы «прогибаться под нас», и пусть у всех сотрудников по утрам возникает непреодолимое желание бежать на работу. Всем нам вместе надо ковать это желание и тогда в семьях будет достаток, а на душе и привольно и радостно!

Читаю свою статью и в очередной раз удивляюсь динамичности жизни. В январе 2015 года не стало Шевчика Александра Петровича. Он был действительно уникальным человеком. У меня до сих пор

ощущение, что он остался живее всех живых, несмотря на физическое отсутствие. Поскольку Саша многие годы был моим другом, коллегой, единомышленником, то считаю уместным привести здесь некоторые выдержки из книги: «Свет его души», которую его друзья и коллеги с нашим участием опубликовали в 2015 году.

Александр Петрович Шевчик – подарок судьбы.
(Из воспоминаний Куранова Н. П.)

На пути каждого человека за его жизнь встречаются подарки, сюрпризы. Часто «подарками» мы называем нечто такое, что приходится преодолевать, с чем или против чего приходится бороться. Поэтому такой «подарок» берется в кавычки, его преодоление оставляет след в твоей жизни, но он как правило, скоро забывается, исчезает под спудом таких же «подарков» судьбы. Говорят – это и есть жизнь. Подарки же без кавычек встречаются гораздо реже, но и след от них глубокий, иногда на всю жизнь. А от некоторых подарков в жизни остается не только глубокий след в твоём сердце, в твоей душе, но и свет! Свет, согревающий душу и сердце, свет, наполняющий твой путь смыслом, свет, озаряющий праздничность, некую высотную, духовную часть твоего пути. Таким подарком в моей жизни был Шевчик Александр Петрович. Да, пожалуй, подарок – это точнее, чем товарищ, друг, соратник, коллега.

Впервые мы встретились с ним в 1969 году, когда я, после окончания Саратовского университета, приехал работать в Астрыбвтуз по распределению на кафедру теоретической механики, стал активно заниматься общественной жизнью института по комсомольской линии. Поскольку Шевчик был активен всегда и студентом, и аспирантом, и ассистентом, то у нас не было шансов не пересечься. Однако я уже через год уехал в село с милостивого разрешения ректора института Щербакова Артемия Захаровича (учитывая болезнь моего отца, он разрешил мне не отрабатывать полностью три года). В своем селе Забузан Красноярского района я проработал завучем в школе до самой кончины отца. Вернулся я в Астрахань в 1973 году аспирантом на кафедру теплотехники, где с Сашей мы оказались в одном коллективе.

В то время на кафедре теплотехники была превосходная научная атмосфера. Здесь был и высокий научный потенциал, здоровая конкуренция, серьезные научные и методические споры. Были и элементы подсиживания, наветов, клеветы, подтасовки фактов. Вообще, был здоровый научный преподавательский коллектив, живший страстями. Тон на кафедре задавали Щербаков А.З., Вургафт А.В., Муфтахов А.Ж.. Шевчик был учеником Вургафта Абрама Владимировича, а я был слугой двух господ: официальным научным руководителем у меня был Щербаков А.З., фактическим – Муфтахов Ахмет Жалаевич, который недавно оказался на этой кафедре, приехав в Астрахань из Челябинска, где он долгие годы работал в Челябинском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (ВНИИ «ВОДГЕО»).

Слугой двух господ я оказался не случайно. Дело в том, что когда ректор Щербаков А.З. отпускал меня в село, он взял с меня слово, что если я не приживусь в селе и буду убежать оттуда, в чем он со своим жизненным опытом не сомневался, то первый к кому я приду и доложу об этом, будет он. Прошел год, я появляюсь в кабинете ректора и прошу его взять меня в заочную аспирантуру. Заявляю, что хочу жить на селе и работать над диссертацией по теме «Разработка методов расчета рассоления земель при промывках», что полигоном для меня будет весь Красноярский район, мол, так мне обещал первый секретарь райкома партии, он и посоветовал мне заняться этой проблемой. Щербаков, конечно, был в курсе того, что тогда многие земли Астраханской области, которые были отведены под рисовые поля, выводились из севооборота в связи с засолением. Он поддержал это предложение и направил мои документы в аспирантуру, но сказал при этом, что в этой теме он ничего не понимает, но у него на кафедре есть человек, работавший в ВОДГЕО, который в этом деле «собаку съел». Так мне посчастливилось в аспирантуре учиться у двух руководителей. Это было настоящее везение. Никто из них не мешал мне работать, не сковывал мою инициативу, но каждый внес весомую лепту в становление меня как ученого.

Ахмет Жалаевич скрупулезно проверял мои математические выкладки, увлекаясь этим занятием как мальчишка, и увлекал тем самым и меня, подбрасывая в ходе обсуждения разные идеи. Дело в том, что для достижения диссертационной цели я использовал современные, для того времени, методы гидро-

аэродинамики, которыми овладел в университете. Они оказались очень к месту для решения задач миграции солей в пористых средах, были прорывными в этой области, но неизвестными даже такому эрудированному, математически одаренному и «подкованному» в математических методах решения фильтрационных задач как Муфтахов А.Ж. Поэтому ему было все это интересно, обучая меня, он учился сам. Он умел заряжаться интересом и заряжал других.

Щербаков же, напротив, не интересовался деталями моих исследований, но давал точные, выверенные советы по организации этих исследований, учил умению «ставить точки», доводить до конца начатую линию исследования. После ухода в мир иной моего отца, я перевелся из заочной аспирантуры в очную, переехал снова из села в Астрахань, досрочно закончил аспирантуру, защитив диссертацию, став доцентом кафедры высшей математики и, вскоре, деканом строительного факультета института.

Атмосфера высокой науки, которую создали Муфтахов А.Ж. и его первый ученик Коростилев А.Д., не могла не увлечь Шевчика А.П. После неудачи в аспирантуре у Вургафта А.В., о чем Шевчик никогда в жизни не жалел (скорее, наоборот – был благодарен всю жизнь своему «великому учителю», как говорил он) Александр Петрович примкнул к нашей школе, школе Муфтахова. В то время я уже занимался разработкой методов расчета специальных видов дренажей – вентиляционных, пневмонагнетательных, вакуумных. Здесь применялся довольно сложный математический аппарат для решения задач с подвижными границами. Для получения инженерных решений, с помощью которых можно было бы оценивать эффективность работы дренажей, требовалось вводить различного рода упрощения. Обоснованность такого рода упрощений необходимо подтверждать в ходе экспериментальных исследований, чем и занялся Александр Петрович. Очень удачный союз сложился у нас. Он боготворил математику как царицу наук, с энтузиазмом стал знакомиться с результатами моих исследований. Я с удовольствием нес бремя теоретика, а Саша с не меньшим удовольствием нес бремя экспериментатора. Он, конечно, умел хорошо работать головой, но больше все-таки любил работать руками.

Его экспериментальные исследования по осушению слабопроницаемых грунтов, шламов металлургического производства до сих пор остаются востребованными и непревзойденными по комплексности исследований, по глубине математической обработки их, по результативности, по обоснованности рекомендаций, связанных с инженерными расчетами специальных видов дренажей. Защита диссертации не заставила себя ждать, но к этому времени Муфтахов А.Ж. и я оказались уже в Москве, работая во ВНИИ ВОДГЕО, Шевчик А.П. то же во ВНИИ ВОДГЕО, только в г. Челябинске, в филиале ВОДГЕО.

Не меньшим накалом, смыслом, душевной наполненностью, отличались наши контакты в этот Астраханский период и вне работы. Начиная с 1969 года, со времени переезда в г. Астрахань после окончания Саратовского университета мы с моим другом Коростилевым А.Д. организовали полуторачасовые занятия футболом ранним утром, до работы. Я точно знаю, что эта, условно говоря, «футбольная команда» просуществовала не менее 40 лет и надеюсь, существует до сих пор. Уехал я из Астрахани в Москву в 1980 году. За это время «футбольная команда» разрослась до нескольких десятков человек. В зависимости от периода года она могла состоять из 5-6 человек в декабре, до 60-80 человек в мае! Исключительной свободой, иногда удастью, всегда доброжелательностью, какой-то соборностью отличалась обстановка в команде. Иногда спортивный дух начинал преобладать над доброжелательностью, вызывая жаркие, драчливые, сквернословные моменты, но они тут же пресекались, вызывая отторжение у коллектива, исправляя заблудших. Кто не исправлялся, тот отстранялся, исключался из команды.

Конечно же, Шевчик вскоре стал полноправным членом команды. Он занимал в команде особое, соответствующее его статусу положение. Этот статус был чем-то схож со статусом святого среди грешников. Он не был лидером, он не был мастером, но его слово значило больше, чем слово лидера или мастера. Он незримо заполнял все трещины, которые были в команде, цементировал ее. Он приобщил к команде своих детей, которым по своей генетике этот футбол был хуже горькой редьки, но они не корчили рожицы, а упивались футбольной атмосферой. Характерен состав «футбольной команды»: преподаватели Астрыбвтуза, его студенты, включая вьетнамцев, перуанцев, аргентинцев, чилийцев, рабочие, строители, поэты, директора заводов, управляющие трестом, т.е. - не близость профессий, занятий собирала всех, а романтика души (ранним утром, до работы!), жажда жить, касаться этой атмосферы, атмосферы свободы и

равенства, атмосферы – от каждого по способностям, каждому по его потребностям, которые не выходили за рамки возможностей команды. Вместе отмечались дни рождения, государственные праздники – с выездом в пампасы. Удивительная атмосфера общности в команде как нельзя лучше взаимообогащала ее членов. Шевчик купался в этой атмосфере, боялся ее потерять. Где бы он в последствие не жил, в Челябинске, в Москве, будучи в командировке в Астрахани, он не упускал возможности окунуться еще и еще раз в атмосферу утренней команды, хлебнуть глоток коммунизма в отдельно взятом месте в отдельно взятое время. Тот самый коммунизм, который обещали нам вожди в нашей юности в 1980 году, действительно был построен. Правда только на 1-2 часа в сутки и только внутри той самой команды, которую мы называли «Прилив-Отлив» за непредсказуемость ее численности хотя бы назавтра.

Шевчик А.П. никогда не был рьяным коммунистом, но именно его я бы назвал, первым из всех встреченных за мою жизнь людей, достойным того самого коммунистического общества, которое рисовали и рисуют идеалисты. У него было обостренное чувство необходимости полной отдачи в работе, быть там, где нужнее всего, интересоваться и заряжаться успехами членов коллектива, управлять своими потребностями и потребностями семьи в зависимости от возможностей и результатов своего труда. Человеку свойственно считать что то, что он делает, значит больше, чем делает сосед, коллега, и поэтому должен зарабатывать больше соседа. Именно поэтому почти во всех фирмах зарплата персонала является коммерческой тайной. Шевчик в этом вопросе был неординарен. Он был крайне требовательным к себе, чрезмерно объективен в оценках своего труда, своего вклада в общее дело, как правило, занижая величину этого вклада. Предельная честность не делала его «белой вороной», а определяла некий нравственный идеал в окружении.

Эти свойства еще в юности подметил у Шевчика его друг, который был бессменным руководителем горных походов, Букин Владимир. Походники знают роль завхозов в горных походах, где значительны неопределенности, в том числе, в длительности похода. Если Шевчик оказывался в команде, Букин всегда отводил ему роль завхоза. Он, в этом случае, был спокоен за важнейший продовольственный сектор походных проблем, что, во-первых, продовольствия хватит до конца похода, сколько бы он не длился, а, во-вторых, никто не будет роптать, потому что распределял продовольствие не кто-нибудь, а Шевчик. Мне также не раз приходилось подставлять Саню под удар в надежде, что его объективность и честность сдемфирует ситуацию, особенно при дележе наличности, добытой «шабашным» путем. Срабатывало всегда – если делит Шевчик, то все проходит спокойно. Недовольные есть, конечно, но они молчат, поскольку делил Шевчик (читай – господь бог!). Да еще и себе взял меньше всех!

Интересен в наших взаимодействиях был и Челябинский период Шевчика, который длился около 10 лет.

В это время я жил в Кучино, там и работал в новом корпусе ВНИИ ВОДГЕО. Место знаменито прежде всего как место зачатия воздухоплавания в стране. Здесь и усадьба Рябушинского – мецената воздухоплавания, место работы Жуковского в геодезическом институте – отца Российских летательных аппаратов, теоретика самолетостроения, здесь же первая в мире аэродинамическая труба, где были достигнуты сверхзвуковые скорости. Однажды Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина¹, рекомендуя одну из моих статей в доклады Академии наук, рассказывала, как она девчонкой приезжала (она выразилась – бегала) в Кучино запускать воздушные шары вместе со своим будущим мужем Кочиним. Получается, что Кучино – родина Российской гидроаэродинамики. Затем аэродинамика перебралась недалеко, в г. Жуковский, а гидроаэродинамика осталась на месте в виде ВОДГЕО.

Шевчик А.П. будучи в командировках в Москве всегда останавливался у нас. У него был «ключ без права передачи». Он мог, имея ключ, входить в квартиру в любое время, где бы мы в это время не находились. Не раз, просыпаясь поутру, члены семьи бежали ко мне с воплем: «Там чьи-то ноги торчат из кухни?». Это Саня, чтобы никого не будить среди ночи, бросал свой неизменный рюкзак на пол и таким образом отдыхал с дороги. Его, такого рода приезды, нравились всем. Они сопровождалась, как правило,

¹ Полубаринова-Кочина П.Я. – третья женщина, действительный член Академии Наук СССР, автор фундаментальной монографии «Теория движения грунтовых вод». По сути дела является одним из основоположников современной инженерной гидрогеологии.

своеобразным коктейлем из пельменей, пирогов, научно-философского бреда, песен, футбольных баталий, купания в местных озерах и реках вне зависимости от времени года.

В застолье принимали участие все члены моей семьи и, часто, Муфтахов А.Ж. с женой Рашидой Закировной, которым было интересно поговорить о делах в Челябинске. Ведь они там когда-то работали и жили долгие годы.

Как-то так получилось, что и разводы в наших с ним семьях были почти в одно и то же время, так что и эта сторона жизни была предметом наших разговоров. Тем более, что природа, причины разводов были разные и что бы охватить, осознать весь комплекс эмоций, переживаний, осмыслений нам с Сашей пришлось опираться на очень широкий пласт литературы, искусства, философии. Анализ жизненной ситуации сопровождался, как правило, песней под баян, которым я еле-еле владел, но оказывается – достаточно, если душа просит.

Происходящее в семейной жизни никак не влияло на ход научных исследований. Они шли своим чередом. Я закончил докторскую диссертацию по инженерной защите городских территорий и промышленных площадок от подтопления, Саша привел к защите диссертации своего любимого ученика Бывальцева Ивана Александровича. Но пришли 90-ые годы, Ельцинский разрушительный для науки период, когда достойное место для профессора – за прилавком.

Саня отказался от прилавка, он пошел в бригады по очистке котлов, канализации, дренажей в г. Челябинске.

Я организовал в Москве фирму, ориентированную на выполнение работ «под ключ» по всему профилю проблем, которыми занимался институт ВОДГЕО, и пригласил Шевчика А.П. в его родной г. Астрахань для организации там филиала этой фирмы. Почему не в Челябинске, а в Астрахани? Да потому, что мне удалось получить несколько интересных заказов, связанных с инженерной защитой от подтопления территории г. Астрахани, составить и утвердить по этой теме Федеральную целевую программу, а также ряд заказов по проблемам связанным с подъемом уровня воды в Каспийском море. Эти работы фирма вела совместно с Астрахангипроводхозом. С нашей стороны было только научное сопровождение. Так в фирме ДАР/ВОДГЕО появился первый филиал – Астраханский, а его первый директор – Шевчик А.П.

Саня с присущей ему энергией взялся за становление своего детища, организовал проектное подразделение. В результате Астраханский филиал ДАР/ВОДГЕО стал одной из ведущих в г. Астрахани организаций, способной решать проблемы водного и жилищно-коммунального хозяйства области. Александр Петрович на этом этапе показал себя как выдающийся организатор, который опираясь на высокую квалификацию, опыт, исключительную ответственность завоевал доверие коллектива и руководства города. Вокруг Шевчика А.П. стало формироваться ядро ГИПов, быстро вырос его ученик и заместитель Куранов Сергей Геннадьевич, с которым они наметили перспективу развития филиала, расширения его деятельности в прилегающих областях и Казахстане. Реализовывать эту программу филиал стал уже под руководством Куранова С.Г., поскольку Александр Петрович был приглашен на работу в ВНИИ ВОДГЕО в г. Москву.

Случилось это вот как. Неожиданная смерть директора НИИ ВОДГЕО Нечаева Алексея Петровича, одного из учеников академика РАН Яковлева Сергея Васильевича, который занимал этот пост более 40 лет, привела к тому, что научно-технический совет института решил выдвинуть в руководители свою кандидатуру, не дожидаясь назначения из Госстроя России. Выбор научно-технического совета выпал на меня. Я взял тайм-аут на раздумье.

Для реализации стратегии, которую я собирался предложить институту, мне были необходимы определенные кадры. Одной из ключевых была фигура главного инженера Никого, кроме Шевчика А.П., я на этом месте не видел. Звоню ему, говорю, так, мол, и так, если ты даешь согласие на главного инженера института, то я даю согласие научно-техническому совету на директорство.

Все так и произошло. Александр Петрович стал первым главным инженером научно-исследовательского института, а значит, что ВНИИ ВОДГЕО взял курс на решение сложных технологических проблем своей отрасли по принципу «под ключ», т.е. продукцией института должны стать не

только научные и технологические разработки, но и проектно-изыскательские работы, пуско-наладочные и строительно-монтажные работы. Эта стратегия более десяти лет претворялась в жизнь нами в ДАР/ВОДГЕО, накоплен определенный опыт, что было фундаментом для реализации такой стратегии развития НИИ ВОДГЕО.

Однако задумку не удалось осуществить, поскольку уже через полгода Госстрой проводит конкурс на должность директора ФГУП НИИ ВОДГЕО, определяет победителем конкурса своего ставленника, советника Госстроя, специалиста по недвижимости, которой в НИИ ВОДГЕО было на несколько миллиардов. Вскоре эта недвижимость оказалась в частных руках, а коллектив НИИ ВОДГЕО был выброшен на улицу. Но это уже другая история, в которой Шевчик А.П., будучи равнодушным человеком, ценившим и уважающим любой труд, тем более научный, высококвалифицированный труд, труд высоких технологий, не остался в стороне.

Я снова оказался генеральным директором, но уже обобранного, оказавшегося на улице коллектива ОАО НИИ ВОДГЕО, а Шевчик А.П. стал главным инженером научно-производственного объединения ВОДГЕО, куда вошли ДАР/ВОДГЕО и НИИ ВОДГЕО как равноправные партнеры, специализирующиеся один на выполнении проектно-изыскательских работ, а другой – на выполнении научных и технологических исследований.

Анализируя современное состояние инженерного консалтинга в водохозяйственной и жилищно-коммунальной области в России, аналитиками отмечается доминирование Российских специалистов, Российских компаний на внутреннем рынке. НПО «ВОДГЕО» является одним из флагманов инженерного обеспечения функционирования и развития водохозяйственного комплекса России. Объединение включает в себя около 400 специалистов (12% - кадры высшей квалификации, кандидаты и доктора наук), целый ряд филиалов во многих городах России. Во многом это заслуга Шевчика А.П.

В ходе описания жизненного пути Александра Петровича, я был вынужден часто «якать», а из самого описания по формальным признакам Шевчик А.П. является как бы вторым номером в нашей команде. Но это не так, это только во внешнем автобиографическом повествовании. В нашей «двойке» внутри не было лидера. Мы с ним хорошо знали свои слабые и сильные стороны. И потому без слов понимали: кто что в каждой проблеме должен делать, у кого что получится лучше. Ни на один миг у нас не вставал вопрос о лидерстве, потому что мы с ним вдвоем часто были одним «Я». Саня нередко в пылу дебатов, в пылу страсти говорил: «Николай, нам давно уже надо одного отстрелять. Зачем природе нужны два одинаково думающих персонажа».

И вот природа одного отстрелила....

Конечно же, Александр Петрович незаменим! Никто даже не попытается его заменить. Думаю, прежде всего, потому, что он никогда не подчеркивал свою исключительность, но догадывался о ней, считал эту исключительность лишь малой толикой того, что он сам получал от окружения.

У Александра Петровича было много учеников, которых, быть может, он таковыми не считал, но они-то точно знают, чему и как они учились у Александра Петровича.

Во-первых, убежден, что все руководство объединения ВОДГЕО, которое выросло под его мощным интеллектуальным и эмоциональным воздействием – его ученики. К этому следует добавить всех сотрудников ДАР/ВОДГЕО и 50% сотрудников НИИ ВОДГЕО и еще сотрудников многих других организаций, с которыми Александр Петрович активно взаимодействовал.

Саня был богат душой и всеми премудростями, которое скопило человечество за все время существования, а он – за одну свою жизнь. Наверно, поэтому заговаривался иногда, мысли его «разбегались» и далеко не всегда было понятно собеседнику, куда и зачем они убежали. Другое дело – его раздумья в письменном виде. Не часто, но два-три раза в году Саня присылал мне записки, как он видит ту или иную ситуацию в фирме, институте, объединении, в стране, в мире. Обсуждались в этих записках не столько научные, сколько нравственные аспекты, философские, музыкальные, театральные. Он не только сам поднимался к высотам интересующих его проблем, но и увлекал, захватывал стилем изложения, аргументацией, неподдельным интересом любого, кому на глаза попадались его записки. Конечно, жалею, что не сохранил, но рад, что испытал очистительный эффект письменных раздумий Шевчика.

Кто не испытал, прочтите его некоторые строки, которые он адресовал детям. Они любезно предоставили их для печати не только как свидетельство взаимоотношений «отцов и детей» в их семье, но и как памятник любящему отцу, настоящему человеку, который он сам себе воздвиг.

Выдержки из писем Шевчика А.П. своим детям

Мы жарко спорим о глобальных проблемах, пытаемся прогнозировать процессы, о которых знаем мало и плохо можем судить. Тратим на это время, душевные силы. И при этом ленимся обустроить жизнь в районе шаговой доступности: прибрать комнату, подъезд, двор. Не ломать ветки, не ходить по свежей траве.

И шире: не позволять обманывать себя управляющей компанией, быть нетерпимым к бытовому хамству, требовать уважительного отношения руководителя и т.п. Не дать взятку, а попытаться действовать по закону и требовать действий по закону. Это нудно, иногда противно, но можно.

Когда-то была многократно осмеянная теория «малых дел». Но ведь из этих малых дел и состоят великие. И один раз в жизни совершить подвиг, будучи подвигнутым обстоятельствами, в состоянии аффекта, куда проще, чем каждый день не сражаться, но противостоять мелким неприятностям нашей жизни.

Безусловно, мелочами не исчерпывается жизнь! И глобальные проблемы могут и должны всерьез волновать, но не как в «обществе старика Фунта»! Я достаточно убежден, что обсуждение глобальных проблем должно начинаться и завершаться мыслью: что я могу на своем месте сделать полезного, чтобы сделать шаг в направлении их решения. Пусть шаг, но внятный и осознанный. Если Тебя волнуют проблемы межнациональных отношений, будь вежлив на базаре со всеми и останавливай хамов. Вежливо, но твердо. Не употребляй презрительных и уничижительных кличек. Если Ты руководитель, действуй легально. Впрочем, я уже заболтался – старческое.

В день смерти Сталина (я учился в четвертом классе), уроки прервались. Учителя вышли в коридор, плакали.

Естественно, мы, четвероклассники, получив свободу посреди рабочего дня, начали веселиться, прыгать и скакать.

Наверное я веселился больше других или из-за моих родителей – учителей, их вызвали в школу, повели меня к директору, повоспитывали. Потом меня воспитывали дома. В результате я "проникся", закрылся в комнате (родители и их знакомые в это время сидели в другой, обсуждали...) и написал корявое трехстишие:

"Это был человек необыкновенной силы,

В ... пустынях растил сады,

Он сделал жизнью народные мечты."

Интересные аллюзии!

А Занусси просто поразил меня тем, что это совершенно иной менталитет! Я неоднократно смотрел "линию жизни". Всегда интересно. Часто выступают талантливые и крупные люди. Но он совершенно другой. Мало того, что другой, но он вполне созвучный! Т.е. его рассуждения о политике, религии, жизни – не только понятны, но это, как мне кажется то, о чем мы сами говорим и в таком же ключе!

Добрый день всем!

Завтра День Победы!

И как всегда накануне этого праздника невольно задумываюсь и пытаюсь осмыслить многое, связанное с этим днем.

Всякий раз – по разному. Почему-то именно сегодня больше всего мысли вертятся вокруг отно-

шения к ветеранам. Скорее всего, из-за совершенно беззастенчивой эксплуатации политиками этого дня и ветеранов, и всего связанного с этим.

И мне, далекому от политики человеку, но живо чувствующему эту тему - отец, слава богу, еще жив - кажется, что все и проще и сложнее, чем это представляют в телевизоре.

Проще, потому что давно уже написано: "вечная память павшим, вечная слава живым".

А сложнее, потому, что нужно бы не трещать, а – сколько их осталось – оглядеться вокруг и тихо, без рекламы и шумихи, скромно помочь тем, кто в этом нуждается и помочь тем именно, в чем он нуждается: кому ласковое слово, кому помощь по хозяйству, кому денег, чтобы мог помочь своим, тоже старым детям – пенсионерам или правнукам игрушку купить - разные нужды у разных людей. Да сделать это не к празднику, а за правило!

А главное, помнить. И у детей и внуков воспитать чувство, что не существует оправдания войне! Не было, нет и не будет!

С праздником Вас дорогие мои. Посвятите этот день старикам и детям!

Добрый день, милые мои!

Вот и наступил какой-то шумный на этот раз праздник - День Победы!

Чем меньше остается живых участников, тем больше шумят непричастные.

И все хотят говорить "от имени"!

А что говорить! Страшная была война. Прошла по всей стране и подняла и примяла всех и каждого. И долго еще будет она напоминать о себе и плохим, и хорошим. И великим подвигом, и великой подлостью, и искалеченными людьми и судьбами, и торжеством духа, и обретенным счастьем.

И будут из поколения в поколение в семейных преданиях передавать были и небылицы об этой войне.

Вряд ли на всей громадной территории стран, охваченных войной найдутся семьи, которых она как-то не задела. И у каждой семьи свои ощущения и воспоминания. Только не верится мне, что есть семьи, где эти воспоминания столь шумные, как это представляют нам сейчас.

Но, бог с ними, присяжными крикунами. Главное, что она была - Победа! И был Мир! А потом пошла жизнь. Жизнь всякая, разная, хорошая и плохая, и серая, и счастливая.

И дай Вам бог всем сохранить тот свет, которым светятся в этот день уже старческие глаза уцелевших фронтовиков! Вглядитесь, его еще можно увидеть, скоро будет - нельзя!

Будьте все здоровы, счастливы и живите в мире.

Здравствуйте, дорогие мои!

Сегодня – в который раз мы празднуем День Победы!

И первый раз без деда и без двух моих старых друзей – военных – Вени Шухера (Вы его знаете) и Володи Кузьмина - понаслышке.

На этой неделе просматривал журналы, сообщения в сети... До сих пор люди яростно спорят об этой войне, иногда спорят, иногда злобно ругают друг друга.

Часто забывают склониться перед памятью ушедших. Пытаются измерять эту память литрами крови и числом трупов...

И чем выше уровень, до которого дотягиваются спорщики, тем громче взаимные обвинения, тем легче они оперируют цифрами, фактами и ... - оскорблениями.

Но ведь главное - не в спорах и оскорблениях, иногда доходящих до глупости и часто противных...

В этот день я всегда вспоминаю два события.

Одно: как мальчишкой встречал отца на Астраханском вокзале.

Второе: как однажды какой-то дурак, там же, в Астрахани вдруг запретил ветеранам шествие по Ленинской площади на День Победы.

А мы в это время пришли в Братский садик к вечному огню положить цветы, как делали каждый раз.

И мы – Мишка с гитарой, Петька или Наташка – не помню – еще маленькие – и я – встали в первые ряды колонны и запели! И старики подтянулись, почувствовали себя уверенней и пошли колонной по Советской улице. Нет, нет – не мы организовали колонну. Она и так прошла бы. Но запели первыми – мы! – Господи, - взмолился человек. Ты видишь, что творится вокруг! Ну сделай же что-нибудь!

Я уже сделал.

Что же, о Господи?

Я послал в мир Тебя!

Мне кажется, это главное, что нужно помнить. Не шуметь, не кричать, не обзывать друг друга, а постоянно делать честно то дело, которым Ты занимаешься сейчас.

Не подумайте, что я призываю Вас бегать на митинги – упаси боже! Но вот честно работать, заступаться за слабых, не подличать, требовать по закону - это нужно. Нужно без шума, крика, истерик и обвинений.

Будьте здоровы и счастливы!

Я люблю Вас!

Папа.

Милые мои и дорогие!

С Новым годом!

Живите хорошо! Живите долго! Живите так, чтобы было, что вспомнить и не вскакивать в холодном поту ночью!

Работайте честно, заботьтесь друг о друге!

Воспитывайте внуков (моих), заботьтесь о стариках (своих)!

Я Вас всех очень люблю, всех всех, тощих и толстых, маленьких и больших, косолапых и стройных!

Пусть дети не сопливятся, весело бегают в садики и школу.

Ленам желаю хорошей работы так, чтобы она не была в тягость!

До встречи в новом году!

Ваш многодетный и многострадальный, но безусловно счастливый папа!

Привет всем!

1. Нашел и читаю великолепную книгу Людмилы Улицкой "Даниэль Штайн. "Переводчик" (Тебе, Илья, я уже об этом писал). Боюсь, что Вам еще рановато ее читать: нужно до нее дожить. Посмотрите, возможно, есть аудио кассета по этой книге. Если найдете, купите деду.

2. У меня давно лежит книга Г. Гессе "Игра в бисер". Первый раз я ее пытался читать очень давно, в начале 70-х. Тогда это был, как сейчас говорят бестселлер. Тем не менее не смог! Почему-то я не могу читать такие книги, как "Игра в бисер", цикл про Свана у М. Пруста, "Гора", "Замок" Кафки, "Волшебная гора" Томаса Манна. Почему-то при чтении у меня возникает впечатление, что я попал в какую-то вязкую лужу и передвигаться трудно, и вырваться – тоже нелегко!

Лет 6...7 назад мне подарили томик Гессе на день рождения. Я в очередной раз попытался читать "Игру", но так и не одолел! Вчера, выбирая очередную книгу для чтения на ночь и за едой, я от отчаяния в который раз взялся за Гессе.

Прочитал несколько страниц самого конца "Игры". Ничего, но это же вчера и кончилось! Сегодня наугад взялся читать "Степной волк". И сразу увлекло.

Совсем другой Гессе!

А вспомнил я об этом, собственно, потому, что там нашел цитату из старого немецкого писателя Новалиса (если не ошибаюсь, современник Гете, Шиллера):

"Большинство людей не хочет плавать до того, как научится плавать!" - Как это про нашего Петю! Мне это очень понятно в частном: вот так я хотел научиться играть на пианино: без труда, взял и заиграл!

Но самое интересное, что некоторым это удается! Есть такие талантливые натуры (в чем угодно - в музыке, живописи, скульптуре, физических упражнениях, ремеслах и т.д., и т.п.), которые сходу берутся и у них получается! Однако и у них само собой получается только начало, только первые шаги, часто очень эффектные и успешные. А вот дальше все зависит от того, насколько будет приложен труд, упорный, каждодневный. И чем дальше, тем больше.

Давно, еще в юности, прочитал я в "Юности" поразившее меня стихотворение Вознесенского. Почему-то мне запомнилось, что название "Хобби". И запомнилась последняя строчка про распятого Христа: "Люблю сквозь ладонь подглядывать в дырочку от гвоздя.

Потом все искал это стихотворение, но не находил - искал не очень настойчиво.

А сегодня вспомнил про Интернет. И сразу нашел. Оказывается, называется "Фиалки".

Естественно, стал читать - вспоминать другие стихи Вознесенского.

Потом решил послать ссылку Тебе и братьевым. Авось понравится.

Вы ведь даже представить себе не можете, что такое были для нас стихи Вознесенского, да и вообще стихи - стихия публичного концертного чтения.

Сейчас это просто умерло!

Добрый день, милые мои!

Я привык периодически выписывать интересное в прочитанном и делиться этим с окружающими. Кто бывал у меня в Москве в кабинете, то видел периодически меняющиеся "лозунги"(цитаты) за стеклом моего шкафа.

По мере активизации использования электронной почты, я стал посылать эти интересные мне выписки своим друзьям и знакомым.

Сегодня собрался сделать очередную рассылку и подумал, а почему же я не шлю такие письма своим уже выросшим и вполне умным детям?

Возможно потому, что я как-то пока не особенно вижу в Вас собеседников, пожалуй только в Наташе.

Короче говоря, решил начать на старости лет!

Купил на развале книжечку-сборник Пришвина и потихоньку грызу во время еды и перед сном.

Я и раньше читал Пришвина (Кладовая солнца, Осударева дорога, Календарь природы), но здесь открылся мне совершенно новый писатель.

Повесть "Черный араб" очень легла под настроение: там про Западный Казахстан. "Женьшень" очень интересен. И очень привлекли "Незабудки" – опубликованные посмертно выдержки из дневника.

И вот сегодня наткнулся на такую запись:

"Высшая нравственность - это жертва своей личности в пользу коллектива. Высшая безнравственность - это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого (например, смерть Сократа, не говоря уже о Христе)... Человек отличается от природы способностью сделать обобщение и тем самым выйти из обычных персональных законов природы. Обобщение тем самым, конечно, должно быть и убийством, и не случайным, как в природе, а принципиальным. (Каин убил Авеля, конечно, принципиально)."

И хотя понятие жертвы личности в пользу коллектива для меня просто кажется лживым. Человек обычно действует по своей воле (догмат свободы воли для меня принципиален), поэтому жертвенность - это самооправдание, за которым обычно следует требование благодарности в качестве воздаяния.

Но вторая часть - великолепна! В этой мысли все законы нормального человеческого общественного бытия.

Коллектив не имеет права жертвовать личностью "в пользу себя самого" в этом смысле личность неприкосновенна, пока она не начала совершать физическое или психическое насилие над другими.

Вроде бы завершаем выпуск Кокшетау.

По идее в понедельник должны отнести все, кроме мелких хвостов в виде смет по автоматике.

Как всегда в процессе годичной работы не хватило сначала недели, потом двух дней.

Причина банальная: в последнюю неделю я вынужден был уехать в Москву, а без меня Петьке выпускать одному трудно: многого не понимает, а по складу характера, когда не понимает, тормозит работу!

Кроме того, у меня принцип: "глаза страшатся, ...", у него - "у страха ...".

Написал и вспомнил про один из принципов управления: если задача не понятна, или не решается, или необозрима..., разбей ее на более мелкие части. И так до тех пор, пока она не станет понятной и выполнимой.

По сути этот опыт народом сформулирован афористически: "глаза страшатся, ...".

Интересно, что нигде не видел сравнения разнообразных теорий поведения и управления и народного опыта, выраженного в сказках, пословицах, поговорках.

Было бы очень интересно это сделать. Меня в свое время Рафаил натолкнул на мысль, что все многочисленные книги Карнеги сводятся к старой сказке, где девице - красавице задают три вопроса и она дает три ответа. Наверное помнишь, какое дело, какое время, какой человек важнее всех. Ответ короткий: теперешние! И на этой основе Карнеги написал целую библиотеку - гений!

Честно говоря, толчком к этому письму стал утренний "анализ спросонок" провала с Кокшетау. Я вспомнил, что еще когда работал на кафедре, в разговорах с Вургафтом на основе опыта общения и анализа работы рядом с Толей Плоховым, сформулировал принцип двух типов людей, по аналогии с животным миром: люди с внутренним скелетом и люди с внешним скелетом. У меня нет внутреннего скелета - стержня, поэтому я всегда так тяготел к внешним формам организации труда: ежедневники, графики, таблички, ..., со временем - компьютерные формы. Кроме того, я обязательно должен задавать себе внешние (желательно непреодолимые!) границы: жесткие обязательства. Иначе бы я валялся на диване с книгой в руках или занимался кучей безрезультатных мелочей. По видимому, из-за подсознательной потребности в ограничениях, и возник явно выраженный "синдром Шурика" (Кто на ликеро-водочный? Я!). Когда много обязательств, возникает давление и начинаешь поневоле работать организованно. Правда, дело (какие-то из дел!) страдает (ют!)

Именно поэтому я так люблю командировки. За время непосредственно предшествующее командировке и во время командировки моя производительность резко увеличивается! Появляется временной скелет, на который можно опереться!

В Казахстане летом я расслабился: командировки длинные, иногда больше месяца!

Результат налицо: работа в Казахстане по сути завалена. Кроме Кокшетау - ничего, да и тот с грехом пополам!

Попробую до конца года и в рождественские каникулы разобраться и выстроить новый скелет - план работы пожестче!

Тем более, что Челябинская работы того требует.

Что-то сегодня, пока готовил салат на завтрак, вспомнил свой выпускной вечер в школе. И как бабушка, уже очень больная, достала из своих старых запасов лучшее платье и пошла со мной. И - ладно ей - мне было очень приятно! Собственно, почему пишу Тебе об этом - Ты сначала не хотела, чтобы мы шли на Твой выпускной - и это очень запомнилось.

Настолько, что я сначала погрузился по этому поводу и только потом вспомнил, что мы же все-таки были на Твоем выпускном! Но! Первое слово...

А потом вспомнил, как на моей свадьбе пригласил маму танцевать, и она внезапно на миг потеряла сознание. Я ее еле удержал.

Потом, как-то само собой вспомнил, как в ЗАГСе во время церемонии мама Алеши Израйлева (Челябинск) – она стояла впереди меня – держа руки за спиной, ломала пальцы. А когда я потом уже заговорил с ней об этом, то оказалось – ничего не помнит такого!

А вот свадьбы Мишки с Ильей запомнились как веселый вечер. У Ильи главное было накормить гостей фирменным рулетом. И это было сделано!

Уже перед сладким (мы про него забыли) я еле уговорил попробовать и через пятнадцать минут все протягивали тарелки за добавкой, которой – увы – не было! А когда мы выходили из кафе я услышал шепот обслуги: «Ну что за свадьба... ни скандала, ни драки! Так было приятно!

У Мишки же вообще было все так легко: приехал, отдал «долгу» и никаких хлопот – все делали родители невесты. А мы только пели и танцевали под аккордеон.

Потом свадьба Алешки, где Аня извелась и только уже в разгар торжества немного отошла.

Что-то все это вспомнил. Одно за одно цепляется. К чему бы это? Должно быть к дождю! Давно дождя не было...

Папа.

.....

К дождю, Саня, к дождю! Твои письма – образец высокой нравственности, гимн человеку. Ах, как жаль, что сестра за книгу о жизни своей ты решил за неделю до своей смерти... Живым все хочется получить от тебя еще и еще, все больше и больше. И так уже столько наделал, еще и книгу нам подавай!

Трудно приходит осознание, что нет тебя.

Профессионализм, широкий диапазон возможностей и интересов, способность мгновенно оказаться в любом конце нашей страны вкупе с исключительной порядочностью, желанием оперативно оказать любую посильную помощь каждому обратившемуся за ней, своеобразный импозантный внешний вид и всегда позитивный настрой оставляют глубокий след и добрую память – вот визитная карточка Шевчика А.П.

Шевчик А.П. не был ни доктором наук, ни профессором. Как-то обсуждая этот вопрос с ним и «наезжая» на него, я понял его твердую, продуманную, принципиальную позицию: «Я с удовольствием занимаюсь всем новым, но поверхностно. Глубже лезть – не мое. Неужели ты хочешь, чтобы я потерял удовольствие от работы?» Я, конечно, уверен, что потерять удовольствие у него не было шансов, но позицию понял, зауважал и больше не лез с ней, даже когда докторов наук в институте формально катастрофически не хватало. Однако я тоже знаю, что последние лет 20 – 25 Александр Петрович работал в ДАР/ВОДГЕО и ВОДГЕО на уровне доктора наук и профессора, конечно.

Александр Петрович Шевчик внес весомую лепту в укреплении «школы ВОДГЕО», в которой продолжают работать и учиться его ученики.

Теперь несколько слов о моих последних размышлениях и поступках, в которых главенствует мысль: «А годы летят, наши годы как птицы летят». Я почувствовал, что две лямки тянуть уже не могу. От одной надо избавиться. Думать: «Что следует сбросить?» - мне особенно и не пришлось. Во-первых, потому, что наука была мне ближе – в ней живет моя душа! А она не сильно постарела в отличие от тела. Во-вторых, дети, подвижники, друзья, уже уверенно чувствовали себя в бизнесе. Наукой, в лучшем случае, им суждено было заниматься между делом. Поэтому в бизнесе мне мгновенно нашлась замена и он дальше пошел без меня. А я, спрыгнув с подмостки бизнеса, с удовольствием занимаюсь тем, что считаю полезным в науке.

Какой безумный финт судьбы!
Я стал, послушай: «Биз-нес-мен»!
Из словаря словечко взял,
Пожалуй, игроку взамен!

Взялся за гуж!... А я привык
Тащить, коль он в моих руках,
И так по жизни протащил
«Завод» при «облаке в штанах»!

Научные заоблачные дали
Мне помогли построить предприятие,
Решающее водные проблемы.
Вполне достойное, скажу я Вам, занятие!

Рабочие места, налоговые отчисления,
Откаты, арбитражные суды –
Все это сразу, без промедленья
Взяло за горло баловня судьбы!

Свое профессорское званье
Можешь заткнуть ты хоть куда!
Зарплату обеспечить – вот главное задание,
Да все налоги выплаты сполна!

Наука помогла! Я кое-что все ж сделал!
Не утонул на бизнес-берегах!
Теперь, весь бизнес, сбросив на детей,
Остался лишь профессор «в облачных штанах».

ГЛАВА 10. МОЕ ЛЮБИМОЕ. А НАУКА ЛИ ЭТО?

В бизнесе понятно, что сделал: создал довольно крупное предприятие, которое послал в самостоятельное (т.е. без меня) плаванье. А что же все-таки полезного ты сделал в науке? На этот вопрос поиск и результат ответа очень интересен и неясен мне самому. Попробую разобраться здесь и сейчас. Может быть и еще кому-то это может быть интересным. Начну с начала, а продолжу в какой-либо (там видно будет!) последовательности.

1. Проблема засоления и рассоления земель.

Жизнь поставила перед начинающим ученым цель: получить расчетные зависимости, по которым можно рассчитать промывные нормы воды (количество воды, режим подачи воды) на ту или иную площадь. При этом известно, что до начала подачи воды на данную площадь эпюра засоления земли определена, как и инженерно-геологические и гидрогеологические условия территории.

Задача эта возникла давно, ее пытались решить разными способами. Мелиораторы в лице Аверьянова, Ковды, Решеткиной и др. составляли балансовые расчеты, разрабатывали методику расчета, использовали ее, особенно для условий Средней Азии, т.е. была разработана методика решения этой задачи для некоторых определенных условий. В этой же области работали и ряд других ученых: Зеегофер, Пашковский, Айдаров, Шестаков, Пеньковский и др. В общем виде теорию растворения солей в твердой фазе грунтов предложил Веригин Н.Н. Орадовская А.Е. подтвердила справедливость этой теории экспериментами. Некоторые честные случаи этой общей теории рассматривали в своих работах Рекс Л.М., Барон В.А., Шульгин Д.Ф. Я решил, что попробую найти общее решение этой задачи в фундаментальной постановке Веригина Н.Н. После года работы над этой проблемой мне пришла, наконец, идея как это сделать. Сапунков!! Мой руководитель по диплому! Дипломная работа! - вот что стоит вспомнить! Для этого пришлось вновь поднять методы аэродинамики, в которых рассматривались задачи особых возмущений.

Но вначале мне удалось показать, что в общей постановке задачи рассоления земель представляют из себя задачи особых возмущений с подвижными границами, и только тогда обратиться к методам аэродинамики. Достал книгу Ван Дайка «Методы возмущений в механике жидкости», изучил метод сращивания асимптотических разложений. Дело пошло! По сути дела, мне впервые надо было разработать методику применения метода сращивания асимптотических разложений к задачам с подвижными границами! Подвижные границы возникают за счет того, что в твердой фазе соль в грунтах заканчивается в какой-либо точке, и из нее вырастает зона рассоления, которая заканчивается после полного перехода солей из твердой фазы в поровый раствор, а потом уже разбавляется этот поровый раствор пресной водой. Себе в заслугу могу поставить не только решение конкретной проблемы, но и разработку нового метода решения задач конвективной диффузии с учетом массообменных процессов, эффективного, в т.ч., в задачах с подвижными границами.

По этому поводу вышла книга «Методы расчета солевого режима грунтов и грунтовых вод» в издательстве «Колос» под редакцией Веригина Н.Н., где изложены основные результаты моих исследований.

Здесь мне особенно импонирует связь фундаментальной науки (задачи особых возмущений!) с прикладной (рассоление земель!), что позволяет глубже вникнуть в теорию массообмена, миграции солей и загрязнений в пористых средах....

Прочитал написанное в этой главе и ужаснулся, сколько же «якается» здесь: я понял, мне удалось, я обратился, и т.д.

Выглядит не только не скромно, но даже заносчиво, вульгарно, не красиво. Попробую исправиться, но уж как получится. Привык все ощущать и переживать через призму «Я». Одно могу сказать – дело не в показухе, а в фигуре речи. Так, видимо, через такую фигуру речи проще изложить суть дела, а, возможно, таким образом прет из меня эгоизм. Ну что ж - что выросло, то выросло!

2. Миграционные проблемы!

Рассоление земель, конечно, относится к «миграционным» проблемам. Но кое-что, в этой области

сделано и кроме растворения солей, находящихся в твердой фазе. В частности, мне самому нравится задача не рассоления земель, а их засоление. Мне удалось решить задачу засоления земель с образованием пленки из твердой фазы, формирования «корки» твердых солей растущей мощности. Нужно ли это кому? Безусловно! Такие «платья» обязательно надобно «шить», а будут ли они «носиться» - это совсем другой вопрос!

Уже лет через 10-15 после получения решения указанной задачи, к нам на фирму пришел заказ на решение проблем стока дренажных вод в подступные ильмени, где образование «корки» играет перво-степенную роль. Без расчетов, основанных на полученных когда-то мной решениях, невозможно было бы правильно разработать технологический регламент сброса дренажных вод, что вело бы к непродуманным решениям и многомиллионным напрасным затратам.

Как-то так получилось, что, по сути дела, в сложившейся в нашей науке терминологии, мне удалось стать основателем, так называемой, гидродинамической теории миграции солей в пористых средах. Однажды, увлекшись фундаментальными исследованиями наших классиков, мне удалось сформулировать в точном виде граничное условие на свободной поверхности для концентрации солей. Получается, что Буссинеска – основатель гидравлической модели фильтрации, Полубаринова - Кочина – основатель гидродинамической модели фильтрации, Веригин – основатель гидравлической модели миграции солей при наличии их в твердой фазе, а на меня выпала честь быть создателем гидродинамической модели миграции солей, в том числе, при наличии солей в твердой фазе. Хорошая подобралась компания! Жаль, что у меня не было больше возможности заниматься этими вопросами дальше. Например, Ахмет Жалаяевич Муфтахов разработал целый комплекс методических приемов для получения инженерных решений в гидродинамической постановке по прогнозам развития подтопления от рек, водоемов, водохранилищ при наличии инфильтрационного питания от источников различной формы, расчетам дренажей (совершенных и несовершенных) и др., т.е. - в фильтрационных задачах. По меньшей мере, такой же цикл работ или похожий, но не по отношению только к уровням грунтовых вод, а еще и массе солей я и предполагал выполнить, но планы есть планы, а жизнь...

В отношении миграционных задач жизнь заставила заняться вопросами радиоактивных загрязнений подземных вод из накопителей, содержащих такие отходы. Тогда у нас была работа в городе Электростали, и надо было решать эти вопросы. Была разработана новая сложная математическая модель в постановке японских коллег. Получили интересные для завода результаты, удалось отстоять выводы перед высоким начальством, что позволило выбить деньги на проведение последующих реабилитационных работ. По этой работе защитила диссертацию моя аспирантка Малахова-Алютова Светлана. В дальнейшем на стадии разработки проектной документации на этом объекте работы нашей организацией проводились под руководством Кузьмина В.В. и ГИПа Иванникова Л.И.

На решении миграционных задач была построена и диссертационная работа другой моей аспирантки, ставшей впоследствии моей женой – Прокофьевой Елены Владимировны. По своей сути эта была, конечно, совершенно другая задача – оценки долговечности пористого бетона. Здесь важно было почувствовать, понять реакцию выщелачивания бетона при фильтрации через него подземных вод, правильно ввести, т.е. учитывать эту реакцию в уравнениях миграции солей. После этого проблема изучения прочности бетона при фильтрации превратилась в получение расчетной зависимости, по которой можно рассчитывать процесс выщелачивания бетона в зависимости от свойств воды, количества профильтровавшейся воды, скорости фильтрации и т.д. Так была защищена еще одна «миграционная» тематика. В ней был интересен еще один «шаманский» эффект. В литературе появились публикации об эффекте увеличения прочности бетона, если при его изготовлении воду пропускали через магнитное поле. Вроде бы эффект обнаружен, но почему это так – пока неясно. Тогда мы с Еленой Владимировной связались с авторами статьи из Твери, стали использовать их технологию намагничивания воды для изготовления образцов пористого бетона и получили изумительный результат многократного увеличения прочности бетона! Венцом диссертационной работы были факт увеличения прочности пористого бетона при его изготовлении за счет «намагниченной» воды и формулы, по которой можно в каждом конкретном случае рассчитать долговечность дренажей из пористого бетона.

Был еще некоторый цикл задач с подвижными границами, где массообмен определяется не растворением солей, а сорбиционными процессами. Процессы сорбции-десорбции при миграции солей гораздо более распространены, чем наличие солей в твердой фазе. Проблема сорбции – десорбции в одно время очень интересовал один из видных гидрогеологов Советского Союза, работавший во ВНИИ ВОДГЕО, Файбиш Минаевич Бочеве, с которым я провел одну из удивительных ночей. Будучи моим оппонентом по защите кандидатской диссертации, Бочеве пригласил меня домой. Жена была где-то на даче, нам никто не мешал и мы всю ночь проговорили о том, какие блестящие перспективы имеет мой опыт решения задач с подвижными границами для решения задач сорбции-десорбции. Он захлеб говорил о перспективах решения прикладных задач на эту тему, и я, вовлеченный в научный экстаз, выдавал ответы на сыпавшиеся из Бочевера вопросы. В результате договорились, что после защиты моей диссертации я сразу же сяду за задачи Бочевера, как я их про себя окрестил...

В 2012 году, мне, будучи Генеральным директором НИИ ВОДГЕО, посчастливилось организовать научную конференцию и банкет, посвященный памяти Бочевера-Веригина, столетию со дня их рождения. Выпустили мы и сборник статей в честь их столетия. На этой конференции не раз звучало, что они были непримиримые бойцы за научную истину, а значит – вечно спорили и ссорились между собой.

Пишу эти строки и вспоминаю нас с Муфтаховым и слова Алексева Владимира Сергеевича: «Два медведя в одной берлоге!» Наверное, я действительно, к тому времени стал «медведем». Сейчас это лестно вспоминать, потому что Веригин и Бочеве были и остаются для меня вершинами научных Гималаев! Кто из них Эверест – не важно. Но один день, проведенный с одним и одна ночь, проведенная с другим, так похожи и плодотворны, так полны интересом, так полны научными порывами, что я в этот момент чувствовал себя их коллегой, а они, наверное, поднялись в свою научную молодость. Впрочем – мне кажется, они из нее не выходили. Но нет, это я так, в порыве момента. Ведь вскоре Бочевера не стало, а Веригин последние годы отбывал у меня в лаборатории и я не представлял – чем его занять! Да, годы летят и уносят наши былые, в том числе, и научные порывы и прорывы!

А задачи Бочевера я решил, обещание выполнил! Но вот широким спектром приложений этих решений так и не занялся, а ведь их множество в разных отраслях прикладной гидрогеоэкологии. Бочеве это видел уже тогда!

Правда, некоторые приложения задач Бочевера нашли отражение в диссертации Садретдиновой Натальи Александровны, которые обсуждали мы с ней и воплотили на АГКЗ, а так же в методических указаниях по оценке солевого режима грунтов и грунтовых вод на территории промышленных площадок.

Тогда через нее проходил цикл работ по промплощадке Астраханского газоперерабатывающего завода, а там творились «чудеса» в виде провалов, образования куполов грунтовых вод и т.п. Ахмет Жалеевич в то время очень ревностно относился к контактам со своими аспирантками, а Наташа была его аспиранткой, так что «волей-неволей» наши с ней научные контакты мы держали в секрете.

3. Параметры и мониторинг.

Я постоянно в своей работе, в научной деятельности, чувствовал отсутствие «начального образования», «школы», через которые проходили большинство моих старших, а потом уже и много младших коллег. У меня не было навыка проведения лабораторных испытаний, у меня не было гидрогеологической практики, не было возможности научиться у кого-либо в поле буровым работам, опытно-фильтрационным работам. Возможности учиться не было, а обязанности учить – были.

И все же я рад, что это случилось, что мне нужно было учить, консультировать – не зная глубоко предмета. Жизнь заставила применить методический прием – узнай у ученика, что он знает о предмете, познай этот предмет вместе с ним и иди дальше на багаже этих знаний, литературы, собственного опыта. Тогда и ученик пойдет за тобой.

Главное – дело будет сделано. Что подумает о тебе ученик? Что заслуживаешь, то и подумает. Это уже его, а не твоя забота. Никогда в моей жизни мне не стыдно было учиться у учеников. Стыдно, что не знаю – да, это было! Так о чем же все - таки я сейчас? А вот о чем! О первых своих полевых работах. Они случились в городе Волгодонске, на промплощадке завода Атоммаш и на городской территории. Туда забросила нас беда, случившаяся на специализированном заводе для производства высокоточного обо-

рудования, в том числе – атомных реакторов для атомной промышленности.

Завод пустили, но фундаменты цехов и самого оборудования стали допускать ненормативные осадки, конечно, неравномерные. Оборудование не могло производить изделия с необходимой точностью, а виной тому – обводнение грунтов. Подземные воды поднялись от 30–40 м. до начала строительства – почти до поверхности земли. Надо было срочно принять меры по защите территории Атоммаша и отдельных его цехов от подтопления. Для этого необходимо было выявить фильтрационные параметры на этой территории. В научном плане наш институт был определен головным. За разработку проекта отвечал институт Союзводоканалпроект. Я оказался одним из руководителей и ответственным исполнителем по этой работе. Из-за сжатости сроков было принято решение фильтрационные параметры оценивать на основе данных экспресс-откачек из скважин. Методика проведения таких работ была разработана Брониславом Сергеевичем Шержуковым, сотрудником нашего института, замечательным Ученым и Человеком, к мнению которого я до конца его жизни не только прислушивался, но и почти всегда воспринимал как истину последней инстанции.

Он разработал теорию, а практическую часть дополнили Алексеев В.С., Курманенко Алексей.

Курманенко в это время работал в другом институте. С ним был заключен соответствующий договор и вот уже мы с Курманенко и другими нашими сотрудниками, вооружившись полевым оборудованием, включающим передвижную (на автомобиле) станцию с тележками, хлопущками, уровнемерами провели тестирование всех наблюдательных скважин. Я обработал материалы, получил фильтрационные параметры. В этом деле мне оказали большую помощь Хохлатов Эдуард Михайлович и Коринченко Игорь Владимирович. По полученным данным мы с Муфтаховым разработали рекомендации по проектированию вертикального вакуумного дренажа. Затем началось строительство этого дренажа. Я осуществлял авторский надзор за строительством и эксплуатацией его. По ходу разработал теорию расчета фильтрационных параметров в лёссовых грунтах при их вакуумировании, проверил ее на практике, защитил на ученом совете. Помню, мое неподдельное удивление, когда результаты расчетов параметров, которые я получил при обработке опытных данных на опытно-производственном участке, почти полностью совпали с рекомендованными для расчетов по данным экспресс-опробований скважин. При анализе и обобщении этого факта, я, во-первых, убедился в справедливости разработанной методики, а, во-вторых, в целесообразности экспресс-опробования скважин для оценки фильтрационных параметров на промплощадках.

Именно поэтому в дальнейшем я увлекся разработкой этих методов в различных условиях, выпустил соответствующие рекомендации по экспресс-опробованию шурфов и скважин для обводненных и сухих грунтов при однородных и неоднородных условиях. Двигало мной убеждение, что для целей прогноза подтопления и расчета дренажей массовые экспресс-опробования дают больше и точнее информацию, чем малое количество кустовых или одиночных откачек. Особенно это относится к грунтам, имеющим коэффициента фильтрации от 0,01 м/сут до 10 м/сут. Это убеждение я демонстрировал всюду, где это было уместно, но далеко не всегда встречал понимание у своих коллег. Гидрогеологи привыкли, что при разведке запасов подземных вод экспресс-методы «не катят», нужны кустовые откачки. Для изучения подтопления наоборот, поскольку имеем дело, как правило, со слабопроницаемыми породами и, часто, на территориях, «изрытыми» при строительстве. Особенно мне нравятся методы, связанные с мгновенным возмущением в скважине, а дальше – представляем процессу развиваться без участия человека, который только делает необходимые замеры, а затем обрабатывает их. Методика обработки полученных данных разрабатывается на основе математической модели, учитывающей особенности каждой конкретной задачи. Этим, главным образом, я и занимался. Но кроме этого, например, в Ливии, близ города Сирт, при выборе площадки под строительство атомной станции я разработал саму программу проведения работ по оценке фильтрационных параметров, разработал методы оценки этих параметров на основе новых полученных решений. Коринченко Игорь сконструировал удобный набор оборудования для наливов в скважины (мгновенный, с постепенным расходом, с поддержанием постоянного уровня). Сели мы за грузовой автомобиль и проводили наливывы с утра до обеда, а после обеда до вечера (исключая, безусловно, время сиесты!) отрабатывали результаты.

Прекрасное было ощущение, когда теория порождала практические действия, а результаты контролировали, а иногда, констатировали ошибочность применяемых гипотез. А назавтра проверялись очередные гипотезы и методы. В этом плане Ливия дала мне многое и, прежде всего, ликвидировала некоторые проблемы в «школе», а также укрепила веру в силу теоретических исследований. Пожалуй, после Атоммаша и Ливии я по настоящему почувствовал за расчетными формулами, которые стремился получать при решении каждой проблемы, реальные результаты, которым не только можно и нужно верить, но и ориентироваться на них при разработке проектных решений. Впоследствии не раз было такое, когда приходил главный инженер проекта и жаловался, что у него нет до сих пор результатов модельных расчетов, я, расспросив его более подробно, при нем выполнял кое-какие расчеты и выдавал ему результат, на который ему надо ориентироваться в проекте. Часто это вызывало ликование через несколько дней, когда, наконец, поступали к ГИПу результаты моделирования. Безусловно, такое возможно не всегда, но если есть опыт схематизации природных условий и понимание роли отдельных факторов, то предсказать, грубо посчитать и мысленно поправить результат вполне возможно. Последующие работы в Сирии в Алеппо также вывели меня «в поле», к работам по экспресс-методам оценки параметров. На этих данных теоретических и практических исследований, а так же на опытных работах на ВАЗе, была защищена диссертация Пильдыша Сергея, главного гидрогеолога института Фундаментпроект. Я знал, что он уже подготовился к отъезду в США, и помог ему форсировать работу, чтобы успеть до отъезда. Успели. Надеюсь, что у Сергея все хорошо сложилось в Штатах. Мечтаю собрать все решения по оценке фильтрационных параметров, представив эту работу в академическом виде – вначале современное научное представление о закономерностях движения воды в грунтах, теоретических моделях, инженерных приближениях, постановках и методах решения задач, а в конце - методика проведения экспериментов, получение натурных данных, их обработка с анализом полученных результатов. Таких работ за последние годы вышло немало. Однако анализ, обобщение результатов исследований, подкрепленных изданием нормативных документов, предписывающих предпочтение тем или иным методам, отсутствует.

Для меня большой интерес представляли и представляют работы по оценке величины инфильтрационного питания, тех самых утечек из водонесущих коммуникаций, которые превращают подтопление городских поселений в массовое явление. Целый цикл работ по этому вопросу опубликовал Муфтахов А.Ж. в виде решения обратных задач, когда ведутся наблюдения за уровнем грунтовых вод. Если положение уровня известно, а в его формировании участвует инфильтрационная составляющая, то однозначно определяется величина инфильтрационного питания. Опуская научные «дебри» скажу, что, кажущаяся простота этого вопроса усугубляется наличием над грунтовыми водами капиллярной каймы, что указывает на сложный механизм питания грунтовых вод через капиллярную зону. Мне показалось интересным эту сложность упростить путем схематизации условий взаимодействия капиллярной зоны и зоны полного насыщения через представление капиллярной зоны в виде капилляров, содержащих рыхлосвязанную влагу, через которую и происходит взаимодействие этих зон. Тогда этот сложный эффект может быть учтен через параметр - недостаток насыщения или водоотдачи, который в этом случае имеет комплексный характер. На основе этой схематизации были получены соответствующие расчетные зависимости, позволяющие утверждать, что при таком подходе определен уровень грунтовых вод с учетом взаимодействия с капиллярной зоной. Предложенный подход не позволяет оценить распределение влажности в капиллярной зоне, но позволяет получить уровни грунтовых вод с учетом взаимодействия с капиллярной зоной. Этот эффект весьма важен, когда изученная территория, сложена слабопроницаемыми породами, где эффект капиллярных сил значительный. Удалось получить весьма интересные практические выводы следующего плана:

- львиная доля всех имеющихся аналитических зависимостей, позволяющих оценивать положение уровня грунтовых вод при наличии инфильтрационного питания, получена без учета связи с капиллярной зоной;

- эти решения адекватно отражают реальное положение дел в песчаных грунтах. В менее проницаемых грунтах, ошибки могут иметь принципиальное значение, особенно при расчетах инфильтрационного питания;

- чтобы правильно оценивать потери из коммуникаций (утечки) в слабопроницаемых грунтах, необходимо полученные расчетные параметры корректировать путем умножения на некоторый предложенный обобщенный критерий, который меняется в зависимости от видов грунтов.

Я помню, что по поводу оценки этой модели несколько раз собирался научный совет, где главным оппонентом был Муфтахов А.Ж., а до конца понимал важность выводов и их аргументацию только Шержуков Б.С. В конце концов идея получила одобрение. На этой идее защитил диссертацию один из моих Харьковских аспирантов Егупов Слава (Вячеслав Юрьевич!), который представил эксперименты, подтвердившие справедливость предложенной мной теории совместного решения задач в капиллярной зоне и зоне полного насыщения. Кроме того, в ней - в его работе – был предложен балансовый способ расчета инфильтрационного питания, который не утратил своего значения до настоящего времени.

И еще немного о параметрах. Работа на Волжском автозаводе в Тольятти. Там под нашим с Муфтаховым руководством проводились проектно-изыскательские работы по инженерной защите территории промплощадки, отдельных зданий, сооружений, цехов от подтопления грунтовыми водами, которые поднялись с момента возникновения завода в среднем на 25 метров. Это вызвало затопление заводских подвальных помещений, неравномерные осадки зданий и т.п. Институт Фундаментпроект осуществлял изыскание и проектирование в соответствии с нашими научными рекомендациями. Здесь нам удалось поставить крупномасштабный эксперимент. Суть его состояла в том, что недалеко от территории промплощадки АвтоВАЗа работал крупный водозабор, из которого после обезжелезивания, вода подавалась на завод в целях промышленного водоснабжения. Нам удалось согласовать изменение графика работы водозабора и наблюдать реакцию изменения режима работы водозабора на режим подземных вод, что при соответствующем теоретическом обосновании позволило надежно определить фильтрационные параметры слабопроницаемого слоя, который оказывал определяющее влияние на развитие процесса подтопления. Помню то упоение, с которым я ставил и решал эту задачу, разрабатывал методику расчета фильтрационных параметров в условиях данного крупномасштабного эксперимента. Обработывал материал наблюдений по нашей методике Пальдыш С.А. – мой аспирант из Фундаментпроекта. По результатам этого эксперимента были разработаны рекомендации по защите промплощадки от подтопления, а именно: запроектировали в нужном месте еще один крупный водозабор с нужной производительностью, что позволило заводу не только защитить себя от подтопления, но и отказаться от воды, забираемой на завод из Волги.

На этой же промплощадке завода весьма интересную работу провела моя аспирантка Калачева Лариса. Дело в том, что завод вынужден был содержать большую сеть наблюдательных скважин, в которых проводились замеры уровней воды, ее температуры. Отбирались пробы и проводились лабораторные исследования состава грунтовых вод. Ежеквартальные отчеты по результатам наблюдений составлялись с соответствующими выводами и, в негативных случаях, принимались меры по устранению опасных последствий. В 90-ые годы прошлого века содержать такую сеть заводу оказалось непосильно, поэтому была нам заказана работа по оптимизации данной сети и мониторинговых наблюдений. Задача стояла приблизительно так. У завода есть средства на год в количестве N миллионов, который он может потратить на мониторинговые наблюдения. Какая режимная сеть должна быть, какие и с какой периодичностью надо производить замеры, чтобы на выходе мы имели оптимальную информацию за эти деньги.

Мировой опыт работ по этой теме показал перспективность использования метод Крайгинга для реализации поставленной задачи. Получилась красивая программа, которая позволяет оптимизировать мониторинговые наблюдения на промплощадках, в том числе на ВАЗе, и это стало предметом диссертационной работы Калачевой Ларисы, сейчас гражданки Голландии, которая работала до последнего времени (до санкций) на Российском рынке. В этой компании Лариса является ведущим специалистом.

И еще об одной интересной проблеме!

Мой сын Владимир в аспирантуре МГУ занимался вопросами изучения температурных полей в донных отложениях рек, озер и водохранилищ. Цель исследований – оценка параметров донных отложений по их температурному режиму. Для получения количественных оценок влияния отдельных фак-

торов на температурный режим донных отложений, он использовал математические модели расчета температуры в донных отложениях. С помощью этого аппарата, анализировал данные натуральных наблюдений, которые он получал во время экспедиций, нацеленных на выявления условий взаимодействия поверхностных и подземных вод где-то в глухих уголках Архангельской области и в Звенигороде - близ базы МГУ. Потом он бросил аспирантуру, пошел работать в нашу фирму. Мне его тема показалась очень интересной и перспективной для решения тех проблем, где важное значение имеют проблемы взаимосвязи подземных и поверхностных вод. Коэффициент перетока – тот фильтрационный параметр, который определяет эту связь. Он зависит от многих факторов и его определение, его оценки, оценки его величины – очень важная задача при решении многих проблем прикладной гидрогеологии. Поскольку я в свое время обучался в аспирантуре по специальности «Теплотехника», то задачи изучения температурных полей мне близки, тем более задачи изменения температуры в условиях конвективных потоков. Именно для таких потоков я, в свое время, разработал метод сращивания асимптотических разложений, о чем говорилось выше.

Когда я попытался вдохнуть во Владимира второе дыхание – он загорелся, завершил работу над диссертацией, прошел предзащиту в институте НИИ ВОДГЕО и ... забросил, не захотел больше заниматься научной работой. Им завладел экстрим и, вместо взаимосвязи подземных и поверхностных вод, он посвятил себя освоению северных широт – островам Шпицбергена! Диссертация осталась не защищенной, но программа внедрения результатов теоретических исследований в практику изысканий, в нормативно-правовые акты остается актуальной и сейчас.

4. Прогнозы подтопления территорий

Когда я появился на научном горизонте, вопросы прогнозов подтопления территорий были уже достаточно хорошо изучены и известны. Главную лепту в копилку этой проблемы внес Муфтахов Ахмат Жаляевич. Отдельные задачи по этой проблеме рассматривались Абрамовым С.К., Веригиным Н.Н., Бочевром Ф.М., Шержуковым Б.С., Дзекцером Е.С. и др.

Была еще и «школа» Полубариновой–Кочиной П.Я.! В составе этой «школы» - Пряжинская В.Г., Пеньковский В.И., Капранов Ю.И. и др. Была «школа» МГУ – Шестаков В.М., Пашковский И.С., Соيفер А.М. и др., «школа» ВНИИГИМа, «школа» Гипроводхоза, а также Среднеазиатская (Шульгин Д.Ф.), Украинская (Олейник А.Я.), Белорусская (Усенко В.С.) «школы» и др. Этот большой круг «школ» и специалистов, который я здесь перечислил, занимался фундаментальными и практическими вопросами прикладной гидрогеологии, в основе которых лежит изучение режима грунтовых вод. Подтопление – это одно из направлений градопромышленной гидрогеологии. Родственными направлениями являются сельскохозяйственная гидрогеология, гидрогеология водоснабжения и др.

Нет, я не пытался найти свою нишу в этой плеяде специалистов. Я просто занимался тем кругом проблем, которые возникали на моем пути в моей производственной деятельности.

В период перестройки у нас стало появляться много хоздоговорных работ, акцент в работе стал смещаться от государственных контрактов к хоздоговорным. В частности, у нас возник контракт с Красноармейским заводом сельхозмашин, что в Саратовской области. В это же время шли работы по Красноярскому заводу тяжелых экскаваторов. Проблемы были схожи. Заводы строили – грунтовой воды не было. Построили – вода затопливает подвальные помещения. Как это случилось и что делать?

Вот тогда-то я и стал заниматься проблемой возникновения верховодки и новых техногенных горизонтов, которые образуются в сухих грунтах.

Оказалось, что в это области сделано совсем не много. Мне удалось сформулировать краевые условия на границе слабопроницаемого слоя, по которому растекается вода, попадая на этот слой. Это одно из моих фундаментальных достижений, которое может быть использовано в разных задачах. Оно позволило мне получить решение большого круга задач, на основании которых можно судить о формировании и исчезновении верховодок, формировании новых техногенных горизонтов, намечать меры борьбы с подтоплением территорий, находящихся в сходных условиях. Эти идеи были развиты не только в практическом плане, но и в научном. В диссертационной работе Кумова Петра Валентиновича, который к тому времени работал в НИИ ВОДГЕО, окончив Саратовский государственный университет, механи-

ко-математический факультет, получены точные решения нового класса задач. Петр оказался не только моим внучатым племянником, но и моим последователем, поскольку именно эту школу я тоже проходил в свое время.

Формулировка граничного условия на слабопроницаемом основании позволило мне формулировать и получать решение таких краевых задач, как образование куполов грунтовых вод под действием источников инфильтрации разной конфигурации, оценивать максимальные размеры верховодок, куполов, их динамику при изменении величины инфильтрационного питания и др. Красивые решения получаются при расчетах дренажей, работающих в данных условиях. Как потом оказалось, что на решение аналогичных задач вышли и китайские ученые, работающие в США, однако наши публикации, во-первых, более ранние, а во-вторых, значительно полнее и строже по своей постановке.

Запомнились мне еще задачи подъема уровня грунтовых на прилегающих к водохранилищу территориях при суточных, месячных и годовых режимах сбросов ГЭС с оценкой границ подтопления территорий. Такая тема была в разработке у Ленгидропроекта, а мы у них были на субподряде, что обеспечило мне несколько командировок в Питер, а также получение решений нескольких классических задач, которые я и защищал в Ленгидропроекте. Так получилось с легкой руки Ленгидропроекта, что я оказался членом Правительственной делегации, назначенной для решения проблемы: быть или не быть? Поднимать ли уровень воды в Чебоксарском водохранилище на 5 метров, на что рассчитана ГЭС, или не поднимать? Поднять – значит добыть дополнительно большое количество электроэнергии, решить проблемы дополнительных емкостей и планирования оптимальных паводков в Астраханской области для целей рыбного хозяйства, оптимальных условий для нереста рыбы. Но поднять на 5 метров водохранилище – это значит затопить десятки или даже сотни населенных пунктов. Их надо переносить или защищать. Быть или не быть? Эту проблему для Чебоксарского водохранилища решают уже около 40 лет, а она – эта проблема, вместо решения бегают по кругу, как белка в колесе. На встрече с «рыбаками» Медведев сказал «Быть». После этого разработали проекты защиты сел и городских территорий, в которых участвовала и наша фирма ДАР/ВОДГЕО. Посчитали деньги. «Не быть» - сказал Медведев. И так уже 40 лет.

Прогнозы подтопления территорий в зоне влияния водохранилищ представляют собой важное – в практическом, и интересное – в теоретическом плане направление исследований. Сейчас эти исследования проводятся путем разработки соответствующих моделей с использованием компьютерных технологий. Мне же пришлось на основе аналитических решений строить прогнозы и разрабатывать рекомендации по проектным решениям для г. Волгодонска (в зоне Цимлянского водохранилища), г. Казани (в зоне влияния Куйбышевского водохранилища), г. Саратова (в зоне влияния Волгоградского водохранилища), городских и сельских территорий в зоне влияния Чебоксарского водохранилища (включая г. Нижний Новгород).

5. Расчеты гравитационных дренажей

Поскольку дренажи – основной способ инженерной защиты территорий от подтопления, то понятно, что расчетами дренажей занимались так же активно, как и прогнозными делами. Что меня жизнь заставила сделать в этой области? Как ни странно – не так уж мало. Во-первых, опыт решения задач с подвижными границами позволил мне посмотреть на расчеты дренажей несколько в ином виде, чем это обычно принималось. На градопромышленных территориях всегда в уравнениях присутствует параметр инфильтрации, включающий в себя всю воду, которая попадает на грунтовые воды сверху через зону азрации. «Классики» привыкли, что математическая модель такого рода содержит в себе парадокс, вполне объяснимый теоретически, но очень «мутный» практически. Этот парадокс состоит в том, что для больших (неограниченных) областей подъем уровней никогда не останавливается, а продолжается бесконечно долго и решение для больших времен приводит к парадоксальным результатам. «Классики» так же привыкли, что любое возмущение (например, инфильтрация) в грунтовых водах мгновенно передается (сказывается) во всей области, которая рассматривается. Я отказался от этих фактов, заложенных в модель как не соответствующим действительности, а возникшим в результате принятых в моделях гипотез. И ввел дополнительные гипотезы, которые не противоречили опыту в принципе, но убрали указанные выше несоответствия. Это привело к задачам с подвижными границами при расчетах дренажей на градопромышленных территориях, но давало главное преимущество перед сложившимися ранее формулами для

расчета дренажей разного типа, а именно: позволяло определять радиус влияния дренажа или системы дрен на градопромышленной неограниченной в плане территории. Помню, как долго мне пришлось убеждать в жизненности, в правильности и практичности такой гипотезы Муфтахова. Он не соглашался. Тогда я опубликовал в нашем сборнике статью на эту тему, поставив и его автором. Так оказалось убедительнее. Не потому, что это ему польстило. Нет. У Ахмета Жаляевича была ярко выраженная черта спорщика, уверенного в своей правоте. Люди с такой чертой даже убедившись, что они в данном случае не правы, трудно признают этот факт. В лучшем случае – уходят от спора в дальнейшем. В том споре я понял, что Ахмет Жаляевич достиг той точки, что понял мою правоту, но ее не принял в личном контакте. Когда же он увидел наши обе фамилии в статье, то принял то, что уже давно понял. Такой прием в признании очевидного, т.е. уже признанного правильным, мне пришлось использовать в своей деятельности не раз. Наверное, потому, что для меня главным всегда было торжество истины, а не авторство.

Кстати, если бы я не склонил на свою сторону Муфтахова А.Ж., то Нагуманову Рафаилу Исхакovichу из Челябинска вряд ли бы удалось защитить диссертацию на эту тему. Он развил эту идею в своей диссертации, т.е. не то, что развил идею, а решил целый цикл задач с этой гипотезой, получил расчетные зависимости, используя эту идею. Но на предзащите получил принципиальный «отлуп» со стороны Веригина Н.Н., уже сдававшего свои позиции патриарха, и Шержукова Б.С., набравшего всю свою научную мощь к этому времени. Взяли тайм-аут на осмысление. Ситуация не простая - 2:2! Все четверо для других – крупные фигуры в теории фильтрации. Если бы не мой не научный прием в научном споре с Муфтаховым, то счет был бы 3:1 и тогда мне нужно было бы время, что бы с каждым в отдельности обсудить эту проблему. На совете обсуждать было бессмысленно – весь предыдущий опыт получения такого рода зависимостей был против революционных новаций! Меня в который раз поразило чутье Алексева Владимира Сергеевича, который не будучи «теоретиком-математиком» - принял взвешенную позицию. Понимая мою правоту, он дал время и выбрал способ, чтобы оппоненты не потеряли свое лицо. Решающий разговор у меня произошел с Шержуковым Б.С., который был уверен в своей правоте – ведь это классика. Когда я в очередной раз напомнил ему, что здесь как раз такой случай, когда классика не работает, абсурдна и нужны новые подходы – они и предложены, и реализованы. «Посмотрите на результаты, ощутите их, сравните с классикой и оцените полученное! К чему Вы придете?» - говорил я ему.

«К тому, что Вы правы!» - сказал Шержуков и счет стал 0:4!

После этого я случайно услышал реплику Шержукова, обращенную к кому-то в мой адрес: «Сейчас Куранов напоминает мне молодого Веригина, когда тот был в силе!». Лучшей похвалы в свой адрес «за глаза» я не слышал никогда. Так что спорить, доказывать свою правоту в науке не только нужно, но и можно!

Подправив «классику» в одном месте, мне удалось подобное сделать и в другом направлении! Это касалось расчетов горизонтальных и вертикальных дренажей. В классической постановке расчеты дренажей в рамках гидравлической теории принципиально различаются для совершенных и несовершенных дренажей.

Совершенные дренажи считать легче, чем несовершенные. Поэтому в практике расчетов сложилось, что за основу берут расчеты совершенных дренажей, вводя в них поправки на несовершенство. Эти поправки получают либо путем введения фильтрационного сопротивления в граничное условие с использованием рекомендаций по его применению, либо вводят понятие приведенной длины границы области, вводя поправки в расчет этой длины, т.е. в расчетах принимается не фактическая длина области фильтрации, а приведенная, виртуальная, фиктивная, для оценки которой разрабатываются специальные рекомендации.

Заинтересовавшись принципиальной разницей между гидродинамической и гидравлической теорией, я решил установить между ними связь, полученную строгим теоретическим путем.

Производя определенные математические операции с уравнениями, можно обнаружить интересный факт, а именно: если в уравнении гидравлической теории (Буссинеска) оставить еще один член специального вида, то решения для уровней грунтовых вод в гидравлической и гидродинамической постановках будут совпадать. Отсюда следует, что решая более простые уравнения Буссинеска, но с дополни-

тельным членом, который я назвал фиктивной инфильтрацией, можно получить решения гидродинамической теории. Так-так! Значит, если я буду решать полученное мной обобщенное уравнение Буссинска (которое вполне заслуженно можно было бы назвать и моим именем!), то все проблемы расчетов несовершенных дренажей исчезнут. Они автоматически учитываются этим новым членом – фиктивной инфильтрацией. Ура! Давняя мечта всех расчетчиков дренажей сбылась. Совершенные и несовершенные дренажи считаются по одним и тем же зависимостям! Не нужно гадать, какое фильтрационное сопротивление в каждом случае подобрать. Этим достижением я увлек свою дочь, которая закончила мехмат МГУ и, конечно, могла «потянуть» тему «Фиктивной инфильтрации». Тогда она работала главным бухгалтером в фирме и ей с математическим образованием, полученным в МГУ, необходима была встряска. Встряска получилась дуэтом. Аспирантура, маленький ребенок - Ксения Дмитриевна, и бухгалтерская должность во все возрастающей фирме. И все же метод фиктивной инфильтрации в расчетах дренажа был с блеском защищен в одноименной диссертационной работе Леоновой Елены Николаевны.

Пожалуй, еще одну задачу можно отнести к классической. Она касается расчетов прерывистого горизонтального дренажа. Дело в том, что одним из важных и дорогостоящих элементов горизонтального дренажа является фильтр, который в зависимости от условий, в которых работает дренаж, делается однослойным, двухслойным или трехслойным. А нельзя ли сократить расходы на сооружение фильтра, делая его не по всей длине дренажной трубы, а с разрывами, частично, где-то делая, где-то не делая этот фильтр? Как это отразится на эффективности работы дренажной системы в целом? Такую задачу я поставил еще одному аспиранту из Харькова Суходубову Александру Ивановичу. Он провел лабораторные работы, я подготовил теоретическую базу. В результате получилась блестящая диссертационная работа с практическим выходом, а именно: получены расчетные зависимости, по которым можно оценивать дополнительный подъем уровня грунтовых вод за счет сокращения фильтровой части дренажа. У проектировщика появился аппарат, по которому он может варьировать глубиной заложения дренажа и длиной фильтровой части, добиваясь одних и тех же результатов.

Как правило, расчеты понижения уровней грунтов дренажными сооружениями не сопровождаются расчетами дополнительных осадок зданий, которые возникают в результате водопонижения. Теория говорит о том, что понижение грунтовых вод повышает нагрузку на основание фундамента из-за уменьшения силы Архимеда. Грунт в воде легче из-за выталкивающей силы. Это и становится причиной дополнительных осадок при водопонижении. Об этом часто говорят противники дренажа, ссылаясь на свой опыт, случайно услышанную реплику и, иногда, на Архимеда. И что бы не говорили дренажники, им во след, бывает, несется – нет! В таких случаях нужны веские доказательства, т.е. расчеты. Такую задачу я когда-то поставил Копейкиной Ларисе Николаевне. Она, вместе с Верле Светланой Валентиновной разработали программу по оценке дополнительных осадок при понижении уровней грунтовых вод. В необходимых случаях проводились расчеты, указывались миллиметры дополнительных осадок и только тогда оппонент вздыхал и вынужден был соглашаться. Правда, математическая модель, на которой основывались расчеты, была не совсем убедительной из-за не фундаментальности принятых в ней гипотез. Взяли аспиранта Николая Яковлевича Ольшанского, с которым мы с Ахмет Жалаяевичем работали еще в Астрахани. Николай Яковлевич – талантливый по природе человек, «вгрызся» в тему и, вскоре у нас была модель, за достоверность результатов которой мы не беспокоились.

По ходу изложения научных тропинок я упомянул о Верне С.В., очень интересной женщине, матери трех детей. Оставшись одна, без мужа, никогда не роптала, была незаметной. Однако давая ей разные поручения, я обнаружил, что она глубоко входит в тему, а результат не выдает быстро, потому что ее преодолевают сомнения в выборе пути. Прекрасное свойство ученого!

Если мне нужен был результат быстро, я просто обсуждал с ней ее сомнения, не всегда развеивая их, но всегда выбирал путь, по которому уже приказывал идти дальше. Я понимал, что при таком подходе она справится с любым заданием. Таким образом, например, мы с ней написали рекомендации по оценке стоимости научно-исследовательских работ, поскольку в девяностые годы заказчики замучили вопросами, а чем вы руководствуетесь при назначении договорной цены? Мой опыт, полученный к тому времени по заключению договоров, и въедливость Светланы Валентиновны при изучении имеющихся на эту тему

материалов, позволили выпустить эти рекомендации, которыми до настоящего времени удается пользоваться с частными заказчиками.

В последние годы жизни Коринченко И.В. я не знал чем его занять. Индивидуальность Коринченко не позволяла втиснуть его в ту или иную группу проектировщиков, а научной работы для него не было. Эпизодические работы по конструкциям и новым материалам для фильтров и дренажных труб не решали проблемы его занятости. Тогда я предложил ему обобщить материалы исследований и разработать современные рекомендации по методам оценки величины инфильтрационного питания. Работу он выполнить не успел, но занимался этой темой усердно, у нас с ним уже посмертно вышли эти рекомендации, которые, я знаю, широко используются специалистами.

6. Расчеты специальных видов дренажей

В научном понимании дренаж – это гидротехническое сооружение, способное принимать воду из грунта и транспортировать ее в места сброса. Если грунты плохо отдают воду, слабопроницаемые, а осушать грунты необходимо, то тогда применяют разные способы интенсификации отбора воды. Например, биодренаж осуществляет отбор воды из грунта за счет подтягивания ее корнями растений. Хорошо отбирает воду эвкалипт, арбуз и т.д. Известны электроосмотический, вакуумный дренаж. Расчетами вакуумного дренажа мне пришлось активно заниматься, поскольку эта тема шла в институте ВОДГЕО в виде государственного заказа. В институте была отдельная лаборатория вакуумного водопонижения, где, в основном, разрабатывали оборудование для вакуумного водопонижения: иглофильтры, установки ЭЦВ и т.п. Главный акцент делался на разработку конструкторской документации, а оценка эффективности работы вакуумных установок сводилась к подбору шага между иглофильтрами для надежной защиты котлованов. Корифеями в этой области были Григорьев, Боголюбов Константин Сергеевич и Краковский Борис. Эта лаборатория была одной из самых авторитетнейших в Советском Союзе по вопросам вакуумного водопонижения. Передо мной же была поставлена задача: разработать методы расчетов вакуумных дренажей, предназначенных для водопонижения на любой территории. Я с упоением взялся за эту работу. Отталкиваясь от представлений Григорьева по характеру движения грунтовых вод к вакуумным установкам, мне удалось получить формулы для расчетов притоков и уровней грунтовых вод, которые имели необычный профиль в районе дренажных сооружений. Здесь мне понадобилось глубокое понимание в различии нахождения поля напоров и уровней грунтовых вод, что при разработке приближенных методов многие авторы путали и приходили к неверным результатам. Практическое воплощение этих теоретических исследований вылилось в проектирование вакуумного дренажа в г. Волгодонске и на Атоммаше, вакуумного дренажа одного из цехов на ВАЗе, а в научном плане диссертацию по расчетам вакуумного дренажа защитил талантливый эксклюзивный «человек – экземпляр» Брумштейн Юрий Моисеевич. Помню, как он мне принес диссертацию, состоящую из, более чем, тысячи страниц и, при этом, активно уговаривал меня, чтобы я разрешил ему написать еще несколько десятков страниц. Талантливый программист, Брумштейн Ю.М. еще более талантлив в неумении собрать, обобщить и выделить главное. Это касается не только вакуумных дренажей, той математической модели, которая легла в основу его диссертации, но и в любых, в том числе, чисто житейских вопросах. Важной вехой для меня были теоретические исследования по оценке эффективности работы вентиляционных дренажей. Осушение чего-либо, в том числе, грунтов при проветривании – этот процесс известен давно, подробно разрабатывался специалистами по сушке зерна в элеваторах, строительных материалов, прежде всего – леса. Теории осушения грунтов, как таковой, не было. Вот мне и пришлось разрабатывать эту теорию, причем не просто описывать движение влаги внутри пласта, а работу всей дренажной системы, от конструкции вентиляционного дренажа, до поступления влаги в дренаж и отвода его за пределы осушаемого массива.

Внедрением этого вида дренажа занимался мой друг и соратник Шевчик Александр Петрович. Вместе со своим аспирантом Бывальцевым Иваном Михайловичем из Челябинска он поставил серию экспериментальных исследований, включая термо-вентиляционный дренаж, где использовали нагретый газ. Опытно-производственная установка была запущена в одном из цехов Днепропетровского завода, где использовался барботажный эффект. Это уже был не вентиляционный дренаж, а пневмонагнетательный, когда осушение грунта происходит за счет продувки воздуха через этот массив. К тому времени я уже

подготовил теорию по расчетам пневмонагнетательного дренажа. Такое название дренажа возникло у меня в разговоре с Веригиным Н.Н., который поддержал такое название и с тех пор термин «пневмонагнетательный дренаж» вошел в научную и проектно-изыскательскую терминологию. Пневмонагнетательный дренаж показал свою эффективность и на Атоммаше, где эксперименты проводил вместе со мной и Шевчиком тогда еще студент Щеребицкий Михаил.

7. Интегральный метод риска.

Когда изобрели железную дорогу, нет – когда ее повсюду построили, то одна из самых распространенных профессий – ямщик – приказала долго жить.

Аналогичная картина происходит и уже почти произошла всюду в науке с теми учеными, кто строил модели для расчёта, разрабатывал аналитические методы расчета, получал расчетные зависимости, формулы для расчета чего-либо. Сейчас это делают за них компьютеры. Да, модели разрабатываются все теми же специалистами, реализация их осуществляется программистами, используются инженерами. Компьютерные технологии преобразовали процедуру научных исследований. Проводники поездов и машинных электровозов заменили ямщиков, лошадей заменили электровозы, кареты – вагоны поезда. Процесс перевозки сохранился, но изменился до неузнаваемости. Точно так же и в нашем деле: необходимые расчеты как проводились, так и проводятся, но уже не по аналитическим зависимостям, а по компьютерным программам. Эти программы разрабатываются во всех уголках земного шара, и используются в каждой организации, в том числе в НИИ ВОДГЕО, в ДАР/ВОДГЕО и др. Там, где мировая цивилизация прошла мимо какой-либо проблемы, там в каждой организации разрабатываются дополнительные программы, заполняя образующие пустоты. В ВОДГЕО на место Бочеверов, Веригиных, Шержуковых, Муфтаховых, Курановых пришли другие. Новое поколение, освоившее достижение мировой цивилизации и на моделях делающие такие расчеты, которые «Бочеверам» и не снились.

В числе таких лидеров в ВОДГЕО – Расторгуев Александр Владиленович, который занимался моделированием весь переходный период от аналитики к моделям. А этот период длился ни много, ни мало порядка 40 лет!

Школа Расторгуева выпустила в ВОДГЕО таких учеников как Ярунина Е.Б., Куликова Т.М., Садретдинова Н.А., Копейкина Л.Н., Верле С.В., Крупник Н.Ю., Куранов П.Н. и др. Параллельно развивалась и школа Кузьмина Владимира Викторовича. Среди его наиболее ярких учеников – Болдырев К.А.

А куда деваться «ямщикам»? Разбежались кто куда, но нашлись и такие, которые никуда не убежали, а продолжали использовать свой опыт в качестве консультантов тех, кто пытался сам разрабатывать программы, не охваченные мировой цивилизацией, в том числе, когда покупка программ из «мировой цивилизации» была не по карману. Поскольку переходный период длился не менее 40 лет и продолжает длиться (когда закончится и бог не ведает, ведь в мире еще кое-где сохранились не только лошадиные перевозки, но и ослиные!), то внутренне, инстинктивно, порою осознанно, а порою не осознанно менялись и мои научные интересы. Объективная реальность двигала вектор моих научных направлений, и у меня не было в моей научной деятельности ни одного дня, когда бы я не знал, чем заняться. Наоборот, все больше и больше становилось дней, когда я вынужден был задавать себе вопросы – какой проблемой я должен сейчас в первую очередь заняться.

Занимаясь много лет проблемой подтопления промплощадок и городских территорий, благодаря нашим усилиям и усилиям Дзекцера Ефима Семеновича, Рагозина Алексея Леонидовича, а потом и Петра Куранова, процесс подтопления градопромышленных территорий стал рассматриваться как опасный геологический процесс, т.е. стал рассматриваться с позицией риска. Мой друг, мой сокурсник, работающий в Астраханском филиале ДАР/ВОДГЕО, Коростилев Александр Дмитриевич занимался выполнением заказов по опасным производственным процессам. В основе выполнения этих заказов лежит методика оценки рисков, которые имеют место на различных производствах, в том числе, в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве и т.д. Разделы гражданской обороны при проектировании объектов так же предписывают учитывать такие опасности, как сейсмику, взрывы, пожары и пр. Эти работы выполнялись не только в Астраханском филиале, но и в Саратове, конечно же, в Москве.

Когда я подтопление стал рассматривать как опасный процесс, и это предписывали написанные

вышеуказанными лицами строительные нормы и правила, то поставил перед собой задачу найти (придумать, разработать) такую величину, которой можно было бы измерять величину вредного воздействия подтопления. Поставив такую задачу и познакомившись с некоторыми результатами других ученых по такого рода проблемам, я вышел на решение данной задачи. В это же время стала активно работать над диссертацией Тимофеева Екатерина Александровна, та самая Катя Коростилева! В это же время ко мне подошел один из видных гидротехников страны, руководивший лабораторией гидротехнических сооружений в ВОДГЕО, доктор технических наук Розанов Николай Николаевич с просьбой разработать рекомендации по оценке риска аварий гидротехнических сооружений (ГТС). Он объяснил свою просьбу тем, что разные нормативные документы, включая постановления правительства, предписывают обязательно оценивать риски аварий ГТС при составлении Деклараций безопасности ГТС.

Объективная реальность указывает - ком техногенных аварий стал разрастаться. Чиновники, чтобы сбросить с себя ответственность, стали требовать оценивать риски. А как их оценивать – это, мол, дело не наше. А чье? Науки, которую развалили! Не могут чиновники дать поручение какому-либо институту. Они должны тогда не это выделить деньги. Наверняка, выделяли, своим карманным фирмам, которые переписывали общие фразы из интернета. В связи с обращением Розанова, который уже много лет «питался» на Декларациях безопасности и заключений к ним, я решил взяться за количественную оценку риска, разработать такую методику и попытаться узаконить его. Предложил Тимофеевой Екатерине Александровне эту тему в качестве диссертационной и вскоре такая методика была разработана и издана в нашем издательстве под научным руководством моим и Розанова Н.Н. Тимофеева Е.А. защитила диссертацию на эту тему. А наши методические указания по оценке риска ГТС, совершенствуясь и развиваясь, выдержали уже 3 издания. Сейчас и на их основе составлен ГОСТ, т.е. теперь разработанный нами метод стал государственным стандартом для расчетов рисков аварий ГТС. Еще раньше нами была ГОСТИрована методика оценки безопасности, риска и ущерба при подтоплении градопромышленных территорий. Она разрабатывалась и доводилась до уровня ГОСТа уже моим сыном - Курановым Петром Николаевичем, который к этому времени имел 15-летний опыт научной работы, степень кандидата наук, должность Генерального директора фирмы ДАР/ВОДГЕО. Справедливости ради следует сказать, что в основе методики оценки риска подтопления, аварий ГТС лежит интегральный метод, основанный на расчетах доз вредного воздействия опасных процессов по материалам изысканий, натуральных наблюдений, опытных работ, мониторинговых наблюдений с последующими расчетами рисков и ущербов на основе фундаментальных положений теории рисков опасных процессов. Этому методу по праву можно дать название метода Куранова-Коростилева, потому что его основные элементы рождались и уточнялись в результате бесед и переписке между нами. Мы считаем этот метод универсальным, его можно применить к оценкам рисков опасных процессов разной природы. Так, например, Петр Куранов применил его для оценок риска градопромышленных территорий при их нефтяном загрязнении. Он много лет занимался вопросами прогнозов и обоснования мероприятий по инженерной защите от нефтяных загрязнений в г. Новокуйбышевске, где скопилось техногенное месторождение нефтепродуктов, объемом около 3 млн. м³, Самарским месторождением нефти, как источником нефтяного загрязнения территории этого субъекта Федерации, Энгельским военным аэродромом, где так же скопилась большая линза нефтепродуктов. Он стал крупным специалистом в этой области и поэтому смог опыт, полученный при изучении вопросов риска от подтопления, распространить на нефтяное загрязнение территорий. Петр подготовил докторскую диссертацию по проблемам экологической безопасности градопромышленных территорий при развитии опасных природно-техногенных процессов. В 2016 г. вышла наша монография «Проблемы безопасности в градопромышленной гидроэкологии».

Александр Дмитриевич Коростилев вместе с Тимофеевой Е.А. и сотрудниками ведут большие работы по применению этого метода при оценках риска от затопления территорий, при оценках риска от суффозионных процессов на промплощадках, при оценках риска от оползневых явлений, при оценках риска в системах питьевого водоснабжения и т.д.

Очень интересную работу по оценке риска от подтопления г. Саратова выполнил Чуносков Дмитрий Валерьевич, в которой на всей городской территории построены карты опасности подтопления, уязви-

мости территории, уровней безопасности, риска и ущерба от подтопления. Эта работа является важным этапом во внедрении ГОСТа по оценки безопасности подтопления в практику проведения такого рода работ.

Коротеев Дмитрий Геннадьевич, наоборот, заинтересовался не городскими территориями в целом, а отдельными локальными объектами и использовал метод Куранова-Коростилева применительно к отдельным зданиям. Мне представляется, что одним из важных результатов, к которым привел данный метод - это возможность расчета норм осушения как для градопромышленной территории в целом или ее отдельных районов, так и для отдельных зданий и сооружений.

По этому поводу под моим научным руководством вышли рекомендации, авторами которых являются П.Н. Куранов и Д.Г. Коротеев. Мне кажется, это важный шаг в развитии научных исследований по проектированию зданий, сооружений и территорий поселений.

Не хочу в науке ставить точку. Надеюсь, что что-то еще удастся сделать. Понимаю, что нахожусь на спадающей части кривой творчества в жизни. Но ведь и времени в старости становится больше, не очень отвлекают мелочи жизни, но ... все в руках божьих (произнес безбожник!).

«А если серьезно, непредвзято посмотреть на то, что тобой сделано в науке» - спрашиваю я себя не так редко и, бывает, по-разному отвечаю на этот вопрос, заданный самому себе.

Задам его и сейчас. Любопытно, что же я отвечу? Последняя фраза означает, что однозначного ответа у меня нет. Порой мне кажется, что сделано так много, что хватило бы на несколько жизней. Но чаще кажется, что меня вполне можно отнести к нахлебникам для общества. Я тот, который больше проел, чем наработал. Однако эти ответы самому себе были в устном виде. В письменном – другое дело.

Обострим вопрос: «Кто ты – нахлебник или двигатель прогресса?» Думаю, что самая правильная методика поиска ответа на этот вопрос – сравнение с эталоном. Что выбрать за эталон – Эйнштейна, Вернадского? Тогда придется искать, ту долю от них, ту точку, которую принять за «ноль», т.е. сколько съел, столько и заработал. Нет, этот подход бесперспективен. Может, за точку отчета взять среднего учителя средней школы? В этом случае хороший учитель должен иметь знак +, а плохой – знак -, т.е. плохой учитель – нахлебник, хороший – двигатель прогресса. Да, эта ось мне кажется более подходящей для решения поставленной задачи. Конечно, здесь возникают трудности не только в том, какого учителя считать хорошим, каким плохим (разве это трудности?!), но как, например, на одной такой оси поместить строителя, врача, ученого, космонавта. И все же интуитивно это вполне можно. Ведь для нормального функционирования общества нужны все специалисты. Поэтому все специалисты могут находиться в одной системе отсчета. Нужно только договориться на счет значимости каждой профессии для общества. Можно, например, в первом приближении считать, что все профессии одинаково значимы для общества и тогда мы сразу придем к известному изречению, когда каждая кухарка равна по значимости президенту! Мой жизненный опыт говорит, что общество, несмотря на привлекательность для большинства, этого тезиса не принимает.

Более справедливым, мне кажется, вполне прагматичный подход к оценке значимости каждой профессии по тому времени, которое затрачивается на овладение профессией, на получение соответствующей справки, аттестата, диплома и т.п. Чтобы получить диплом ученого (кандидат наук) нужно 10 лет школы + 5 лет института + 3 года аспирантуры = 18 лет учебы. Чтобы стать доктором наук нужно еще 10 – 12 лет. Итого – 30 лет пути к получению звания ученого. Не кандидата, а ученого. Поскольку я работал в школе завучем и видел перед собою плохих, средних и хороших учителей, то я прихожу к выводу, что я все же не нахлебник, а двигатель прогресса. А уж какой двигатель – это другой вопрос, который меня не мучает. Теперь не будет мучить и мысль о нахлебнике! На этом пути и легко находится ответ на вопрос – а наука ли это? Да, наука, и, как оказывается, крайне необходимая для развития общества! Так она же быстро устаревает? Все быстро дряхлеет, мой друг! Не только тело, дом, машина, но и мысль.

Признание в любви

Спорят, есть ли любовь на земле.
К маме и детям?! Нет, это святое.
К женщине, к мужу, к здоровой еде
К делу, к борьбе, к нажитому?

Я не спорю, я знаю, что есть.
Даже к тому, что бесплотно!
То, что наукой имеет честь
Называться - мне с нею вольготно!

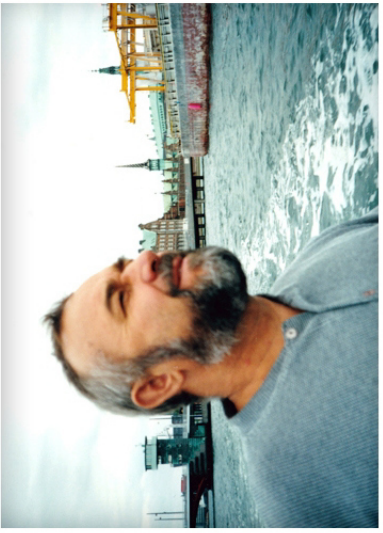
Я любил ее и люблю,
Ночи с ней проводил незабвенные!
Я хотел, я хотел ее всю,
Что познал и что тайной считал сокровенною.

Боже мой, как прелестно в плену побывать,
Как возвышенно с нею общаться
И как горечь ошибок вкушать,
Как живительным соком питаться.

Нет, в экстазе мы с ней не всегда –
Все в разборках, иллюзиях, кривде,
Но появится лучик добра,
Что от истины тянется к жизни.

Вот тогда наступает венец!
На вершине экстаза – решенье!
Это создал, ей-богу, творец
За усердье, талант и терпенье.

А вершины всегда впереди,
Как и лучшая женщина в мире....
Не кори ты меня, не кори -
Мне с тобой хорошо и в сортире!

ГЛАВА 11. КТО ВО МНЕ «НАСЛЕДИЛ»

Мне не интересно отвечать на вопросы, типа: «Что такое жизнь?».

Но должен признаться, что мне по нраву давать определения понятиям такого рода. Конечно, не в научном, строгом смысле. Думаю, таких определений множество. Я иду к определениям через свои ощущения.

По-моему жизнь человека – это цепочка его встреч, взаимодействий с другими людьми, книгами, мыслями, событиями, собственными решениями, сомнениями и желаниями. В течение жизни что-то остается в памяти, что-то уходит. Причем это не всегда связано с важностью, с глубиной оставленного следа. Иногда лишь мелкий курьезный эпизод в жизни не только запомнится, но не редко и руководит тобой в определенных обстоятельствах.

Озирая свою жизнь с прожитой высоты, чаще всего обращаешься к детству. Многие, и я в том числе, ни за что не променял бы место и время моего детства.

Сельцо на берегу большой реки, ранняя трудотерапия, жаркое лето с обилием комаров и мух, суровая, ветреная зима, заливные луга, безлесье, только ветлы вдоль реки, сенокосы. Лошади - орудия производства. Куры, утки, гуси, овцы, козы, свиньи, коровы как носители питания и одежды! Яйца, молоко, мясо, шерсть, пух воспринимаются как сделанное своими руками, как свое! Даже школьную форму покупают на проданную животину. Деревянный домик – школа, храм чего-то возвышенного, не сельского, но и не чужого, своего – святого! Я, кажется, уже где-то вспомнил своих закадычных друзей, с которыми нет-нет да судьба осчастливит встретиться, посидеть за ухой с непрекращающимся: «А помнишь...?».

Уха в наших краях – королевская, шашлык – редкий гость. Рыба в детстве – на любой вкус! Вобла, тарань, берш, судак, сазан, лещ, щука, сом, стерлядь, севрюга, осетр, белуга, белорыбица, сом, белый амур, толстолобик, налим, карась, окунь, красноперка, белоглазка, язь, сельдь – таков ассортимент ее может оказаться на твоём столе! Икра, только черная (севрюга, осетр, белуга, бестер), а так же – сазанья и шучья.

Ни футбол, ни волейбол, ни другие спортивные и иные игры, которых было предостаточно, не вспоминаются так четко, ясно, как сенокос и браконьерская рыбалка ночью сетью или неводом.

Мои собратья по детству - это Куранов Егор, Турченко Александр, Тутариновы Виталии (2 штуки!) и Борис, Абольянин Евгений, Осьминин Николай, Михины Николай, Василий, Михаил, Аркадий, Разумов Семен, Попов Юрий, Акубасов Кайдар, Ажигатов Борис.

Ну, а девушки: Мамутовы Лидия, Надежда, Вереина Валентина, Вакурова Лариса, Лаврешкина Ольга, Порохнина Валентина...

Бузан течет как жизнь, смывая поколения.

А на другой стороне Бузана районный центр Красный Яр, где уже не детство, а юность правила балом. Память держит многих: Куранова Василия, Ветлугина Владимира, Назарова Сергея, Пьянова Валерия, Онищенко Женю, Малетина Семена, братьев Барановых, Прохорова Гену, Абольянину Веру, Нарядчикову Галю, Кабирову Алю, Могучеву Людю, Глухову Людю, Трубачеву Зою, Козлову Катю, Болдыреву Алю, Лебедева Николая, Займенцевых Васю и Валю, Малетину Надю, и др.

С каждым что-то связано, от каждого имени – тепло в душе. А учителя? От кого больше получал – от друзей-товарищей или от учителей? Глупый вопрос. От одних получал то, что определяется, например в «дружбанах», а от других то, что измеряется в «училках». Как нельзя сказать, что больше 5 км или 8 кг, так и нельзя сравнивать 5 «дружбанов» с 8 «училками»!

Среди запомнившихся учителей: Турченко Эмма Петровна, Тутаринова Лидия Федоровна, Капкаева Роза Акимовна, Абрамова Тамара Александровна, Мисюрин Надежда Ивановна, Мисюрин Павел Иванович... Да, память, память! Лица, события помню, а вот полные Ф.И.О. многих уже забыл!

Саратовская молодость – университетский период, учеба, общага. Здесь Саня Коростилев, Витя Баландин, Володя Юдин, Валерий Круглов, Валентина Нуйкина, Люба Якимова, Алла Никитина и т.д.

Преподавательская деятельность в г. Астрахани, в Астрыбвтузе – с перерывом на Забузанское служение отцу, которое тоже было наполнено смыслом и разносторонней деятельностью, общением с людьми.

Вспоминаю тружеников села, перед которыми я почему-то чувствую себя в вечном долгу: Макаров Николай Николаевич, Мамутов Василий Иванович, Мамутовы Роман Васильевич и Николай Романович, Тутаринов Николай Алексеевич, Турченко Лидия Ивановна, Дмитриев Василий Иванович, Куранов Николай Иванович, Михин Геннадий Григорьевичи и многие другие.

Астрыбвтуз в каком-то смысле стал моим вторым домом. Из него я отправился выполнить свой сыновний долг в село, а потом вернулся. Из него я выпорхнул в другой мир – мир науки, мир столицы, мир, из которого заглядывают в жизнь регионов как в глубинку.

Студентов помню в лицо очень многих, но вспомнить их имена и фамилии мне уже не под силу. Да и с преподавателями почти так же. Лучше обстоит дело с друзьями. Поэтому назову всех астраханцев, с которыми у меня были прекрасные отношения и которые оставили глубокий след в моей душе: Шевчики – Александр, Миша, Илья, Петр; Букин Володя, Плохов Толя, Селиванов Коля, Волошко Анатолий, Фадеева Надежда, Маркин Валя, Вургафт Абрам Владимирович, Щербаков Артемий Захарович, Галимова Лариса, Малянов Владимир Дмитриевич, Ткачева Наталья, Юсупов Роальд Алиевич, Дорохов, Сокольский Алик, Петров Петр, и его замечательные жена и дочка Наташа; Коростылевы Саша, Надя и Катюша; Фан Лынг Там, Уго Чао Нуньес и многие другие, сделавшие мою жизнь в Астрахани сказкой. Молодость, любимая работа, прекрасная семья, масса родственников и сотни друзей среди студентов, преподавателей, членов футбольной команды, которой посвящалось каждое утро. Жизнь на всю катушку. Кафедра, институт - от ассистента до декана с предложениями баллотироваться на ректора. Я очень рад, что у меня это было, что со мной это осталось. Спасибо всем, подарившим мне свой «след», который помогал и поддерживал меня в жизни.

Москва – Комсомольский проспект – Кучино – ВОДГЕО – ДАР/ВОДГЕО - вот мое кольцо или линия, что составляло мою жизнь, мою цепочку в следующий период.

Кучино – местечко между Балашихой и Железнодорожным, станция для электричек, одно из мест размещения института ВОДГЕО с момента его образования в 1934 году. В этом местечке когда-то царь и бог был Рябушкинский, а к моменту моего появления – институт ВОДГЕО.

Заместитель директора ВОДГЕО Соловьев Виктор Иванович (недавно его именем назвали одну из улиц города Железнодорожный!) и его помощники Бондарев Владимир и Николай Иванович (его так все и звали, без фамилии) были в силе, много могли и делали. Вплоть до того, что не только строили квартиры, но Виктор Иванович раздавал их, в том числе, места в детском садике и разные соцблага. Ему достаточно было позвонить, и твой вопрос решался. Природа, близость любимой работы, все так же прекрасная семья перенесли сказку из Астрахани в Кучино, да еще и разукрасили природой и Москвой.

Сколько имен выплывает в моей памяти, которым я очень благодарен: Борисовы Виктор, Тоня и их дети Андрей и Елена, Антиповы – Богачевы тетя Шура, Лев Яковлевич, Муфтаховы Ахмет Жалаяевич, Рашида Закировна, Наиль, Роза, Жанна, Коринченко Игорь, Наталья, Оксана; Тесля Валерий со всеми его женщинами, Коммунар Гриша, Шержуков Бронислав Сергеевич и вся его лаборатория, с которой праздновали все праздники – пели, пили, танцевали. Веригин Николай Николаевич и его сотрудники, Саркисян Вруйр Саркисович, который уехал в Армению после развала Союза, сотрудники нашей лаборатории Лихачева Любовь, Кравченко Галя, Садретдинова Наташа, Верле Света, Копейкина Лариса, Ярунина Лена. А сколько приятных часов общения подарили Пузырниковы Саша и Люда, Митрущенко Виктор и Аля; Гарик и Валентина Жажина!

Сейчас Кучино почти ушло из моей жизни, исчез я из Кучино, исчезло и некогда могущественное ВОДГЕО. Эти вещи, конечно, не связанные, а просто констатируют временный характер всего сущего на земле. А ведь здесь в Кучино мне были известны и все воспитанники детского садика, и учителя местной школы, где я долгие годы был председателем родительского комитета. Заезжая сейчас в Кучино по пути к могиле мамы, вспоминаю эти счастливые, в том числе, в творческом плане годы. Ведь проживая в Кучино, я защитил докторскую диссертацию, организовал фирму, которая стала правопреемником знаменитого в Союзе института ВОДГЕО.

Перемещаясь из Кучино в Москву на Комсомольский проспект, начну с Алексева Владимира Сергеевича, которого уважаю и как руководителя, и как ученого, и как прекрасной души человека,

склонного в любой ситуации к крепкому (не матному!) словцу, юмору, замешанному на сарказме, но всегда чуткому к проблемам, к боли душевной и телесной. Думаю, что его потенциал руководителя остался не до конца раскрытым. Может это и к лучшему для него, а то в министрах, думаю, ему было бы не столь приятно, как долгие годы в составе руководства ВОДГЕО.

В последние годы мне ближе и понятнее стал Швецов Валерий Николаевич, который тоже долгие годы был заместителем директора НИИ ВОДГЕО. В отличие от Алексева Швецов скуп на слова, его язык не так остер, но душа – душа просит гитару (которую Алексей, можно сказать – ненавидит!)

Валерий Николаевич не очень склонен к любой организаторской работе, его конек – научная работа как таковая, ведение научно-технических советов, научное редактирование статей, докладов. С Яковлевым Сергей Васильевичем – бессменным (почти до марзматических проявлений!) директором ВОДГЕО мне не так много пришлось контактировать. Более того, поскольку я попал уже на ниспадающую ветвь его жизненного пути, я был не очень высокого мнения о нем как о руководителе. Все три его заместителя (еще Нечаев Алексей Петрович, который, наконец, заменил Яковлева С.В., но вскоре скоропостижно скончался), как могли, поддерживали авторитет директора до предела, пока уже невозможно было его показывать общественности.

Не могу не сказать отдельно о Хохлатове Эдуарде Михайловиче, с кем у меня сложились почти родственные отношения. Эдуард Михайлович – классический интеллигент! Он эрудирован, сдержан, умен, музыкален, начитан и т.д. и т.п. Они с Шевчиком Сашей некоторыми своими качествами не то чтобы щеголяли друг перед другом. А как бы соревновались, мерились, блистали. Если Шевчику нравился сам соревновательный процесс вне зависимости от результатов соревнования, то Хохлатову была важна победа. Он переживал, расстраивался, если по реакции публики понимал, что Шевчик забрался на большую высоту. Не любит проигрывать Хохлатов – факт достойный уважения. Хохлатов, когда мы познакомились поближе, произвел на меня сразу впечатление порядочного человека, на которого в правом деле всегда можно положиться. Он в принципе не умеет подличать, хамить. Это никаким боком к нему не подходит. И хоть у нас не было времени, и не создавались соответствующие обстоятельства для близкой дружбы, тем не менее, я всегда считал Эдика своим другом, которому можно доверять все, на которого можно положиться.

Алексеев, Хохлатов в науке, по сути, служили тому же богу, что и я. И в этой области у нас были схожими оценки тех, кто нас окружает. Поэтому ниже приведу одну из наших общих статей по поводу развития нашей отрасли, которая была опубликована в 2005 г.

**ИНЖЕНЕРНАЯ ГИДРОГЕОЭКОЛОГИЯ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ ИНСТИТУТА
*Алексеев В.С., Куранов Н.П., Хохлатов Э.М.***

Направление инженерной гидрогеологии в НИИ ВОДГЕО, которое сейчас динамично развивается, корнями уходит не только во времена образования института, но и еще глубже – к именам Д.П. Рябушинского, Н.Е. Жуковского, Н.Н. Павловского, С.А. Чаплыгина. Знаменитые гидромеханики и меценат воздухоплавания стали родоначальниками института гидромеханики и инженерной гидрогеологии («Гидротехгео»), который в 1934 году стал одной из частей ВНИИ ВОДГЕО.

Это направление в сложившихся на данный период условиях вбирает в себя целый ряд научных школ и направлений, которые складывались за весь период развития НИИ «ВОДГЕО». Сюда следует отнести геотехнологическую школу, фундаментальные теоретические исследования которой восходят к методам подземной гидромеханики в нефтяной и газовой промышленности (Л.С. Лейбензон, М. Маскет, П.Я. Полубаринова-Кочина, В.Н. Щелкачев и др.)

Наиболее ярким и последовательным представителем этого направления в НИИ ВОДГЕО был Н.Н. Веригин. В опубликованной в 1953 году в Известиях АН СССР статье Н.Н. Веригина «Некоторые вопросы

химической гидродинамики» был осуществлен синтез принципов и методов теории фильтрации, конвекционной диффузии и химической кинетики. На его основе была предложена система дифференциальных уравнений геохимической гидродинамики. Она включала уравнение фильтрации в горных породах жидкостей, содержащих ассоциированные с ними различные вещества (растворенные, эмульгированные, взвешенные), уравнения конвективной диффузии ассоциированных веществ, дополненное членом, определяющим скорость массообмена между ними и горной породой и, наконец, уравнением кинетики этого массообмена, были получены решения этой системы уравнений применительно к задачам, представляющим интерес для мелиорации земель и гидротехники, а позднее для добычи металлов методом подземного растворения и вымыва их из рудного тела. В дальнейших работах института «ВОДГЕО» рассматривались различные типы кинетики и массообмена при фильтрации, а именно: растворение и выпадение в осадок солей, адсорбция и десорбция их, а также кольматаж и суффозия взвешенных и эмульгированных веществ.

Можно считать, что в период с 1958 по 1970 г.г. были разработаны теоретические основы геотермодинамики. Во ВНИИ «ВОДГЕО» изучались процессы термического метасоматоза и рудообразования при параллельных и последовательных реакциях, задачи о нагнетании в водоносные пласты нагретой воды. Этими вопросами занимались Ф.М. Бочевер, С.В. Васильев, Н.Н. Веригин, А.С. Малышев, Э.М. Хохлатов.

На основе результатов теоретических исследований геотехнологические методы и необходимые для их применения сооружения и конструкции интенсивно разрабатывались в горном деле, строительстве, мелиорации земель, геологоразведке. В частности, в горном деле рассматривались вопросы интенсификации добычи нефти путем определенного ряда воздействий законтурного и внутриконтурного заводнения; снижения вязкости нефти и повышения нефтеотдачи пород посредством нагревания ее в пласте нагнетанием горячей воды, пара, нагретого воздуха; создания внутрислоевого очага горения; закачки растворов поверхностно-активных веществ и полимеров. Рассматривались также различные методы повышения производительности газовых скважин и газоконденсатных месторождений. В институте была разработана методика расчета законтурного заводнения нефтяных месторождений при действии систем водонагнетательных и нефтеизвлекающих скважин. Кроме того, были решены нелинейные краевые задачи о перемещении границы вода-газ и нефть-газ при эксплуатации газовых месторождений и создании подземных газохранилищ.

При расчетах этих геотехнологических процессов существенное значение имеет вопрос о скорости передвижения границ двух фильтрующих жидкостей с разной вязкостью и плотностью, а также границы раздела жидкостей и газов. Постановка подобных задач (задачи типа Стефана) вызвала большой интерес среди математиков и механиков.

В горном деле рассмотрены задачи добычи металлов и некоторых других полезных ископаемых с помощью растворения и вымыва их непосредственно на месторождениях, а также из отходов после обогащения. Подобные методы начали применяться для извлечения меди, цинка, свинца, урана и других металлов.

Здесь важным является поиск высокоэффективных растворителей и десорбентов (особенно для тяжелых металлов). Теоретическим аспектам этой проблемы были посвящены работы С.В. Васильева, Н.Н. Веригина, А.И. Калабина, В.С. Саркисяна, Б.С. Шержукова, А.В. Шибанова и других. Существенным являлось определение скорости применения в теле месторождения фронтов растворителя и растворяющихся и десорбируемых веществ, а также фронта закончившегося массообмена (извлечения) этих веществ. На указанных подвижных границах рассматривались нелинейные кинематические условия, что осложняет решение соответствующих краевых задач. Интересны также исследования по действию подземных парогенераторов, использующих тепло земных недр для цели теплофикации и получения электроэнергии (С.В. Васильев, Н.Н. Веригин, В.С. Голубев, Э.М. Хохлатов, А.В. Расторгуев и другие).

К геотехнологическому направлению следует отнести способы укрепления грунтов в основании зданий и сооружений посредством нагнетания в них цементного, силикатного и других вяжущих отвердевающих растворов и суспензий, способы для уменьшения фильтрации в основании и береговых при-

мыканиях гидросооружений, уменьшения водопритоков к глубоким строительным котлованам, карьерам и шахтам. Гидродинамические и термодинамические основы этих процессов, в том числе вопросы нагнетания вязущих растворов и замораживания грунтов (осесимметричная задача Стефана) были рассмотрены Н.Н. Веригиным, Б.С. Шержуковым, А.Ж. Муфтаховым, Н.П. Курановым.

В области водного хозяйства, промышленности и водоснабжения впервые в нашей стране стали изучаться системы нагнетательных и откачивающих скважин, обеспечивающие обезжелезивание воды и очистку ее от сероводорода и других компонентов непосредственно в водоносный пласт (В.С. Алексеев, В. Т. Гребенников, Г.М. Коммунар, Е.В. Середкина, В.Г. Тесля).

Весьма специфичны геотехнологические процессы в области мелиорации земель, состоящие в промывании засоленных почв пресной водой или водными растворами различных растворителей и десорбентов, миграции минеральных удобрений и ядохимикатов в почве. Эти исследования проводились наряду со школой С. Ф. Аверьянова и школой ВНИИ «ВОДГЕО» (Н.Н. Веригин, С.В. Васильев, В. С. Саркисян, Б.С. Шержуков, А.Ж. Муфтахов, Н. П. Куранов).

Другим направлением, которое раньше развивалось независимо, а сегодня вылилось в направление инженерной гидрогеологии, являются вопросы защиты подземных вод от загрязнения и истощения.

Во ВНИИ «ВОДГЕО» научно-исследовательские работы по проблеме охраны и рационального использования подземных вод начаты еще в 60-е годы, когда на территории СССР в отдельных водозаборах подземных вод обнаружилось ухудшение качества воды, связанное с такими источниками загрязнения, как фильтрующие шламохранилища, хвостохранилища, накопители неочищенных сточных вод, поля фильтрации, утечки сточных вод на промплощадках и т.п.

Выполненные в связи с этим научные работы ВНИИ «ВОДГЕО» отличаются широтой рассмотрения проблемы. В их состав вошли теоретические исследования миграции загрязнений в водоносных пластах, лабораторные эксперименты для определения параметров миграции, натурные обследования участков загрязнения подземных вод, методическое руководство гидрогеологическими изысканиями для выявления ареалов загрязнения в подземных вод, разработка и обоснование схем защитных мероприятий, экспертиза проектов по локализации и ликвидации загрязнения подземных вод на отдельных участках и др.

Теоретические исследования были направлены на изучение основных закономерностей распространения растворенных и эмульгированных веществ подземных водах при их фильтрации в водоносных пластах, а также на оценку роли физико-химических процессов взаимодействия мигрирующих в воде веществ с подземными водами и горными породами.

Задачи диффузии и массообмена в водоносных пластах и грунтах зоны аэрации (адсорбция, осаждение, растворение и др. процессы) были рассмотрены и решены для различных гидрогеологических условий применительно к разнообразным схемам фильтрации из накопителей промстоков, шламохранилищ, на участках подземного складирования и захоронения отходов промышленности (Ф.М. Бочев, Н.Н. Веригин, Н.П. Куранов, А.Е. Орадовская, Б.С. Шержуков, В.М. Шестаков). Одновременно с этим проводились работы по изучению неустановившейся фильтрации из различных источников загрязнения к водозаборным сооружениям (Ф.М. Бочев, Н.Н. Веригин, Н.Н. Лапшин, А.Е. Орадовская, Б.С. Шержуков). Разработаны предложения по методике экспериментального лабораторного и полевого определения параметров миграции загрязняющих веществ в водоносных горизонтах. В лабораторных экспериментах разрабатывалась и уточнялась методика определения параметров процессов диффузии, дисперсии, адсорбции, растворения, сопутствующих движению загрязненных подземных вод в водоносных пластах (Н.К. Голованова, А.В. Ефремова, А. Е. Орадовская). В лабораторные данные была внесена существенная корректировка после полевых экспериментов, проведенных в виде запуска радиоактивных и других индикаторов в ходе откачек и нагнетаний в скважины (А.Е. Орадовская, Э.М. Хохлатов). Результаты этих исследований явились основой для разработки методики прогноза распространения промстоков в водоносных пластах, нашедшей применение при обосновании водоохраных мероприятий на ряде объектов.

При натурных исследованиях на участках загрязнения подземных вод, проводившихся совместно с геологоразведочными организациями, разрабатывалась и совершенствовалась методика полевых и лабораторных гидрогеологических изысканий для изучения качества подземных вод, выявления источников и ареалов загрязнения водоносных горизонтов, характеристик интенсивности загрязнения по глубине и площади водоносных горизонтов (А.В. Ефремова, А.Е. Орадовская).

Методические разработки и полученные на их основе данные использованы в предложениях по конкретным схемам защитных мероприятий, направленных на предупреждение, локализацию и ликвидацию загрязнения подземных вод на промплощадках предприятий, химической, нефтеперерабатывающей, металлургической промышленности. На многих объектах по рекомендациям ВНИИ «ВОДГЕО» запроектированы и осуществлены разнообразные защитные мероприятия в виде противифльтрационных завес, экранов, гидравлических дренажных завес с откачкой и очисткой загрязненных подземных вод (Ф.М. Бочеввер, А.Е. Орадовская).

Исследования, связанные с прогнозом миграции загрязнений, инженерной защитой водозаборов от загрязнений нашли свое развитие трудах А.В. Расторгуева, П. Н. Куранова и др.

Были выполнены также исследования в районах накопителей (хранилищ) промышленных сточных вод, проведено обобщение опыта по проектированию, строительству и эксплуатации дренажных и противифльтрационных устройств шламо- и хвостохранилищ, накопителей для предупреждения загрязнения подземных и поверхностных вод (В.П. Недрига, Г.И. Покровский, А.В. Романов, Е. М. Селюк, В.М. Шестаков).

Разработанные аналитические и экспериментальные методы фильтрационного расчета дренажных и противифльтрационных устройств в условиях стационарной (В. П. Недрига, А.В. Романов, Г.И. Покровский) и нестационарной (Ф.М. Бочеввер, Н.Н. Веригин, Н.Н. Лапшин, А.Ж. Муфтахов, В.С. Саркисян, Б.С. Шержуков, В.М. Шестаков) фильтрации нашли широкое использование при проектировании шламоохранилищ и других объектов.

Теоретические и методические исследования по проблеме подземного захоронения промстоков (Ф.М. Бочеввер, Н.Н. Веригин, Н.Н. Лапшин, А.С. Малышев, А.Е. Орадовская, В.С. Саркисян, Б.С. Шержуков, В.М. Шестаков) применялись при проектировании и строительстве подземных хранилищ на ряде предприятий химической и других отраслей промышленности. В результате этих исследований для некоторых объектов доказана возможность и санитарная безопасность подземного захоронения весьма агрессивных стоков, для которых не имеется приемлемых в технико-экономическом отношении методов очистки и утилизации.

Под методическим руководством ВНИИ «ВОДГЕО» (Ф.М. Бочеввер, Н.Н. Лапшин, А.Е. Орадовская) были проведены изыскания для обоснования зоны охраны регионально развитого мелового водоносного горизонта, воды которого являются основным источником хозяйственно-питьевого и технического водоснабжения крупного промышленного района. В результате этих изысканий впервые в СССР разработана схема генерального плана мероприятий по защите от загрязнения и истощения подземных вод и по благоустройству водоохранной зоны в бассейне р. Сев. Донец. Аналогичные задачи охраны подземных вод решались ВНИИ «ВОДГЕО» (А.Е. Орадовская) совместно с ПНИИИСом при проведении изысканий, связанных с изучением гидрохимических условий долины р. Толы в районе г. Улан-Батор (МНР).

Оценка и прогноз качества подземных вод, изменяющегося под воздействием промышленных и сельскохозяйственных загрязнителей, проведены для крупных водозаборов подземных вод в г.г. Луганске, Липецке и др. с учетом особенностей гидрохимической и гидродинамической обстановки (А.В. Ефремова, А.Е. Орадовская, Э.М. Хохлатов).

Из опыта ВНИИ «ВОДГЕО» по натурным обследованиям объектов загрязнения подземных вод и проектирования защитных мероприятий следует, что прекращение и локализация начавшегося загрязнения подземных вод, а также ликвидация его последствий вплоть до полной «реабилитации» водоносного горизонта, т.е. до восстановления естественного качества подземных вод, - очень сложная в техническом отношении задача, для решения которой требуется длительное время и специальные, как правило до-

рогостоящие, защитные мероприятия. Высокая стоимость их обычно связана с необходимостью очистки откачиваемых загрязненных вод перед их использованием для технических целей или сбросом в водоем. В связи с этим исключительно большое значение приобретает профилактика загрязнения подземных вод. Поэтому в работах ВНИИ «ВОДГЕО» уделяется все большее внимание обоснованию таких профилактических мероприятий по защите качества воды хозяйственно-питьевых водозаборов подземных вод, как разработка гидрогеологического мониторинга для контроля за уровнем загрязнения подземных вод, выявление и изучение очагов загрязнения водоносных горизонтов, создание зон санитарной охраны на участках расположения водозаборов подземных вод, гидрогеологическое обоснование выбора места расположения промпредприятий и других объектов, которые могут оказать неблагоприятное влияние на качество подземных вод.

При активном участии ВНИИ «ВОДГЕО» (Ф.М.Бочевер, А.Е.Орадовская) подготовлено утвержденное в 1982 г. Минздравом СССР «Положение о порядке проектирования и эксплуатации зон санитарной охраны источников водоснабжения и водопроводов хозяйственно-питьевого назначения». По этому «Положению» размеры границ 2 и 3 поясов зон санитарной охраны водозаборов подземных вод должны определяться гидрогеологическими расчетами. Для этой цели ВНИИ «ВОДГЕО» разработаны (Н.Н.Лапшин, А.Е.Орадовская) «Рекомендации по гидрогеологическим расчетам для определения границ 2 и 3 поясов зон санитарной охраны подземных источников хозяйственно-питьевого водоснабжения» (1983 г.).

ВНИИ «ВОДГЕО» проводит большую работу по экспертизе и рассмотрению проектов, разрабатываемых Союзводоканалпроектом и другими проектными организациями для локализации и ликвидации загрязнения подземных вод на промплощадках, в районах шламохранилищ и т. п. объектах.

Результаты научно-исследовательских работ института по проблеме защиты подземных вод от загрязнения опубликованы в виде многочисленных статей в журналах и научных сборниках, а также обобщены в книгах и монографиях: «Основы гидрогеологических расчетов при фильтрации из хранилищ промышленных стоков», 1961 (В. М. Шестаков); «Диффузия и массообмен при фильтрации жидкостей в пористых средах», 1969 (Н. Н. Веригин, Б. С. Шержуков); «Гидрогеологическое обоснование защиты подземных вод и водозаборов от загрязнения», 1972 (Ф. М. Бочевер, А. Е. Орадовская); «Методические рекомендации по прогнозу распространения промстоков в водоносных пластах», 1974 (Ф. М. Бочевер, А. Е. Орадовская); «Инженерная защита подземных вод от загрязнения промышленными стоками», 1976 (В. П. Недрига); «Гидродинамические и физико-химические свойства горных пород», 1977 (Н. Н. Веригин, С. В. Васильев, В. С. Саркисян, Б. С. Шержуков); «Методы прогноза солевого режима грунтов и грунтовых вод», 1979 (Н. Н. Веригин, С. В. Васильев, Н. П. Куранов, В. С. Саркисян, Д. Ф. Шульгин); «Защита подземных вод от загрязнения», 1979 (Ф. М. Бочевер, Н. Н. Лапшин, А. Е. Орадовская).

Научные направления охраны и рационального использования подземных вод тесно связано с вопросами проектирования и реконструкции подземных водозаборов.

Большое место в инженерно-гидрогеологических работах занимали теоретические исследования общих вопросов питания, транспортирования, разгрузки подземных потоков, формирования эксплуатационных запасов подземных вод, на основе которых проектируются и реконструируются водозаборные сооружения. Современные представления о подземных водах как источнике водоснабжения, фундаментальные положения, лежащие в основе используемых в настоящее время методов классификации и изучения водоносных пластов, в большой степени сложились под влиянием теоретических работ М. Е. Альтовского, Н. Н. Биндемана, Ф. М. Бочевера, Н. Н. Веригина, В. М. Григорьева, М. П. Семенова, В. М. Шестакова и других.

Значителен вклад специалистов-гидрогеологов ВНИИ «ВОДГЕО» в развитие и совершенствование теоретических основ методов расчета производительности водозаборных сооружений, количественной оценки промышленных запасов подземных вод для гидрогеологического обоснования проектов подземных водозаборов. В 1950-1960 гг. Ф.М. Бочевер и Н.Н. Веригин разработали принципиально новый, в то время, метод расчета фильтрации подземных вод к водозаборам. В настоящее время этот метод является общепринятым при количественной оценке эксплуатационных запасов подземных вод, расчете произво-

длительности водозаборных сооружений, эксплуатируемых в артезианских напорных пластах или грунтовых потоках значительной протяженности, а также при анализе и обработке относительно кратковременных опытных откачек. Суть метода заключается в учете упругих свойств пород, слагающих водоносные пласты, сжимаемости воды, гравитационной и упругой емкости водоносных комплексов, в рассмотрении процесса фильтрации подземных вод к водозаборам как изменяющегося, не установившегося во времени процесса.

В последующие годы методы аналитического расчета водозаборных сооружений с учетом нестационарности процесса фильтрации вод применительно к различным типам водозаборов и разнообразным гидрогеологическим условиям развивались и совершенствовались в работах Ф. М. Бочевера, Н. Н. Веригина, А. Е. Орадовской, А. Ж. Муфтахова, В. С. Саркисяна, Н. Н. Лапшина и др. В частности, в институте «ВОДГЕО» была разработана теория и практические методы расчета водозаборов и запасов подземных вод в долинах рек, конусах выноса предгорных равнин, в закрытых и полузакрытых структурах, в слоистых водоносных пластах, в пластах с литологическими «окнами».

Наряду с аналитическими в институте разрабатывались и совершенствовались численные методы исследования работы водозаборных сооружений с применением различных вычислительных устройств и приборов: гидроинтеграторов (В. С. Лукьянов, М. А. Вевировская, В. М. Шестаков), щелевых лотков (С. К. Абрамов, Н. Н. Веригин), электроинтеграторов (С. К. Абрамов, Ф. М. Бочевер, А. Е. Орадовская, Н. Н. Лапшин), электронно-вычислительных машин и компьютеров (Ф. М. Бочевер, Н. Н. Лапшин, Э. М. Хохлатов, Г. М. Коммунар, А. В. Расторгуев).

С участием института «ВОДГЕО» были выполнены проекты водоснабжения многих городов страны: Шевченко, Магнитогорска, Баку, Калинина, Алексина, Жуковского, Тюмени, Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска и многих других.

В лаборатории инженерной гидрогеологии впервые в стране были начаты теоретические и натурные исследования особенностей работы береговых инфильтрационных водозаборов подземных вод. В 1955-1956 гг. В.М.Григорьевым на основе обследования ряда инфильтрационных водозаборов в Татарской АССР были выявлены процессы естественного и эксплуатационного заиления речных русел под влиянием длительной и интенсивной работы водозаборных сооружений. В последующих работах В. М. Григорьева, Ф. М. Бочевера, Н. Н. Лапшина, Э. М. Хохлатова разрабатывалась математическая теория и методы учета кольматирования и заиленности подрусловых отложений при расчете и гидрогеологическом обосновании проектов водозаборов подземных вод.

Помимо работ, имеющих целью гидрогеологическое обоснование проектов новых водозаборных сооружений, во ВНИИ «ВОДГЕО» в большом объеме проводились теоретические и методические исследования, направленные на разработку мероприятий по реконструкции уже действующих водозаборов с целью их интенсификации, увеличения производительности, улучшения качества подземных вод.

Во ВНИИ «ВОДГЕО» ведутся исследования по определению эффективности действия инфильтрационных бассейнов, специально построенных для искусственного подпитывания подземных вод (В. М. Григорьев, К. С. Боголюбов). Была выявлена физическая картина фильтрации из бассейнов, изменение их отдачи во времени, численные значения ряда параметров, характеризующих работу бассейнов. На основе обобщения и анализа отечественного и зарубежного опыта (В. С. Алексеев, К. С. Боголюбов, В. М. Григорьев) изучены и рекомендованы к практическому использованию другие типы сооружений для искусственного пополнения подземных вод: закрытые инфильтрационные сооружения, дренажно-поглощающие скважины.

Важным направлением в разработке мероприятий по реконструкции и усовершенствованию действующих водозаборных сооружений, также традиционно развиваемым в лаборатории инженерной гидрогеологии, является исследование процессов фильтрации воды непосредственно в прифильтровой части водоприемных устройств водозаборов с целью определения оптимальных конструкции фильтров гидрогеологических скважин и разработки методов восстановления производительности скважин при их длительной эксплуатации.

На основе исследований, проведенных в институте В.М. Гаврилко, В.С. Алексеевым, В.М. Беляковым, Н. Д. Бессоновым, организовано промышленное производство фильтров скважин на воду. В 1968 г. при сооружении скважин на воду нашло широкое применение высокопроизводительного способа бурения с обратной промывкой чистой водой на базе использования переоборудованной отечественной техники. Его внедрение позволило не только существенно повысить производительность труда при сооружении водозаборов, но и получить качественно отличные результаты в сооружении высокопроизводительных скважин, устойчиво работающих длительные периоды времени. Основной вклад в освоение этого способа бурения скважин на воду внесли В.М. Гаврилко, Н.Д. Бессонов, В.С. Алексеев.

В 1968-1982 гг. интенсивно развивались и совершенствовались методы реконструкции и регенерации действующих водозаборных сооружений. Надежной основой разработки технологии регенерации явились теоретические исследования особенностей кольматации и декольматации фильтров и прифильтровых зон скважин (В.С. Алексеев, Г.М. Коммунар, В.Т. Гребенников, В.Г. Тесля). Количество восстанавливаемых скважин в 80-е года прошлого века в среднем составляло 3 тыс. в год. Опыт передовых служб эксплуатации водозаборов (в Риге, Вильнюсе и других городах) показал, что даже в сложных гидрогеологических условиях срок службы скважин может достигать до 25-35 лет.

Еще одну научную школу, возглавляемую С. К. Абрамовым, вобрало в себя современное направление инженерной гидрогеоэкологии. Речь идет о развитии научных направлений в области инженерной подготовки территорий, защите застроенных территорий от подтопления, прогнозирования процессов подтопления, строительного водопонижения. Научная деятельность в области строительного водопонижения вскоре пошла по своему пути. С начала 50-х годов ВНИИ «ВОДГЕО» активно включился в разработку теории и технологии строительного водопонижения и создание новых технических средств для его практического осуществления. В 1955 году в свет выходят указания по проектированию водопонижения легкими иглофильтровыми установками, в основу расчета которого заложен комплексный подход, учитывающий, наряду с гидрогеологическими условиями осушаемых площадок, рабочие характеристики применяемого водопонижительного оборудования.

Наибольшую же известность приобрели результаты проведенных в стенах института теоретических экспериментальных исследований и конструктивных разработок вакуумного метода искусственного понижения уровня подземных вод в слабопроницаемых грунтах (тонкозернистых песках, супесях, легких суглинках, илах и т.д.), плохо поддающихся осушению обычными способами.

Было установлено, что в условиях вакуумирования приходится откачивать из осушаемого пласта не только воду, но и воздух, притекающий к фильтрам из атмосферы через частично освобожденные от воды поры грунта. Откачка воды и воздуха легкими иглофильтровыми установками вакуумного водопонижения позволяет решить важную технологическую задачу по передаче высокого вакуума из всасывающего коллектора в приемные звенья иглофильтров. Это становится возможным благодаря значительному уменьшению падения давления в надфильтровых трубах иглофильтров, по которым вместо одной воды (что характерно для обычного водопонижения) протекает водовоздушная смесь с существенным (по объему) содержанием воздуха. Это предопределило необходимость разработки для осушения мелкозернистых грунтов установок, насосные агрегаты которых способны откачивать вместе с водой значительные расходы воздуха и поддерживать при этом в приемных звеньях иглофильтров разрежение порядка 4-7 м водяного столба.

В результате в 60-е годы были разработаны, испытаны в заводских и производственных, условиях и переданы для серийного производства две новые легкие иглофильтровые установки вакуумного водопонижения УВВ-1 и УВВ-2.

Обладающая относительно высоким КПД, но сложная в изготовлении и эксплуатации, установка УВВ-1 не выдержала конкуренции со стороны установки УВВ-2 – простой, износостойкой и надежной в условиях длительного и непрерывного использования. Эта установка, предназначенная для строительного осушения грунтов с коэффициентами фильтрации 0,05-2,0 м/сут. (а в отдельных случаях до 10 м/сут.), в течение трех пятилеток серийно изготовлялась несколькими заводами страны и нашла широкое применение на строительных объектах многих министерств и ведомств.

Однако установка УВВ-2 обладала такими недостатками, как отсутствие возможности подавать воду на повышенные отметки; необходимость стыковки узлов агрегата (циркуляционного бака, приемного блока коллектора, блока центробежного насоса и электрического пускателя) непосредственно на строительной площадке; значительные габариты и масса насосного агрегата; большая установленная электрическая мощность. Вследствие этого возникла необходимость создания более эффективного и мобильного насосного агрегата. Так, в результате проведенных ВНИИ «ВОДГЕО» (1976-1977 гг.) исследований и конструкторских проработок «Гидроспецпроект» была спроектирована и на Можайском экспериментально-механическом предприятии (МЭМП) Всесоюзного объединения «Гидроспецстрой» изготовлена и испытана (1978-1979 гг.) легкая иглофильтровая установка вакуумного водопонижения УВВ-3-6КМ пришедшая на смену УВВ-2.

В 1980-1985 г.г. несколькими заводами для целей водоснабжения, водопонижения и вертикального дренажа выпускалось ежегодно примерно 100 тыс. скважинных насосов около ста типоразмеров.

Результатом обобщения этих работ стала монография «Вакуумное водопонижение», вышедшая в издательстве ЗАО «ДАР\ВОДГЕО» в 2003 году.

Вопросы же инженерной защиты от подтопления были изложены в целом ряде монографий С.К. Абрамова и его непосредственных учеников (А.Ж. Муфтахов, Б.М. Дегтярев, Е.С. Дзекцер, И.В. Коринченко).

Наиболее ярким представителем этой школы был А.Ж. Муфтахов, которого следует считать создателем гидродинамического подхода к расчетам фильтрационных процессов со свободной поверхностью. Благодаря научным исследованиям А.Ж. Муфтахова стало возможным решать сложнейшие задачи нелинейной фильтрации с неизвестной подвижной свободной поверхности, что существенно расширило возможности аналитических методов расчета для безнапорных фильтрационных потоков. Кроме того, эти исследования явились толчком для разработки гидродинамической теории миграции в безнапорных потоках (Н.П. Куранов).

В НИИ «ВОДГЕО» были разработаны также методы расчета различных специальных видов дренажей: вакуумных (Н.П. Куранов, К.С. Боголюбов, Ю.М. Брумштейн), вентиляционных и пневмонагнетательных (А.Ж. Муфтахов, Н.П. Куранов, А.П. Шевчик, И.М. Бывальцев), лучевых (А.Ж. Муфтахов, Н.П. Куранов, В.В. Кузьмин) и др.

Из фундаментальных исследований по фильтрационным и миграционным процессам в приложении к проблеме подтопления застроенных территорий следует отметить разработку методов возмущений, в т.ч. сращивания асимптотических разложений, к задачам прогноза качества дренажных вод (Н.П. Куранов), прогноза образования верховодки и новых техногенных горизонтов (Н.П. Куранов, А.В. Расторгуев, П.В. Кумов), разработку метода фиктивной инфильтрации к расчетам несовершенных дренажей, обладающих рядом преимуществ по сравнению с методом сопротивлений (Н.П. Куранов, В.С. Алексеев, Е.Н. Леонова). Важным вкладом в развитие теории и практики борьбы с подтоплением явились исследования по оценке риска опасных геологических процессов, в т.ч. подтопления (Н.П. Куранов, В.В. Кузьмин).

Работы плеяды ученых школы С.К. Абрамова – А.Ж. Муфтахова позволили долгое время удерживать лидирующие позиции института по данной проблеме. В настоящее время благодаря усилиям последователей и учеников (В.С. Алексеев, Н.П. Куранов, А.В. Расторгуев, В.В. Кузьмин, Е.В. Прокофьева, Н.А. Садретдинова, Э.М. Хохлатов, А.П. Шевчик, Ю.Я. Криксунов, Е.Б. Ярунина, Р.М. Ширинов, С.В. Танкушин) вопросы инженерной защиты территорий и, прежде всего, застроенных или застраиваемых, решаются «под ключ» по всей цепочке: научные исследования, инженерные изыскания, обоснование проектных решений, оценка воздействия на окружающую среду, разработка проектов на всех стадиях, строительство, эксплуатация систем инженерной защиты. Такое решение проблем защиты от подтопления стало возможным благодаря тесному сотрудничеству с рядом специализированных организаций (ЗАО «ДАР\ВОДГЕО», СГСТУ «ВИОГЕМ» и др.).

Традиции и опыт нескольких поколений ученых и нескольких школ гидрогеологов, гидротехников, о которых говорилось выше, предопределили и широкий круг проблем, которые в той или иной степени, в

зависимости от проблем практики, развиваются в настоящее время в отделе инженерной гидрогеоэкологии.

Прежде всего, это вопросы инженерной защиты территорий от опасных природных и техногенных процессов (подтопления, затопления, оползни, суффозия и др.). В настоящее время даже возникла необходимость выделить из лаборатории инженерной геоэкологии проектный отдел, который успешно решает эти и целый ряд других водохозяйственных проблем. Научные же исследования в части инженерной защиты территорий соответствуют современным тенденциям и развиваются в направлении разработки новых моделей и численных методов прогнозирования природно-техногенных процессов, их связи с состоянием водопроводной и водоотводящей сети, оптимизации проектных решений, исследований по вопросам утилизации и очистки дренажного стока на основе прогнозов изменения качества дренажных вод, оценок воздействия подземных вод на основания и фундаменты. Большое внимание уделяется разработке методов оценки риска опасных природно-техногенных процессов, развивающихся на застраиваемых территориях. Такой подход позволяет научно-обоснованно подходить к выделению очередности работ, что особенно важно при остром недостатке средств, расходуемых на инженерную защиту территорий.

Продолжаются работы по совершенствованию конструкций систем инженерной защиты, разработке бестраншейных способов строительства дренажей. Значительные успехи коллектива имеются и в части разработки систем геологической безопасности крупных промышленных площадок при развитии опасных природно-техногенных процессов. Работы, связанные с инженерной защитой территорий, проводятся большим коллективом, в котором налицо связь времен, сплав опыта и молодости. Они проводятся под руководством Н. П. Куранова, Э.М. Хохлатова, А.П. Шевчика, А.В. Расторгуева, В.В. Кузьмина, Ю.Я. Криксунова, А.В. Селюкова, Р.Х. Каримова, при активном участии опытных И.В. Коринченко, Н.А. Садретдиновой, Е.В. Прокофьевой, Л.Н. Копейкиной, А.А. Киселева, Е.Б. Яруниной, Т.М. Куликовой, С.В. Верле, В.М. Васильева, С.Г. Симончика, С.Н. Маслова, Г.М. Балденкова, Р.М. Ширинова, С.В. Танкушина, А.Д. Харитонов, А.Ф. Кутового и молодежи (П.Н. Куранов, П.В. Кумов, Д.В. Семенов, А.С. Копылов, О.И. Банков, К.Л. Бухарин, В.В. Дмитриев, А.Л. Баширов, А.И. Кузьмина, Д.В. Перминов, Е.М. Корнилаев, К.А. Болдырев и др.).

Попрежнему ведущими в части инженерной гидрогеоэкологии в НИИ «ВОДГЕО» являются вопросы оценки воздействия на подземные водозаборы, оптимизации их работы, защиты от загрязнения и очистки подземных вод. В настоящее время проводятся работы по организации цепочки «под ключ» по регенерации скважин, высокую эффективность демонстрируют методы очистки подземных вод в пласте, успешно реализуются методы расчетов миграции углеводородных и радиоактивных загрязнений в подземных водах и защиты от них подземных водозаборов и поверхностных водоисточников.

Большие работы ведутся так же в части обоснования зон санитарной охраны водозаборов подземных вод, установления водоохранных зон и прибрежных защитных полос водных объектов, проектирования и проведения на их территории природоохранных мероприятий. Все эти работы проведены под руководством В.С. Алексеева, Э.М. Хохлатова, А.В. Расторгуева при непосредственном участии опытных и молодых специалистов, ученых В.Г. Тесли, Е.В. Середкиной, А.Е. Ткаченко, В.А. Андреева, П.Н. Куранова, И.А. Расторгуева.

Мощное развитие в последние годы получили вопросы проектирования и воздействия на окружающую среду полигонов промышленных и твердых бытовых отходов (А.В. Расторгуев, В.В. Кузьмин, Р.М. Ширинов, Н.В. Харитонов).

Коллектив готов к решению самых сложных водохозяйственных проблем страны, успешно конкурирует на современном рынке. Трудно обозначить проблему в области инженерной гидрогеоэкологии, которая была бы не под силу коллективу нашего института.

Только по г. Москве и Московской области можно назвать десятки объектов, по которым выполнен комплекс научных, проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ за последние 3-4 года. К ним следует отнести системы инженерной защиты в микрорайонах Куркино-4, Куркино-13, Куркино-5, автомобильного тоннеля под Волоколамским шоссе, жилых домов по ул. Б. Академическая, ул. Дыбенко, ул. Фестивальная, ул. Зеленоградская, ул. Кастанаевская, ул. Дубки, ул. Петрозаводская, ул. Мишина, 3-й

Лихачевский пер., ул. Дундича, городка ОМОН в Строгино, жилых комплексов «Эдельвейс», «Воробьевы горы», «Вертикаль», «Сетунь», многофункциональных центров (Москва-сити, Овчинниковская наб., ул. Усачева), культурных и культовых объектов (Большой театр, Малый театр, Усадьба Румянцева по ул. Усачева, Гефсиманский скит Сергиево-Посадской лавры, горнолыжный склон в Новопеределкино), микрорайона 4 в г. Одинцово, хладоцефа Ногинского мясокомбината, оползневого склона Акуловского гидроузла и др.

За этот период запроектированы и строятся система инженерной защиты от углеводородных загрязнений в г. Новокуйбышевске Самарской области, на территории Тульской нефтебазы, система инженерной защиты от загрязнения рек бассейна Дона в районе г. Новочеркаска, система защиты от радиоактивных загрязнений в районе Курчатовского института в г. Москве, система защиты от загрязнения в районе полигонов твердых бытовых отходов в городах Ногинске, Владимире, Ярославле, твердых промышленных отходов машиностроительного завода в г. Электросталь и др.

С участием научного коллектива лаборатории инженерной геоэкологии разработаны рекомендации по оценке риска аварий гидротехнических сооружений, по которым в настоящее время составляются декларации безопасности десятков гидротехнических сооружений, проводятся работы по повышению безопасности многих важнейших гидротехнических сооружений страны. Разработаны также рекомендации по оценке риска подтопления застроенных территорий.

Большой цикл работ выполнен на Волжском автомобильном заводе в г. Тольятти, где создана система геологической безопасности предприятия, которая позволяет защищать от грунтовых вод все подземные сооружения АвтоВАЗа, контролировать и управлять режимом подземных вод для обеспечения устойчивости зданий. Это обеспечивает длительную бесперебойную работу предприятия в условиях развивающихся опасных природно-техногенных процессов. Разработана и внедряется система ГИС-ВАЗ.

Аналогичные работы проводятся на Астраханском газоконденсатном комбинате, Саратовском нефтеперерабатывающем заводе и др.

Опытно-технологические исследования в области кондиционирования подземных вод непосредственно в водоносном пласте позволили существенно расширить область применения данной технологии. Доказано, что метод обеспечивает эффективную очистку подземных вод при исходном содержании железа до 35 мг/дм³, марганца - до 3,5 мг/дм³ без применения реагентов, что принципиально недостижимо на наземных станциях водоподготовки. При этом попутно достигается снижение содержание в воде фосфатов, силикатов, аммонийного азота.

Специфика применяемой технологии заключается в том, что процесс внутрипластовой очистки протекает в обширных зонах пласта, объем которых несоизмерим с объемом осадков, накапливающихся за весь срок службы скважин. Это исключает кольматаж пласта, который мог бы повлиять на производительность скважин.

В настоящее время установки внутрипластовой очистки воды эксплуатируются в Московской, Нижегородской, Воронежской, Ярославской областях. Более 3-х лет обеспечивается эффективная очистка подземной воды в весьма сложных гидрохимических условиях в пос. Березово Ханты-Мансийского АО.

Почти со всеми, перечисленными в этой статье фамилиями, я был знаком лично, с каждым из них сложились свои отношения.

Теперь о Москве вне Комсомольского проспекта и Кучино.

Дзекцер Ефим Семенович и его жена Соня – прекрасная пара, которая никогда не позволяла себе сказать какое-либо грубое слово в адрес друг друга или хотя бы повысить голос. Мы с ними познакомились через Муфтаховых, бывали у них в гостях, принимали их у себя. С Ефимом Семеновичем я познакомился еще когда работал в Астрахани. Он с самого начала обозначил наши отношения как некий патронаж над молодым талантом - так он окрестил меня. При довольно частых рабочих встречах он старался подробно рассказать все, что он знал о предмете нашей встречи, что действительно повышало мой кругозор, придавало новый импульс нашим встречам. Он пытался ставить передо мной задачи, которые я

должен был обратиться в математическую оболочку и довести до конца. Был настойчив и памятливым в отношении общих планов. Ефим Семенович был талантливым воспитателем научных кадров. Через его руки прошли известные ученые и деятели науки, такие как Болгов Михаил Васильевич, заместитель директора ИВПАН, имеющий еще перечень своих званий и должностей, которые едва ли умещаются на целом листе формата А-4, Поздняков С.П., ныне заведующий кафедрой гидрогеологии МГУ, многие сотрудники ПНИИИСа, перешедшие в институт «Геоэкологии» АН и др.

Запомнилась одна встреча, на которой он очень настаивал, хоть у меня занятость была «выше крыши». Он настоял, и я очень благодарен ему за это. Мы сидели в пивном баре у метро «Университет», у меня на вечер был билет куда-то в командировку. Билет на поезд. После начала разговора я сразу переменял свои планы, решив не заезжать домой. Он сначала расспрашивал меня о моих планах, о планах всех членов моей семьи, которых он знал хорошо. Что-то в его голосе было проникновенное, так что суэта во мне испарилась, я уже никуда не торопился. Он стал рассказывать о своих работах, что сейчас его интересует, волнует. Договорились, что как только он закончит работу над книгой о влиянии техноприродных процессов на устойчивое развитие урбанизированных территорий, то мы сразу напечатаем ее в нашем издательстве ДАР/ВОДГЕО (что потом и было сделано). В конце беседы он сказал, что завтра ложится на онкологическое обследование.

Ефим мужественно боролся со своей болезнью. Последнюю встречу с друзьями-коллегами он организовал 23 февраля в день своего рождения. Всем, в первую очередь - ему, было ясно, что эта встреча последняя, что смерть у порога. Он держался так, что, мол, жаль, конечно, что эта встреча последняя, но пока живы – надо жить. Он в таком состоянии организовал веселье, не натянутое веселье! Были воспоминания о прошлом, о молодости, о творчестве, о Муфтахове, которого уже несколько лет не было с нами, но была Рашида Закировна. И были по его настоянию песни! Сам он пел плохо, но с удовольствием подпевал... Прощались спокойно, без надрыва, как будто перед ним были открыты ворота в рай и, проводив нас, он уходил в эти ворота в новую жизнь, в новое состояние. Вскоре его не стало.

Встречаемся изредка до сих пор с Дегтяревым Борисом Михайловичем, вспоминаем и эту встречу, и многие другие встречи в четыре семьи: Муфтаховы, Дзекцеры, Дегтяревы, Курановы.

Борис Михайлович, дай бог ему здоровье еще на долгие годы, докторскую диссертацию защитил в возрасте, уже не работая в ВОДГЕО, но приезжал на празднование 80-летия института. Сожалел, что некому передавать свой опыт. Традиционно до самого последнего времени ученики Муфтахова – я, Шевчик, иногда Кузьмин – 29 декабря, в день рождения Ахмета, приезжали к Рашиде Закировне, где образовывались застолья, в которых, как правило, принимал участие Борис Михайлович и Тамара Дегтяревы. Рашида Закировна до последних дней интересовалась, переживала за дела ВОДГЕО, за нас – ее детей (у нее было такое чувство!) и за своих Розу, Наилу и любимых внуков. Дегтярев Борис Михайлович до сих пор не теряет надежды обсуждать наболевшее со мной по скайпу. Но я все еще далек от такого препровождения времени.

Много важного для себя подчеркнул я, пусть от недолгого, общения с Пупыревым Евгением Ивановичем, Даниловым – Данильянцем Виктор Ивановичем, Осиповым Виктор Ивановичем, Венециановым Евгением Викторовичем, Шевчуком Анатолием Васильевичем, Омеляненко Виктором Анатольевичем, Сосуновым Игорем Владимировичем, Олтян Ириной Юрьевной, Некрасовой Ириной Павловной – это видные специалисты, ученые, руководители организаций, с которыми по разным поводам сводила меня жизнь.

Безусловное влияние на мою жизнь оказали многие сотрудники института ВОДГЕО и фирмы ДАР/ВОДГЕО. Кого-то я упомянул, кого-то не успел в своей статье посвященной 80-летию института ВНИИ ВОДГЕО, которую привожу здесь с некоторыми сокращениями.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ

Николай Петрович Куранов, Генеральный директор, д.т.н, профессор.

В статье подробно описана история создания, становления и развития ОАО «НИИ ВОДГЕО».

Описано время развала СССР, революция в политической и экономической областях, в отношениях между государством и наукой, как это отразилось на судьбе ВНИИ ВОДГЕО – одного из крупнейших государственных научных центров страны в отрасли. Охарактеризованы этапы деятельности института в переходный период и до настоящего времени

Ключевые слова: НИИ ВОДГЕО структура, реорганизация, водоснабжение, канализация, филиалы института, научная тематика,

20 января 1934 года приказом по Народному Комиссариату Тяжелой Промышленности № 126 «в целях комплексного научно-исследовательского разрешения вопросов водного хозяйства и инженерной гидрогеологии тяжелой промышленности, как-то: водоснабжение, канализация, инженерная гидрогеология и гидротехнические сооружения и прочее» был создан ВНИИ ВОДГЕО путём реорганизации двух институтов:

- Всесоюзного Научно-Исследовательского института Водоснабжения и Сантехники (ВНИИСТ).
- Всесоюзного Научно-Исследовательского Института Инженерно-Строительной гидротехники и инженерной гидрогеологии (Гидротехгеоинститут).

ВНИИ ВОДГЕО имел следующую структуру:

- сектора: водоснабжения, канализации, технологии воды, гидротехнических сооружений, инженерной гидрогеологии с лабораториями:
 - химической, био-бактериологической, физико-химической, механики грунтов, химического метода закрепления грунтов, физических и водных свойств грунтов, водопроводной, канализационной, внутреннего оборудования,
 - общие отделы и сектора: финансовый отдел, бухгалтерия, плановый сектор, отдел снабжения, канцелярия, издательскую секцию, отдел кадров, сектор капитального строительства, научно-техническую библиотеку.

Институтом на принципах единоначалия руководил директор, который имел двух заместителей: заместителя директора института по научной деятельности и заместителя директора института по административно-финансовой части.

Что же предшествовало приказу № 126 по народному комиссариату тяжёлой промышленности? Проследим кратко историю образования ВНИИ ВОДГЕО.

20 января 1934 года реорганизованные во Всесоюзный Научно-Исследовательский Институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (ВНИИ ВОДГЕО), находящийся в ведомственном подчинении Главного управления строительной промышленности (Главстройпрома) Народного Комиссариата тяжёлой промышленности СССР, прежде самостоятельные Гидротехгеоинститут и ВНИИСТ не имели единой территории или здания. Лаборатории институтов располагались в арендуемых помещениях как в центре Москвы, так и на её окраинах. Численность Гидротехгеоинститута уже составляла 241 человек, из них научных работников 70 человек. После слияния численность составила 494 человека, в т.ч. 343 в научных подразделениях.

Большинство сотрудников этих институтов располагались в одном из подъездов шестиэтажного жилого здания, занимая все шесть этажей и подвал здания по адресу: г. Москва, ул. Кирова, дом 24, вход с Банковского переулка (Москва, ул. Мясницкая, дом 24, помещение № 35 занимал ВНИИ Водоснабжения и Сантехники). Эти помещения занимал еще в 1912 году Комитет по охране водоёмов.

Сейчас трудно восстановить все адреса: ВНИИ «ВОДГЕО» занимало помещения (иногда совсем небольшие) на ул. Горького, дом 91, на Спартаковской улице, в Донском монастыре, в Кучино в здании Государственного геофизического института (первый этаж гостевого дома, построенного Д.П. Рябушинским). На истории становления этого института в Кучино остановимся несколько подробнее.

В тогдашней Московской Губернии поместье Кучино в 1814 году приобретает генерал-лейтенант Балашов Александр Дмитриевич – сын сенатора при дворе Императрицы Екатерины II Балашова Дмитрия Ивановича. В апреле 1833 года он продаёт своё имение Кучино надворному советнику Рюмину Николаю Гавриловичу. По проекту архитектора Тибо была выстроена великолепная усадьба с прекрасным домом и обустроенным садовым участком. Рюмину Н.Г. принадлежал в Кучино один из кирпичных заводов.

После его смерти в 1870 году Кучино было куплено известным миллионером Алексеевым Александром Владимировичем. Алексеевы снесли удивительное создание Тибо и выстроили ординарный дом. В 1882 году имение переходит во владение сына Алексеева – Николая Александровича.

Н.А. Алексеев занял в истории Российской науки достойное место благодаря своей благотворительности. Будучи на посту городского головы он развернул бурную хозяйственную деятельность: расширил и реконструировал Мытищинскую водопроводную систему, образовал городскую скотобойню взамен частных боен, на которой решал проблемы ликвидации «дурного запаха и заразы». Это он формирует группу инженеров, которая занимается разработкой грандиозного проекта канализации Москвы с учетом её будущего.

В 1892 году имение Кучино приобретает купеческая семья Рябушинских. В семье Павла Михайловича и Александры Степановны Рябушинских было 13 детей: 8 мальчиков и 5 девочек. Седьмым по старшинству среди восьми братьев был Дмитрий (родился 31 октября 1882 года, умер 22 августа 1962 года в эмиграции и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем).

Он учился в Московской практической академии коммерческих наук, которую окончил в 1901 году. Среди преподавателей в академии курс теоретической механики преподавал Николай Егорович Жуковский. По всем предметам Д.П. Рябушинский показал отличные познания и был удостоен звания кандидата коммерции, награждён золотой медалью для ношения в петлице на Анненской ленте. Девятнадцатилетний Дмитрий отправился для завершения обучения в Гейдельбургский университет в Германии, где прослушал курсы физики, органической химии, философии и зоологии. Затем он отправляется в кругосветное путешествие. В Аденском порту, наблюдая за чайками, борющимися с ветром, Дмитрий Павлович приходит к мысли, которая зародила в нём желание изучать и использовать в интересах человека законы воздухоплавания. Он решает основать на свои средства большую лабораторию, чтобы создавать новую авиационную науку. А толчком к этому был первый в мире полёт братьев Райт в декабре 1903 года. Весной 1904 года Рябушинский обратился к Н.Е. Жуковскому с предложением значительных денежных средств на занятия устройством аэроплана и сбор надлежащих опытных данных, которых у Н.Е. Жуковского не доставало по результатам его исследований в университетской лаборатории.

В июне 1904 года Д.П. Рябушинский в имени Кучино начал строительство аэродинамической лаборатории. К ноябрю были построены двухэтажное здание с большим залом и четырёхугольной деревянной сквозной башней высотой 20 метров, машинное здание с паровой машиной, мастерские (слесарная, механическая и столярная), помещение для измерительных приборов и жилые дома для обслуживающего персонала и рабочих. Все оборудование аэродинамической лаборатории было произведено по указаниям Н.Е. Жуковского. Была построена аэродинамическая труба длиной 14,5 метров. На речке Пехорке, протекавшей и протекающей сейчас возле института, он производил опыты с тараном для своей работы «О гидравлическом таране». Позднее, в 1911 году на Пехорке была построена гидравлическая лаборатория института.

Рябушинский Д.П. занимается вопросами метеорологических исследований, распределения температуры воздуха на высотах до 12000 метров. Работы Д.П. Рябушинского получили международный отклик.

Наступил 1917 год, обстоятельства вынудили его 24 октября 1918 года покинуть Родину. Работать Д.П. Рябушинский продолжал во Франции, где его привлекли к сотрудничеству с Министерством воздухоплавания. В 1922 году в Сорбонне он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора математических наук, в 1933 году ему было присвоено звание профессора Высшего русского технического института в Париже, одним из основателей которого он являлся. В 1935 году он становится членом-корреспондентом Французской Академии наук. Им написано около 200 научных работ.

После отъезда Д.П. Рябушинского в эмиграцию лаборатория влачила жалкое существование вплоть до 1919 год, когда Н.Е. Жуковскому предложили руководство образованным на базе Аэродинамического института Государственным геофизическим институтом.

В самой Москве институт ВОДГЕО до последних лет занимал здание по адресу Комсомольский проспект 42, у которого также не менее интересная история, чем у лабораторных корпусов в Кучино.

ВНИИСТ начал строительство своего собственного здания по адресу: г. Москва, ул. Большие Кочки, дом 17а (позднее – Комсомольский проспект, 42). Разрешение на строительство здания кооперативным хозяйственным методом было получено в 1931 году Василием Петровичем Королёвым, директором ВНИИСТ и началось в 1933 году незадолго до реорганизации института. Сотрудники института сами проектировали и само здание и его «начинку» - сети водоснабжения, отопления, канализации и вентиляции в сотрудничестве с сегодняшним ГПИ «Промстройпроект».

Строили одновременно два корпуса параллельно друг другу на тогдашней окраине г. Москвы в излучине реки Москвы. Стройку в те времена да и в более поздние (почти до 1953 года – до года строительства Центрального стадиона им. В.И. Ленина - ныне «Лужники») окружали одноэтажные заводы, жилые бараки, поля колхоза «Красная Заря», имевшего в излучине реки Москвы поля, на которых выращивали овощи (морковь, капусту, лук, зелень, свеклу и т.д.) для потребкооперации города. Старый район «Хамовники», по административному делению г. Москвы того времени – Фрунзенский район столицы, не имел асфальтированных улиц. Улица Льва Толстого была замощена булыжником, по ней проложена трамвайная линия, трамвай А47 ходил через Крымский мост, поворачивал не доходя Хамовнического плаца на ул. Льва Толстого, пересекали ул. Большая Пироговская, шли параллельно Академии им. Фрунзе и далее на ул. Плющиха. Вторая ветка трамвая проходила по ул. Большая Пироговская. На Хамовническом плацу, в то время также мощеного булыжником, и принадлежащем к Хамовническим военным казармам готовились к военным парадом подразделения Московского военного округа. За Хамовническим плацем не было асфальтированных дорог, упорядоченной планировки территории, но в сегодняшнем районе станции метро «Спортивная» шло строительство первых кооперативных жилых домов для рабочих близлежащих промышленных предприятий: Шелкомотальной фабрики им. Э. Тельмана, завода «Каучук» и «Электросвет», Шелкоткацкой фабрики им. Розы Люксембург «Красная Роза».

Следует заметить, что инфраструктура Фрунзенской набережной уже создавалась, по берегу р. Москвы от Крымского моста до Андреевского моста и моста Окружной железной дороги, уже высились жилые здания.

Район излучины р. Москвы был перспективным для развития инфраструктуры города. На Большой Пироговской улице располагались корпуса Клиники им. И.П. Пирогова и И.М. Сеченова, работавшей на базе Первого и Второго Медицинских институтов (бывшая Хлудовская больница при Медицинском университете на Девичьем поле – единственном до 1919 года), Государственного Архивного Фонда (Центральные государственные архивы: Советской Армии, Древних Актов, народного хозяйства и т.д.).

В 50-тые годы ул. Большая Пироговская превращается в асфальтированную магистраль, трамвайную линию переносят на параллельную улицу – ул. Малая Пироговская. Это было связано со строительством Центрального стадиона им. В.И. Ленина, прокладкой ветки метрополитена в сторону Юго-запада столицы и строительством Метромоста над р. Москвой. Но это много позднее, после 1941-1945 г.г. – периода Великой Отечественной войны.

И вот среди бараков, мелких заводиков, мастерских и т.п. в 1936 году вырастают два корпуса современных по тому времени зданий ВНИИ ВОДГЕО и ГПИ «Промстройпроект».

Приказом № 108 от 04 июля 1936 года назначен переезд подразделений института в новое здание (монтаж, демонтаж, ремонт и проч.). В августе 1936 года здание было готово к эксплуатации, имущество института перевезено (сохранился приказ № 88(лс) от 27 августа 1936 г. с благодарностями сотрудникам), с 25 августа 1936 года здание было обеспечено охраной (приказ № 107 от 3 октября 1936 г.). Переехала в новое здание научно-техническая библиотека, сектор улучшения качества воды, в состав которого входила лаборатория микрофото, сектор оборудования и сетей (входящая в его состав лаборатория стыков оставлена по старому адресу ул. Кирова, д. 24), сектор водных ресурсов и гидротехники, сектор инженерной геологии, механическая мастерская и др.

В 1934 году в стране остро встала проблема разработок в области гидравлики и гидротехнического строительства. Руководство ВНИИ ВОДГЕО выходит с ходатайством в ВСНХ СССР о выделении институту территории под строительство производственной базы. Вопрос был решен положительно и ВНИИ ВОДГЕО расширяет свои территории в пос. Кучино, вблизи с. Обираловка (ныне г. Железнодорожный),

которое была частью территории бывшего поместья Рябушинских. Размер выделенной территории - около 35000 кв.м и располагалась она рядом с территорией Аэродинамического института. На территории не было никаких строений. Около дороги на Балашиху рядом с мостом через р. Пехорка стояла малосенькая сторожка, на территории росла рощица деревьев, по окраине этой территории стояли жилые бараки.

Первое строение на выделенной территории в 1934 году – это одноэтажный саманный домик, построенный собственными силами института, в котором расположилась часть сотрудников и столовая института. Большая часть сотрудников расположилась на первом этаже одного из зданий Аэродинамического института (гостевого дома, построенного Рябушинским). Потом были построены домики (небольшие летние сараи) для инвентаря на обоих берегах р. Пехорка.

В 1939 году был утвержден разработанный инженером (впоследствии доктором технических наук, профессором) Недригой Василием Павловичем проект двухэтажного здания для размещения лабораторий, мастерской и типографии института, а также проект руслового зала.

В феврале 1938 года приказом НКТП СССР № 37 от 02 февраля 1938 г. в состав ВНИИ ВОДГЕО включен Научно-исследовательский Сектор (НИС) Фундаментстроя.

В 1939 году НИИ ВОДГЕО с марта по июль месяц находился в ведомственном подчинении Комитета по делам строительства Совета Народных Комиссаров СССР, в соответствии с приказом по Комитету № 56 от 19 марта 1939 г. Приказом Совета Народных Комиссаров № 996 от 7 июля 1939 года об организации Общесоюзного Народного Комиссариата по строительству ВНИИ ВОДГЕО был включен в состав Технического управления Народного Комиссариата по строительству СССР, где состоял по январь 1946 года.

Согласно приказа Наркомстроя № 286 от 4 октября 1939 г. лаборатория оснований и фундаментов и лаборатория закрепления грунтов переданы из ВНИИ ВОДГЕО во вновь образованный Трест Глубинных работ.

Приказом Наркомстроя № 193 от 23 августа 1939 г. в состав института передана Гидротехническая лаборатория Южспецпроекта в г. Харькове, на базе которой организовано Украинское отделение ВНИИ ВОДГЕО.

УкрВОДГЕО имело следующую структуру:

- лаборатория водоснабжения и канализации,
- лаборатория гидротехники,
- лаборатория инженерной гидравлики,
- лаборатория гидрогеологии и гидротехники,
- лаборатория гидродинамики и очистки воды,
- отделы и службы: бухгалтерия, плановый отдел, хозяйственная часть и снабжение, общий секретариат и кадры, библиотека и технический отдел.

Деятельность института и филиалов совпала в довоенный период с бурным развитием отечественной промышленности – годами первых пятилеток.

Сотрудники института включились с первых дней образования института в решение задач общегосударственного значения: выбор оптимальных схем промышленного водоснабжения Московского автозавода имени И.В. Сталина (ныне им. Лихачева), гидротехники – для строительства Беломоро-Балтийского канала, канала им. Москвы, генеральные схемы промышленного водоснабжения Донбасса, Криворожья, Магнитогорского металлургического комбината, Березниковского химкомбината, Серовского промышленного узла, Сталиногорско-Тульского промрайона и т.д.

В то время в институте работали видные учёные, доктора технических наук: Гришин Михаил Михайлович, Ничипорович Александр Александрович, Абрамов Сергей Козьмич, Латышенков Арсений Михайлович, Офицеров Александр Сергеевич, Покровский Николай Николаевич, Федоров Илья Сергеевич, Сенков А.М. и др.

Однако освоению выделенных территорий в пос. Кучино помешала начавшаяся Великая Отечественная война и строительство было законсервировано.

Сотрудники института откомандировываются для выполнения спецзаданий по распоряжениям Главного Военно-Инженерного Управления Красной Армии, органов местной противовоздушной обороны и др.

Организована группа для строительства бомбоубежища для сотрудников института и ближайших домов.

В октябре 1941 года Институту было предписано эвакуироваться в г. Березники. Начинается подготовка к эвакуации: отбираются документы архивного хранения для вывоза и на уничтожение. Предпринимаются меры по охране здания в период эвакуации института.

20 ноября 1941 года было принято решение об эвакуации института из г. Москвы в г. Березники.

По ряду причин значительное число сотрудников института выехать в г. Березники и вывезти оборудование не смогли и продолжали работу в г. Москва. В соответствии с этим с 2 января 1942 года по Наркомстрою был издан приказ за подписью заместителя Наркома Н.В. Бехтина о возобновлении работы института в г. Москва.

Харьковский филиал был эвакуирован и работал в г. Чапаевске до 1943 года. Согласно приказа НКС от 13 октября 1943 года деятельность Украинского филиала института в г. Харькове была восстановлена.

В годы Великой Отечественной войны вся работа института ВОДГЕО была перестроена, ученые института работали по заданию Комитета Обороны над решением важнейших оборонных задач.

Под руководством докторов наук Апельцина Исаака Эмильевича и Долгова Георгия Ивановича были созданы бригады сотрудников института по обследованию сотен водоёмов на территориях, освобождённых от немецких оккупантов, на пригодность для питьевого и промышленного водоснабжения.

Гидротехники института много сделали для защиты гидротехнических сооружений ГЭС от ударов вражеской авиации, по созданию оборонительных сооружений.

Как и вся страна, институт встретил тяготы военного времени достойно.

102 сотрудника института ушли на фронт, оставшиеся работали в жесточайших условиях нехватки топлива, оборудования, питания, финансирования. Руководство институтом трогательно заботилось о семьях фронтовиков, погибших или пропавших без вести на полях сражения.

Весной 1945 года отгремела война. Стали возвращаться домой воины-победители, принимаясь за привычное мирное дело – работу на благо Родины.

Возвратились сотрудники ВНИИ ВОДГЕО – участники Великой Отечественной войны:

Жуков Александр Иванович,
Колышкин Владимир Михайлович,
Коваленко-Казанцев Георгий Иванович,
Кузнецова Валентина Павловна,
Новиков Пётр Филимонович,
Мигин Сергей Ильич,
Милованов Лев Владимирович,
Мошнин Лев Фёдорович,
Побегайло Пётр Исидорович,
Простяков Артемий Иванович,
Павилонский Всеволод Михайлович,
Разина Александра Фёдоровна,
Ржеутский Николай Петрович,
Фомкин Николай Ефимович,
Родштейн Абрам Григорьевич и др.

Перечисленные в этом списке сотрудники института проработали в нем до последнего своего часа (Фомкин Н.Е., Мошнин Л.Ф., Жуков А.И., Колышкин В.М., Новиков П.Ф.) или ушли на заслуженный отдых.

После войны работа института постепенно входила в обычное русло. Восстанавливали разру-

шенное войной хозяйство страны, создавали новые сооружения, вели поисковые научные разработки, внедряли выполненные научные исследования и проекты.

Продолжали освоение территории в пос. Кучино, в том числе закончилось строительство руслового зала в первые послевоенные годы, а двухэтажного офисного здания – в 1958 году. Были выстроены двухэтажное здание котельной, одноэтажные здания гаража и складов.

Любовь к реорганизациям в нашей стране привела к тому, что с января 1946 года по 1960 год институт переходил из ведомства в ведомство:

- Январь 1946 года по март 1946 года – Технического управления Народного Комиссариата по строительству предприятий тяжёлой индустрии СССР;
- Март 1946 года по 15 марта 1953 года – Технического управления Министерства строительства предприятий тяжёлой индустрии СССР, а филиал института в г. Ленинграде передан в Министерство Строительства военных и военно-морских сооружений;
- 15 марта 1953 года по январь 1954 года – Технического управления Министерства строительства СССР;
- Апрель 1954 года по 25 июля 1957 года – Технического управления Министерства строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР;
- С 1957 года до момента акционирования (февраль 2007 года) институт ВОДГЕО находился в ведении Госстроя СССР, который, впрочем, сам нередко трансформировал своё название:

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 22 апреля 1960 г. № 425 перед ВНИИ ВОДГЕО поставлена задача создать филиалы института в г.г. Баку, Красноярске, Челябинске, Ташкенте, Владивостоке;

Постановлением Совета Министров СССР № 425 от 22 апреля 1960 года «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» и Постановлением Совета Министров Азербайджанской ССР от 20 июля 1961 г. № 636 был создан филиал института в г. Баку (в дальнейшем – Бакинский филиал ВНИИ ВОДГЕО).

Филиалы института в г.г. Красноярске, Ташкенте, Челябинске и Владивостоке были образованы в более поздние годы:

Филиал института в г. Челябинске был образован на основании приказа Госстроя СССР от 3 сентября 1965 года № 160 на базе лаборатории водного хозяйства Уральского научно-исследовательского и проектного института «Уралниистройпроект». Этот филиал как отдел водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО в г. Челябинске включал:

- лабораторию очистки промышленных сточных вод,
- лабораторию оборотного водоснабжения,
- лабораторию инженерной гидрогеологии.

С 1 сентября 1978 г. Отдел преобразован в Челябинский филиал ВНИИ ВОДГЕО в г. Челябинске на основании приказа Госстроя СССР № 54 от 10 августа 1978 г.

Филиал института в г. Ташкенте образовался на основании того же приказа Госстроя СССР от 3 сентября 1965 года № 160 как Лаборатория водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО в г. Ташкенте. В 1968 году Лаборатория преобразована в Отдел водного хозяйства промышленности и населенных мест ВНИИ ВОДГЕО в г. Ташкенте. С 1 сентября 1978 г. во исполнение приказа Госстроя СССР от 10 августа 1978 г. № 54 Отдел водного хозяйства промышленности и населенных мест ВНИИ ВОДГЕО в г. Ташкенте преобразован в Ташкентский филиал ВНИИ ВОДГЕО.

В этом же году был утверждён проект на строительство здания филиала института в г. Ташкенте. Строительство было окончено в 1971 году и лаборатории, расположенные в зданиях на Пушкинской улице и микрорайоне Аймалык, переехали в новое пятиэтажное здание. Здание филиала – настоящий храм науки, с просторными холлами, с панно из цветного стекла, занимающим высоту всех пяти этажей и шириной более 4-х метров, с сюжетом и гаммой подводного мира растений, с холлом на первом этаже (вход в здание и лифтовая часть холла), выполненным в современном стиле и оформленным мрамором. В этом холле располагалась Доска Почета филиала с цветными фотографиями заслуженных ученых и сотрудников.

Столовая выполнена была в национальном узбекском стиле, вместо потолка – стеклянный купол. На пятом этаже здания в его фронтальной части располагались зал для конференций и открытая терраса для проведения в досуга (там в дни празднования юбилеев, проведения концертов и других развлекательных мероприятий расставлялись столики и работало кафе). Здание было построено на территории прежней загородной дачи народной артистки Узбекистана Тамары Ханум, где сохранился посаженный при ней фруктовый сад. Усилиями и заботой директора филиала Каримова Хафиза Каримовича и сотрудников института он был приведен в идеальный порядок, разбит розарий, восстановлена аллея винограда, которая перекрывала сводом одну из дорожек сада, садовник следил за посадками и клетками с перепёлками. На всех этажах здания в холлах на низких столиках стояли вазы с цветами и виноградом. Идеальная чистота помещений, современное оборудование лабораторий, обустроенный экспериментальный зал – всё создавало условия для плодотворной научной работы.

Одновременно с проектированием и строительством здания в г. Ташкенте велось и строительство пятиэтажного здания для Бакинского филиала института на Тбилисском шоссе. Здание было выполнено из местного известняка, более скромное по архитектуре, но не менее комфортабельное по сравнению со зданием в г. Ташкенте. Во дворе здания располагались экспериментальный зал, мастерские, гараж, теннисная и волейбольная площадки.

С 1 июля 1967 г. в соответствии с приказом Госстроя СССР от 22 июня 1967 года № 104 в состав ВНИИ ВОДГЕО передаётся научно-исследовательская лаборатория Харьковского Водоканалниипроекта. Ранее существовавшее Отделение ВНИИ ВОДГЕО «УкрВОДГЕО» в г. Харькове было с 1 июля 1956 года передано в ведение украинских организаций. Приказом ВНИИ ВОДГЕО от 17 июля 1967 г. № 172 был образован Отдел водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО в г. Харькове.

Во исполнение Постановления Совета Министров СССР от 22 апреля 1960 г. № 425 и приказа Главпромстройпроекта Госстроя СССР от 4 апреля 1979 г. № 11 с 16 мая 1979 года организован Отдел водного хозяйства Челябинского филиала ВНИИ ВОДГЕО в г. Красноярске, в составе которого:

- лаборатория водоподготовки,
- лаборатория инженерной гидрогеологии.

Приказом ВНИИ ВОДГЕО от 19 июля 1989 г. преобразован в Красноярский филиал ВНИИ ВОДГЕО.

На основании Приказов Минстроя СССР от 3 июля 1978 г. № 253, Госстроя СССР от 9 августа 1976 г. № 53, Дальневосточного Промстройниипроекта от 24 августа 1978 г. № 68 и ВНИИ ВОДГЕО от 29 августа 1978 г. № 259 был образован Дальневосточный отдел водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО.

Так рос и развивался очень нужный стране ведущий в отрасли институт ВНИИ ВОДГЕО. Росла и развивалась Москва. Так, что даже началось движение по Большим Кочкам.

В 1957 году для создания более удобного сообщения между Юго-Западным районом города и центром, Моссоветом было принято решение построить новый проспект, соединяющий кратчайшим расстоянием Юго-Западный район Москвы с Крымской площадью.

На запроектированной трассе нового проспекта оказались помимо нескольких ветхих сооружений те самые здания ВНИИ ВОДГЕО и «Промстройпроекта».

Эти здания решено было сохранить, отодвинув их с намеченной трассы в сторону Кооперативной улицы.

Здание института ВОДГЕО передвигали, не нарушая повседневной работы института 6 дней с 22 по 27 сентября 1961 года.

Полным ходом шло и освоение базы в Кучино.

В 1961 году поступил на работу инженером по строительству Соловьев Виктор Иванович, которому было поручено дальнейшее обустройство территории в пос. Кучино, который к тому времени стал районом г. Железнодорожного – старое название «Обираловка» ушло в Историю, оставшись лишь у Л.Н.Толстого в «Анне Карениной».

Активно готовятся документы для проектирования и строительства административно-лабораторного корпуса, насосной станции, здания для мастерских и гаража, помещения сторожевой

охраны, павильона для создания маломасштабных моделей гидротехнических сооружений и размещения стационарных лабораторных установок, так как помещения руслового зала стало катастрофически не хватать.

В феврале 1980 года все объекты строительства введены в эксплуатацию, научные и административные подразделения института получили современные благоустроенные помещения.

В конференц-зале на 500 посадочных мест стали проводиться ежегодные собрания партийно-хозяйственного актива, общие собрания сотрудников института, празднования юбилеев, отмечать праздничные даты.

На год сдачи сооружений экспериментальной базы в ВНИИ ВОДГЕО численность выросла до 870 человек, с учётом филиалов – до 1800 человек.

В 1984 году ВНИИ ВОДГЕО отметил 50-летие со дня создания. Заслуги ВНИИ ВОДГЕО, его неоценимый вклад были достойно оценены Правительством СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1984 года Всесоюзный научно-исследовательский институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (ВНИИ ВОДГЕО) был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

В связи с расширением научной тематики и направлений деятельности ВНИИ ВОДГЕО вышел с ходатайством в Госстрой СССР о переименовании института. Распоряжением Совета Министров СССР от 22 января 1988 г. № 147р институт по согласованию с Государственным Комитетом науки и техники СССР и Мосгорисполкомом и Постановлением Президиума Верховного Совета СССР о сохранении за ВНИИ ВОДГЕО ордена Трудового Красного Знамени был преобразован во Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (ВНИИ ВОДГЕО).

Шли года, шло развитие ВНИИ ВОДГЕО. Пришло новое время: развал страны, революция в политической и экономической областях, в отношениях между государством и наукой. Это не могло не отразиться на судьбе ВНИИ ВОДГЕО – одного из крупнейших государственных научных центров страны в отрасли. Вот некоторые этапы деятельности института в переходный период.

С целью координации научных исследований в области очистки природных, производственных и бытовых сточных вод для целей питьевого и производственного водоснабжения, водоподготовки, обработки осадков природных и сточных вод, проводимых Отделом водоподготовки ЦНИИКИВР Главгосводресурсов СМ СССР в г. Кишинёве в феврале 1991 г. (приказ по ВНИИ ВОДГЕО № 15(лс) от 15 февраля 1991 г) было учреждено на базе этого отдела Государственное малое предприятие ВНИИ ВОДГЕО – «МолдНИИ ВОДГЕО», которое при регистрации получило наименование – Государственное малое предприятие «CASCADA».

Впоследствии, с развалом СССР приказом по ВНИИ ВОДГЕО № 387(лс) от 20 декабря 1991 г. оно передано в юрисдикцию Госдепартамента Молдовы по охране окружающей среды и природным ресурсам.

В соответствии с распоряжениями Председателя Госстроя СССР от 17 июля 1980 г и от 16 июля 1981 г и письмом Главпромстройпроекта Госстроя СССР от 21 января 1981 г. № 19/4-195 с 17 августа 1981 года, приказом ВНИИ ВОДГЕО от 7 августа 1981 г № 234 образован Тбилисский отдел водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО в г. Тбилиси.

С целью более эффективного решения гидроэкологических проблем строящихся и реконструируемых объектов промышленности и населенных мест Грузинской ССР и распространения прогрессивного опыта в других регионах страны приказом ВНИИ ВОДГЕО от 20 сентября 1990 г. № 73 было учреждено вместо Тбилисского отдела водного хозяйства ВНИИ ВОДГЕО – Государственное малое предприятие «ТбилВОДГЕО». При развале СССР оно отошло в юрисдикцию Грузии.

Приказом по ВНИИ ВОДГЕО № 46 от 16 мая 1990 г. с 1 мая 1990 г. был передан в ведение Госстроя Азербайджанской ССР на основании предложения Совета Министров Азербайджанской ССР, согласованного с Государственным комитетом СССР по науке и технике, Бакинский филиал ВНИИ ВОДГЕО и преобразован в Азербайджанский научно-исследовательский институт водоснабжения, канализации,

гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (АзВОДГЕО) Госстроя Азербайджанской ССР.

Приказом по ВНИИ ВОДГЕО № 42 от 24 апреля 1991 года на базе Харьковского отдела ВНИИ ВОДГЕО создано дочернее предприятие ВНИИ ВОДГЕО «УкрВОДГЕО» - учредительный договор от 25 апреля 1991 г., при развале СССР перешедшее в юрисдикцию Украины.

Создано на базе Ташкентского филиала ВНИИ ВОДГЕО – Арендное предприятие Ташкентского научно-исследовательского института водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (АП ТашНИИ «ВОДГЕО») в соответствии с Постановлением Кабинета Министров УзССР от 12 июня 1991 г. № 159, Законом УзССР «О предприятиях в Узбекской ССР», введенным в действие Постановлением Верховного Совета Узбекской ССР от 15 февраля 1991 г – Ташкентский филиал ВНИИ ВОДГЕО перестал существовать.

По Акту Министерства архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, Госстроя СССР, Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом от 3 декабря 1991 года совершена была передача ВНИИ ВОДГЕО в Министерство архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства РСФСР (Минархстрой РСФСР).

Указом Президента РСФСР от 20 августа 1991 г. № 66 Госстрой СССР переименован в Минархстрой РФ.

Приказом Минархстроя РФ от 31 июля 1992 г № 185 ВНИИ ВОДГЕО переименован в Государственное предприятие ордена Трудового Красного Знамени комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (НИИ ВОДГЕО).

Для научно-производственной деятельности НИИ ВОДГЕО наступил тяжёлый период. Резко сократились объёмы хозяйственных договоров в связи с развалом экономики страны, нарушилось финансирование научных работ. В период с 1992 года по 1998 годы структура научно-производственных подразделений пересматривалась, часть лабораторий была ликвидирована в связи с оттоком научных кадров и отсутствием достаточного финансирования. 1993-1994 годы весь коллектив института был переведен на минимальную ставку заработной платы. Руководство прилагало все усилия по сохранению научного потенциала института и поддержанию его деятельности на достойном уровне.

В 1995 году в структуре института уже не было крупных научных отделов, в состав которых входили лаборатории. Структура стала однозвенной.

Ликвидированы за период 1992-1995 г.г.:

- лаборатория гидрологических исследований;
- группа научно-технического сотрудничества с зарубежными странами;
- сектор обработки концентрированных суспензий;
- лаборатория оборудования (отдела обработки и утилизации осадков);
- лаборатория автоматизированных систем гидравлических исследований и исследований объектов водного хозяйства (АСНИ);
- лаборатория труб;
- лаборатория фильтрационных исследований;
- отдел технико-экономических исследований и охраны окружающей среды;
- лаборатория специальных гидротехнических сооружений;
- лаборатория гидравлических исследований рыбозащитных сооружений;
- лаборатория гидравлики водозаборных сооружений.

В период 1996-2001 г.г ликвидированы:

- лаборатория систем водяного охлаждения (1998 г);
- лаборатория подготовки и утилизации осадков машиностроительных производств (1997 г);
- лаборатория химико-аналитических исследований воды (1998 г);
- лаборатория строительного водопонижения (1997 г);
- типография (1998 г);

- лаборатория опреснения и обессоливания (2001 г);
- лаборатория оборотного водоснабжения (2001 г).

В период с 1992 по 1999 годы Министерство архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, в чьём ведомственном подчинении был НИИ ВОДГЕО, изменяло своё наименование:

Указом Президента Российской Федерации «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» от 30 сентября 1992 г № 1148 Минархстрой РФ – Минстрой РФ упразднён и переименован в Государственный комитет по вопросам архитектуры и строительства.

Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 1994 г № 1488 переименован в Министерство строительства Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 17 марта 1997 г № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» Минстрой РФ переименован в Государственный комитет Российской Федерации по жилищной и строительной политике.

Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 30 апреля 1998 г № 483 переименован в Министерство Российской Федерации по земельной политике, строительству и жилищно-коммунальному хозяйству.

Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 22 сентября 1998 г. № 1142 Минземстрой РФ переименован в Государственный комитет Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике

Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 25 мая 1999 г. № 651 преобразован Государственный комитет Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу.

Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 17 августа 1999 г. № 1062 переименован в Государственный комитет Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу (Госстрой России).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 1994 года № 1167 «О государственных научных центрах Российской Федерации» НИИ ВОДГЕО был присвоен статус Государственного научного центра Российской Федерации (ГНЦ РФ НИИ ВОДГЕО) в соответствии с приложением № 5 от 8 апреля 1994 г. Межведомственной координационной комиссии по научно-технической политике.

В связи с Указами Правительства РФ о перерегистрации государственных предприятий на основании Гражданского кодекса Российской Федерации НИИ ВОДГЕО приказом Госстроя РФ от 17.12.1999 г. № 159 преобразован в Федеральное государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии «НИИ ВОДГЕО» - ФГУП «НИИ ВОДГЕО».

Приказом по НИИ ВОДГЕО № 80 от 29 сентября 2000 г. в целях приведения в соответствие с действующим законодательством Российской Федерации, придания оперативной самостоятельности подразделениям института в г.г. Владивостоке, Красноярске и Челябинске на базе филиалов института в этих городах были созданы дочерние предприятия:

- Федеральное государственное унитарное предприятие Дальневосточный комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии «ДальНИИ ВОДГЕО»;
- Федеральное государственное унитарное предприятие Сибирский комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии «СибНИИ ВОДГЕО»;
- Федеральное государственное унитарное предприятие Уральский комплексный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии «УралНИИ ВОДГЕО».

20 августа 2000 года в возрасте 86-ти лет он оставляет должность директора института, которым руководил более 30 лет.

Госстрой России назначает директором института Алексея Петровича Нечаева. К сожалению, его жизнь оборвалась 20 сентября 2001 года после тяжелой непродолжительной болезни.

Директором института НИИ ВОДГЕО Госстрой России назначает по совместительству директора ГП «Союзводоканалпроект» Евгения Николаевича Жирова. Проектная организация ГП «Союзводоканалпроект» многие годы работала с ВНИИ ВОДГЕО. Учёные института сопровождали проекты научными проработками, выполняя работы по договорам на создание научной продукции, так что назначение директором Е.Н. Жирова было вполне логичным, но временным.

В декабре 2002 года Научно-технический совет НИИ ВОДГЕО выходит с письмом в Госстрой России с просьбой возложить обязанности директора института на ведущего учёного института, доктора технических наук, профессора, руководителя лаборатории инженерной геоэкологии Куранова Николая Петровича. Просьба института была удовлетворена и 13 января 2003 года Куранов Н.П. приступил к исполнению обязанностей директора НИИ ВОДГЕО до объявления результатов конкурса на замещение должности директора ФГУП «НИИ ВОДГЕО».

В январе-марте 2003 года создаются новые научно-проектные подразделения, которые отвечают требованиям существующего рынка научно-технических услуг:

- отдел реализации комплексных работ, в его составе:
- лаборатория реализации комплексных работ;
- лаборатория организации выполнения работ по федеральным программам;
- отдел комплексного проектирования жилищно-коммунального хозяйства и водного хозяйства;
- отдел инженерных изысканий;
- технический отдел;
- отдел проектирования сооружений биологической очистки;
- отдел схем обработки осадков и технологического аудита сооружений водопроводно-канализационного хозяйства, в его составе:
- лаборатория технологического аудита и изысканий;
- лаборатория схем обработки осадков.
- лаборатория автоматизации установок водоподготовки.

Лаборатории объединяются в отделы по направлениям деятельности:

- отдел очистки природных вод;
- отдел замкнутых и оборотных систем водоснабжения;
- отдел очистки сточных вод;
- отдел автоматизации, измерительных систем, водопроводных сетей и оборудования;
- отдел инженерной гидрогеологии, геоэкологии и гидравлики;
- отдел гидротехнических сооружений;
- отдел накопителей промстоков, хвостохранилищ и технологии складирования осадков.

30 мая 2003 года конкурс, объявленный Госстроем России состоялся. Победителем на конкурсе стал советник председателя Госстроя России Щегляев Александр Борисович, 1968 года рождения, который приступил к руководству институтом 7 июля 2003 года.

10 лет руководил институтом талантливый менеджер, но далёкий от науки, от нужд отрасли Щегляев А.Б. К руководству институтом он пришёл в период, когда в стране такие слова как «наука», «профессор» в общественном сознании вызывали саркастическую ухмылку, в отличие от слов «бизнесмен», «банкир». Общественное сознание было подготовлено к тому, что учёные – лишние люди на разбушевавшемся в стране рынке, нужные, иногда, лишь в образе «свадебных генералов». Интерес представляли не головы учёных, а те площади, которые они занимали. Когда вся недвижимость ВНИИ ВОДГЕО оказалась в частных руках, то по собственному желанию не стало Щегляева А.Б., а учёные оказались на улице. Но даже при таком развитии событий «школа ВОДГЕО» оказалась животворной. Здесь следует подчеркнуть, что большой вклад в становлении и развитии «школы ВОДГЕО» сыграл

Сергей Васильевич Яковлев, который руководил ВНИИ ВОДГЕО более 30 лет, создал и поддерживал творческую обстановку, благодатную почву для работы опытных учёных и быстрого роста в науке молодёжи. Его заместители – ближайшие помощники и соратники д.т.н., профессор Швецов Валерий Николаевич, д.т.н., профессор Алексеев Владимир Сергеевич до настоящего времени плодотворно работают, возглавляя научный и экспертный советы ОАО «НИИ ВОДГЕО». Они же являются одними из организаторов и вдохновителями Яковлевских чтений, которые после кончины С.В. Яковлева ежегодно проходят в Москве и других регионах России.

В этом году 80-летия института ВОДГЕО совпало с 100-летием со дня рождения Сергея Васильевича.

Заслуги С.В. Яковлева отмечены присвоением Почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР», присуждением ему Государственной премии СССР, премии правительства Российской Федерации в области науки и техники, премии Совета Министров СССР. Он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета и многими медалями.

Чем дальше уходит время С.В. Яковлева, тем более масштабной, выдающейся предстает для нас его личность. Это связано как с его профессиональными достижениями, так и способностью чувствовать, понимать и управлять интересами отдельной личности, предприятия и государства. С.В. Яковлев был государственной личностью, что в большом дефиците сегодня. Этот дефицит настолько велик, что потребность вновь соприкоснуться с личностью С.В. Яковлева не ослабевает. Поэтому организаторам Яковлевских чтений легко и приятно этим заниматься – всё идёт само собой, имя Яковлева работает. Сергей Васильевич, получается, живее всех живых! Постоянными организаторами Яковлевских чтений являются НИИ ВОДГЕО и журнал «Водоснабжение и санитарная техника». Всегда активное участие принимают МГСУ, Мосводоканал, МосводоканалНИИпроект, Южно-Российский Государственный технический университет, Самарский Государственный архитектурно-строительный университет и др.

100 летний юбилей Яковлева С.В. – хороший повод для осмысления и ретроспективного анализа развития научных направлений, которыми он занимался и которые столь успешно развивались в стенах института ВОДГЕО.

Фундаментальные исследования в области аналитического расчета систем подачи и распределения воды начиная с сороковых годов проводились В.П. Лобачевым, Н.Н. Абрамовым, Л.Ф. Мошниным, на основе которых были разработаны электроаналоговые и численные реализации с программами гидравлического расчета водопроводных сетей (Л.Ф. Мошнин, Е.Т. Тимофеева, М.Н. Сомов, Я.Н. Гинзбург, Е.М. Глазунов, Р.Х. Каримов). Эти исследования стали основой развития важнейших прикладных направлений: по защите водоводов от гидравлического удара (Л.Ф. Мошнин, К.П. Вишневецкий), изучению гидравлических сопротивлений труб (Ф.А. Шевелев, В.Ф. Тольцман, А.Ф. Шевелев), обоснованию применения труб и их соединений в водопроводных сетях (В.И. Готовцев, А.С. Козелло, Н.В. Полетов и др.), разработке эффективной запорно-регулирующей арматуры (А.Н. Рожков, В.М. Самарин). Впоследствии Н.Н. Абрамов, а затем М.Н. Сомов возглавили кафедру «Водоснабжение» МИСИ им. В.В. Куйбышева, А.Н. Рожков – кафедру «Водоснабжение» Московского института природообустройства, Ф.А. Шевелев – возглавил АКХ им. Памфилова, а затем стал главным ученым секретарем Академии строительства и архитектуры, позднее заместителем министра жилищно-коммунального хозяйства РСФСР.

В работах основателя лаборатории улучшения качества воды ВНИИ ВОДГЕО В.Т. Турчиновича разработана теория процессов регулирования качества воды, распределительных и сборных систем скорых фильтров. Дальнейшее развитие эти работы и технологии очистки воды получили в трудах В.А. Клячко, И.Э. Апельцина, А.И. Егорова и огромного числа их воспитанников, успешно работавших и работающих в России, постсоветском пространстве и за рубежом (Г.Д. Павлов, Е.Ф. Золотова, Г.Ю. Асс, Э.А. Прошин, И.И. Миркис, Л.Д. Ушаков, Л.И. Вольфтруб, И.С. Родина, Э.Г. Амосова и др.). Исследования по технологии опреснения воды наиболее интенсивно проводились с начала 60-х годов (В.А. Клячко, Г.Г. Первов, А.А. Кастальский, Ф.Г. Карелин, Г.Г. Жабин, А.А. Аскерния, А.Г. Первов и др.).

Разработанные Е.Н. Тетеркиным и С.Х. Азерьером осветлители в первые годы образования института входят в технологические схемы водоподготовки до настоящего времени. Уникальные опресни-

тельные комплексы и станции приготовления питьевой воды стационарного типа и на морских судах разработаны при участии ведущих специалистов института (А.И. Егоров, Г.А. Ивлева, Г.Г. Первов). Традиционные технологии и новые эффективные методы кондиционирования воды для различных целей (М.Г. Журбы, А.Д. Смирнова, Г.А. Ивлевой, А.Г. Первова.) реализованы для зон с интенсивной антропогенной нагрузкой.

Современная ситуация, характеризующаяся интенсивным загрязнением водных объектов – источников водоснабжения, стирает грань между специалистами в области водоподготовки и очистки сточных вод. Но на заре развития методов очистки сточных вод дифференциация специалистов была более ощутимой. Крупнейшие авторитеты в области механической и физико-химической очистки сточных вод С.В. Яковлев, А.И. Жуков, И.Л. Монгайт, З.А. Орловский, И.Д. Родзиллер передали свой опыт В.Г. Пономареву, И.Н. Мясникову, В.В. Ванину, Е.В. Двинских. Сейчас это направление поддерживается Л.В. Гандуриной, Ю.А. Меншутиним, А.С. Кериним, А.В. Селюковым, И.Н. Байковой и др. Основательность и высокая квалификация специалистов в области биологической очистки сточных вод Я.Я. Никитинского, А.И. Жукова, Н.А. Базякиной, М.М. Калабиной, К.А. Мудрецова, Ц.И. Роговской, А.В. Каньгиной, М.П. Лебедевой успешно дополнялась исследованиями в области гидробиологии и микробиологии, проводимыми Г.И. Долговым и А.С. Разумовым на водоемах – приемниках очищенных сточных вод.

На смену этому поколению пришли инженеры, в совершенстве овладевшие знаниями микробиологии сточных вод и воплотившие эти знания в эффективные сооружения биологической очистки сточных вод – И.В. Скирдов, В.Н. Швецов, А.А. Бондарев, О.В. Демидов, Е.Е. Гришина, К.А. Морозова, Е.В. Соколова, А.В. Абрамов, М.Ю. Семенов и др.

Сложнейшая проблема оценки эффективности очистки сточных вод – методика их аналитического контроля и идентификации загрязняющих веществ. С полным правом можно считать основоположником этих работ в СССР Ю.Ю. Лурье, который длительное время руководил этим направлением в лаборатории химической очистки сточных вод и воспитал целое поколение аналитиков (В.А. Панова, З.В. Николаева и др.). С сожалением можно констатировать, что институт утратил свои позиции в области разработки методов анализа природных и сточных вод, однако наличие аттестованных лабораторий является предпосылкой возрождения и этого направления исследований. Опыт работ по химической очистке сточных вод (А.И. Рыбникова, Л.В. Милованов, В.Е. Генкин, П.Ф. Кандзас, Л.А. Алферова, А.Н. Белевцев) и задачи локальной очистки сточных вод предприятий являются основой дальнейшего развития этих технологий.

Во все времена основная специализация института была связана с водоснабжением и очисткой сточных вод промышленных предприятий. В стенах института разрабатывались впервые в стране оборотные и замкнутые системы водоснабжения, создавалась идеология этих систем. Пионерские работы в этом направлении осуществлялись В.А. Гладковым, В.С. Пономаренко, Д.И. Кучеренко, Л.А. Алферовой, А.П. Нечаевым, Ю.И. Арефьевым, Л.М. Верещагиной и др. Разработки института реализованы на крупнейших промышленных предприятиях, в том числе на Автовазе (Д.И. Кучеренко), объектах энергетики (А.К. Хачатуров, Э.Г. Амосова). Нельзя не отметить работы по созданию технологий получения воды с заданным омическим сопротивлением и отмывок технологических трубопроводов крупнейших РЭС системы ПВО страны (Д.И. Кучеренко, Б.А. Москвитин, О.П. Кузнецов).

Технологические процессы очистки природных и сточных вод автоматизировались, разрабатывались методы, приборы и датчики для контроля и управления процессами (Д.Н. Смирнов, Н.Б. Манусова, П.В. Лобачев, В.М. Патеюк, А.С. Дмитриев и др.).

В 60-е годы прошлого века впервые в практике отечественного водоснабжения и водоотведения лабораторией автоматизации были поставлены работы по использованию регулируемого электропривода в насосных установках (Б.С. Лезнов, В.С. Попов). Лабораторией созданы энергосберегающие САУ насосных установок различного назначения с использованием различных видов регулируемого привода, микропроцессорной и компьютерной техники. Разработан новый способ регулирования насосных установок с использованием гидравлического каскада, являющегося альтернативной регулируемому электроприводу. В это направление работ внесли большой вклад Б.С. Лезнов, В.С. Попов, Я.Н. Гинзбург, В.Б. Чебанов.

Измерением расхода жидкости в системах водоснабжения и водоотведения, занимается лаборатория информационно-измерительных систем. Сотрудниками этой лаборатории создана конструкция ультразвукового расходомера для труб большого диаметра, разработан высокоточный ультразвуковой водосчетчик нового поколения, не уступающий зарубежным аналогам. Создан, аттестован и долгое время использовался для исследований высокоточный стенд, позволяющий проводить всесторонние испытания расходомеров. В различные годы в лаборатории трудились высококвалифицированные специалисты – П.В. Лобачев, О.Д. Лойцкер, В.И. Мясников.

Скорейшему внедрению технологических решений способствовал созданный в 80-х годах прошлого века проектно-конструкторский отдел водоочистного оборудования (Я.З. Стоник, П.А. Ивкин), а позднее отдел комплексного проектирования объектов ЖКХ и водного хозяйства (Ю.Я. Криксунов).

Исторически сложилось так, что гидротехническое направление института уже в 1931 году было оформлено в виде структурного подразделения института «Гидротехгео» - крупного сектора гидротехнических сооружений. Его сотрудниками были известные гидротехники М.М. Гришин, Н.М. Щапов, Е.В. Близняк, А.А. Великанов, А.М. Ахутин. Впоследствии на основе этого подразделения, как говорилось выше, развивалась собственно гидротехническая и гидравлическая лаборатории, получившие в 1936 г. в Кучино участок земли с бетонной экспериментальной плотиной в нижнем бьефе плотины на р. Пехорке.

На первом этапе трудно разделить по специализации гидротехников и гидравликов: исследования проводятся комплексно на днепровских гидроузлах, Беломорско-Балтийском канале, канале им. Москвы, на ряде гидроузлов в Донбассе, под Москвой, в Магнитогорске, Караганде и других промышленных районах. В стране формируется направление проектирования промышленных гидротехнических сооружений, требующее выполнения особых норм по безопасности подпорных сооружений, экологической безопасности и использования при строительстве местных материалов и отходов производства. Не остаются в стороне гидротехники института и от строительства крупнейших каскадов гидроузлов на реках Днепре, Волге, Каме, Дону, а впоследствии в Средней Азии, на сибирских реках и на Кавказе. Неоценимый вклад специалисты лабораторий гидротехнического профиля внесли в разработку методов восстановления разрушенных во время войны гидротехнических сооружений. В предвоенные и военный период в институте плодотворно работают Г.И. Покровский – основной идеолог строительства плотин направленным взрывом, М.М. Гришин, Н.П. Розанов, М.Я. Денисов, Н.М. Герсеванов, И.С. Федоров, И.В. Федоров, А.А. Ничипорович. В это время впервые в мире была разработана методика центробежного моделирования, изготовлена центрифуга и проведены широкомасштабные исследования по проверке ряда теоретических положений, значительно обогатившие науку о грунтах.

Впоследствии М.М. Гришин возглавил одну из ведущих кафедр по гидротехническим сооружениям в МИСИ им. В.В. Куйбышева, М.Я. Денисов руководил кафедрой инженерной геологии, Н.П. Розанов стал заведующим кафедрой Московского гидромелиоративного института, Г.И. Покровский возглавил кафедру в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, а выдающийся специалист в области механики грунтов Н.М. Герсеванов продолжил работы в одном из самых престижных институтов страны – НИИ оснований и фундаментов, которому впоследствии было присвоено имя Н.М. Герсеванова.

В послевоенные годы многоплановые гидротехнические работы проводились под руководством К.А. Михайлова, А.А. Ничипоровича, В.П. Недриги, И.А. Федорова, И.С. Федорова, Н.М. Малышева, В.С. Истоминой, С.И. Мигина, Н.Я. Хрусталева, В.И. Титовой, Л.В. Олешкевича, В.М. Павилонского.

В 1961-1963 года в лаборатории гидротехнических сооружений появилась группа специалистов достойно продолжавших лучшие традиции своих предшественников: В.Г. Мельник, Л.Н. Рассказов, Н.Н. Розанов, Г.И. Покровский, В.В. Буренкова, М.В. Виттенберг, А.И. Тейтельбаум, М.Н. Захаров, М.В. Дидович, В.С. Забавин, Верменко В.В. и др., некоторые из них плодотворно работают в институте в настоящее время, а Л.Н. Рассказов сменил М.М. Гришина на посту заведующего кафедрой гидротехнических сооружений МИСИ им. В.В. Куйбышева и возглавляет эту кафедру до настоящего времени.

Другое самостоятельное гидротехническое направление, впоследствии сформировавшееся в специальность «Гидравлика и инженерная гидрология», интенсивно развивалось в институте с начала 40-х годов. Разработка основ составления водохозяйственных балансов промышленных районов, городов,

прогнозы изменения качества водотоков и водоемов при интенсивном антропогенном воздействии на многие десятилетия стали одним из важнейших направлений института. Старейший сотрудник этого направления Н.М. Бочков отличался широким кругом интересов и, занимаясь всю жизнь профессионально вопросами инженерной гидрологии, не менее известен как автор пионерских работ в области суффозии. В разные годы основы современных водохозяйственных режимов и процессов массопереноса создавали в институте В.А. Баранов, Ф.Г. Майрановский, Т.Г. Войнич-Сяноженцкий, А.Г. Кочарян, Е.В. Мясникова, З.И. Петерсен, Б.С. Качурин, С.Н. Шашков, и др.

Однако наиболее развитыми оказались фундаментальные исследования в области инженерной гидравлики гидротехнических сооружений: портов, водозаборов, защиты берегов от волнового воздействия, каналов, водосборных сооружений и рыбозащитных устройств. Особое признание эти работы получили за счет прекрасной экспериментальной базы, которая сложилась в Кучино. В коллектив этой беспрецедентной в те годы лаборатории инженерной гидравлики в 1938-1939 годах вошли В.М. Кузнецов, А.Р. Березинский, А.М. Латышенков, И.И. Тараймович, А.А. Сидоров, а в предвоенные годы Н.П. Зрелов, П.И. Гордиенко и В.С. Лукьянов. Именно из этой лаборатории вышел выдающийся организатор науки А.А. Сидоров, который руководил ВНИИ ВОДГЕО с 1937 по 1968 г., как оказалось в период расцвета института в профессиональном отношении.

Интересно, что наряду с методикой центробежного моделирования во ВНИИ ВОДГЕО была разработана технология моделирования на гидравлическом интеграторе (В.С. Лукьянов), а решение фильтрационных задач на гидроинтеграторе В.С. Лукьянова стало одним из основных методов во всех институтах и вузах этого профиля в СССР.

В годы Великой Отечественной войны в лаборатории появилось новое направление – восстановление и обоснование проектирования водозаборных сооружений (А.С. Образовский, А.А. Смирнов, Г.Б. Войно-Сидорович, К.Ф. Химицкий, М.В. Соболева). Трудно назвать крупный речной, морской водозабор или водозабор на водохранилище (озере), который не моделировался в гидравлической лаборатории Кучино. Надежность этих построенных водозаборных сооружений до настоящего времени не вызывает сомнений. Множество специалистов было подготовлено в этой лаборатории, в том числе А.Ф. Порядин, Д.И. Алтунин, И.А. Серов, до последнего времени в этом направлении продолжали работать А.М. Мотинов, А.Н. Ляпин, А.В. Шахов, Н.Н. Сидоров и др. Фундаментальные исследования в области гидравлики сооружений проводились К.А. Михайловым, А.С. Офицеровым, А.М. Латышенковым, Б.И. Студеничковым, И.А. Вайсфельдом, В.А. Яроцким, Я.Э. Гугняевым. Широко известны работы института по расчету волновых нагрузок на сооружение по берегозащите М.Н. Джунковского, В.С. Шайтана, А.А. Смирнова, продолженные в 80-е годы Е.И. Массом и И.Г. Кантаржи. В разные годы М.Н. Джунковский, П.И. Гордиенко, А.Р. Березинский и И.Г. Кантаржи стали заведующими кафедрами и ведущими профессорами МИСИ им. В.В. Куйбышева.

Беспрецедентный по специализации и квалификации состав научных работников сформировался в области фильтрации в гидротехнических сооружениях и подземных вод в прикладных задачах гидрогеологии. Воспитанные на классических работах академиков Н.Е. Жуковского, Н.Н. Павловского, П.Я. Полубариновой-Кочиной, ведущие специалисты – «фильтрационники» Н.Н. Веригин, Ф.М. Бочеввер, А.В. Романов, В.П. Недрига, В.С. Истомина, В.М. Шестаков, В.Д. Бабушкин, Б.С. Шержуков, В.С. Саркисян, Г.М. Коммунар, С.К. Абрамов, А.Ж. Муфтахов, Н.П. Куранов, Н.Н. Лапшин, А.Е. Орадовская, А.В. Расторгуев, В.В. Кузьмин, Е.Н. Леонова, П.Н. Куранов, П.В. Кумов создали школу специалистов, которые с максимальной приближенностью к натуре схематизировали природные условия и гидротехнические сооружения и впервые получили решения многих задач, что нашло признание не только в СССР, но и за пределами страны. Широкий спектр решенных фильтрационных задач, задач массопереноса и теплопереноса, оценки параметров пластов не только послужил основой создания нормативной базы страны в области гидротехники, прикладной гидрогеологии, промышленных гидротехнических сооружений, но и оказал благотворное влияние на смежные области водоснабжения, водоотведения, обработки осадков.

В конце 60-х годов сосредоточение специалистов работающих в этом направлении в институте, вероятно, превысило требования объема выполняемой тематики, и тогда Н.Н. Биндеман и В.Д. Бабушкин

возглавили крупные работы в области оценки запасов подземных вод и осушения горных выработок в институте ВСЕГИНГЕО, В.Н. Шестаков стал заместителем директора этого института, а затем заведующим кафедрой гидрогеологии МГУ им. М.В. Ломоносова, В.С. Саркисян возглавил кафедру механики грунтов, оснований и фундаментов Ереванского Государственного университета архитектуры и строительства.

Одновременно с проводимыми фундаментальными исследованиями весомые работы в области прикладной гидрогеологии с глубоким осмыслением естественно - научных основ проводили во ВНИИ ВОДГЕО Н.А. Плотников, Г.В. Богомоллов и М.П. Семенов. Эти известные гидрогеологи впоследствии работали в Московском геологоразведочном институте, а затем во ВСЕГИНГЕО, а Г.В. Богомоллов, став академиком Белорусской академии наук, возглавил белорусскую школу гидрогеологов, М.П. Семенов до конца своих дней руководил лабораторией инженерной гидрогеологии института.

В рамках этой лаборатории С.К. Абрамов создал школу специалистов в области дренажа промышленных площадок и селитебных территорий, имеющую достойных последователей в лице А.Ж. Муфтахова, Н.П. Куранова, И.В. Коринченко, Б.М. Дегтярева, А.П. Шевчика, С.А. Пильдыша, Н.А. Садретдиновой, Е.В. Прокофьевой, В.В. Кузьмина, Е.Н. Леоновой, Ю.Я. Криксунова, П.В. Кумова и др.

Огромную популярность имели в 60-70-х годах прошлого века работы Ф.М. Бочевера, его сотрудников и учеников – А.Е. Орадовской, Н.Н. Лапшина, Э.М. Хохлатова, посвященные проектированию водозаборов в различных гидрогеологических условиях при нестационарном режиме и защите их от загрязнения и истощения. В настоящее время это направление продолжают А.В. Расторгуев, П.Н. Куранов.

Институтом впервые в СССР было организовано промышленное производство фильтров скважин на воду под непосредственным руководством В.М. Гаврилко и В.С. Алексеева при активном участии В.М. Белякова и И.Д. Бессонова, созданы технологии регенерации водозаборных и дренажных скважин (В.М. Гаврилко, В.М. Беляков, Н.Д. Бессонов), впервые осуществлены работы по кондиционированию подземных вод в пласте (В.С. Алексеев, Г.М. Коммунар, В.Г. Тесля, Е.В. Середкина, К.А. Болдырев).

Нельзя не отметить исследований В.Г. Григорьева, К.С. Боголюбова и Б.С. Краковского, непревзойденных до настоящего времени по уровню обоснованности технологий и установок строительного водопонижения.

Важной вехой в развитии научных исследований в области безопасности гидротехнических сооружений, в области изучения опасных геологических процессов, оценки безопасности подземных вод являются исследования, проводимые Н.П. Курановым, Н.Н. Розановым, В.В. Кузьминым, В.В. Верменко, Е.А. Тимофеевой, П.Н. Курановым, Д.В. Чуновым, Д.Г. Коротеевым и др.

Комплексность исследований в рамках института способствовала взаимному обогащению специалистов и технологических решений. Не случайно при крупнейших проблемах, возникавших в стране, институт становился базовым для их решения. Так было в годы первых пятилеток, когда сотрудники института обосновывали водоснабжение Магнитогорского комбината и объектов Донбасса, в военные годы и послевоенный период при восстановлении разрушенных гидротехнических сооружений, объектов водоподготовки и канализационных очистных сооружений, при разработке генеральных схем водного хозяйства городов Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска, Тбилиси, Ташкента, промузлов Кузбасса, Урала, Красноярска, предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности (Московский, Горьковский, Ново-Ярославский, Киришский НПЗ). Так было, когда оказалась необходимой разработка научной базы по очистке радиоактивных стоков, их захоронению, локализации загрязнения горно-химических и радиохимических комбинатов, аварийных выбросов. Именно в этот период была создана комплексная лаборатория водного хозяйства под руководством А.И. Егорова, собравшая практически всех ведущих специалистов института – «средмашевский» аналог ВНИИ ВОДГЕО. Так было, когда оказалось необходимым проектирование крупных региональных промышленных систем, в том числе Тобольского нефтехимического комплекса. Эти работы возглавила Л.А. Алферова. Именно такой подход был реализован Правительством СССР, когда сотрудниками института были обследованы наиболее уязвимые атомные электростанции страны, а затем были произведены реабилитационные работы в г. Волгодонске на Атоммаше.

Многие сотрудники института были награждены орденами, медалями СССР, Государственными премиями СССР, Совета Министров СССР и России (С.В. Яковлев, В.Г. Пономарев, Н.П. Куранов, Л.А. Алферова, Д.И. Кучеренко, Г.Г. Первов, А.Г. Первов и др.).

Добрым словом следует вспомнить работников филиалов института функционировавших в различных городах СССР. Бакинский филиал решал комплексные проблемы водоснабжения и очистки сточных вод в Закавказье, длительное время филиалом руководил известный гидравлик Ю.А. Ибад-заде, опубликовавший множество монографий по гидравлике каналов, взвесенесущих потоках. Областью деятельности Ташкентского филиала института были среднеазиатские республики СССР, где наряду с чрезвычайно актуальными проблемами обеспечения населения питьевой водой, очистки сточных вод и обработки осадков решались сложные проблемы защиты от загрязнения водотоков и водоемов из накопителей промышленных стоков и шламохранилищ. Наибольших успехов филиал достиг под руководством его организатора - Х.К. Каримова и заместителя директора по научной работе Э.Г. Амосовой. Харьковский отдел, а затем филиал института – научное подразделение с давними традициями, в котором работали известные ученые И.К. Лавриненко, И.А. Шеренков, А.А. Угинчус и многие другие, сфера их деятельности не ограничивалась Украиной. В г. Харькове было одно из самых квалифицированных экономических подразделений института, специализирующихся в оценке эффективности природоохранных мероприятий.

Проблемы водоснабжения и водоотведения Урала более 40 лет успешно решались в Челябинском филиале института, особенно применительно к предприятиям машиностроительного комплекса. Неординарные специалисты, стоявшие во главе филиала Б.И. Митин, В.Н. Трофимов, Н.Г. Кнутарева, В.П. Быковец в немалой степени способствовали повышению значимости работ института в целом.

Наиболее обширные исследования в Красноярском филиале ВНИИ ВОДГЕО проводились в период управления Ю.В. Якуниным, впоследствии одновременно возглавившим Водоканал г. Красноярска, и И.И. Мочаловым. Нельзя не отметить и первые рекомендации по проектированию систем водоснабжения в условиях Крайнего Севера, разработанные В.И. Стеганцевым.

Бессменно долгие годы руководил Дальневосточным филиалом института Ю.В. Коваленко, проводящий фундаментальные исследования по созданию сооружений для локальной очистки сточных вод.

Очень продуктивно в 90-е годы действовал Тбилисский отдел ВНИИ ВОДГЕО под руководством Т.Г. Войнич-Сяноженцкого, воспитавший специалистов широкого профиля и решающий комплексные проблемы водоснабжения Грузии и сопредельных республик, безопасности эксплуатации гидротехнических сооружений.

ВНИИ ВОДГЕО всегда был базой подготовки кадров высшей квалификации по специальностям: водоснабжение, канализация, строительные системы охраны водных ресурсов и гидротехническое строительство.

За прошедшие годы в ученых советах института защищено более 150 докторских и более тысячи кандидатских диссертаций. Значительную роль в подготовке кадров высшей квалификации играет отдел подготовки научных кадров института, долгие годы возглавляемый заведующей отделом Н.Г. Щегловской, а с 2005 г – Малаховой И.А.

Успехи института были бы невозможны без квалифицированных инженеров и техников, экспериментальных мастеров, в которых будущие профессора проходили непритязательную производственную практику, после которой оставалось неясным, кто является автором предлагаемой конструкции, и всех дорогих коллег, работавших в библиотеке, отделе кадров, бухгалтерии и других, так называемых, вспомогательных службах. Долгие годы эти службы в институте и строительстве курировал В.И. Соловьев.

Есть в нашем лексиконе понятие намоленного, святого места. Этим местам мы поклоняемся и отдаем должное в той мере, в какой каждый это понимает и чувствует. НИИ ВОДГЕО в Москве находился действительно в святом месте – район Больших и Малых Кочек в пойме Москвы-реки является частью Девичьего поля – монастырских земель Новодевичьего монастыря. Не менее замечательно было местоположение Кучинской экспериментальной базы. Здесь в пойме р. Пехорки на земле Рябушинских была построена первая аэродинамическая труба, проводились первые испытания летательных аппаратов и

многое другое уже делалось впервые сотрудниками НИИ ВОДГЕО.

Коллектив НИИ ВОДГЕО всегда был высококвалифицированным, результаты научных и технических решений и исследований высоко отмечались Правительством государства и научно-общественными организациями страны.

Разработки ВНИИ ВОДГЕО были неоднократно отмечены Государственными премиями, получали золотые, серебряные и бронзовые медали ВДНХ СССР, отмечены Почетными Грамотами различных вышестоящих организаций, защищены авторскими свидетельствами на изобретения.

Ученые, инженерно-технический персонал и обслуживающий персонал удостоивались по результатам работы института Правительственных наград и почетных званий «Заслуженный деятель науки СССР», «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР», «Почетный строитель», «Почетный работник жилищно-коммунального хозяйства» и многими другими.

Среди сотрудников НИИ ВОДГЕО за период с 1934 года по настоящее время:

5 человек – кавалеры Ордена Ленина:

Аноров Сергей Николаевич (1951 г.).

Долгов Георгий Иванович (1951 г.),

Евланова Александра Васильевна (1951 г.),

Калабина Мария Михайловна (1951 г.),

Яковлев Сергей Васильевич (1981 г.).

16 человек – кавалеры Ордена Трудового Красного Знамени:

Истомина Валентина Самсоновна (1951 г.),

Каныгина Анастасия Васильевна (1951 г.),

Латышенков Арсений Михайлович (1951 г.),

Ничипорович Александр Александрович (1951 г.),

Олешкевич Лев Владимирович (1951 г.),

Офицеров Александр Сергеевич (1951 г.),

Рыбникова Анастасия Ивановна (1951 г.),

Хрусталёв Николай Яковлевич (1951 г.),

Гаврилко Владимир Матвеевич (1953 г.),

Роговская Цецилия Ицковна (1953 г.),

Калабина Мария Михайловна (1958 г.),

Мошнин Лев Федорович (1958 г. и 1984 г.),

Яковлев Сергей Васильевич (1971 г.),

Павилонский Всеволод Михайлович (1971 г.),

Недрига Василий Павлович (1984 г.),

Соловьев Виктор Иванович (1986 г.),

16 человек – кавалеры Ордена «Знак Почёта»:

Зрелов Николай Павлович (1951 г.),

Казаков Владимир Андреевич (1951 г.),

Сидоров Андрей Афанасьевич (1951 г.),

Абрамов Сергей Козьмич (1952 г.),

Тетеркин Евгений Николаевич (1952 г.),

Бочков Николай Михайлович (1953 г.),

Смирнов Фёдор Фёдорович (1953 г.),

Ничипорович Александр Александрович (1958 г.),

Михайлов Константин Александрович (1958 г.),

Александрова Людмила Павловна (1971 г.),

Полётов Николай Васильевич (1971 г.),

Соловьёв Виктор Иванович (1976 г.),

Алфёрова Любовь Андреевна (1981 г.),

Кузнецов Олег Павлович (1981 г.),
Панова Вера Александровна (1984 г.),
Белевцев Алексей Никитович (1986 г.),
4 человека – кавалеры Ордена Дружбы народов:
Алексеев Владимир Сергеевич (1984 г.),
Швецов Валерий Николаевич (1984 г.),
Скирдов Игорь Васильевич (1986 г.),
Яковлев Сергей Васильевич (1999 г.),
1 человек – кавалер Ордена Трудовой славы III
Трубаров Сергей Александрович (1984 г., слесарь механосборочных работ).
15 человек – кавалеры Ордена Отечественной войны I степени (1985 г.):
Ашанин Всеволод Владимирович,
Галкин Николай Иванович,
Горин Игорь Иосифович,
Готовцев Василий Иванович,
Двойнов Василий Александрович,
Дергачёв Петр Васильевич,
Дорофеев Анатоли Васильевич,
Егоров Александр Иванович,
Матенков Александр Михайлович,
Павилонский Всеволод Михайлович,
Свеклов Иван Николаевич,
Смирнов Анатолий Алексеевич,
Суходольский Александр Константинович,
Фионычев Михаил Сергеевич,
Шустов Тимофей Иванович.
37 человек – кавалеры Ордена Отечественной войны II степени:
Белостоцкий Михаил Давыдович,
Бодров Евгений Михайлович,
Борисов Николай Прокофьевич,
Бородин Иван Максимович,
Гинзбург Яков Наумович,
Гладков Валерий Алексеевич,
Говерт Александр Александрович,
Готовцев Василий Иванович,
Денисов Иван Александрович,
Димитренко Сергей Семёнович,
Зажигин Юрий Николаевич,
Иванов Геннадий Гаврилович,
Иванов Иван Федорович,
Кандзас Панайот Федорович,
Клавдиенко Константин Иванович,
Кольшкин Владимир Михайлович,
Кондрахин Павел Павлович,
Кузнецова Валентина Павловна,
Кулаков Евгений Александрович,
Лебедев Николай Клавдиевич,
Лобачёв Петр Владимирович,
Максимов Захар Васильевич,

Милованов Лев Владимирович,
Недрига Василий Павлович,
Павлов Геннадий Дмитриевич,
Полетов Николай Васильевич,
Ржеутский Николай Петрович,
Родзиллер Иосиф Давыдович,
Суровов Дмитрий Иванович,
Тюрленев Анатолий Георгиевич,
Федоров Борис Михайлович,
Фолуменов Михаил Александрович,
Худяков Борис Семёнович,
Шайтан Вольдемар Савич,
Шилов Виктор Андреевич,
Шоркин Михаил Николаевич,
Гордиевский Леонард Константинович

Награждены медалями:

«За трудовую доблесть» - 18 человек,

«За трудовое отличие» - 6 человек,

«Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» с надписью «Участнику войны» - 89 человек, с надписью «Участнику трудового фронта» - 93 человека,

«Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» - 59 человек,

«Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» - участникам трудового фронта - 27 человек,

187 сотрудников института награждены юбилейными медалями «В память 850-летия Москвы»,

350 сотрудников награждены медалью «Ветеран труда».

Много воды утекло за 80 лет служения науке и отечеству. Вместе со страной институт ВОДГЕО созидал, воевал, растил кадры высшей квалификации. Менялось время, реорганизовывался, преобразовывался институт. Выдержал институт и испытание рынком.

Выше отмечалось, что революционные преобразования в стране разрушительным образом отразились на науке, которой пришлось пережить период выживания. Не остался от этого процесса в стороне и возглавляемый С.В. Яковлевым ГНЦ ВНИИ ВОДГЕО, превратившись вначале во ФГУП НИИ ВОДГЕО, а затем и ОАО «НИИ ВОДГЕО». Мертворожденная форма существования организации в виде ФГУПа, т.е. учреждения, существующего при государственной собственности, но без государственного заказа, разобщила коллектив института, замкнула его в рамках отдельных лабораторий. Выживать оказалось проще по одиночке. Так институт ВНИИ ВОДГЕО в форме ФГУП НИИ ВОДГЕО, превратился в формальное объединение небольших фирм с разным названием. Последующее превращение ФГУП в ОАО привело к исчезновению недвижимости от государства в частные руки, разобщение коллектива достигало своего апогея. Однако в недрах института возникли вполне самостоятельные организации, способные более адекватно отражать запросы нового государства, новой экономической формации, соответствовать новым требованиям времени. Устав одной из этих организаций (ДАР/ВОДГЕО) включал в себя все виды деятельности, которыми занимался институт ВНИИ ВОДГЕО, расширяя их до выполнения работ «под ключ», т.е. выполнял научно-исследовательские, проектно-изыскательские и строительные работы. Фирма ДАР/ВОДГЕО за 20 лет своего существования расширялась, прирастая филиалами, но основной своей частью оставалась в недрах НИИ ВОДГЕО. Наконец, когда захват недвижимости НИИ ВОДГЕО вышел на финишную прямую, то весь коллектив НИИ ВОДГЕО, включая и часть ДАР/ВОДГЕО, оказался «на улице». Здесь уже новые реалии заставили сменить направление вектора размежевания на направление объединения. Так родилось научно-производственное объединение НПО «ВОДГЕО», для которого, по своей сути, ВНИИ ВОДГЕО является его прародителем, представляя собой объединение юридических лиц ОАО «НИИ ВОДГЕО» и «ДАР/ВОДГЕО», продолжает развивать все основные направления деятельности

ВНИИ ВОДГЕО в соответствии с запросами настоящего времени. Теперь де-факто бывший научно-исследовательский институт ВНИИ ВОДГЕО превратился в научно-производственное объединение ВОДГЕО, политикой которого является решение научных, проектно-изыскательских, конструкторско-технологических, строительных, пуско-наладочных и иных проблем, возникающих в стране в области водоснабжения, водоотведения, гидротехнического строительства, инженерной гидрогеоэкологии, экологической безопасности строительства и городского хозяйства, охраны окружающей среды. Объединение имеет свои филиалы и представительства в Москва и Московской области, Санкт-Петербурге, Астрахани, Саратове, Тольятти, Казани, Краснодаре, Чебоксарах, Челябинске и др. В штате объединения около 400 специалистов, более 15% которых имеют учёные степени и звания. Основная продукция объединения – проектно-изыскательская, выполненная с участием высококлассных специалистов-технологов, научных работников, что отражается на качестве работ, прохождение экспертиз разного уровня. В настоящее время по заказу Минприроды объединение проводит научные исследования по нескольким направлениям, в т.ч. по разработке методологии планирования водохозяйственных мероприятий и управления водохозяйственным комплексом на основе оценок риска;

На базе этих научных исследований будут разработаны соответствующие методические указания, что послужит важным вкладом в копилку нормативно-методического обеспечения для решения проблем зон водохозяйственного комплекса страны. В части разработки методических указаний в НПО «ВОДГЕО» проводится большая работа на основе внутренних инвестиций в развитие научных направлений. Инвестиционные проекты нашли своё внедрение в виде следующих методических документов, разработанных НПО «ВОДГЕО».

- Методические рекомендации по оценке риска аварий на гидротехнических сооружениях водного хозяйства и промышленности, М., 2009.

- Методические рекомендации по оценке уровней безопасности, риска и ущерба от подтопления градопромышленных территорий, М., 2010.

- Рекомендации по устройству противокapиллярной завесы в существующих кирпичных кладках способом инъекции растворов гидрофобизаторов, М., 2012.

- Справочное пособие к СНиП. «Расчеты безопасного положения уровня грунтовых вод при проектировании зданий, сооружений и систем инженерной защиты от подтопления», М., 2012.

- Справочное пособие к СНиП «Расчёты норм осушения, проектирование инженерной защиты от подтопления градопромышленных территорий», М., 2012.

- Методические рекомендации для проектирования и эксплуатации охлаждающих систем оборотного водоснабжения производительностью до 1000 м³/час с малогабаритными градирнями заводского изготовления, М., 2013.

В настоящее время также за счёт внутренних инвестиций готовится к изданию ещё ряд методических документов.

В НПО «ВОДГЕО» выпускается сборник трудов как научно-техническое и производственное издание «Водоснабжение, водоотведение, экологическая безопасность строительства и городского хозяйства», работает аспирантура, экспертно-консультационный центр. О научных направлениях, проводимых в рамках НПО «ВОДГЕО», можно так же судить по публикациям в разных изданиях в т.ч. журналах ВСТ, «Экология производства» и др.. Публикации касаются проектирования зон санитарной охраны водозаборов подземных вод и проектирования систем внутрипластовой очистки подземных вод, применения коагулянтов для очистки природных вод, оптимизационных исследований при выборе технологических схем очистки подземных вод, вопросов методического обеспечения и методики разработки схем водоснабжения населенных пунктов, совершенствования методики расчёта систем сбора, отведения и очистки поверхностного стока селитебных территорий, площадок промпредприятий, определения условий выпуска этого стока в водные объекты, расчёты систем биологической очистки сточных вод с нитро - денитрификацией, обоснования норм осушения объектов и территорий с использованием теории риска, безопасности гидротехнических сооружений, градопромышленных территорий, загрязненных нефтепродуктами и т.д.

В НПО «ВОДГЕО» наряду с филиалами и крупными отделами водоснабжения, водоотведения, гидротехнического строительства, охраны окружающей среды, отделов геофизических, инженерно-геологических, гидрогеоэкологических изысканий существуют научные отделы и лаборатории, тематика которых позволяет научнообоснованно подходить к проектированию различных мероприятий водохозяйственного комплекса России. В качестве примера можно привести те направления деятельности, которые закреплены за отделом физико-химической очистки природных и сточных вод:

1. Исследование качества воды источников водоснабжения и водоприемников с подготовкой заключения о возможности их использования;
2. Научно-исследовательские работы по очистке природных и сточных вод сложного и нетрадиционного состава, в том числе:
 - очистке природных вод от соединений железа, марганца, сероводорода, кремния, фтора, соединений, обуславливающих цветность и др. окисляемых примесей, умягчение, обеззараживание, стабилизационная обработка;
 - очистка и обеззараживание дренажных вод;
 - глубокая очистка (доочистка) бытовых сточных вод, в том числе – от органических соединений (по БПК и ХПК), соединений азота и фосфора, обеззараживание очищенных сточных вод;
 - доочистка промышленных сточных вод от компонентов, препятствующих сбору в водоприемники рыбохозяйственного назначения (тяжелые металлы, фенолы, нефтепродукты и др.).
3. Разработка технологических процессов очистки природных и сточных вод, при необходимости – их гигиеническая сертификация.
4. Технологические испытания процессов очистки природных и сточных вод в лабораторном и пилотном масштабе, разработка и изготовление пилотного оборудования.
5. Разработка схемных решений по очистке и обеззараживанию природных и сточных вод.
6. Разработка технологических регламентов проектирования сооружений очистки природных и сточных вод (под новое строительство) для населенных пунктов и предприятий.
7. Испытания реагентов, материалов и оборудования, используемых в очистке природных и сточных вод, в том числе – с целью сертификации.
8. Обследование существующих сооружений водоснабжения и/или канализации населенных пунктов и предприятий с целью разработки рекомендаций по интенсификации их работы или технологических регламентов реконструкции.
9. Разработка методик технологического контроля процессов очистки природных и сточных вод.
10. Химический анализ природных и сточных вод, воды и осадков очистных сооружений.
11. Технический надзор за проектированием, пуско-наладочными работами и пробной эксплуатацией очистных сооружений водоснабжения и канализации.

НПО «ВОДГЕО» имеет целый ряд крупных заказов (более 50 млн. руб.), множество более мелких по объему, но требующих высокой квалификации работ, выдаёт заключения по широкому спектру проблем ЖКХ и водного хозяйства страны. В 2013 году общий объём заключенных договоров в НПО «ВОДГЕО» составлял около одного миллиарда рублей. Это хороший фундамент для роста квалификации сотрудников и высокий вклад в юбилейную 80-летнюю копилку «школы ВОДГЕО», традициям которой пытается следовать её нынешний коллектив. Средний возраст сотрудников составляет около 44 лет – самый оптимальный возраст, отражающий сплав опыта и молодости. Это то настоящее, которое стоит на корнях прошлого и, надеемся, будет способствовать развитию коллектива в будущем. По мнению российской и зарубежной прессы, освещающей проблемы водного и жилищно-коммунального хозяйства России, наша организация в настоящее время занимает лидирующие позиции в сфере интеллектуального (научного, технологического, проектно-изыскательского и т.п.) обеспечения и обслуживания отрасли в нашей стране.

Поздравляю весь коллектив с высокой оценкой нашего труда и славной датой – 80-летием образования института «ВОДГЕО».

Как бы мне ни хотелось вспомнить каждого, кто оставил во мне свой след, это вряд ли удастся. Но я не прошу себе, если не напишу о «следах» Шульгиных.

Глава семьи Шульгин Денис Федорович, еще в 1974 году в день памятного для меня семинара Веригина Н.Н., пригласил на другой день приехать к себе в Тверь. Наутро я прыгнул в электричку и оказался по указанному мне адресу. Дверь открыл сам Денис Федорович и со свойственным ему причмокиванием и улыбкой познакомил меня с супругой, Евгенией Михайловной, которую тут же попросил сделать настоящий узбекский плов, а так же с двумя сыновьями Федором и Владимиром. Сами мы сели за рабочий стол. Денис Федорович расспрашивал меня сначала по существу, по теме моей работы, а потом подробно стал спрашивать обо всем: где родился, что закончил, семья, дети. У меня было полное ощущение, что я целый день провел у близких родственников, которые давно любят меня, заботятся обо мне, интересуются моими проблемами, говорят о своих. Всегда как сына встречали меня и в дальнейшем в семье Шульгиных. С Евгенией Михайловной мы, бывало, дуэтом пели романсы, народные и современные песни, а Денис Федорович, все подбрасывал и подбрасывал идеи. Я всегда хвалил их плов и домашнее вино, а они нашу семейную уху и сидр, которым еще был забит Забузанский погреб, когда они приезжали к нам в Астраханское село. Работая в Астрахани в Рыбвтузе мы с Коростилевым взяли под опеку Володю, который видел себя только ихтиологом, а так же Федора, который жил у нас в Забузане во время своих походов по дельте Волги.

Сейчас Владимир – ведущий специалист в фирме ДАР/ВОДГЕО по рыбным делам (ущербы, рыбозащита, рыбопропускные устройства), а его дочь Евгения Владимировна уже многие годы занимает один из важных постов в фирме – главный бухгалтер. Денис Федорович ушел из жизни не так давно, уже многое забывал и путал в воспоминаниях, но его азарт жизни и деятельности оставался с ним всегда.

Куда складуем «следы»,
Подаренные, иногда случайно!
Что за копилку держим мы
И копим, копим - явно, тайно.

Не потому ли, что из них
И состоит земная жизнь?
Не потому ли, что они
В тебе слагают некий «Изм»?!

Ты анархист иль коммунист,
Фашист, ученый, комбайнер,
Отец семейства иль артист,
Возможно – вечный гастролер.
Мне повезло! Во мне деревня
Свой наложила отпечаток:
Свобода, труд с народной песней,
Ценить, пусть скромный, но достаток.

Любовь к науке зародил.
Казалось бы, сухой мехмат.
Рыбвтуз любовь ту укрепил,
Родив научный аппарат.

А для чего сей аппарат?
В хозяйстве пригодился!
И творчеству всегда был рад,
И с хлебом был. Не возносился!

ГЛАВА 12. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Модно сейчас корни искать и находить. Особенно дворянские, купеческие. Мне это делать не надо. За меня это сделал мой племянник – Кумов Валентин Александрович, собрав свои находки в книге «Родники мои...»

Опираясь на его фундамент, нарисую-ка я свою родословную.

Но оказалось, что то, что дорого племяннику, почти неизвестно мне, и как бы мне не была важна его родословная, она вызывает во мне лишь интерес. И только в отдельных эпизодах она вызывает то щемящее, присущее безмерно родному, давно забытому, но не потерянному чувству. Даже у близких родственников – своя родословная, сильно отличающаяся от тех других составленных и не составленных. И еще. Я не работал ни с какими документами. Я работал только со своей памятью, со своими чувствами, со своими переживаниями. Без соблюдения правил составления родословных (слышал, что они существуют?!). Я сел и стал рисовать, уместить на одной страничке свою жизнь среди родных и близких мне людей. Вспомнил разводы, вражду между близкими людьми, самоубийства, но все же... Все же в моей памяти взгляд на страницу с надписью «Моя родословная» вызывает прилив теплых чувств! Они носят меня по разным этапам жизни от розового детства, патриотической юности, целеустремленной зрелости, до наступающей и не пугающей старости, в которой теплится мечта пожить здоровым до дряхлости, с созерцанием трудов своих, корней своих, эмоций, переполнявших тебя всю жизнь. Пока не знаю, что такое дряхлость и немощность, но кто знает, может и там хранятся источники, по - своему, полноценной для этого периода жизни. Посмотрим.

А сейчас посмотрим на общую схему родословной на рисунке 1.

Принцип построения родословной выбран достаточно простой. За центр я взял, конечно, мою любимую пару: отца и маму. Раньше их на свете появились, как я догадываюсь, их родители, т.е. мои дедушка с бабушкой! Именно поэтому сведения о них и об их детях на схеме приведены в секторах, находящихся выше центра. При этом, для каждого поколения, как по линии отца, так и по линии мамы, выделены зоны, которые я назвал секторами. Сектор звучит как-то лучше, чем зона! Принцип выделения секторов я сохранил и для последующих, после моих родителей, поколений. Эти сектора расположились, естественно, ниже центра. Такой подход позволил на одной страничке показать все, что я знаю на сегодня о восьми поколениях родственников.

Безусловно, этот принцип привел к тому, что некоторые сектора содержат мало сведений, а некоторые – переполнены информацией. Это обстоятельство привело к тому, что потребовало обратиться к кодовой записи сведений в нескольких секторах. Кодовая или, по-другому, числовая информация касается всех, кто «сидит» в секторе ниже центра, т.е. ниже моего отца Куранова Петра Ивановича и моей мамы Михиной Екатерины Филипповны. Их дети со своими мужьями (женами) расположены в секторе детей и имеют двухзначный номер: первый знак – это номер ребенка по старшинству, второй знак – означает наличие мужа или жены, или нескольких мужей (жен), или их отсутствие. Этот принцип выдержан и для последующих поколений.

Дети Петра и Екатерины: (первый знак)

Иван (1)
Зинаида (2)
Геннадий (3)
Анатолий (4)
Юрий (5)
Николай (6)

Жены (мужья) детей: (второй знак)

Нет (умер младенцем) – (0)
Кумов Александр Дмитриевич (1)
Уфимцева Валентина Дмитриевна (1)
Нет (умер младенцем) (0)
Карелина Любовь Калиновна (1)
Нуйкина Валентина Степановна (1)
Прокофьева Елена Владимировна (2)

Пример: 51 – сын Петра и Екатерины Юрий и его жена в девичестве Карелина Любовь Калиновна.

Внуки Петра и Екатерины и их мужья (жены) имеют четырехзначный номер:

По линии Зинаиды	Валентин (2111) и жена Сафронова Валентина Алексеевна Белоусова (Кумова) Татьяна (2121) и муж Белоусов Василий
По линии Геннадия	Сергей и жены (3111) Куранова Вероника (3112) Елена
	(1113) Куранова Наталья Николаевна
	(3114) Белевич Анжела Зигмундовна
	Филиппьева Куранова) Наталья и муж (3121) Филиппьев Эдуард Александрович
По линии Юрия	Гордеева (Бурашникова, Куранова) Екатерина и мужья (5111) Бурашников Андрей (5112) Гордеев Сергей
	Китаева (Куранова) Ольга и мужья (5121) Китаев Константин (5122) Денис Александрович Карпов
	Леонова (Куранова) Елена и муж (6111) Леонов Дмитрий Михайлович
По линии Николая, т.е. меня	Петр и жены (6121) Куранова (Алексеева) Светлана Юрьевна (6122) Куранова (Токарева) Анастасия Александровна
	Громова (Прокофьева) Мария и муж (6231) Громов Владислав Евгеньевич
	Прокофьев Владимир и жена (6241) Далберг Сигне

Правнуки Петра и Екатерины Курановых и их супруги имеют шестизначный номер:

По линии Зинаиды	Сын Валентин	Кумов Петр и жена	211111 Кумова (Жигаева) Екатерина
		Кумова Светлана и мужья	211121 Рыхлов Дмитрий 211122 Халецкий Валентин 211123 Макаров Андрей 212111 Гафурова Анастасия
	Дочь Татьяна	Белоусов Александр и жена	212111 Гафурова Анастасия
		Белоусова Елена	212120
По линии Геннадия	Сын Сергей	Филянская Анна и муж	311111 Филянский Игнат
		Вербовская Дарья	311110
	Дочь Наталья	Тимофеева Елена и муж	312111 Тимофеев Владимир
		Филиппьева Анна	312120
По линии Юрия		Кузнецова Валерия	511111 Кузнецов Константин
		Китаев Константин	511120

Праправнуки Петра и Екатерины выписаны письменно на рисунке. Их набралось уже восемь: четыре красавицы и четыре молодца!

Как я уже писал, все поколения разделены и помещены внутри своего сектора, обозначенного линиями. От центральной линии Петра и Екатерины выше расположена линия их братьев и сестер (обозначены только их именами), которых я помню и знал лично, кроме братьев отца Александра, Вячеслава и Григория (они умерли до моего появления). Далее, выше линии братьев (сестер) проходят линии внучатых племянников. Некоторых из них я знаю, о некоторых - только слышал. Далее – родительская линия, где расположены мои дедушки и бабушки, а также – некоторые из прародителей! Особенностью данной родословной является тот факт, что в ней представлены разводы, гражданские браки, приемные дети и другие сведения, отражающие реальное течение жизни.

Думаю, что теперь, кто захочет, может ответить сам на вопросы, которые зашифрованы в «Моей родословной». Мне кажется, такое представление родословной наиболее удобно для правнуков и праправнуков, которые по восходящей цепочке могут дойти до Петра и Екатерины, а дальше по горизонталям и вертикалям спуститься до интересующего места. Не буду распространяться на тему, зачем я начертил свою родословную в таком виде. Просто скажу, что почти все эти люди в той или иной мере оставили во мне те самые «следы», из которых и складывается жизнь. А некоторые следы настолько глубоки, что занимают мою большую часть. Это, прежде всего, мои родители: отец и мать. Я очень рад, что к 100-летию со дня рождения отца нашел время написать, что же для меня значат мои родители! Получилось некое послание: «Зарисовки памяти». Почти полный текст этого послания привожу ниже.

ЗАРИСОВКИ ПАМЯТИ

К столетию со дня рождения Курановых – Петра Ивановича и Екатерины Филипповны (урождённая – Михина)

Вступление

Я чувствую себя частицей Вас!
Наверно, потому и не найду начала.
И мыслью, возвращаясь, каждый раз
Я в детстве черпаю лекарство от отчаянья!

Вот потому оно мне не грозит,
Вот потому и сам заматерелый...

Отец про дело строгий спрос творит,
А мать: «Красив ль в душе твоей свет белый?»

Я чувствую себя частицей Вас!
Наверно, потому и нет конца общенью.
И мыслью, возвращаясь, каждый раз
Я в детстве черпаю отдохновенье!

Я всегда говорил родителям «Вы»

И в детстве и в зрелые годы никогда не мог сказать ни отцу, ни матери: «Ты». Думаю, потому, что я их не только безмерно любил, но и безгранично уважал. Они никогда не были для меня друзьями. Всегда – обожаемыми родителями.

Часть 1

Отрывки из родословной отца

Как будто бы вчера:
Отец в арбу сажает
До Качеганихи садись, мол, прокачу
Сам в Картубы, наверно, отъезжает

Мать – в сумку хлеб и прочую еду
У Качеганихи ссадил меня
И я... дал драпу от гуся!

Правление колхоза:
Зычный бас отца
На всё село кого-то распекает
На лошадь посадил меня:
«Езжай и запряги – сынишка помогает»

Но конь шарахнулся, и я
Уже у ног того коня
Не подал виду, мол – в борьбе!
Отец пришёл, а конь в арбе!

Отец в бригаде. Верхний плав весной.
Уха, севрюга - на мостках с икрой.
С бударки мечут режаки
Провяленные солнцем рыбаки.

Приёмка. В прорезь осетров!
Взамен рулон на вермишель. Каков!
Я - молча возмущён, и покраснел, как рак!
Не выдержал и ляпнул: «Папа, ты – дурак!»

Отец не понял, что, мол, за дела?!
(Никто не смел ему перечить - никогда!)
Когда же понял чувства пацана,
Раскатный смех услышала весна!

Зима. Мороз. Поломанный забор
Отец с одной рукой, не подпуская мать, его латает.
А мне доверил гвоздь!
Его держу! Он по гвоздю и... пальцу ударяет!

Я виду не подал, почувствовал момент.
Что палец??! Души их рыдают!!

Скупой слезою захлебнулась мать...
Он, стиснув зубы, дал мне гвоздь опять!

Дороже не было награды у меня,
Чем в тот момент доверие отца!

Сейчас пишу, а по щеке слеза! Вот вам и «сам заматерелый»!

Это – самые первые мои осознанные события в жизни. По-видимому, это конец сороковых годов. А дальше – больше. Вот я, наверное, в выходной, юркнул в кровать к родителям и отец, уже в который раз, рассказывает мне в ролях «Капитанскую дочку» и «Два капитана». Это были мои первые серьёзные сериалы, а до этого, как мне кажется, всегда были сказки, в которых я и окружающие были действующими лицами.

Как же я любил эти сказки и эти сериалы! Как мне помнится, мама тоже любила всё это слушать по нескольку раз. Во всяком случае, она пыталась не шуметь «ухватами», чтобы ей самой было слышно. Всем этим воспоминаниям нет конца. Всё это – моё детство, овеянное любовью к родителям и их любовью. Ну, а теперь, не о том, что помню, а о том, что слышал!

Мой дед – Куранов Иван Петрович, Астраханский казак, возможно, из рода стрельцов, что когда-то поселил здесь царь-батюшка для взимания податей с плывущего по Волге люду. Я слышал, что именно так образовалось село Красный Яр. Пережились стрельцы, научились выращивать овощи, ловить рыбу, а потом уж совсем превратились в профессиональных рыбаков. Откуда стрельцов сюда вербовали – кто знает. Наверное, из разных мест. Кого-то может с Кавказа, с реки Куры. Может отсюда и фамилия – Курановы. Но об этом я от родителей ничего не слышал, это мои домыслы. Знаю только, что Курановых было много, и они были к началу 20-го века разные.

Мы были Белоконины – кличка такая. Будто бы один из наших предков гарцевал на белом коне, вот поэтому, так сказать, «по улошному», наш род был Белоконинным – тогда ведь по фамилии редко звали, всё больше «по улошному».

Правда, я слышал и другую версию, что Белокоинными звали Михиных. Что вроде бы у моего деда Филиппа был белый конь и их так прозвали. А затем мы уже стали Белокоинными. – «Петр Куранов, мол, каких Курановых?» – «Да Катюшки Белокониной». Но я в эту версию не верю, потому что у всех Курановых издавна кличка была. А вот Михиные на селе – пришлые, но об этом позже.

О своём деде по отцу я мало что слышал. Может, потому, что умер он в 42 года в 1917-м году от детской болезни – дифтерии. Был здоровый мужик, как и все рыбаки в то время, любил бывать в кабаке, когда не было путины. А в путину – ясное дело, не вылезал из бударки. Ведь семью – 17 детей к 42-м годам (!) – надо было кормить. Отец вспоминал, что мать (моя бабушка) посылала именно его в кабака за отцом, чтобы привёл домой. Других пошлёт – отец мог посланца и прогнать, а его – никогда. Вот потому-то это серьёзное дело ему и доверяли.

Помню рассказ, отца о последних днях деда. Как-то привёл он деда из кабака (а он пошёл туда по случаю большой удачи – поймал белугу более полтонны, и там кичился своей силой, всех победил в любимом занятии – положить руку соперника). А дома он вдруг пожаловался на горло. Наутро - он стал задыхаться. Ему пытались помочь, ложками выдавить распухшие гланды, но они становились всё больше и больше, он жутко хрипел, а к вечеру – всё горло перекрыло, и он задохнулся. За один день убрался здоровый мужик, оставив 17 сирот.

Кабак рыбацкий – редкая услада
В хмелю – душа распашкой, удаль через край
Порою, мужику нужно отдохновение.
При мал-мала по лавкам, кабака – почти что рай!

Ведь завтра спозаранок опять невод метать,
Шершавую ладонью опять шугу сгребать,
Себя вялить на солнце, в моряну – устоять.
Рыбацкая планида – едрёна всё же мать.

Но жили и любили. Была и песня, смех
Детей любя родили, конечно, был и грех!..
И мал-мала по лавкам помехой не была
Для подлинного счастья – ведь бог давал тогда!

Отцу тогда было 11 лет, он уже умел управлять лодкой, и его охотно взяла в свою семью старшая сестра – Лидия Ивановна. Он жил в семье Лидии Ивановны до самой женитьбы – почти 10 лет. Все эти годы он был весельщиком, потом кормщиком – в общем, прошёл все стадии рыбацкой науки.

Бабушка моя – Куранова Зинаида Алексеевна (в девичестве – Тутаринова) была, говорят, писаной красавицей. Была весёлого и доброго нрава, маленького роста. Её всё время называли: Зиночка-картиночка. Она умерла в 1918 году во время эпидемии холеры.

Вот собственно и всё, что я знаю об отце до его женитьбы и о его родителях.

Разве можно с судьбою поспорить –
Молодого не стало отца,
А за ним, что же делать, холера –
Мать забрали к себе небеса

Но в душе их осталась закваска
Да и навык рыбацкий при нём.
Сирота – так ведь братьев навалом
И сестёр, как ни кинь – полон дом.

Как-то выжили, встали, окрепли,
Не сломались, не ныли – росли.
Их родителей – памяти светлой
Так по жизни всегда и несли!

Кое-что слышал я и о тех братьях отца, которых никогда не видел. Александр Иванович Куранов – по-моему, у него было две жены. От первой жены – дочь Муся, от второй – дочь Надежда и сын Борис. Борис, говорили, в отца – очень высокий, стройный, здоровяк – таким я себе представлял и Александра Ивановича. Другой брат – Вячеслав Иванович, с которым будто бы отец был особенно дружен. По-видимому, это так. Он умер рано – сердечник. Детей у него не было, а жену я хорошо помню. Мы с мамой к ней всегда заходили в Красном Яру, когда ходили на кладбище. Звал я её – тётя Дуся. И её всегда приглашали на семейные торжества.

О Григории Ивановиче знаю лишь то, что это был молодой, красивый, чернокудрый парень, хорошо играл на гармонии. В молодости (лет 17-18) заболел какой-то неизлечимой болезнью (может – рак). Чувствуя близкую смерть, часто на лодке выезжал на Волгу (точнее – один из рукавов Волги – Бузан), бросал вёсла, лодка плыла по течению, а он брал гармонию и пел. Помню по рассказам, что некоторые сельчане рыдали, когда слышали его песню: «Вы не вейтесь чёрные кудри, над моею больной головой...» и дальше: «скоро, скоро не будет меня!»

А вот одного из братьев отца я хорошо знал – Михаил Иванович. Его жена – Серафима Петровна, была старше его. Приёмную дочь тоже звали Серафима, а сына – Борис. Помню хорошо и его, и его жену, и его дочерей. Он не смог пережить измену жены и хотел деликатно, без травмы для дочерей, уйти из

жизни. Но не удалось. Ушёл из дома на работу, никому ничего не сказал, уехал куда-то на Кавказ, выбросил все документы и повесился в глухом лесу. Но нашли, установили личность, и был большой гул по этому поводу...

Сам Михаил Иванович с Серафимой Петровной прожили долгую, но несколько затворную жизнь. Может быть оттого, что Михаилу Ивановичу, как, по-моему и Александру Ивановичу, пришлось парнишками воевать за белых, а это при большевиках было большим грехом.

Самая старшая из сестёр отца, которую я скорее ощущаю, чем помню, была Лидия Ивановна. Она с семьёй жила где-то недалеко от Забузана. По-моему, это было село, которое называли Володаровка. Когда она приезжала, то рассказывала мне сказки, брала меня с собою спать на печку. Но что-то мешало радости ощущений. Наверное, потому, что вела она себя у нас в доме не как все, а как бедная родственница, что ли. С её приездом атмосфера в доме как-то менялась. Это я сейчас понимаю, что, по-видимому, мешали какие-то имущественные разборки. Наверное, отец был вынужден платить какую-то дань за то, что вырос в семье Лидии Ивановны или что-то в этом роде. В общем, несмотря на внешнее «сюсюканье», что-то в отношениях меня настораживало. Ничего подобного никогда не было с другими тётушками – там всегда взаимное радушие и гостеприимство.

По линии Лидии Ивановны знаю лишь об одной её дочери, которая жила в Красном Яру, рядом с бойней. Помню несколько случаев, когда мы с отцом привозили на лодке на бойню овец или пригоняли бычков. Стояли в очереди на бойню. Всегда навещали Ганюшкиных – это была фамилия дочери Лидии Ивановны по мужу. Потом сын её, т.е. внук Лидии Ивановны был учителем у меня в средней школе. Умный, тактичный, образованный, блестящий молодой человек – Всеволод Михайлович Ганюшкин. Он преподавал физику, а у нас астрономию. Всё, что я знаю о звёздном небе – от Цифея до Геркулеса – это его заслуга. Однажды он позвонил мне к себе, думаю, в 11-ом классе, и говорит: «А знаешь, что оказывается – ты мой дядюшка? Я об этом недавно узнал». А я говорю ему: «А я это знал всегда». Мы пригласили друг друга в гости, но продолжения не было. Он был человек очень яркий, но с некоторой «страннинкой», жил один, не женился долго. Дальше я его судьбу не знаю. Может так и работает учителем в Красном Яру. А может...

Следующая по возрасту тётушка – Кузовлёва Александра Ивановна, тётя Шура. Должен признаться – это была моя любимая тётушка. Мне нравилась её бесхитрость, простота, эмоциональность. Она могла и заразительно смеяться, и как-то, по-особенному, плакать. У неё была очень трудная судьба, было отчего слёзы лить. Но она как-то так искренне и, одновременно, без тени упадничества плакала, что переживая вместе с ней, после слёз становилось не только легче, но и она и ты становились как-то сильнее, могли подняться над горем и ещё сильнее любить жизнь. А уж прибаутки, театрализованное пение, как «проел Дуне таракан сарафан», или уморительные воспоминания как она любила угощать «аппетитного» (так она называла моего друга Александра Коростелёва) или напоить калмыцким чаем, донского казака Кумова Александра Дмитриевича, не зная, что он его терпеть не может и т.д. и т.п. Всё это считалось в нашей семье бестселлерами. Конечно же, не занятностью сюжета, а потому, что во всём этом видна была беспредельная искренность и ощущение доброты тёти Шуры. И это изумительно дополнялось молчаливым, с лукавой усмешкой, одобрением всего, что делала тётя Шура, её постоянного спутника жизни Кузовлева Ильи Ивановича. Из рассказов моих родителей я знаю, что Илья Иванович был как и Александра Ивановна, сирота. Но его усыновила бездетная пара Кузовлевых, которые жили в Красном Яру. Имели реюшку – рыбацкое судно для ловли рыбы на море. Попали под раскулачивание и двое сирот с двумя или тремя малыми детьми оказались в ссылке, в Северном Казахстане. Во время войны Илью Ивановича «за примерное поведение» взяли добровольцем на фронт, где он «искупил». После войны им разрешили вернуться назад, домой, где у них ничего не осталось. Они приехали в 1945-ом году к нам в дом, в нашу семью. В это время как раз я и надумал родиться. Мама и мой брат Геннадий часто рассказывали историю моего рождения, когда у мамы начались схватки, отец запряг лошадь в сани, посадил в сани маму и тётю Шуру, дал вожжи 13-летнему сыну и приказал: «Вези в больницу!» А это в декабре, когда лёд только-только «встал». Больница – за две широки реки, лёд трещит, мать кричит. В общем, страху натерпелись....

Когда я рассказываю этот случай, меня часто спрашивают: «А почему отец сам не повёз, а послал, можно сказать, на верную смерть сына?». Трудно объяснить это людям, далёким от тех лет, того образа жизни. Но мне абсолютно понятно, что отец, конечно, взвесил всё. Никакой «верной смерти»! Он знал, что лёд выдержит, иначе он, конечно бы, ни за что не отослал от себя такой бесценный груз. То, что в 13 лет в то время сын хорошо, лучше отца, управлялся с повозкой, лошадьё, было не исключением, а правилом, тем более отец был без руки. Ну, и наконец, рожать детей – это дело бабское, т.е. в этом деле женщины разбираются лучше мужиков, гораздо полезнее мужиков при родах. Поэтому с мамой он едет не сам, а посылает свою сестру. А сам он полезнее дома, на хозяйстве, на добыче. Ведь в доме две семьи, их надо кормить, некогда расслабляться. Да и Сталин расслабляться не даёт.

Так что решение его было вполне логично, практично. На его месте я бы тоже так сделал. Отец не терпел, когда кто-то старался показать, проявить внешнюю заботу о ближних. Он ближних рассматривал как часть себя, поэтому он «поглаживал больную часть» только тогда, когда нечего было делать. А этого у него не было почти никогда. «Больные части» он всегда лечил. В этом он был всегда «хирургом». Ему не надо было делать вид, что он заботится, на это у него не хватало ни сил, ни времени. Он действовал, он решал проблемы, и, таким образом, заботился. Вот и весь ключ к разгадке, почему отец сам не повёз беременную мать в больницу.

У меня всегда вызывали усмешку намёки, что, мол, отец был трусоват. Я отца знал хорошо. Никогда отец не позволял себе спрятаться за других, тем более – за ближних. А вот учить детей жизни, не отстраняя их от трудных дел, с которыми они могли и должны были справляться – это была одна из сильнейших сторон отца. В этом он был гениальным педагогом!

Я хорошо помню, как однажды ночью отец поднял меня: «Беда, сынок, одевайся». Выбежал я их дома, звенит пожарный колокол по селу, отец где-то зычным голосом командует, снуют телеги, люди, лошади, лопатки, носилки. Мчимся во весь опор к валам-дамбам, которые удерживали воду, спасая возделанные поля от затопления. Почти засыпали землей всё, что прорвало. Остался узкий промежуток, в который что бы ни бросали – всё уносило со стремительной скоростью.

Я видел отчаянье сельчан, один отец только не махнул на всё это рукой. И тогда я бросился в этот прогал с охапкой веток, держал их как мог, а сверху них бросали землю. Прогал был мгновенно ликвидирован. Как же отец благодарно посмотрел на меня! Мать причитала: «С ума сошёл - 10-летнего парнишку в холодную воду толкать. Своего собственного сына, мужиков, что ли, не было?». Отец молча погладил меня по голове – мы поняли друг друга, были горды собой - и он, и я.

Я такого глубокого чувства не испытывал больше никогда, даже получая звание профессора, лауреата, почётного строителя. Главной моей наградой в жизни были моменты гордости отца за своего сына!.....

Не знаю, сколько жили у нас Кузовлёвы – наверное, до весны, а весной, думаю не без помощи отца, купили домик в Астрахани у реки Кутум и там - осели. Этот домик – один из трех на маленьком дворе и сам низкий, маленький, до сих пор остаётся для меня храмом гостеприимства тёти Шуры и Ильи Ивановича. Он всю жизнь проработал где-то на железной дороге, а тётя Шура ходила по домам, выполняя чёрную работу: обстирывала, убиралась и т.п. Но всегда оставалась толстой, подвижной, весёлой – типичный представитель клана «толстых» Курановых.

Когда я говорил о тяжёлой доле тёти Шуры, я имел в виду смерть её дочери в период раскулачивания, жуткое самоубийство сына Кости – портного от бога, как говорили – из-за ревности. Вообще, в нашем роду самоубийцы – не редкость – эмоциональные мужики, получается! Кроме дочери (имя её не помню) и Кости, у Кузовлёвых – ещё двое сыновей: Борис и Владимир.

Толстуха тётя Шура, как обычно, перемежая смех и слёзы, говорила как-то моему отцу: «Вот умру я, а Илька-то мой женится ведь сразу, кобель такой!». Илья Иванович на это, молча, усмехался. «Вот и думаю, Петька. Поживу -ка я ему назло подольше. По утрам, знаешь, как бы случайно коробок спичек рассыплю и собираю их – зарядку делаю. А просто так зарядку делать - духу не хватает – перед Илькой стыдно!».

Илья Иванович считался всегда абсолютно здоровым человеком и хоть он и был значительно

старше тётки Шуры, никто не сомневался, что в словах её были искренние её переживания. Она любила Илью Ивановича и не могла себе представить рядом с ним другую женщину, даже после своей смерти. Судьба, как обычно, распорядится по-своему: за два дня убрался Илья Иванович – непроходимость. А тётка Шура пожила ещё долго. Попробовала жить с детьми – не получилось. Её сестра (ещё одна моя тётушка Зина) нашла ей старичка, с ним она и дожила свой век.

Последнюю свою ночь в качестве Астраханского жителя я провёл у гроба моей любимой тётушки Шуры. Наутро 1 июня 1980 года её понесли на кладбище, а я вместе со своей семьёй и всем багажом сел в поезд и стал москвичом.

Зинаида Ивановна Елизарова – ещё одна моя тётушка - та самая, что уговорила тётку Шуру на старичка. Тётка Шура всё приговорила ей: «Что ты, со стыда сгорю!». Но как подтвердил и этот случай, от старичков со стыда не сгорают: обычно, в жизни находятся эффективные «противопожарные средства».

Тётка Зина знала, что делала. Ей самой пришлось использовать этот метод. И вполне эффективно – по-моему, неплохо прожила долгие годы со своим старичком. А вышла замуж она совсем молоденькой девушкой, лет 17-ти. Об этом мне рассказывала мама. Её муж был много старше её. Как я понял, ему тогда было лет 40. Но у сироты выбор всегда небольшой. При этом муж был обеспеченным человеком, жизнелюб.

Вскоре красавица Зинаида Ивановна с мужем уезжает в Азербайджан, в город Ленкорань. И первый раз увидел я тётку Зину, когда она оттуда уже вернулась «со старичком» в Астрахань – тянуло на родину, уже в пожилом возрасте. Тётка Зина относилась к другому клану – клану «чёрных» Курановых. «Чёрные» в отличие от «толстых» были стройными, более замкнутыми. Но тётка Зина, несмотря на смуглость кожи, обладала всеми свойствами «толстых» – гостеприимство, доброта, жизнелюбие. Может, генетика так распорядилась, а может Ленкоранский образ жизни, а может и то и другое. Впоследствии и сын Геннадий, и дочь Светлан тоже оказались астраханцами.

Геннадия хочется вспоминать красавцем военным, потому что после демобилизации из армии запил, потерял себя. У Светланы прекрасная семья. Саму же Светлану, относящуюся к клану «чёрных» Курановых я видел только в глубоком детстве, когда она ещё девчонкой приезжала к нам в Забузан, а я тогда ещё совсем под стол пешком ходил.

Тётка Зина дожила до глубокой старости (за 90 лет) – рекордсмен Курановский. Но долгожительство для «чёрных» Курановых – обычное дело, не то, что «толстые».

Когда жил в Астрахани, я часто навещал свою тётушку, а когда уехал в Москву, то сначала я навещал её в каждый приезд, а потом всё реже, реже. Помню, пришёл однажды к ней. Она как обычно усадила, угостила, расспросила, а потом давай мне жаловаться на... меня... Мол, вот, знаешь ты такого - Николая Куранова. Он у нас большой учёный, а как уехал в Москву, такую же бороду отпустил как у тебя, зазнался, позабыл нас совсем и «нос сюда не жает». Для неё я был в двух лицах – один астраханец, который сидит перед ней и другой – москвич, который «зазнался». Но я чувствовал, что она и того, и другого хоть и журила, но любила. Светлая память тебе, тётушка Зина.

Совсем не много эпизодов в моей памяти связано с Фаиной Ивановной (забыл фамилию по мужу). Она была младшей из сестёр и, как и тётка Зина, младше моего отца. Относилась к клану «толстых». В моей памяти – очень красивая, неординарная женщина. Первый эпизод у меня связан с приездом к нам в гости тётки Фаи со своими дочерьми Светланой и Любой, а так же дочерью тётки Зины – Светланой. Думаю, что мне было тогда года три, потому что я еще сосал палец, и меня стыдили присказкой «Атым-батым пальцы сосатым». Ещё помню, что мои кузины говорили мне, что я буду горным инженером. Для меня, долгое время «горный инженер» звучало примерно как потом появившееся слово «космонавт». Думаю, «горный инженер» возник потому, что они приехали с Дальнего востока, где жили семьёй, а там геологи, горные инженеры были в то время большом почёте.

После смерти мужа, Фаина Ивановна переехала в Астрахань (снова зов родины!), но прожила здесь недолго – умерла (кажется, рак). Она несколько раз гостила у нас, приезжала к отцу за советом.

Вот и всё, что я помню о Фаине Ивановне. А откуда чувства неординарности женщины – объяснить не могу. Это ощущения.

Больше, по линии отца, никого не помню, в том числе и из рассказов. Насчитал – 5 братьев и 4 сестры. Значит, остальные 8 детей ушли из жизни ещё в младенчестве. 9:8 – обычная арифметика того времени.

Родные связи – от сестёр и братьев
До их семей, до их забот.
Умел он черпать в этом счастье
И той ж монетой отдавал народ

В дом гости праздник приносили,
Стремясь в далёкий Забузан,
Сердца и души здесь лечили,
И обсуждали жизни план.

Не помню зависти, корысти,
Но слёзы были – как без них.
Ведь все хлебали лиха в жизни
И здесь перетирали их.
Такие жернова – лекарство
И горе утопало тихо.
Отец целитель был и мельник
Мука рождалася из лиха!

Я видел: вот слеза сначала,
Потом улыбка, громкий смех,
А вот и песня зазвучала –
Никто не видел в этом грех.

Что б горе душу не ломало,
С слезою смешивался смех,
А чтобы вера укреплялась,
То – песня русская для всех!

Часть 2

Жених и невеста

Как повстречались отец с матерью – не знаю. Помню лишь рассказ его друга – рыбака Николая Осьминина, который был немного старше отца: «Петька, когда был молодой, с девками был не смелый, боялся к ним подойти. Ну, я как-то говорю ему – не бойся, как будет заканчиваться вечеринка, а мы тогда собирались у Макарихи, пригласи девку, какая тебе нравится, погулять с тобой, проводить её домой, а я со своей впереди пойду, а ты за мной держись, если боишься. А Петька говорит мне – а о чём я с ней буду разговаривать? Чудак человек, говорю, не знаешь о чём говорить – говори о луне. Вот заканчивается вечеринка, Петька подкатывается к самой красивой девушке – Катюшке Михиной. Смотрю – выходят. Петька оглядывается, ищет меня. Ну, я тут как тут со своей кралей, пошёл вперед. Они за нами. Идут, молчат. Тут я не выдержал, оглянулся и показываю ему на небо. Слышу, Петька говорит: посмотри как звёзды на небе понатыканы и луна... – да как захохочет и бежать. Я его еле догнал. А то так бы и остался холостым!»

И ещё слышал рассказ отца, как он «Катюшку сватал»: «Ну, я намекнул, как, пойдёшь, мол, за меня

замуж, а она зарделась вся, засмеялась и убежала. Я кричу ей – ну жди сватов. На другой день садимся мы с другом (отец назвал друга, да я забыл) в бударку и шестами, бичевой пошли в Сокрутовку – в это время там, в своём родовом доме были Филипп Семёнович и Татьяна Алексеевна. А Сокрутовка эта – вёрст за 100, аж за Харабалями. Ну, дотолкались мы, приходим в дом. Николай Осьминин (по-моему это всё же был он) заходит в дом, я за ним. Он начал там что-то говорить про товар, про купца. Тут Татьяна Алексеевна отодвинула в сторону Николая и как передо мной рухнет на колени! Я аж перепугался. А она мне, сироте, парню без отца, без матери, у которого ни кола, ни двора нет, говорит: «Спасибо тебе, мил человек, что из всех девок выбрал мою, чести удостоил». «Я этих слов Татьяны Алексеевны до смерти не забуду» - говорил мой отец.

Вот так и поженились. О свадьбе ничего не знаю. Знаю лишь, что отец не повёл молодую жену в дом своей сестры, где жил, а взял лопату, вырыл землянку, накрыл её камышом и хворостом, невеста обмазала глиной крышу и внутри землянки, соорудили полати и стол, развели самовар, чай попили.

Так началась первая брачная ночь. А ночью на кровать завалилась земляная стена. Жених затужил – что ж я за мужик, что не смог нормальные условия даже для первой брачной ночи создать. А невеста ему: «Ничего, сердцун (так мама называла отца всю жизнь), сейчас приберёмся и перезимуем». Вот так стали жить-поживать и нас наживать - дорогие мои папа и мама.

Было это, как я это себе представляю, глубокой осенью 1927-го года. Жениху 21 год, невесте – 20.

Вот проверил вентера,
Заметал игличкой,
Бросил сеть на вешала,
Запрягает бричку.

У Макарихи народ
Должен бы собраться -
Вдруг зазнобушка придёт,
Взглянет, может статья.

А зазноба в промыслах,
Солит, вялит, нижет -
Голова в таких делах
В полюбовных нишах!

Может, вырвется, придёт
Мой сердцун на сходку,
И гулять, вдруг, позовёт.
Страшно, но в охотку!

Хорошо с ним помолчим,
За руки возьмёмся
«Ну, уж это слишком ты!»
Ладно, разберёмся

Может, в небо поглядим,
Звёзды посчитаем.
Может... лишь бы рядом с ним –
Сердце так и тает!

Вижу маму и отца -

Чистых, и в смущении -
И мигает им звезда
В знак благословенья!

Часть 3 Отрывки из родословной мамы

Куранова (в девичестве – Михина) Екатерина Филипповна, из семьи земледельцев, которых голод с «верховий» пригнал в «низы», т.е. мои дед Филипп и бабка Татьяна пригнали скот из-за засухи, из-за неурожая из Харбалинских степей в Прикаспийскую низменность, в надежде как-то прокормит скотину, корову и, тем самым. Спасти семью от голода. А детьми - то они переплюнули Курановых: не то их было 19, не то 24. Я, помню, мама при мне пыталась считать и всегда у неё получались разные цифры. Всех умерших младенцев и не упомнишь. Тем более бабушка имела обыкновение порой и двойню приносить, а один раз родила даже троих!

Мне показывали то место – на стрелке Бузана с Качаганихой, где дед Филипп вырыл землянку и решил зимовать со скотом здесь, в низовьях. Не было сил возвращаться в родные пенаты. Да так и остались здесь, зацепились. Потом и дом построили в центре села. Я хорошо помню этот дом. Он и сейчас стоит со знаменитым крыльцом. А знаменито оно было тем, что здесь, у крыльца, собиралась общественность, «профсоюзы», так сказать.

Бабушка Таня (её все близкие звали – бабанька, а прочие не иначе как Татьяна Алексеевна) была, как бы, рупором села, его совестью. Здесь формировалось общественное мнение по поводу той или иной личности, того или иного события. Этому способствовало два обстоятельства: внешнее – дом находился рядом с магазином, и внутреннее – бабушка была признанным авторитетом, всегда и всем, невзирая на чины, резала правду-матку в глаза. Да не от «балды», а продуманно, взвешенно, аргументировано. Помню свою последнюю встречу с бабанькой. Я уже учился в университете в Саратове. Уезжал на очередной семестр. Как положено, зашёл к бабке с дедом попрощаться. А им было уже где-то под 90 лет. Бабанька в то время уже в основном лежала, дед был ещё ничего. С ними до самой их смерти жила дочь – тётя Дуся, мамина сестра. Не смотря на мои протесты, меня усадили за стол и бабушка долго пыталась понять, на кого я учусь?! Дело оказалось нелёгким, потому что она вскоре поняла, что я и сам не знаю - на кого же я учусь. Я что-то пытался ямлить про механику, математику, но на прямые вопросы, чему я там научился, что я умею делать – по этим её вопросам я явно заработал «неуд». Тётя Дуся всё пыталась защитить меня, отстаньте, мол, от него, какая разница, на кого учиться, главное, чтобы диплом был. Но она и сама понимала тщетность своих потуг: дед с бабкой не собирались отпускать меня, не вникнув в сущность вещей. В результате на дорогу я получил такой наказ: раз до сих пор не знаешь, на кого учишься, а ты не дурак, значит - учишься на что-то умное, не сразу и не всем постижимое. Учись и дальше, слабых не обижай, сильных не бойся, а старших почитай! Больше я бабушки не видел, похоронили её без меня, пока я познавал, на кого же я учусь.

А вот дед умер, когда я уже жил в Забузане, преподавал в школе! Дед Филипп был первый в моей жизни покойник, которого я сам, один, обмывал, одевал, укладывал в гроб. И было мне спокойно. Вспоминал я, как он учил меня, пацана, рис сеять – он был единственным в рыбацком селе человеком, который разбирался в этом деле, хлопок выращивать, как учил шорничать – делать хомуты и другую сбрую для лошадей. И в этом деле он был единственным на всё село мастером. В то время университетов не заканчивали – педагогом выступала сама жизнь! Любопытен факт, что мой сын Петр, переводя мои каракули в электронную версию, не мог поверить, что в Астрахани во времена моего детства выращивали хлопок. А было же!

Мои дедушка с бабушкой представляли собой классический вариант «единства противоположностей». Бабка говорливая, шумная, эмоциональная. Дед – молчаливый, сдержанный, голос тихий, с хрипотцой.

Но все их дети как один утверждали, что истинным хозяином в доме был дед, а не бабушка, как казалось многим. Бабушка – то «профсоюз», где-то даже и «правительство», а «президент» – дед!

Говорила всегда бабка, дед молчал, но уж если он сказал, то так тому и быть! Несмотря на бабкин громкий голос, дети боялись деда. Именно он определял, кто и когда позволял себе лишнего – сразу ложкой в лоб. Бабка давай заступаться, кричать на деда, а он опять молчит, дальше продолжает своё дело.

С домом моих прародителей связано много воспоминаний, обо всех не расскажешь, но об одном из них сохранилось документальное свидетельство. Грех этим не воспользоваться. Как я уже говорил, заметные общественные события, как правило, проходили перед бабушкиным крыльцом. Почему я его называю бабушкиным, а не дедушкиным, например? Да потому, что дед там почти никогда не показывался. Он не любил шумных сборищ, сидел у себя в сарае и занимался сбруей. На крыльце, как правило, с прялкой, сидела бабушка, а вокруг неё собирались люди и происходили события. В этот раз событие было неординарное: в село приехал фотограф! Надо ли говорить, что появление тогда любой фотографии в доме было редким, заметным и ярким – на всю жизнь! – событием? К крыльцу (а фотограф, конечно, расположился около крыльца – основы бизнеса понимали и тогда) стали подтягиваться люди. Выясняли возможности фотографа, а, главное, величины и формы оплаты. Денег тогда в семьях, практически не было: рыбакам заработки выдавали рулонами (т.е. талоны на тот или иной вид товаров), а земледельцам и животноводам – трудоднями, т.е. выращенной продукцией в конце года. Деньги у людей появлялись, главным образом, от продажи своей, личной продукции на рынке.

Поэтому каждая копейка была на учёте, но и соблазн велик: запечатлеть себя и своих близких на всю жизнь! Договорившись о цене (кто деньгами, кто салом, кто поросёнком или курицей), люди бежали домой, одевали всё самое лучшее, прибегали назад, готовые к «бессмертию». Потом долго усаживались перед фотографом, ждали «птички» из глазка фотоаппарата, на который показывал рукой, закрытый покрывалом, фотограф. Весь этот ритуал был сродни магии, тем более что и продукт этих приготовлений был, можно сказать, волшебным.

Не помню, за какую цену отец (мать сама не могла принять такого важного решения – позвала отца!) договорился, чтобы сфотографировали меня (на большее отец не рискнул, а жаль, фотографий родителей того времени нет вообще). Однако, помню, как отец и фотограф ударили по рукам. Я уж хотел было под фотоаппарат, да мать на меня замахала рукой, не позволила запечатлеться в «натуральном», так сказать, виде, а послала домой одеваться, рассказав, где я что должен взять. Я помню тогда летел стрелой (у нас говорили – шементом!), боялся как бы фотограф не уехал. И вот результат – стою на фото в матросском костюме, который мне совсем недавно (новый!) привёз мой брат Геннадий из Германии, когда приезжал в отпуск со службы. В руках у меня цветок, который дала мне одна девочка – она только что сфотографировалась передо мною (за этот цветок нас потом долго дразнили «жених и невеста»). Я был белый «как лунь», говорила мама (моя старшая дочь Елена была в детстве точно такой же, за что я её долго, а иногда и сейчас, звал «белый») и это заметно даже на фотографии того качества. Никто и не обратил внимания, что я был «при наряде и босой» – это было в порядке вещей. Только мама потом всю жизнь сокрушалась, что «у меня ведь были сандалии, и она мне говорила, чтобы я их обязательно надел, да с белыми носками».

А я забыл наказ матери – так боялся, что вдруг фотограф уедет. «Что теперь люди подумают», сокрушалась мама. «Скажут теперь, что у нас-то и надеть детям нечего». Дорогая, любимая моя мама, сколько неподдельной горечи было в твоих словах. Ведь сандалии специально берегли для такого вот случая. По улице просто так ходить в них никому и в голову не приходило. И вот такая осечка! Мать не досмотрела! Как я рад, мама, что ты «не досмотрела». Это первая моя в жизни фотография и она дорога мне как память. А я ведь до сих пор люблю ходить босиком, как и моя внучка, москвичка, Ксюша.

Объективным показателем неординарности деда с бабкой является тот факт, что многие из их сыновей стали образованными людьми, достигли высот в самой модной, почти недоступной тогда для сельского жителя, профессии лётчика. Помню, когда я заканчивал среднюю школу, меня несколько раз вызывали в военкомат и настойчиво предлагали пойти учиться в лётное училище. Я категорически отказывался, понимая, что военный из меня как из бабушки футболист. В военкомате не могли понять, как это

я, представитель самой славной в районе династии военных лётчиков и вдруг отказываюсь от такого выгодного предложения. Даже организовали встречу в районном центре общественности с бабушкой и дедушкой, чтобы они рассказали о своих героях-сыновьях. Но встреча пошла совсем по незапланированному сценарию: дед, как всегда, молчал, только в конце сказал: «Да мы с бабкой ничего и не делали. Они сами учились, а мы им не мешали.» А бабка, с присущей ей прямоотой, не сказала ни слова об их достоинствах, а в основном говорила об их недостатках. Её речь, приблизительно была такой: «То, что они там выучились, хорошо воевали, летают хорошо – что об этом говорить? Это так и должно быть. Но вот Тимошка-то (Тимофей Филиппович Михин – герой Советского Союза!), он ведь своего слова дома не имеет. Мария им управляет. Уже третий год к отцу с матерью носа не кажет. Торчит там в своём Киеве и письма-то лишний раз не пришлёт. А Колька-то из своего Ленинграда (Николай Филиппович Михин, боевой лётчик, остаток жизни после списания прожил в г.Пушкин под Ленинградом) в прошлом месяце денег не дослал, а у Василия тут мал-мала меньше, разве он их здесь всех прокормит? (Василий Филиппович Михин – единственный из всех братьев вернулся в село после вербовки на Дальний Восток, имел 7 детей). А Герка-то вообще чего удумал – поехал из своего Фрунзе отдыхать в Сочи, а теперь из Сочи дал телеграмму, что вызывают на работу и не может приехать. Это как же понять? Отдыхать, валяться на пляже – это можно, а как к отцу с матерью – так работа! (Герман Филиппович Михин, боевой лётчик, долгие годы служил в Киргизии в г.Фрунзе, а после списания до настоящего времени живёт в г.Краснодар).»

Народ в Доме Культуры, где проходила встреча, катался со смеху, а военком всё пытался повернуть встречу в нужное русло. А бабка ему: «Постой, постой, мил человек, дойдёт очередь и до тебя. Ты думаешь, что если мне медальку дал (мать героиня, за заслуги перед отечеством), так и дрова можешь не вовремя завезти? Да и не дрова, а мусор какой-то привёз. Я тебе вот что скажу: ты болтать-то болтай, это тоже нужное дело, но главное-то работу не забывай, о людях-то надо делами, а не словами заботиться!»

Ещё из военных лётчиков был Яков Филиппович, которому воевать, по-моему, больше всех пришлось и, знаю, что на его счету было несколько сбитых самолётов. Его приезд в Забузан отец с матерью всегда ждали с особым нетерпением. Они с отцом до войны рыбачили в одной бударке: отец – кормщик, дядя Яша – вёсельщик. Помню его последний приезд в Забузан в военной форме (а они все приезжали в военной форме и в орденах) по-моему, в звании полковника. Говорил, что его списывают. Что сердце совсем ни к чёрту и врачи настоятельно советуют перебраться в Пензу, к сосновым лесам. Там, может быть, поживёшь. Он туда перебрался, но уже вскоре, где-то в середине 50-х годов, умер молодым, оставив вдовой молодую жену с двумя дочерьми. Бабушка с дедом пережили многих своих детей. Помню, на поминках Тимофея Филипповича, бабушка попросила: «Запойте, что-нибудь, помяните его песней. Петь можно – только не пляшите». Пережили они и самоубийство (опять самоубийство!) Василия, который жил по соседству с ними. Дома были почти напротив.

У бабушки жили две дочери Василия Филипповича – Надежда и Катюша. Надежда сейчас живёт в Великом Новгороде, а Екатерина Кольченко в Ульяновске, с мужем Виктором. У неё двое сыновей – Юрий в Ульяновске и Олег – сейчас в Москве. Там же в Ульяновске живёт старшая дочь Василия – Валентина Бородина (у неё сыновья Николай, Евгений и Александр). Она долгое время жила в Забузане с Николаем Евгеньевичем (его всю жизнь звали Колька маленький – вернулся с фронта без ноги, был бакеньщиком). Они были постоянными гостями в нашем доме на всех праздниках, застольях. Он играл на гармошке на этих застольях до тех пор, пока я не научился. Дальше это почётное право перешло мне (где-то с третьего класса). Младшая дочь Василия – Елена Куранова, живёт в Забузане. Эти Курановы из другой ветви, другого Петра Куранова. Его я не знал, а знал лишь его сыновей Василия Петровича (Васька-хромой) и Ивана Петровича (Ванька - рожок) и их детей. Один их них – Анатолий, стал мужем Елены. По линии Василия Филипповича я знаю ещё троих его сыновей: Бориса, Михаила и Аркадия – просто невозможно пересчитать, сколько у меня двоюродных братьев и сестёр!

Борис Васильевич женился на своей родственнице – Лидии Лаврешкиной. Но родственнице не по крови. Дело в том, что ещё один мой дядя, Григорий Филиппович, который, как и я, носил бороду (!) – он старший из братьев, взял в жёны Лидию Васильевну Бородину с двумя детьми: Геннадием и Натальей. Наталья вышла замуж за Лаврешкина, вот её дочь и стала женой Бориса. Геннадий же Бородин-Михин,

взял фамилию приёмного отца – Григория. Он долгое время был председателем колхоза и с ним много вместе работали и мой отец – Пётр Иванович и мой брат – Геннадий Петрович.

С Геннадием Григорьевичем у нашей семьи были тёплые отношения, но с его отцом и матерью (Григорием и Лидией Васильевной) – очень неприязненные. По сути дела, моя мама, со своим братом Григорием не разговаривала, сторонилась его, избегала. Отец – тоже. Причину знаю понаслышке – отец и мать не любили затрагивать эту тему. Дело в том, что после войны отец пришёл без руки и ему определили должность завхоза. А эта должность считалась хлебной, что в голодные годы порождало многих завистников. Одним из них была Лидия Васильевна, которая организовала обыск в нашем доме (в Сталинские-то времена!) и была уверена, что упечёт отца за решётку.

Но в доме ничего не нашли (по-моему, отцу стало известно о предстоящем обыске и он успел куда-то припрятать «колоски»). Отца оставили в покое, но он и сам ушёл с «хлебной» должности, как только научился управляться одной рукой и с лодкой и с сетью – ведь он же потомственный рыбак, а не потомственный завхоз. Отец стал главным рыбаком на селе – бригадир рыбодобычи. Так отцу чудом удалось избежать тюрьмы, а Лидия Васильевна и Григорий Филиппович до конца дней своих несли презрение сельчан. Слава богу, следующие поколения не унаследовали этой вражды. Наоборот, благодаря отходчивости отца, он дружен был с Геннадием Григорьевичем Михиным, я был дружен с детьми Геннадия Григорьевича – Николаем и Василием, помогал, как мог, в устройстве дочери Василия – Елены Султанкиной в Москве.

Ещё один мамин брат – Иван Филиппович, так же имел отношение к лётному делу, только он не летал, а был классным механиком самолётов, готовил их к полёту. Он жил в Астрахани. У него была одна дочь – Татьяна, с которой мы пересекались в Рыбвтузе: она училась там, а я там преподавал.

Кажется, я упомянул всех братьев мамы, частично, об их семьях, насчитал их 7 человек. Подчеркну, что со всеми из них, за исключением Григория, наша семья поддерживала самые тёплые отношения. Все они и их семьи всегда были желанными гостями у нас. Я очень любил их приезды к бабушке, они всегда приходили к нам и «за рюмкой чая» велась долгая беседа о жизни во Фрунзе, Киеве, Астрахани. Я боялся пропустить в этих рассказах хоть слово, часто и не понимая его. В глазах и в ушах стоит одна звуковая картина, связанная с Василием Филипповичем. Его жена, Анфиса, почувствовала неладное и привела его к нам в дом, главным образом к отцу как к главному психотерапевту на селе, говоря современным языком. Василий вбил себе в голову, что у него неизлечимая болезнь и ему осталось жить считанные дни. Психика не выдержала, и он сделал несколько несостоявшихся попыток самоубийства. Я помню этот многочасовой, то мягкий, то жёсткий, то откровенно грубый разговор отца с Василием. И приговор отца, когда Василий с Анфисой ушли – не жилец. Вскоре Василий Филиппович перерезал себе горло бритвой!

Особый статус был у единственной маминой сестры – Евдокии Филипповны – тёти Дуси. Она, сколько я себя помню, всегда жила с бабушкой и дедушкой, им посвятила свою жизнь. Из рассказов знаю, что её замужество было неудачным (не знаю, что случилось с мужем), но осталась дочь – Валентина, которая жила с семьёй долгое время в Германии – там служил муж, а затем они жили в Астрахани. К ним потом и переехала после смерти бабушки с дедушкой тётя Дуся и дожила свой век с внуками – Татьяной и Ольгой.

Тётя Дуся была, как бы, членом нашей семьи, была спокойной, уравновешенной женщиной, но не очень любила шумные компании, которые у нас часто устраивались. Она всегда приглашалась на эти сходки, но от них быстро уставала и стремилась уйти потихоньку, по-английски. Не помню ни одной ссоры между сёстрами. Отец мой пользовался безоговорочным авторитетом у всех родственников мамы. Он очень бережно, деликатно, относился к взаимоотношениям родственников по маминой линии, всегда советовался с мамой. Обсуждал намечавшиеся контакты, и мама была ему за это очень благодарна.

Жизнь мамы до замужества я знаю только по отдельным рассказам, но учитывая то время и историю семьи, вряд ли в моём представлении есть серьёзные отклонения от реальности. В школу, в первый класс, маму отдавали три раза: в семь лет - зимой на три месяца, в восемь и девять лет - на те же три месяца зимы. Остальное время она работала нянкой и по хозяйству (бабушка с дедушкой девок учить не стре-

милась). Они готовили из них хороших жён. Мама рассказывала мне: «Вот сезон заканчивается, приходит зима, бабушка Таня берёт курочку и идёт упрашивать учительницу, чтобы она взяла Катюку учиться. Приходила весна, все на работу и меня в няньки к Селивановым отдавали за их детьми присматривать. Ну а потом, в 9 лет я уже пошла на промысел работать – рыбу солить, низать, ну, в общем - обычная работа».

Так до замужества, до 20 лет, она и работала на разных промыслах, которых тогда в наших краях было несколько штук.

Мама с трудом умела писать, а отец был грамотный для того времени – целых 4 класса церковно-приходской школы.

Молчун дед, бородатый шорник,
И рисосеятель и хлопковод.
Бабанька – та напротив, не затворник,
Оракул и трибун, и у крыльца народ

Загнал их голод на низовье
И здесь осели навсегда.
Здесь «соколов» взрастили на подворье,
И мою маму - как источника добра!

Они не знали интернета,
Мобильник жить им не мешал,
Но были счастливы при этом
Душой приняв, что бог послал.

Написал я эти строки и вспомнил (кто рассказывал, уже забыл), что когда бабушка, неожиданно для всех, забеременела в 50 лет, то ей предложили сделать аборт. Она возмутилась, мол, для этих была родной матерью, а кем я буду для него?

Так на свет появился красавец-мужчина, боевой лётчик и инструктор по полётам Герман Филиппович Михин, проживший счастливую жизнь, народивший с женой Ниной Николаевной сына и двух дочерей. Последние годы его сразила болезнь Паркинсона – на всю жизнь запомнил я последнюю встречу с ним в Краснодаре в 2001 году.

Нет, ни лаской, ни заботой
Дед и бабушка моя
Нас не привечали вовсе –
Это мама нам дала.

Ни фундамент, ни основу –
Это дал нам всё отец.
Что же дали бабка с дедом?
Необъятности сердец!

Что-то высшее такое
Из космических зыбей.
Да, наверно – искру божью,
Это, мол, всего важней!

Часть 4**Судьба**

Моё поколение семьи образовалось из четырёх фамилий: Курановы – Михины – Тутариновы – Жабины. Только сейчас обратил внимание, что два из них заканчиваются на «ов», а два на «ин». Какие фамилии образовывали предыдущие поколения – не знаю. Тогда история семьи передавалась из уст в уста. Что-то передавалось и мне, но многое забыл. В молодости мы устремлены в будущее, а не в прошлое. Сейчас же уже и спросить не у кого...

Через год после брачной ночи в обвалившейся землянке у молодой четы Курановых появился первенец – конечно, Иван. Дед был Иван Петрович, отец Петр Иванович, сын – молодой Иван Петрович. Но эта эстафета оборвалась – Иван умер, прожив всего несколько месяцев, а через год, в ноябре 1929 года родилась девочка. В это время родители строили дом в Забузани, а регистрировать ребёнка надо было в Красном Яру – за две реки!. Всё некогда, да недосуг было родителям туда ехать, а тут кого-то из родственников или соседей нужда заставила ехать в Красный Яр. Ему и наказали зарегистрировать ребёнка, получить «митрику» – так говорили тогда. Свидетельство рождения в обиходе появилось гораздо позже. Мама, потеряв первого ребенка, боялась теперь называть не по святым. Так и наказала, мол, как по святым получается, так пусть и назовут, только не Зинаидой – так звали бабушку. Раз по имени деда получился прокол, то и именем бабушки нельзя называть – такова была логика. И так она просила соседа, чтобы, не приведи господь, не назвали Зинаидой, что когда у соседа дошла очередь до «справления митрики» Курановым, то он забыл наказ. Помнил, что «Катка всё что-то про Зинаиду толковала». Вот и назвал её Зиной. Так и появилась на свете вторая Зиночка-картиночка.

Из всего нашего поколения Зинаида Петровна, пожалуй, больше всех любила отца с матерью, если только к понятию «любовь» можно применять знаки «больше» или «меньше». Она до конца своих дней восхищалась (и здесь нет никакого преувеличения или неправильно применённого слова) – именно восхищалась, парой Пётр-Екатерина. Она могла часами рассказывать какие-то эпизоды из жизни семьи и находить в них мудрость отца или деликатность матери, строгость и требовательность одного при нежности и покладистости другого. Но всегда в её рассказах главным была исключительная гармония этой пары во взаимоотношениях ли между собой, в воспитании ли детей или в совместной работе. Может быть, она из всех нас лучше всего знала родителей молодыми, может потому, что большую часть жизни Зина прожила вдали от родителей, но всегда, при первой возможности, навещала их. Может быть, может быть... Но факт остаётся фактом – Зина очень глубоко чувствовала редко встречающийся в жизни идеал семейной пары.

Я при этом вовсе не имею в виду, что жизнь они прожили «как голубки». Совсем не это. В их жизни было всё – и слёзы и ревность, и другая любовь, измена, и отчаянье и всё другое, что сопутствует семейной жизни. Но в любой ситуации они не теряли ни уважения друг к другу, ни самоуважения! Их совместная жизнь никогда не принижала достоинства другого, вместе их достоинства умножались, а недостатки – мельчали. Недавно я из уст своего сына Петра услышал на свадьбе другого Петра – Кумова, внука Зинаиды Петровны (оба Петра, конечно, не случайно так названы!), пожелание молодым, чтобы они сумели полюбить недостатки друг друга!

Так вот Петру Ивановичу и Екатерине Филипповне это удалось, вот почему в глазах Зинаиды Петровны они представляли собой идеал семейной пары!

Зина, закончив среднюю школу (тогда это была большая редкость для села!), поступила в медицинский институт, но вскоре заболела тифом. Чудом выжила, до следующего семестра работала на селе почтальоном, а потом не пошла больше в Мед. Закончила финансовый техникум и её распределили на Дон, в г.Серафимович, бывшая станица Усть-Михайловская. Там она и прожила свою жизнь, выйдя замуж за Кумова Александра Дмитриевича, воспитав сына Валентина и дочь Татьяну. У тех, в свою очередь, тоже по сыну и дочке. Кумовы Пётр и Светлана и Белоусовы Александр и Елена.

Кумов Александр Дмитриевич был поистине незаурядной личностью. Жизнь Зинаиды Петровны нельзя представить, не поняв особенности её мужа. Мужественность этого человека поражала всех, кто его знал. С фронта он пришёл, когда ему не было и двадцати лет. Тяжёлое ранение, пришлось ампутировать

ногу, протез. В результате он так овладел протезом, что не знающие его люди и не подозревали об этом. Ранение дало знать и позже. Лет в 40 он остался и без второй ноги. Второй протез. До конца своей жизни Александр Дмитриевич ни себе, ни другим не позволял думать, что он инвалид. Помню один из случаев, когда Петр Иванович, верный своему беспроектному приёму – трудотерапии, устроил в честь первого приезда гостей с Дона сенокосный воскресник, где все мы, в том числе и Александр Дмитриевич, косили, огребали сено, метали стога. Для нас это было привычным долгом, для Александра Дмитриевича – вновинку. Отец не любил бросать начатое дело, если оно не сделано до конца. Поэтому провозились мы до глубокой ночи, без отдыха, торопились сделать. И только по окончании работы, когда трудовая горячка спала, мы осознали, что с нами работал человек без ноги. Потом, на другой день, я был свидетелем разговора Зины с отцом: «Ну что же ты, папа. Ведь он до крови разбил себе ногу». Он как-то по особенному посмотрел на дочь, и она воскликнула: «Ох, отец, прости, ведь мы как-то уже привыкли, что ты сам-то без руки, а работаешь за двоих!».

Но с тех пор отец зауважал зятя (до этого витало мнение о неравном браке красавицы с калекой), никогда не позволял дочери жаловаться на него, мол, попивает, или тяжело с инвалидом. Отец видел в Александре Дмитриевиче личность, и это для него было главным! Он и был личностью. Про себя его мы звали вторым Мересьевым, а при нём мы старались этой темы не касаться вообще, как он и желал.

Александр Дмитриевич и Зинаида Петровна долгие годы в Серафимовиче были финансовыми боссами, прожили в почёте и уважении, но тем не менее, Зина всегда стремилась душой в Забузан, в атмосферу и ауру Петра Ивановича и Екатерины Филипповны. Беда, которая имеет обыкновение приходить не одна, стремительно ворвалась в семью: сначала умирает молодой зять Василий, затем отравился каким-то зельем Александр Дмитриевич, а через год в больнице, в результате пожара погибает Зинаида Петровна. Да ещё на Валентина Александровича напала болезнь Паркинсона (опять болезнь Паркинсона – чья же это наследственность?). Но потомки «Мерсьева», донские казаки и казачки молодцы, не унывают, поддерживают традиции родителей и дедов.

Тридцатые годы были годами становления семьи. Я помню, родители говорили, что где-то к 1936-1937 году они, наконец, нормально зажили, стали на ноги, появилась уверенность в завтрашнем дне. Растёт дочка, сын Геннадий, который появился в 1932 году, сын Анатолий – в 1936 году. Мама очень сокрушалась по поводу смерти Анатолия. Она говорила, что Ивана-то не успела ещё сердцем принять, а Анатолий умер, когда ему было года 2. Он был болезненным мальчиком. Мама с ним много занималась, берегла его как могла. Но не уберегла: ушла на покос на день, оставив Анатолия на Зину, а та заигралась и малыша «прохватило», как говорили тогда – воспаление лёгких, летальный исход для того времени.

Юрий появился в 1938 году и до 1941 года семья жила сыто и счастливо: отец рыбачил, мать занималась домашним хозяйством (дети, овцы, коровы, свиньи, козы, куры, гуси). Геннадий рассказывал мне, что он помнит и Анатолия, и как отец уходил на фронт и как возвращался с фронта. Я же Геннадия помню, пожалуй, с момента проводов его в армию. Это был, наверное, 1949 или 1950 год. В это время ещё слышны послевоенные отголоски – написал это и понял, что первые воспоминания, связанные с Геннадием, несколько раньше. «Послевоенные отголоски» помню в виде смотра боевой готовности колхоза им. Микояна к защите своего отечества. В деревню приехала какая-то комиссия проверять степень готовности колхоза дать отпор врагу. Проверяли степень готовности тачанок, наличие и форму готовности лошадей, сбруи. Отец, помню, был одним из руководителей, кому надо было «держаться ответ». Ему председатель колхоза того периода – Елизаров Михаил Кузьмич (его кроме как Кузьмич по другому никогда и не звали), как фронтовику, поручил «демонстрацию готовности».

Помню, Геннадий был в составе команды, которая по сигналу тревоги, бежала за своими лошадьми (они были в загоне, рядом), должны были продемонстрировать умение накидкой поймать лошадь, взнуздать её, запрячь в тачанку и на ней промчаться где-то с километр до финишной черты. Геннадий был вторым, я очень болел за него и это был превосходный результат, я им гордился. Первым был, конечно, Николай Макаров. С ним никто не мог достойно соперничать. Я его знал до старости и, сколько помню, у него всегда ярким светом загорались глаза при виде лошадей или разговорах о них. У него был талант, сродни таланту Дон Жуана или Пеле.

Комиссия признала готовность колхоза к проискам врага удовлетворительной, отметив отдельно блестящую форму лошадей Ласточки, Буланого и Аргмака, а так же хорошую подготовку призывников – Николая Макарова, Геннадия Куранова и Николая Тутаринова. Это были одни из последних осколков представлений Ворошилова и Будённого об армии. Больше о лошадях и тачанках в армии не помню. Дальше наступила эра «мелкашек». Но это уже больше по линии Юрия Петровича.

Кстати, смотр боевой готовности проходил при полном сборе села. В толпе были болельщики от мала до велика, и сцен, аналогичных показанным в фильме «Любовь и голуби», где Юрский обучал призывника основам ползания по-пластунски, было предостаточно. Конечно же, Меньшов, создатель этого фильма, видел в детстве такие сцены не раз. Кстати, он астраханец, но, я думаю, такое было по всему Союзу.

И провожали призывников в армию тоже всем селом. Когда провожали Геннадия, я был в центре внимания пацанского содружества. Ко мне подходили такие же шкеты. Спрашивали меня, могут ли убить в армии, трудно ли там и увидит ли брат живого немца. Это было моё первое интервью, я что-то отвечал важно, будто бы со знанием дела. Вечером в доме был большой сбор. Накрыли стол, пили брагу, бабы плакали, а мужики пели песни.

На другой день к балиндеру привязали что-то типа плота, на плоту разместились призывники с матерями да с малолетками. Я был среди них. Прибыло всё это хозяйство в Красный Яр, в военкомат. Слёз прибавилось. Но дали отбой, мол, приходите завтра. Балиндер постучал назад. А на завтра обрили Геннадия и попал он служить не куда-нибудь, а в Германию. Я много лет любил разглядывать фотографии Геннадия в армии.

Первым делом, когда Геннадий пришёл из армии, он стал, пока был отпуск и не впрягся в работу, «поправлять забор», соорудил новые тёсовые ворота, которые открывались, и лошадь с телегой могла въехать во двор. Долгое время ворота были лучшими на селе и были предметом гордости мамы.

А вообще-то в судьбе Геннадия было 5 классов образования и трудотерапия в рыбацком звене «по собственному желанию» – не захотел больше учиться – иди поработай, пока жаренный петух в известное место не клюнет. «Петух клюнул» – пошёл Геннадий на курсы ветеринара, был некоторое время ветеринаром на селе – помню, брал меня с собой в помощь превращать любой животный мужской пол в евнухов. Затем курсы бухгалтеров и работа в бухгалтерии. Помню один эпизод в самом начале работы Геннадия в бухгалтерии. По-моему, это было непосредственно перед армией. Пришёл я в бухгалтерию к брату (главный бухгалтер – Мишка Бух, косой на один глаз), и увидел лежит на столе складной ножичек, блестящий, красивый такой. Не выдержала моя душа и я его откровенно стёр, бросил в карман и сбежал. Вскоре пропажа была обнаружена. Подозрение пало на меня – больше некому. Предвидя это, я спрятал ножик где-то дома и при допросе всё отрицал: знать не знаю, видеть не видел. По моим ответам Геннадий, конечно, понял, что это я воришка. Беседа была внушительной, ощущение близкой и неминуемой тюрьмы пронзило всю мою плоть. Но страх позора был выше и я так и не признался. Когда Геннадий оставил меня в покое, я достал спрятанный нож, убежал за околицу села, где обычно по вечерам развлекалась молодежь, стреляя из мелкашки, и там часто бывали и Юрий и Геннадий, и выбросил этот нож. На другой день я услышал, что нож нашли и отдали его хозяину. Я успокоился, но понимал, что Геннадий просчитал мои действия. Ужас позора и неотвратимость тюрьмы на всю жизнь убили во мне вора, а судя по действиям с ножом, талант вора у меня был. Да вот Геннадий загубил его!

Женился Геннадий, как мне тогда казалось, уже солидным мужиком, в 25 лет. Невесту – Уфимцеву Валентину Дмитриевну я впервые увидел. Встречая автобус с женихом и невестой где-то на Бугрике – тогда там проходила дорога Астрахань–Красный Яр. Мне она показалась совсем девчонкой, милой, красивой, но девчонкой, которая не может быть невестой моего солидного брата. Когда же мы шли от автобуса до дома, беседуя с Геннадием, подошла ли трава, не прочернело ли сено и выяснилось, что невеста не знает элементарных вещей – как получается сено. Она, видите ли, считала, что сено – это высохшая на корню трава. Такое невежество меня вначале ввело в шок, а потом я понял, что в этом что-то есть, поскольку она искренне удивлялась нашим познаниям, и за время пути до дома я себя зауважал, ну и, конечно, принял Валентину Дмитриевну как достойную невесту моего старшего брата.

Всю свою жизнь Геннадий и Валентина, их дети Сергей и Наталья были тесно связаны с Петром Ивановичем и Екатериной Филипповной не только родственными связями, но и своей деятельностью. Родство, дело, близость душ – всё тут было переплетено. Из всех детей семья Геннадия ближе всех была к отцу с матерью, проживая по соседству. При таком положении, были, конечно, и трения по линии свекрови, но всё это без отрицательных последствий перемалывалось мужским началом.

Геннадий долгое время председательствовал, был видным человеком в районе, с его мнением считалось районное руководство, как это всегда было в отношении отца. Но стало прихватывать сердце, что оказалось весомым аргументом для перебазирования в Астрахань. Здесь Геннадий решил держаться поближе к больнице, долгое время работал заместителем главного врача Соловьёвской больницы в городе Астрахани, занимаясь её сложным хозяйством. Но сердце, сердце...

Последние годы Геннадий был под крылом у сына – директора предприятия. Сергей умело сочетал производственную нагрузку на отца, который не мог себя представить без работы, с его отдыхом, соизмерял всё это со здоровьем отца. И дочь Наталья Филипьева с мужем Эдуардом, внучки – две Ани и Елена – бережно относились к его здоровью, не говоря уже о жене, но сердце, сердце...

Геннадий вместе с нами планировал празднование 100-летия родителей, а вот судьба распорядилась по-другому – мгновение и Геннадия не стало. Из всех из нас Геннадий, в том числе своей судьбой, больше всех похож на отца. И ушли из жизни они очень похоже – мгновенно.

Последняя моя встреча с Геннадием была символична. Его зять – Филиппьев Эдуард, отвёз нас троих братьев на кладбище к отцу. Мы долго ходили по кладбищу как по истории села. Сидели у отца, и Геннадий говорил, говорил, всё больше о своей юности, о своей работе в селе, об односельчанах, судьбы которых хорошо знал.

Вечерний звон, вечерний звон
Как много дум наводит он!

О юных днях в краю родном
Где я любил, где отчий дом.
И как я с ним, навек простясь,
Услышал звон в последний раз.

И скольких нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых,
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он ...

Юрий Петрович родился в счастливые довоенные годы, но всё его раннее детство – это война. Когда началась война, пошла первая волна призыва на фронт: отца не взяли, взяли молодёжь. Старикам (отцу было 35 лет) дали бронь – надо ловить рыбу, надо кормить фронт. Но дела на фронте развивались хуже – некуда, и пошла 2-ая и 3-я волна призыва. И здесь уже и бронь не сработала, не сработало и то, что отец не служил из-за плоскостопия (он говорил, что это врач придумал – жалко было сироту). Когда призвали на фронт третий призыв, по селу стоял невообразимый вой, вспоминали отец с матерью. Ведь первые два призыва к тому времени погибли полностью! Отцу повезло – его ранило. Отрезали руку и комиссовали, так что и Юрий, и я знаем отца лишь одноруким.

Первое осознанное восприятие Юрия у меня такое: за окном ночь (наверное, была зима), мама хлопчет у печки и в который раз говорит: «Юрка, вставай!». Отца нет, он, видно, уже уехал рыбу ловить. На Юрьево: «сейчас», мать снова: «вставай, я тебе говорю, в школу опоздаешь!». И так далее, в течение

длительного времени. Потом мама не выдерживает и бросает в Юрия кружку. Думаю, что это продолжалось изо дня в день, а запомнил этот день я потому, что Юрий взял эту кружку и бросил её назад в маму. Я весь похолодел от ужаса, а мама села и заплакала. Юрий нехотя вылез из-под одеяла.

Все первые события, связанные с Юрием, носят у меня шкодливый характер: вот он заставляет меня вместо себя толочь рис в ступке, пест от которой я еле-еле поднимаю, вот он, не выдержав застольной перебранки, переворачивает стол - всё летит на пол, а он – в дверь. Надолго запомнили в семье, что он покурил на «подловке» (чердак), где сложили лучшее в мире сено – рженец, ведь пожара на селе боялись больше, чем наводнения. Однажды отец увидел дым и так крикнул, что всем стало жутко, в первую очередь – Юрию. Он кубарем свалился с крыши и, слава богу, остался цел и невредим! Часто вспоминали случай, когда Юрий проделал дыру в кружке отца, чтобы его не посылали за этой кружкой во время его работы весельщиком. А я хорошо помню случай, когда он со своим корешком «Кадекой» разучивает песню Джамбула Джабаева (звени же домбра по колхозным аулам, слушайте песню акына Джамбула), а потом они измываются над своей учительницей, изображая в лицах содержание этой песни. Своевольный в детстве полет его мысли, нередко приводил Юрия вместо уроков в тутовник, а значит и на второй год и т.д. и т.п. Вообще, в моём представлении вся юность Юрия до его учёбы в ремесленном училище была прожита под знаком протестности к сложившемуся мещанскому крестьянскому укладу жизни. Узость крестьянского мышления, отсутствие полёта фантазии у взрослых в земле крестьян и рыбаков и отсутствие стремления к красивой жизни – вот против чего протестовал Юрий в молодости. Не оценил он в юности рыбацкий и крестьянский труд, вот почему сейчас, когда ему уже под 70 лет, он так любит и то и другое. Лучший рыбак и дачник Кучергановки.

И всё же самый шкодливый, из всех нас Юрий был самым любимым сыном у мамы! Я помню мрачное состояние родителей, когда они узнали о том, что Юрий свалился в трюм под Самарой, выбил все зубы, где-то там лежит в больнице без копейки, отстал от своей баржи, на которой он плавал после ремесленного училища по Волге. Мама сказала мне обо всём этом, когда я косил траву серпом, наверное, в паводок, чтобы кормить скотину. Я жутко испугался, порезал серпом себе палец до самой кости. Шрам у меня сохранился до сих пор, и он всегда напоминает мне об ужасе в глазах матери – что с Юркой, и в глазах отца – как быть?

Юрий до сих пор отмечает день военно-морского флота. Не потому, что грохнулся в трюм этой долбаной баржи, а потому, что 4 года оттрубил водолазом на флоте под Мурманском. После флота была попытка поработать на электронном заводе, но проблема – надо учиться – привела его в индустриальное училище в Саратове. Так в Саратове оказался и я, жили одно время – месяца два – в общежитии в одной комнате вместе с десятком других индустриков, ставших и моими друзьями: Бельтюков, Джамайка и др. Потом мне дали общагу в универе, а Юрий пожимал руку самому Гагарину после его полёта во время приезда Гагарина в свой родной индустриальный техникум, который он, как и Юрий, заканчивал. Никому из нас в жизни не выпадала такая честь. Мне как-то пожимал руку Кириенко, будучи премьер-министром и устроившим в России дефолт, за что его прозвали Киндер-сюрприз. Но Гагарин и Киндер-сюрприз, это как Пушкин и Доризо.

В Саратове Юрий нашёл и Любовь Калиновну Карелину, женщину не только с благозвучным звучанием ФИО, но и ставшую преданным, заботливым и верным его спутником на всю жизнь.

Вообще-то, женитьба Юрия Петровича заслуживает специального акцента ещё и потому, что он в семье у нас считался, и по праву, признанным ловеласом. С девушками он дружил с раннего детства, до женитьбы подруг у него было не счесть. Если у Геннадия их можно насчитать 2-3, то у Юрия тоже 2-3, но десятка.

Свой выбор он сделал почти в 30 лет. Ему нелегко было остановиться. Помню, когда мы приехали во дворец бракосочетания, он сказал мне: «Ты знаешь что, будь ко мне поближе, а то я на себя не надеюсь – сбегу». Наказ я выполнил исправно, ходил за ним по пятам, ловил момент, когда он рванёт, но обошлось. Растут у Юрия с Любой – Екатерина (в честь бабушки!) Гордеева с дочкой Лерой, и Ольга с сыном Костей.

После техникума Юрий бесменно работал старшим мастером в профтехучилище. Он получал истинное удовольствие от этой работы, обнаружился у Юрия настоящий педагогический дар при работе с

трудными подростками. Приходилось ему бывать у них и за папу и за маму, спасать от тюрьмы и от сумы. Сейчас Юрий учится «созерцать» жизнь, вкалывая на даче, занимаясь внуком, рыбалкой. Юрий очень трогательно, очень прочувственно несёт в себе память о родителях. Да и всеми поколениями Юрий воспринимается как душа семьи Курановых. При воспоминании вместе с Юрием проведённого времени у всех появляется перво-наперво улыбка, а это дорогого стоит. Дай тебе бог здоровья Юрий Петрович!

Пока писал всё это – многое уже написал и о своих чувствах к родителям. Я – послевоенный «поскрёбышек», как часто говорил отец. Единственный из этого поколения членов семьи, который был дважды женат. Дети от первого брака с Нуйкиной Валентиной Степановной Леонова Елена (муж Дмитрий Михайлович) и Петр (жена Алексеева Светлана Юрьевна) и от второго брака с Прокофьевой Еленой Владимировной – Маша и Владимир. Внучка пока только одна – Ксюша!

Поскольку я в семье младший, то всегда был какой-то эстафетной палочкой между поколениями: разница в возрасте у нас с Юрием такая же, как и с Валентином – старшим из следующего поколения, если вести отсчёт от Петра Ивановича с Екатериной Филипповной. В качестве эстафеты я передал и преимущества бракоразводный процессов, чем не замедлило воспользоваться следующее поколение – поколение внуков, а теперь и уже и поколение правнуков. Ну что ж, Курановы всегда шли в ногу со временем!

Теперь о послевоенном периоде жизни семьи Курановых я немного писал. У нас не так много в селе осталось семей, в которых был кормилец, как называли тогда мужей их жёны и дети. Голода в семье я не помню, но помню - приводил домой голодных друзей и мама их подкармливала. Хорошо помню период, когда отец был бригадиром рыбодобычи, когда в нашем доме собирался народ и под песни метали новые сети, режаки, чинили старые. У нас весь чердак был забит сетями: отец их получал где-то в районе и раздавал рыбакам в зависимости от их квалификации. А нужная сеть – это недостаток в доме рыбака. Хорошо помню вечера, когда рыбаки приезжали с рыбной ловли (тогда слова рыбалка – не было), приходили к нам в дом, рассаживались на корточки вдоль стен и обменивались информацией об уловах. Потом отец принимал решение, кому, куда и на какое время ехать ловить какой сетью. Мне всегда нравилась аргументация: «Галала, плыви на Первенькую, у тебя лодка ходкая, дойдёшь быстро, там волокушей пройдёшься, а то Васька Гуд на прошлой неделе там крылом кидал, так с десятков сазанов только взял, да с полсотни сомов. А ты волокушей-то ещё и частичка наберёшь центнеров десять, видишь, как моряна-то задула. А тебе, Шалманый, лучше плавными сетями поработать на Шмагино, они у тебя стенистые, там глубоко, в моряну-то самый раз», и т.д. и т.п.

Не только за сетями, да разнарядкой ходили рыбаки к отцу. Часто – за советом: «Всю башку сломал себе, что с моим Геськой делать, не знаю. Всеми ночами шастает к вдовам. Да ладно бы к разным, а то вот приклеился к Толочихе - та его мигом окрутит. Не успеешь и охнуть, как хомут на шее».

«Да что ж ты раньше-то не сказал, давай его в бударку к Мартыну отдадим и пошлём на месяц на Раскаты. Пусть там покобелится. Да в лодку к ним дадим Вальку Чугунику. Эта девка справная. Глядишь, приедут оттуда, набитые рулонами, да лодку чилима привезут, да тут же и свадьбу-то и отгрохаем».

Вот такого рода диалоги часто звучали в нашем доме. А проблем у всех много, то корова не дойная попала, то свиней надо резать – корма закончились, а до весны уже рукой подать, то... Да, нет труднее на свете хлеба, чем хлеб крестьянина!

С возрастом отцу всё труднее стало на его любимом рыбацком поприще – без руки в лодке да ещё с его комплекцией. Ушёл он работать заместителем председателя – Геночки Михина. Помню, они составляли неразлучную пару. Геночку звали «куян» – лиса, а отца «касқыр» – волк. Геннадий Григорьевич знал сильные стороны отца и как опытный руководитель решения сложных проблем, задевающих людские интересы, как раньше говорили «сваливал» на отца. А на него сваливать-то ничего не надо было, народ и так к нему не только по личным, но и по колхозным делам валил. Нелёгкие были годы для руководителей села. То надо заставлять работать народ за трудодни, То в Хрущовские времена заставлять резать лишнюю скотину, да не ту лишнюю, которую ты считаешь, а ту, которая не вписывается в какие-то там, чёрт те кем, придуманные нормы. Отец пользовался большим доверием и уважением сельчан не только потому, что глубоко знал их проблемы и мог умело их решать, но он обладал даром сострадания, сочувствия, умением «входить в положение». Равнодушие – вот что, напроць, отсутствовало в нём.

И люди ему платили тем же. Отец умер, не занимая уже никаких постов в колхозе, но его проводить в последний путь пришла вся деревня - от мала, до велика. Столь многолюдным, каким был митинг по поводу похорон отца, я в деревне не видел никогда. И это помогло нам, его близким, пережить утрату.

Но не всем. Мама не выдержала. Она не умела жить без отца, она была его неотъемлемой частью, она знала, что делать надо для него. Она не умела жить для себя. И для детей она жить не умела. Она, всю жизнь прожившая для детей, с детьми не могла жить для них без отца. Если не можешь жить для себя, для детей, то тогда для кого жить? С этим странным вопросом мама прожила ещё 16 лет после смерти отца. Идеальная пара могла существовать только в паре. Та, настоящая наша мама, умерла вместе с отцом. Все попытки детей вдохнуть новую жизнь в оставшуюся без отца маму не увенчались успехом.

Я посчитал. Сейчас на белом свете живёт 45 человек. чьи судьбы прямо, не косвенно, связаны с тем, что жили-были на земле Пётр Иванович и Екатерина Филипповна Курановы и как они жили.

Что дороже, ближе всех?
Может треск в голландке,
Может пышность пирога,
Святки спозаранку?

Может подвиги в труде,
Скирды на покосе.
Или кони в борозде,
Обмолоты проса?

Может - дерги в режаке,
Иль раздел белуги,
Иль уха, что в котелке,
Новые подпруги?

Аль зернистая икра,
Или все ж арбузы,
Может, мамина рука
Иль отцова мудрость?

Может отдых на бахче
После потогонки,
Может йод на саранче,
Прятки и догонки?

А в футбол в сплошной пыли,
А хоккей на Волге,
А балиндер на мели,
А в конюшне волки!?

Может галстук на груди,
Иль салют при урне,
Ленин, вечно впереди,
Трудовые будни?

Или первый поцелуй,
Пылкий, неумелый?

Чувство – я, мол, не холуй,
Я, мол, парень смелый?

Может битвы в «дурака»,
Или песни лихость?

Все же - мамина рука
И отцова мудрость!

Часть 5 **Эпилог – бессмертие**

Как-то мой друг, Шевчик Александр Петрович, сказал мне: «Ты пойми, что для конкретного дела ты нам теперь и не очень нужен. Но для успеха предприятия в целом нужно, чтобы ты был. Был вообще. Существовал. Значит, для дела самое важное – это твое здоровье. Вот и занимайся им!»

Мне показалось, что в словах друга есть здоровое зерно (от скромности я, по-видимому, не умру), поэтому стараюсь отпуск провести полноценно, укрепить здоровье, ну и так далее. Полноценно – это я понимаю, как нравится. А мне нравится путешествовать, вот я и объездил почти весь мир!

И во время путешествия стал записывать свои впечатления. Записи эти нравятся моему постоянному спутнику и первому слушателю жене, которой наградила меня бог за какие-то заслуги.

Елена Владимировна, используя в т.ч. потенциал семьи, издает эти путевые заметки в виде брошюр. Перечитывая их, я обнаружил, что где бы ни путешествовал, что бы ни видел – почти все впечатления проходят через призму детства, через родительские ощущения. Разве не это называется жизнью после смерти!? Посмотрите главу 17 этой книги, и вы найдете подтверждение моих слов!

При желании Александру Сергеевичу Пушкину можно приписать много, абсолютно не выдуманных, более чем реальных недостатков. Многие превосходили его в уме, доблести, чести, и о них никто не знает. Справедлива ли история и надо ли вообще чествовать личность, не наносим ли мы другим, не чествуемым, оскорбление?

Вопрос не праздный, но, конечно, с очевидным ответом. Именем Пушкина и других чествуемых цементируется, выделяется, проявляется людское сообщество, именуемое нацией. Границы этого понятия все более размываются, и в этом совершенно не вижу ничего плохого. Тем более важны цементирующие прожилки.

Петр Иванович и Екатерина Филипповна являются для нашей семьи тем же, чем Пушкин для нации! Понятие семьи, как и нации, тоже естественным образом размываются. И здесь это понятие применимо в смысле клана.

Празднование 100-летия этой пары, для меня, например, представляет еще одну возможность обращения к самым сокровенным уголкам души и сердца, к корням, к истокам, к бессмертию любви, к тому, что делает нас людьми.

В день столетия мамы 1 декабря 2007 г. я не выдержал и написал маме отдельное послание, которое, конечно, нигде не публиковал и никому не читал. Это как бы только маме, интимное, понятное только нам с ней. А вот сейчас, просмотрев еще раз «Зарисовки памяти», решил все же выдать нашу «тайну», надеясь, что став известной, она, эта тайна, никому не принесет вреда, а наши с мамой чувства будут поняты и приняты даже поколением XXI-го века.

Письмо к МАМЕ (в день ее 100-летия!)

Мама! Вот тебе уже 100 лет. Я знаю, что женщины не любят, когда называют их возраст. Ты была не исключением, а наоборот. Очень не любила обнародование этого факта. Но ведь сегодня – случай

особый. Поэтому, уверен - простишь и с присущим тебе чувством момента – поймешь. Простишь и поймешь меня, грешного. Такого рода выражений я, мама, набрался от тебя. Понятно, конечно, что слово «набрался» я здесь использовал специально, чтобы возбудить тебя, дать тебе повод пожуричь меня. Я вообще не помню, чтобы ты меня когда-нибудь ругала. Даже по поводу отношения к богу. Ты хорошо понимала, что такого безбожника как я, невозможно сделать верующим в тех условиях жизни при Советской власти, которые были реально, которые в целом принимали все мы, все наше семейство и жили идеями Советов полной грудью, сами их пропагандировали, воплощали. Твои дети (я не исключение) - они и председатели совета дружины, и комсомольские вожакИ, и партийные деятели. Я, правда, в партию так и не вступил. Не потому, что не хотел, а потому, что в молодости не считал себя достойным (хотя мне настойчиво предлагали), а уже потом – не принимали, потому что выбрал путь науки. А зачем ученому в СССР нужно быть членом партии? Не тем, конечно, которые, не будучи таковыми, рвутся в руководители наукой. Для таких ученых квоты были малы, хотя я, вроде бы, всегда совмещал научную деятельность с организаторской. Так вот, ты, мама, этого самого безбожника вела к богу, нет - не вела, пыталась не совсем уж далеко отпустить от бога интуитивно очень точно. Ты изредка лишь вступала в прямые переговоры о боге, неизменно их проигрывая (как же тебе совершенно безграмотной можно было выиграть дискуссию с подкованными не только марксизмом-ленинизмом, но и диалектическим, и историческим материализмом!). Но Вы с отцом привили нам уважение к традициям. Поэтому я с красным галстуком на груди и в сердце проникновенно исполнял и Рождество, и Ангел мирный, и Новую радость – славя Христа в его рождество, с упоением красил и катал яйца на Пасху в момент его воскрешения, произносил «Господи, благослови!», когда принимал какие-либо важные решения в жизни.

Именно поэтому я никогда не был и, упаси меня господь, никогда не буду, воинствующим атеистом, оставаясь, надеюсь, до конца дней своих, атеистом - по сути. Поскольку речь как-то сама повернулась к религии, то помню иконы в переднем углу, лампаду и иногда тебя, молящуюся по утрам. Никогда вечером и никогда отца. Но, конечно, никто и пикнуть, в насмешку по этому поводу, не смел. По-моему, только Юрий. Он один из всех нас был наиболее воинственный в этом отношении. Еще запомнилось, как ты первый раз ввела меня в церковь и предложила исповедоваться, что я и сделал в первый и последний, пока, раз. Была правда однажды у меня еще одна попытка исповедоваться и получить отпущение грехов. Но это уже было без тебя и неудачно. Грехи мне не отпустили.

Помнятся мне, конечно, многочисленные совместные хлопоты по домашнему хозяйству. Ведь я был младшим, и за мальчика, и за девочку. Поэтому я не только пахал, работал на сенокосе, на бахчах, браконьерничал, заготовливал дрова. Это все под патронажем отца. Но я и загонял с поля скотину, кормил ее, иногда даже доил, перегонял через сепаратор молоко, сажал огород и перерабатывал выращенную продукцию, перебирал картошку, готовя ее к посадке, таскал из речки воду на домашние нужды и в баню, топил ее, особенно зимой, засаливал, нанизывал и развешивал воблу, чистил базы, делал кизяки и прочее, прочее. Это уже, мама, полностью и под твоим патронажем. Большинство из того, что я перечислил, делала ты, а я лишь помогал тебе. Помню монотонные работы по замесу глины и обмазыванию стен конышни, крыши кухни, в процессе которых мы с тобой пели вдвоем. Да и все работы по хозяйству, которые не требовали перемещения, мы обычно делали с песней. Ты была в этом деле моим первым и главным учителем. Отец был не учителем, а руководителем, песенным руководителем семейных праздников. Нечего и говорить, что я очень любил тебя. Сыновья любовь – она ведь складывается не только из эпизодов, когда ты выводила мне «цыпки» или, стесняясь своей неграмотности, втихаря писала мне письма в несколько строк, на которые ты тратила несколько длинных, зимних вечеров. Или заботой о нужной одежде в нужное время. Сыновья любовь вырастает, прежде всего, из материнской любви. Всепоглощающей, бесспорной, беззаветной. И у меня ее было столько, что я никогда не знал границ этой любви.

Мама, моя любимая мама. Тебе 100 лет. Ты умерла 18 лет тому назад. Тебя отпевали в церкви на Рождество. Было торжественно и празднично. Последние годы жизни без отца, который ушел из жизни на 15 лет раньше тебя, дались тебе нелегко. С ним ты была счастлива, а без него лишь доживала. И дожила ты в кругу своих детей и внуков. А это тоже счастье. К 100-летию со дня рождения твоего «сердцуна», я написал свои воспоминания о Вас вдвоем, о Вашей судьбе. А этим я хочу дополнить свое краткое по-

священие отдельно тебе, моя мудрая, любящая, умная, тактичная, моя, так и не закончившая первый класс, но все знающая и понимающая МАМА! Ты, конечно, обратила внимание на то, что я распоясался, обращаясь к тебе на «ты». Прости, мама! Я просто очень соскучился по тебе!

 В «Зарисовках памяти» я о многих, кое-что, уже сказал. Конечно, продолжу эту тему и ниже.

А здесь, заканчивая «Мою родословную», зачерпну-ка я еще кое-что из «Родники мои» Кумова Валентина Александровича. Он зашифрован под кодом 2111, т.е. имеющего первую (1) (и последнюю) жену Валентину Алексеевну Сафронову, родившимся первым (1) мальчиком в семье Зинаиды Петровны (2), от первого (1) и единственного брака с Кумовым Александром Дмитриевичем, который является зятем Курановой Екатерины Филипповны и Куранова Петра Ивановича.

Что же я хочу почерпнуть из этих «Родников...»? А вот что! Все, что идет от его матери Кумовой (Курановой) Зинаиды Петровны и выше он в своей книге называет «Бузанская ветвь» со своим естественно, взглядам на все, в т.ч. о чем описывалось выше. Вот эти записи из «Родники мои...»

Бузанская ветвь. Стрельцы или казаки?

Со слов матушки своей я знал, что у Курановых – казачье прошлое. Но вот в уже упомянутом эссе моего дядюшки-профессора на 5-й странице я прочитал: «Мой дед, Куранов Иван Петрович, астраханский казак, возможно, из рода стрельцов, что когда-то поселил здесь царь-батюшка для взимания податей с плывущего по Волге люду. Я слышал, что именно так образовалось село Красный Яр.»

Так откуда же мы – из казаков или стрельцов? Слава Богу, справочники имеются. Заглянем в Советский Энциклопедический Словарь (СЭС), год издания 1985г.

1. *«Стрельцы – в Русском государстве 16 – начала 18 веков служилые люди, составляющие постоянное войско, пехота, вооружены огнестрельным оружием. Изначально избирались из свободного сельского и городского населения, затем их служба стала пожизненной и наследственной. Получали жалованье... Жили слободами и имели семьи, занимались также ремёслами и торговлей. Стрелецкое войско упразднено Петром I с созданием регулярной русской армии.»¹*

2. *«Казачество – военное сословие в дореволюционной России, ... вольные люди, работающие по найму, лица, несшие военную службу в пограничных районах (городские и сторожевые казаки)...»²*

3. *«Астраханское казачье войско – создано в 1817г. на Нижней Волге (центр – Астрахань) из казаков, живших там с середины 16в. В 1920г упразднено.»³*

Странно, но в этом справочнике нет ничего ни про Красный Яр, ни про Бузан, ни про Забузан.

Берём другой: Альманах «Имя на карте Астраханской области». Выпуск 1, 2008г.Находим:

4. *«Бузан – левый рукав Волги. Название объясняется из тюрк. «буз» – «лёд», «холод» и др.-тюрк. «ан» - «река». Таким образом, Бузан – «холодная река»...»⁴*

5. *«Забузан – село в Красноярском районе. Основ. в 1878 казаками на правом берегу р. Бузан, напротив с. Красный Яр, для жителей которого оно расположено за Бузан рекой»... Первое время имело другое название – Бугрик по расположению на небольшой возвышенности.»⁵*

6. *«Красный Яр – село, р.ц.(с 1925 г). Основ. в 1650 г. как крепость для защиты Астрахани от кочевников с востока препятствия выходу «воровских» казаков в Каспийское море. Получило название от бугра Красные Ярки, на вершине которого была построена крепость. «Ярки» - от рус. Яр – «крутой, отвесный берег», «красный» - из-за красных глин, слагающих бугор...»⁶*

7. *«Первое подразделение стрельцов было создано Иваном Грозным в 1550г.»⁷*

Сравнивая (1) и (3), делаем вывод: казаки и стрельцы на астраханской земле появились почти в

¹ СЭС, стр. 1274, 1985г.

² СЭС, стр. 523, 1985г.

³ СЭС, стр. 85, 1985г.

⁴ Альманах «Имя на карте Астраханской области», Выпуск 1, стр. 11, 2008г.

⁵ Альманах «Имя на карте Астраханской области», Выпуск 1, стр. 18, 2008г.

⁶ Альманах «Имя на карте Астраханской области», Выпуск 1, стр. 26, 2008г.

⁷ «Россия. Иллюстрированная энциклопедия», стр. 505, изд. МОЛМА, Москва, 2008г.

одно время – в середине 16в. Стрельцам «решку навёл» Пётр I в первой четверти 18в. (см (1)).

А спустя век создаётся Астраханское казачье войско. А ещё через полвека родился Иван. И вот тут возникает вопрос: что творилось в Красном Яру – нижеволжской вотчине стрельцов – в эти полтора века, с 1720-х годов по 1875г (год рождения Ивана)? Я думаю, что за это время жители Красного Яра, что называется, «оказачились», в большинстве своём позабыв своё «стрелецкое» прошлое.

ВСЕ ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ СТРЕЛЬЦЫ КАЗАКАМИ СТАЛИ!

Поэтому, на мой взгляд, версия «Иван-стрелец» с большой вероятностью, здесь не катит.

Остаётся: **МЫ – КАЗАКИ!**

Фольклор волжский

Вот что я выудил у Даля:

- 1) 217-л8в: Славна Астрахань арбузами, а мы – голопузами.
- 2) ---/--- Астраханцы – чилимники (чили́м – водяной орех). Икорники. Ворвань тухлая. Белужники. Разбойники. Дуванщина (дуванить – делить добычу после набега; дуван – сама добыча.)
- 3) ---/--- В Астрахани и коровы рыбу едят (солёную).
- 4) ---/--- Астраханцы кобылятину вместо белорыбицы в Новгород слали.
- 5) ---/--- Красноярцы – сомятники.
- 6) ---/--- Откуда ты, Иван? – С воли, родимый (дразнят астраханские старожилы бродяг).
- 7) ---/--- Голодаевцы – переселенцы в Астраханской губернии (по бедности их).
- 8) ---/--- Долгопузики – воронежские переселенцы в Астраханскую губернию, подпоясывающиеся низко.
- 9) 238-п9н: Астраханская примета: имя мученика (в крещении) – к несчастью младенца.
- 10) 239-л15в: Так бы наш Ванька подпрыгивал (говорят в Астрахани на крестинах, выплёскивая часть вина на потолок.
- 11). 239-п2в: Новорождённого в Астрахани принимают в решете.
- 12) 264-п5н: Учи астраханца рыбу пластать.
- 13) 283-л18н: Просит осётр дождя, в Волге лежа.
- 14) 393-л8в: Славна (богата, довольна) Астрахань осетрами.
- 15) 415-п4в: Хитра, мудра казанская, а хитрее её астраханская.
- 16) 417-п1н: Возьми шубу, да берегись шуму (слово Стеньки Разина астраханскому воеводе, который отнял у него в свою долю грабежа богатую персидскую шубу).
- 17) 481-л2н: Гусь из печи не лезет (говорит астраханская стряпуха, а дружка потчует её вином и стреляет из ружья в печь, и тогда подают гуся).
- 18) 508-п4н: Шанежка да пирожки, так под самые корешки; а чёрствый хлеб да кислое молоко, так пополам волокно (говорят астраханские косари).
- 19) 576-л16н: В Астрахани, если ожидают к умирающему священника с дарами, то кладут нож на стол, для острастки смерти.
- 20) 583-п2н: Змеи оттого не кусаются, что Стенька Разин их заговорил (в Астрахани змеи большей частью водяные, не ядовитые).
- 21) 590-л1в: Велико поле колыбанское, много на нём скота астраханского, один пастух, как ягодка (загадка: месяц, звёзды, месяц).

А здесь приведу несколько «астраханских» слов.

Бугрик – бугор.

Анушка – устаревшее название щуки в низовьях Волги.

Корсак – в Астрахани так называют казаков.

Исады (большие) – улица или торг, рынок, базар.

КУРАНОВЫ ИВАН ПЕТРОВИЧ и ЗИНОВЕЯ АЛЕКСЕЕВНА (урожд. Тутаринова)

(№№23 и 24 ГД, соответственно)

(1875-1917; 18??-1918)

Я, случалось, задумывался: вот «Кумов» – понятно, от наирусского слова «кум». А «Куранов»? Тут куча вариантов: «курица», «куранты», «курага», «курево», куралесить» и проч. А вот небезызвестный нам профессор предложил, на мой взгляд, замечательную версию: «Куранов» – от названия реки «Кура». Но всё-таки это только версия, хоть и красивая.

Про эту пару полнее, пожалуй, чем у дядюшки в его «Зарисовках», вряд ли что найдёшь.

Профессор! Вот если бы ты ещё что-нибудь раскопал про *Курановых Петра* (№11 ГД) и *Прасковью* (№12 ГД), а также и про *Тутаринова Алексея* (№13 ГД), вот было бы хорошо. Но это уж совсем древность.

Впечатляют цифры, касаемые этой пары моих предков: до 42-х лет дожил прадед (вероятно, прабабке было поменьше) и 17 отпрысков – это круто!

Из 17-ти я знал (и видел) только двоих (кроме деда, конечно): Зиновею (Зинаиду?) и тётю Шуру с её мужем Кузовлевым Ильёй – мы у них почти каждый свой приезд в Астрахань гостили. А Зиновею я и видел-то один раз. Это было в 1998-м году, когда мой средний дядька – Юрий Петрович Куранов – отдавал замуж свою младшенькую дочь Ольгу, и мы со Светланой (моей дочерью) приезжали на свадьбу. Тогда-то я и сестра моя Татьяна посетили свою двоюродную бабушку Зину. Меня она почему-то не вспомнила, хотя, надо признать, возраст у неё к тому времени был уже, конечно, приличный...

P.S. Прочитано у профессора: «Тётя Зина дожила до глубокой старости (за 90 лет) – рекордсмен курановский.»

МИХИНЫ ФИЛИПП СЕМЁНОВИЧ и ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА (урожд. Жабина)

(№№25 и 26 ГД, соответственно)

Из всех известных мне прямых предков эта пара – самая долгожительная: если я не ошибаюсь, прабабка Таня умерла в 1968-м, немногим не до тянув до 90, а прадед Филипп – в 1972-м, перевалив 90-летний рубеж.

До недавнего времени я мало что знал о них, хотя каждый год вместе с родителями приезжал на матушкину родину в с. Забузан Астраханской области, где и прожили большую часть своей жизни мои пращуры. Мы с мамой в каждый свой приезд посещали их, общались с ними, но ничего сколько-нибудь запоминающего из этого общения в памяти моей не сохранилось. Да наверняка и матушка что-то рассказывала о своих «дедах», но нет, ничегошеньки не вспоминается, хоть убей!

Вот напрягаю свою «бестолковку» – и ни-че-го! И успокоился я только тогда, когда в мои руки попали дядюшкины «Зарисовки», в которых, добрый десяток страниц посвящены именно этой паре.

Слава Богу, что есть они, эти самые дядюшки, и пусть они почаще выпускают вот такие описания-напоминания для нас, нерадивых и неблагодарных потомков.

Ведь подумать только: «...не то 19, не то 24...» – столько детей произвела на свет эта пара. Или такой факт: «...бабанька забеременела в 50 лет...» И ведь родила! 83 года прожил этот последний Михин – мой двоюродный дед, дядя Герман, с которым нас объединила вдруг общая болячка – болезнь Паркинсона (чтоб ему, этому Паркинсону, ни дна, ни покрывки!)

Я не буду пересказывать профессорские строки, посвящённые Михиным, любопытствующих я отсылаю к «Зарисовкам памяти», стр. 18-27.

Вообще за дополнительной информацией, посвящённой моей курановской родне и семье моих родителей, я настоятельно рекомендую всем желающим обратиться к уже упомянутым выше «Зарисовкам» господина профессора.

КУРАНОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

(№34 ГД)

(21.01.1906 – 04.08.1973)

Из дневника внука (орфография и пунктуация сохранены).

13 мая 1974г.

«Прошлым летом, 4-го августа, умер дедушка. Я как раз был в Бресте [военные сборы] и не мог приехать на похороны. Деда провожало всё село. Впервые в Забузане играл оркестр, провожая деда в последний путь. Это был замечательный человек. Моя мать не раз говорила мне, что, если бы я был воспитан только дедом, из меня вышел [бы] человек...»

Этого деда я, сколько себя помню, всегда побаивался. Уже одно то, что его дети – мои матушка и три дядюшки – обращались к нему на «Вы», отдаляло меня от него и ничего я с этим поделать не мог. Ещё в раннем детстве в моей голове сложился такой стереотип, что «выканье» ставит в отношениях между людьми почти непреодолимое препятствие. Я, конечно понимаю: уважение старших, разница возрастов, проблема отцов и детей и проч. Но на мой взгляд, при «тыканье» больше теплоты, что ли, близости, взаимопонимания, я бы сказал, дружественности, даже родства. И этот стереотип мешал мне сблизиться с Петром Ивановичем настолько, насколько близок мне был дед другой, с Дона. Я даже не знал, как обращаться к нему: «дедака», как к донскому деду, – слишком фамильярно, «дедушка» – как-то уж очень ласкательно, не по-мужски, «дед» – вроде грубо. Серёга Куранов – кузен, сын старшего моего дядюшки Геннадия – тот на этот счёт несколько не комплексовал: «Деда» и всё тут! А я... Никак. И это очень тяготило меня.

Смутно помню наш с ним разговор по поводу этого самого «вы». Я был ещё совсем сопливым пацаном, дошкольником, и поэтому, наверное, из нашего разговора я сделал лишь один вывод: со старшими – только на «Вы»! И ещё запомнилось то, что мне было очень стыдно за своё прошлое – ведь на Дону я «тыкал» всей родне, не взирая на лица. Так было принято.

После этого разговора я, по приезду домой, попробовал было «повыкать», но хватило меня не на долго: появилась какая-то неестественность в обращении с роднёй и всё вернулось на круги своя.

В Отечественную дед воевал, но почему-то я никогда не слышал ни от него, ни от кого-либо ещё каких-нибудь рассказов о его военном прошлом. Может, по примеру моего отца, он не любил вспоминать о войне потому, что она его сделала инвалидом, – на ней он потерял левую руку.

Интересно, а какие награды – и боевые и трудовые – были у деда?

Как он управлялся одной рукой – это надо было видеть! Поставить на реке сеть, заарканить лошадь, запречь в арбу верблюда – ловко это у него получалось! Особенно запомнилось, как он пропальывал картофельное поле: я, имея две руки, едва поспевал за ним, одноруким!

Любил дедушка поиграть в подкидного «дурака». Причём, предпочитал игру «2х2». Бывалыча, режутся чуть ли не до утра: дед с батей – с одной стороны, дядья мои – с другой. Азартен был покойник, Царствия ему небесного!

Сказать, что уважали Петра Ивановича в Забузане – это значит ничего не сказать. Он был первым забузанцем, которого хоронили с духовым оркестром – одно это говорит о многом.

КУРАНОВА ЕКАТЕРИНА ФИЛИППОВНА (урожд. Михана)

(№35 ГД)

(09.12.1907-05.01.1989)

Если я вижу где-нибудь русскую печь, то сразу вспоминаю обеих своих бабушек. И Анфиса Захаровна и Екатерина Филипповна неразрывно – так мне казалось с далёкого-далёкого детства – связаны с этим чудо-изобретением умельцев земли русской! И если я, проживая практически круглый год возле неё (Анфисы Захаровны – прим. П.В. Кумов), ещё могу как-то представить в какой-то другой – кроме стряпушной – ипостаси, то бабушка Катя и русская печь для меня неразрывное целое! Когда бы я не посещал Забузан – будь то зимой или, что чаще всего, летом, – печь всегда встречала меня своим дымком и вкуснейшим запахом пирога с капустой и рыбой. И баба Катя – рядом!

Рыба вообще, по-моему, всегда присутствует на забузанском (да, наверное, и на любом астраханском) столе в каком-нибудь виде – будь то пирог или уха, или же жарёха, на худой конец – просто сушёная вобла. Рыба, а ещё помидоры и арбузы – вот, как мне виделось с детства, основные виды продукции, которые производил Забузан.

Вспоминаю смешную цену на астраханские арбузы: три(!) копейки за кило! Где это видано, где это слыхано?! Только здесь, на забузанских бахчах!

А как я их, арбузы, т.е., зарабатывал?

Напротив дедова дома, помню, был склад арбузный. Естественно, меня, мальчика, привлекал «аграмадный» размер полосатиков. Кладовщик дед Микита, Царствия ему небесного, видя мой заворожённый взгляд, предлагал мне на выбор любой приглянувшийся кавун, но взамен я должен был спеть или сплясать что-нибудь.

Долго я не раздумывал – плата, по моему пацанскому разумению, за какую-то там пляску была, как сегодня говорят, адекватной.

Зрителями были не только кладовщик, но и грузчики и автоводители, и все прохожие, а также жители близлежащих домов. Хохот стоял на всё село. Услышав его, бабушка Катя звала мою маму:

– Иди, встречай кормильца!

Что уж я там танцевал (не пел – это точно), я не помню, но хлопали все. Конечно же, я выбирал самый большой арбуз. И здесь начиналось «второе отделение концерта». Поскольку поднять такой арбуз мне было не под силу, я катил его и при этом громко кричал: «Ма-ма!». Помогай, мол.

И снова хохот.

Матушка ругала и меня и деда Микиту, но арбуз забирала, а я... снова к складу.

Это был первый заработок в моей жизни.

Также как и деда, я никак не называл эту свою бабушку. Почему-то язык не поворачивался назвать её просто «бабой, или «бабулей», наконец. А уж тем более, «бабуней». Даже сегодня я этого объяснить не могу.

Родня и по этой ветке моей родословной любила и умела петь. Любимая песня бабы Кати:

Вдруг казачий разъезд
Перерезал нам путь.
Наша тройка, как вкопана, встала.
Кто-то выстрелил вдруг
Прямо девушке в грудь,
И она, как цветочек, завяла.

А на свадьбах или других подобных торжествах все дети Екатерины Филипповны – первые заводилы. Старший из её сыновей – Геннадий – (Царствия ему небесного!) был тамадой на моей свадьбе.

Последние годы – без Петра Ивановича – Баба Катя была мало погожа на себя. Да это и понятно: за могучим дедом она была как за каменной стеной. И вот деда не стало... Не стало опоры. Дом в Забузани, в котором она была полноправной хозяйкой, продали, так как одной ей его было не потянуть, а дети разлетелись по белу свету: кто в Москве, кто в Волгограде, кто в Астрахани. А уж внуки...

Не стал я убирать повторения некоторых сведений, оставив все, как есть в первоисточнике. «Мою родословную» можно продолжать еще долго, но, кажется, это будет интересно только мне самому. Однако не могу не отметить здесь о некоторых данных из записок моего дяди – Михина Германа Филипповича, о котором упоминалось выше. Эти записки попали ко мне в руки недавно благодаря инициативе семьи Германа Филипповича! Его жена Нина очень обеспокоена судьбой могилы Якова Филипповича – брата уже давно покойного мужа, который в войну совершил два воздушных тарана, оставшись живым!. Она попросила меня помочь найти эту могилу, справедливо полагая, что нельзя допустить забвения военного лётчика, так много внёсшего в нашу победу над фашизмом. Для того, чтобы я мог действовать с открытыми глазами, вооружившись необходимой информацией, Нина Николаевна прислала мне воспоминания мужа. Я много нового, дополнительного почерпнул для себя из этих воспоминаний. Они расширяют мои познания о моей родословной и, уверен, интересны не мне одному. Вот так ростки прошлого как бы с того света находят пути к тем, кто ищет. Попробуем и могилу Якова отыскать, и запискам Германа жизнь дать.

Родословная

Не надо часто – иногда!
Но как же то необходимо:
Взглянуть на прошлые года,
И почерпнуть оттуда силы!
Без этого так пусто жить
И вряд ли можно что родить!

Какая сладкая слеза
В воспоминаниях о маме,
А нежная ее рука
Творит волшебное! Что с нами?
Да это ж счастье разливается,
Когда родная улыбается!

Отец! Совсем он молодой
С войны пришел с одной рукой,
Но сделал в жизни мне дорогу,
Привив любовь к селу, к порогу!
Не проложил, а показал, как жить,
Труд и добро боготворить!
Кого и как по- настоящему любить.

На родословную смотрю –
Простые русские крестьяне.
Вот почему я хлеб ценю
И песни русские горланю.
В истоках чистота хранится,
А это в жизни так годиться!

Я родословной не горжусь –
Я чту ее спокойно и безмерно.
Не потому ли слово «Русь»
Как мать-отец звучит во мне примерно!
Назад, назад, к моим истокам
И пройденным когда-то тропам!

Еще испить из них хочу
Пока могу, пока могу!!!

ГЛАВА 13. О БРАТЬЯХ НАШИХ СТАРШИХ

Пожалуй, о каждом в отдельности, а не обо всех сразу. О каждом – это значит о моих родных братьях и сестре: Зина, Геннадий, Юрий!

О судьбе каждого из них я рассказал выше, но там вскользь, а хочется еще, еще и еще.

Зинаида Петровна Куранова – Кумова, «Зиночка-картиночка». Ее уже нет в живых с 3 января 1999 года, но образ моей сестры с ее любовью к нашим родителям, к нашим краям детства и юности, к своей семье часто встаёт передо мной. Я не помню ее в родительском доме. К моменту появления моих зачатков памяти ее уже не было в доме. Она, закончив финансовый техникум по распределению была направлена в город Серафимович Волгоградской области, где прожила всю свою жизнь.

Мысленно «прогуливаясь» по образу моей старшей и единственной сестры, я все время натываюсь на какое-то щемящее чувство стыда перед ней. Пытаясь разобраться в природе этого стыда, неизменно прихожу к выводу, что Зинаида Петровна, прожив наиболее трудную жизнь, преодолевая нелегкие превратности судьбы, сумела каждому из нас – своих братьев – дать больше, чем дали мы ей. За всю ее 50-летнюю историю жизни на Дону мы были у нее в сумме порядка двух десятков раз, оставаясь в среднем на неделю. Она старалась приезжать к родителям хотя бы через год, иногда – каждый год на 2-3 недели. Как правило, всей семьей или с кем-то из членов семьи. Все эти встречи, без исключения, проходили в атмосфере высокой любви нашей сестры к нам и нашим родителям. Именно она – Зинаида Петровна Кумова – поддерживала пламень любви к нашим родителям на небесной высоте, с которой все мы были охвачены этой любовью. Каждая поездка любого из нас в Серафимович оставалась навсегда в памяти из-за умения сестры и ее семьи создать атмосферу гостеприимства, неподдельной радости, желания доставить удовольствие с учетом особенностей каждого. Бескорыстие, юмор, способность поддержать праздник жизни за весь период времени пребывания гостей – вот что окружало нас. И все это на фоне куда-то запрятанных и отступивших на время трудностей. Эти свойства она сумела привить и своим детям.

Не помню ни одного упрека в свой адрес со стороны сестры, не могу найти и своих проступков по отношению к ней и к ее семье, а чувство вины, тем не менее, есть! То ли потому, что мне много легче жилось, чем тебе, моя сестренка, то ли потому, что я не умею так любить, как любила ты!

.....

В своих «Родниках...» Валентин Кумов довольно подробно описал семью Зинаиды Петровны. Это дает мне основание идти дальше.

Но, пожалуй, приведу еще один пример гостеприимства по-серафимовически совсем недавно, на шестидесятилетия современной хранительницы донских традиций Белоусовой Татьяны Александровны. За неделю до юбилея Татьяна в хлопотах по хозяйству ухитрилась серьезно повредить позвоночник. Лежа неподвижно в постели отдавала указания по организации праздника. Собрались люди местные, из соседних куреней и станиц, из Волгограда, Саратова, Москвы. Она предстала перед всеми с улыбкой, ни намека на боль. Танцы, смех, песни разносились по Серафимовичу непрерывно в течении десяти часов с продолжением банкета с раннего утра до отъезда машин и отправления поездов! Видно было, что каждый отъезжающий увозил с собой частицу искренности, добра, чего-то светлого, чего так не хватает нашему времени, но которое живо в донской станице благодаря таким людям как Татьяна!

Куранов Геннадий Петрович – мой старший брат.

Судьба его сложилась вполне закономерно для времени, в котором он жил, с его врожденными данными. Были разговоры, а не уехать ли ему в город Астрахань и там нащупать свою тропинку. Но, как мне кажется, это были просто обсуждения вариантов: кем быть и как этого добиваться. Во многом свою судьбу он выбрал сам. Бросил школу (не стал заканчивать семилетку) и пошел, как многие в те годы, работать рыбаком в рыбацкую бригаду. И это в 12 лет! Он не боялся никакого труда, но мать и отец искали

для него возможность получить специальность. Возможность нашлась, и Геннадий, закончив ветеринарные курсы, стал ветфельдшером. На селе - очень уважаемая профессия. В те времена в колхозе и думать не додумались лечить собак и кошек. Наоборот, все владело искусством топить излишки этих животных. Это входило в обязанность почти каждого, кому за 10. Но вот лечить коров, овец, свиней, кур и т.п. – это другое дело, ветеринар выносил приговор – этого больного борова надо лечить и он лечил, а эту больную корову следует немедленно забить и закопать в специальный скотомогильник, чтобы не было угрозы эпидемии. Кроме того, ветврач, вместе с зоотехником, формирует стада колхозных животных из пород, наиболее приемлемых в данных условиях: чтобы продуктивность была высокой, а заболеваемость низкой и не эпидемической в этом климате, при данном содержании скота. До армии Геннадий, работал ветфельдшером и будучи красивым, статным считался первым парнем на деревне. Девушки к нему липли, но ему с его основательностью не составляло труда каждую поставить на место, не испортив с ней отношения. Три года отслужив в армии где-то в Германии, Геннадий вернулся в родное село, в родной колхоз.

Для Геннадия слова «родное село», «родной колхоз» не были простой фигурой речи. Они значили для него даже нечто большее, чем обычно понимается в таких оборотах.

«Родное село» - всегда означало для него быть в курсе главных событий села (кто заболел, кто пришел на побывку из армии, кому не завезли дров и т.п.). «Родной колхоз» - полили ли участок помидоров на Погореленской - без этого все может пропасть, отправили ли на скотобойню отбракованную партию крупного рогатого скота и т.д. и т.п. Этими проблемами жил отец и жил его старший сын Геннадий. Не мудрено, что Геннадий Петрович долгие годы проработал председателем колхоза. Не помню за всю свою жизнь ни одного неуважительного слова в его адрес. Толпа почти всегда бывает безликой, но народ всегда безошибочно определяет место (сейчас говорят «рейтинг») человека в своей деревне. Геннадия уважали! И, конечно, было за что. Он не только жил проблемами сельчан, чем мог - помогал, никогда не делал вид, что стремиться помочь, а именно помогал. Было у Геннадия еще одно яркое и уважаемое в народе качество: простодушие. Это слово, понятие для меня наиболее полно характеризует характер Геннадия. Смех его всегда был искренним. Я всегда был в восторге, когда Геннадий в смехе достигал вершины – тогда все лицо его расплывалось в какую-то новую форму, он весь краснел и заходился надолго в беззвучном хохоте, который переходил потом уже в громкий смех. Иногда такое же состояние испытывал и я, но редко и уже давно. Его простодушие выражалось и в умении слушать и в умении говорить, поучать, в реакции на темы разговора. Философские темы он явно не любил. Споры на темы – зачем человек живет, с какой целью, откуда произошел и куда движется, почти всегда вызывали в нем скуку, даже – раздражение. Ему ответы на эти вопросы всегда казались очевидными, и обсуждать их скучно и бессмысленно. Другое дело – политика, хозяйственные проблемы. Здесь он загорался, и свое мнение не сдавал. Геннадий Петрович, имея пятиклассное образование, + ветеринарные курсы + бухгалтерские курсы + совпартшколу, построил прекрасную семью, каждый член которой до сих пор считает семейные отношения в их семье эталоном.

Жена – Куранова (Уфимцева) Валентина Дмитриевна, учительница начальной школы. Она имеет все существующие учительские награды, действительно учитель от бога, знающий, где приструнить, где отпустить, где приласкать, как преподнести, чтобы поняли все, как лучше объяснить слабым, чем занять сильных на уроке. Валентина Дмитриевна начинала работать учительницей в Астрахани. Затем, в зависимости от работы мужа, работала много лет учительницей в Забузани, в селе Кривой Бузан. Много лет а потом снова в Астрахани. Везде и всегда о ней – самые лучшие отзывы. Скоро Валентина Дмитриевна, бог даст, отметит свое 80-летие.

Весомая доля в счастливой судьбе Геннадия принадлежит этой незаурядной женщине. Ей свойственно было не только понять и играть свою роль в семье, т.е. идти за мужем, но и направлять, поддерживать, укреплять, воспитывать и мужа, и детей.

В эталонной семье Геннадия Петровича и роль детей распределилась как по писанному. Сын Сергей пошел по стопам отца, но конечно, в новых антиколхозных условиях, а дочь Наталья пошла по стопам матери. Мне уже трудно судить, чьи награды государства весомее – у матери или у дочери. Но твердо знаю – Наталья Геннадьевна Филиппева (Куранова) – прекраснейший педагог – математик. У нее,

как и у ее родителей, надежный тыл - семья. Они с мужем – Филиппьевым Эдуардом Александровичем - разумно разделили сферы своего главенствования. У них каждому хорошо известно, кто в каких делах сильнее, кто в чем и когда - главный. Эдуард всю жизнь был и остается водителем любого аппарата, попавшегося ему на его пути. А начинал он на Крайнем Севере, за полярным кругом. Выходец из немецких народов, которые когда-то пришли в Россию, где раздавалась «халявная» земля и закрепились здесь на долгие годы. Но мир меняется до неузнаваемости и теперь толпы эмигрантов, в т.ч. из России, устремились на земли и предприятия Германии, где создаются привилегированные условия возвращающимся. Особенно - своим, некогда покинувшим землю, немецким народностям. Многие из родственников так и сделали, но не Эдуард.

А теперь Наталья и Эдуард – бабушка с дедушкой. Старшая дочь Елена Тимофеева (Филиппова) получила высшее образование, стала работать в Астраханском филиале ДАР/ВОДГЕО, сейчас родила и воспитывает внука Геннадия Петровича – Степана. Ее муж Тимофеев Владимир Александрович тоже работает в ДАР/ВОДГЕО.

Пути господни неисповедимы – та самая Катя, Екатерина Александровна Тимофеева (Коростилева) является бабушкой (приемной) Степану, а мой университетский, научный и околонаучный друг Коростилев А.Д. – прадед Степану, который мне – внучатый племянник! И «виновата» в этом фирма ДАР/ВОДГЕО. Какой я молодец, что в 1992 году открыл эту фирму: дети рождаются, родственные связи укрепляются.

У Натальи с Эдуардом есть и вторая дочка, которая только что получила высшее образование – Аня! Убежден, что и из Елены, и из Ани вырастут прекрасные специалисты. Повышение квалификации кадров в большой когорте Петра Ивановича и Екатерины Филипповны успешно решается и довольно высокими темпами! За будущее фирмы можно быть спокойным, как и за будущее страны!

Да, дочь Геннадия Петровича – в маму, о чем он всегда и мечтал. А сын? Сергей Геннадьевич Куранов – незаурядный человек. Если бы сохранился Советский Союз, то сейчас, со 100% уверенностью заявляю, это был бы партийный работник высокого ранга. После ВУЗа, а Сергей закончил Астрыбвтуз по специальности «Холодильные машины», он уже вскоре руководил штабом студенческих бригад области. Этой работой он увлекался самозабвенно, отдавал ей все время, сердце, душу, т.е. все, что у него в то время было.

Об этой работе он и сейчас, спустя 25 лет, не может говорить равнодушно. Узнаю в нем деда и отца, которые горели на колхозной работе. Не стало СССР, не стало студенческих бригад. Сергей нашел себя в качестве одного из руководителей фирмы ДАР/ВОДГЕО. Школа ВОДГЕО пополнилась еще одним талантливым учеником на одном из самых востребованных тогда направлений – проектирование объектов водного хозяйства. Будучи директором Астраханского филиала, Сергей Геннадьевич сделал это предприятие одним из ведущих в области и был переведен в Москву, в центральный аппарат фирмы, где успешно работает уже долгие годы первым заместителем Генерального директора. Он всегда в поиске. В поиске новых путей работы с Заказчиком на разных этапах работы над контрактом: от его заключения до сдачи и получения денег за выполненные работы. Его самоотдача в работе подкупает не только меня, но и всех тех, кто работает с ним бок о бок.

Совершенно неожиданно, мне кажется – не закономерно, сложилась семейная жизнь у Сергея Геннадьевича. Он оказался рекордсменом по числу разводов и числу жен – четыре, говорит он, пока. И это при том, что он, вообще-то, по натуре – семьянин, в отца. Прослеживая судьбу многих из тех, с кем довелось шагать по жизни на разных этапах, могу утверждать, что в целом в жизни закономерности, через массу случайностей, так или иначе пробивают себе дорогу. Но и «кренделей» жизненный путь выписывает не мало! Четыре жены у Сергея – явный «крендель»! Но он сильный человек и этот «крендель» обернул в свою пользу. Сейчас у него жена – прекрасный, образованный, любящий работу, жизнь во всех ее проявлениях, от лыжных гор до морских глубин, человек. Белевич Анжела Зигмундовна, закончила Мехмат МГУ вместе с моей дочерью Еленой, вскоре пришла в нашу фирму и сейчас по праву занимает пост заместителя Генерального директора по финансово-экономическим вопросам.

Дочь от первого брака Филянская Аня вместе с мужем Филянским Игнатом живут в Москве. Аня

работает в ДАР/ВОДГЕО, а Игнат в Газпроме. Точка приложения его интересов – сжиженный газ. Совершенно особенный, как все дети, у них ребенок – дочка Лера. Она всегда знает, что она хочет, а что не хочет, и ни за что не заставишь ее это сделать! Лера – одна из немногих пока праправнучек Петра и Екатерины Курановых, но скоро в этой семье появится еще одно прелестное создание и праправнучек станет больше!

Большие надежды у Сергея связаны с будущим его приемной дочери - Даши. Они очень хорошие друзья. Даша делает большие успехи в учебе и не только. Она разносторонне развита, увлечения, порой, захлестывают ее, тем интереснее ей и с ней.

Куранов Юрий Петрович! В нашей семье как-то не принято было, да и не было повода, обсуждать темы любимчиков отца или матери. Во всяком случае, передо мной никогда не стоял этот вопрос. Уверен, что это политика отца. «Какой из пальцев на руке я больше люблю?»- говорил он. «Они мне все нужны – вот всех и люблю». Но мама у нас была настоящей женщиной, и скрыть свою особую любовь к Юрию она не могла, как и выразить – почему, откуда она появилась эта особая любовь. Интересно, при этом никто, ни старшие, ни я – младший, никогда не ревновали и не обижались за такое выделение любимчика. Конечно, это потому, что мы тоже не обделены были этой любовью, но и потому, что во взаимоотношениях матери и сына Юрия – было что-то от врачебного. Они как бы дополнительно врачевали друг друга от трудностей тягот и невзгод жизненных. Мама как-то чувствовала, что в этом Геннадий и я не особенно нуждались, мы были, как бы, черствее душой, чем Юрий, которому такое лекарство было необходимо. Безусловно, такого рода лекарство было необходимо и нашей сестре Зине. Но там другая история, ей мать и отец готовы были отдать еще в 100 крат больше, чем давали нам. Однако это невозможно, она далеко, у нее своя семья, свое окружение, неизвестное им. Им оставалось только болеть душой за нее.

И души у них болели, я это как младший видел, слышал, ощущал очень часто. А в Юрии мама чувствовала, принимала и защищала более тонкую мятущуюся натуру. Отец это тоже видел, но не собирався принимать, а тем более защищать утонченность природы сына. Он считал своей обязанностью «утолщить утонченность», спрямить, образумить, направить метущееся в нужное русло, приспособленное для той жизни, которую отец знал, видел вокруг себя, оставшись сиротой в раннем возрасте. Этим и отличалось житье-бытье Юрия в родительском доме. Утонченность природы бунтовала и боролась с мещанством, с крестьянским бытом, с отсутствием полета мысли как в произведениях классиков. Мятежность требовала бунта, не согласия с насильственным трудом. Все это было, но было настолько, насколько детство могло. Поэтому отдельные приключения Юрия Петровича, связанные с непослушанием отца или доверчивостью матери, долгие годы служили хорошим поводом вернуться в детство, задать тон беседам о жизни. Это же, но, главное, личные качества Юрия Петровича, который сейчас является старейшиной рода, сделали его душой семьи! Там, где Юрий, там шутки, смех, там хорошее настроение.

А в целом, безусловно, детство и юность Юрия, как и всех нас, прошло в труде. В сенокосах, бахчах, в тяжелом рыбацком труде, в заботе о хозяйстве (от коров до кур), в плотницких делах (заборы, конюшни, базы и т.п.). И действительно, как человек, наделенный сомнениями больше, чем это требуется для нормальной жизни, он чаще, чем мы, обращается в детство, находя ответы на свои сомнения там, в родительском доме, в своей юности.

Юрий закончил 7 классов Забузанской школы и, конечно же, уехал в г. Астрахань в профтехучилище. Тогда это был наиболее естественный путь превращения сельчанина в горожанина. Профтехучилище готовило профессиональный состав для речного хозяйства (нефтеналивные баржи, буксиры, баркасы, шхуны, платформы для перевозки грузов от угля до арбузов, помидоров и т.п.). Несколько лет, до самой армии Юрий плавал по Волге почти по всей ее длине. Во время плаванья даже кое-что зарабатывал, а учеба – на полном государственном обеспечении (жилье-общезитие, форма, колпит; не жизнь, а малина).

После армии начал слесарем на заводе, а потом решил, что учиться все же надо. Пошел в индустриальный техникум в Саратов, где учился так же – на полном государственном обеспечении. Конечно, подрабатывал. Там же, в г. Саратове Юрий женился, взяв в жены Карелину Любовь Калиновну, так же живущую в общаге. Работал на заводе после окончания ВУЗа. Отпраздновали свадьбу и в Астрахань, на

ПМЖ. Вначале комната в общежитии, потом однокомнатная квартира, потом трехкомнатная квартира после рождения второго ребенка. Юрий и Люба работали оба на заводе Ленина – судоремонтный завод. Юрий – старший мастер в профтехучилище, Люба – экономист на заводе. Юрий много рассказывал о своих учениках, многие из которых были из неблагополучных семей. Некоторым он был вместо отца – его всегда трогала судьба таких ребят, и он с ними часто поддерживал длительное время взаимоотношения. Воспитали двух детей. Старшая дочь Екатерина имеет дочь от первого брака, выйдя замуж по большой любви в 17 лет. Работала бухгалтером, потом в ДАР/ВОДГЕО- заведующей кафе. Была хозяйкой большой «фазенды» в г. Астрахани. Муж Сергей – дальнобойщик, чаще всего по маршруту Астрахань-Москва-Астрахань. Дочь – Валерия тоже финансист, а ее муж – Кузнецов Костя- строитель в ДАР/ВОДГЕО, живут в Москве, народив Юрию Петровичу и Любовь Калиновне правнука Богдана, праправнука Петра и Екатерины Курановых. В след за семьей дочери Екатерина с мужем также оказались в Москве.

Вторая дочь – Ольга вышла замуж за типичного в 90-ые годы «рискового» бизнесмена, но что он «рисковый» - поняли позже. Разошлись, несмотря на золотой характер жены. Зато сын Костик – свет в окошке: спортсмен (прекрасный футболист), отличник (ждем в руководящий состав ДАР/ВОДГЕО). Костя представляет собой лучший образец современного молодого человека. Очень надеюсь, что судьба будет благоволить ему. Страна, как никогда, нуждается в таких, как он!

Сейчас Юрий Петрович и Любовь Калиновна – пенсионеры, которым под 80 лет. Уже много лет, как они «освоили» эту профессию, став в ней профессионалами. Во-первых – помощь детям по первому зову, во-вторых- весна – лето – осень отданы даче. Воспитание Петра Ивановича дало блестящие всходы: тонкая натура Юрия Петровича осталась тонкой, но восприняла любой дух созидания не как мещанство, а как высшее благо и удовольствие, которое он со своей супругой черпают из своего труда на даче. Мятежность, сомнения при принятии решений остались при Юрии, но теперь это не мешает ему жить, а наоборот, скрашивает жизнь, оставляя в ней всегда простор для раздумий, творчества, даже мальчишества!

Он меняет сорта овощей, выводит свои агротехнические приемы, особенно для раннего чеснока или поздних огурцов, осваивает дорогу на автомобиле и велосипеде до дачи и т.д. и т.п.

Часть осени – весны и вся зима отданы рыбалке. Зуд творчества не дают ему как всем взять крючки и поехать или пойти на рыбалку. Он обязательно должен всю ночь провозиться, перевязывая поводки, удлиняя и укорачивая их, меняя количество крючков и сами крючки. Подготавливая прикормку и наживку. На мой вопрос – почему ты это делаешь каждый раз, он только посмотрел на меня, мол, тебе этого все равно не понять, продолжая колдовать над снастями. А Люба у него в это время выполняет роль Савелича из Пушкинской «Капитанской дочки». Она и термос приготовит, и оладушки в сметане преподнесет перед утрянкой, и подаст оторвавшийся крючок, и найдет затерявшийся поплавок.

К старости лет, Юрий Петрович полюбил свою Любовь Калиновну настоящей любовью, которую и не подозревал ранее за собой. Жизни без нее совершенно не мыслит. Такое отношение Любовь Калиновна не только заслужила, но и выстрадала за долгие годы супружества – скоро свадьба золотая! Юрий Петрович, в силу тонкости и мятежности своего характера долго не мог войти в супружескую жизнь единобрачия, все подзадоривал себя и скакал «козликом» в компаниях вокруг молодых и красивых. Любил покрасоваться в этом плане Юрий Петрович больше, конечно, на словах, для публики, хотя, справедливости ради, его мужские достоинства вызвали зависть у многих. Так вот сейчас – Юрий и Люба – одна из самых гармоничных, своеобразных пар, которые встречались в моей жизни. Люба – это драгоценный подарок, который подарила судьба моему брату Юрию Петровичу Куранову.

С удовольствием вспоминаю нашу недавнюю встречу с ним. Поездку в Астрахань организовал мой сын Петр, который решил перед отъездом в Канаду провести свою семью по родственникам и памятным местам, семейным могилам в селе Забузан и в Астрахани, где он сам родился. Поездка была очень насыщенной. Вечером собрались в прекрасном кафе все родственники по линии обоих моих братьев и Юрий Петрович с супругой. Дети бегали на детской площадке, взрослые вели разговоры о прошлом, настоящем, будущем. После этого я поехал к брату ночевать и мы, словно вспомнив и соскучившись по

Забужанским спорам в беседке (у нас говорили – под вышкой), где велись ожесточенные словесные баталии на злобные проблемы дня, уже далеко за полночь стали обсуждать что-то из политики и экономики августа 2015 года. В увлеченных спорах все Курановские говорят громко, страстно, жестко. Люба, почти после каждой реплики, вставала между нами в позе, разнимающего двух дерущихся! Да, драчливых и орущих друг на друга стариков. Каждый раз мы ее отстраняли жестами руки, не мешай, мол, искать справедливость, а она снова и снова рвалась между нами, боясь, что два любящих друг друга брата набьют «морды» и поссорятся на всю оставшуюся жизнь. Она не понимала, что мы «купались» в своей юности, когда в таких спорах был еще и Геннадий, и отец, а мама, как сейчас Люба, пыталась успокоить разгоряченных спорщиков. Стоит ли говорить, что после таких споров, обид никогда не было, а все заканчивалось несколькими партиями в подкидного дурака. Но каждый оставался при своем мнении, впрочем, молча взвешивая аргументы других и делая для себя кое-какие выводы!

Юрий до сих пор при переписке отдает предпочтение эпистолярному жанру. А я люблю его письма зачитывать жене. Она при этом получает истинное удовольствие, да и я тоже. Приведу здесь одно из них.

«Здравствуйте наши родные!

Люди, которым так хочется иногда поплакаться «в жилетку»; а вот Коля у тебя это желание похоже напрочь отсутствует ... или просто лукавишь?? Скорее всего, наверное – рационализм: плачь не плачь, ничего от этого не изменится. А это дается только сильным, которые давно усвоили эти устои. Они, как любишь говорить ты, значительно «отличны от нуля».

А я до сих пор по ночам во сне – все бледно выгляжу в ответах Рыбвтузовским пыталателям, что же это за величина, которая таким образом отлична от «нуля» ...

Это бывает чаще, когда не ездим на так называемую дачу. Зато после дачи – спим без «задних ног» ...

Везде «палка о двух концах» ...

Сегодня – то ли дряхлеем, то ли погода позволяет разезжать – тепло с дождиками, грибники и фанатики рванули за валуями астраханскими. Поговаривают и зимы то не будет, а уже на рыбалку хочется, а мы все никак не закончим укрывать в зиму.

В нашем скромном Курановском клане все вроде бы по-прежнему – обмыли прибавление (правда, пока не официальное) в нашем семействе – прошел уже испытание на даче, на рыбалке – понравился – «сельских корней» - возраст где-то вокруг Ольгинова – зовут Денис, профессия – адвокат.

По мне было бы надежнее – механизатор, газовик, нефтяник, станочник, сварщик – но мил не мил деньги платил – кушать надо.

Пока писал – не долго музыка играла....

Дочь теперь резко сократила «посиделки» с родителями, только телефон.

Катерина – все без изменений – работает, но отсутствие потрясений больших привело к значительной Курановской округлости (породу не скроишь).

Сами же ведем активную подготовку к зимнему визиту в поликлинику – терапевт, глазник, сердечник и пр. и пр. Выпишут кучу рецептов – истратим уйму денег и успокоимся, помятуя о том, что «химия» это вредно. Как у Крылова «как ни садитесь – а в музыканты уже не годитесь». Да и в зеркало посмотришь и сразу убедишься, что Дарвин прав тысячу раз – стирается грань стремительно – между приматами и ... Что это я все про себя, да про себя. Давай о вас – подоброму завидуем вашей насыщенной событиями жизни – Испания, Канада, Австралия – это как же надо любить это занятие в годы – как ты это Коля назвал – глубокой старости.

Как тебе, Коль, без Петра, без таких прелестных внушек – все это когда-то пережили наши мать и отец (как говорится – история повторяется). Мы же с удовольствием смакуем вашу напряженность в разнообразных ваших передвижениях; потому, что твердо знаем, что эта, которая «костяная с косой» еще добрых два десятка лет вас не застанет, так как вы в дороге, вы в пути.

Целуем крепко вас – удачных взлетов, а особенно посадок.

Ваши: Юрий, Любовь.

Р.с.

На зиму запаслись картошкой, капустой, морковкой, луком, малиной, клубникой, помидорами, огурцами, баклажанами, перцем, калиной, крыжовником, смородиной, шиповником, курагой. Милости просим – угостить Курановским безнитратом всегда готовы. Как там вы все? Скучаем. Целуем.

Прошло время.

Пока рядились, кому идти за конвертом, пока разнесли по даче 6 тонн глинистого песка, обшили б/у пластиком дачный домик ..., уже настало время сочинять очередную ОДУ в честь **НОВОРОЖДЕННОГО РАБА НИКОЛАЯ**. Итак, совмещая приятное с полезным, решили поздравить тебя Николаша с твоим прекрасным юбилеем – семидесятилетием. Редкая «птица» из состава Курановских долетала до этой даты (меня не считай, я же из этих, как их - Белоконинских- Михинских), а главное, с каким багажом! – а) полный «комплект» умнейших деточек с различными званиями и большими должностями; б) две жены, как поволжских, так и московских кровей; в) полдюжины прелестных внучек (я же не думаю, что так останется); г) званием профессора как математических, так и технических наук; д) лауреата больших Государственных премий; ж) вырвавшийся из какой-то захудалой Забуждыновны в центр столицы нашей Великой Родины и пустивший глубокие научные корни, полезные государству, да и не только; з) ставшим спонсором, как обездоленных так и не совсем доделанных, т.е. всем Курановским отпрыскам; и) а главное, гордостью Забузанско – Красноярских- Кучергановских обывателей; к) и пр. и пр.

Еще главное:

при большом выборе кандидаток в единомышленники, ты выбрал ТУ, которая по праву является жемчужиной среди всех родственников независимо от пола и должности, которая зовется Еленой Прекрасной, т.е. Еленой Владимировной – для которой ты братишка – юбиляр и «сердцун» и сердцеяд, с чем мы тебя и поздравляем и от всей души желаем – пусть ... да светиться имя твое, да продлятся годы твои, да минуют тебя болезни, горести и невзгоды.

Снова целуем тебя. Твои далеко не дальные родственники и БРАТ!!

Еще прошло время.

Так и придется с Новым Годом поздравить – так конверт и не купили. Воспользуемся этим и чуть - чуть о политике.

Неужели опять многомиллионные жертвы и наконец Победа, которая этим жертвам ни к чему?. Сколько живу, столько и вижу, что только совсем ленивый не пытался лягнуть Россию – а момент и в правду, надо начинать первым (по Жириновскому) - совсем не видать света в конце тоннеля.

Может Петр с Екатериной умнее были ...

Да вроде бы и нельзя иначе, но сколько фронтов оголенных, а «акша- дым ды жок па». Копаясь в огороде, думаю, вот если бы нашел самородок в кг 10, наверное, бы отдал Путину – может внукам легче станет? Смотрим «Тихий Дон» Урсуляка Сергея – совсем мало о пользе «заварушки», устроенной Ильичем – а зря – Максим Пешков, умнейший изо всех уговаривал отца всех народов – печатать вешенского казака – как есть ... Да и Аксинья против Быстрицкой - не тянет. На ту, бывало, посмотришь, и жить охота, а тут как внизу так и вверх – не тревожит; может потому что Любовь Калиновна рядом – посмейся на юбилей – это ой как полезнее всяких пилюль.

Спасибо, брат, за свет, который, несмотря на солидные годы, струится из души твоей! За это и еще за многое другое, что делает тебя оптимистом в твои года, господь наградил тебя, единственного пока в нашей семье Золотой свадьбой! Вы с Любой заслужили это.

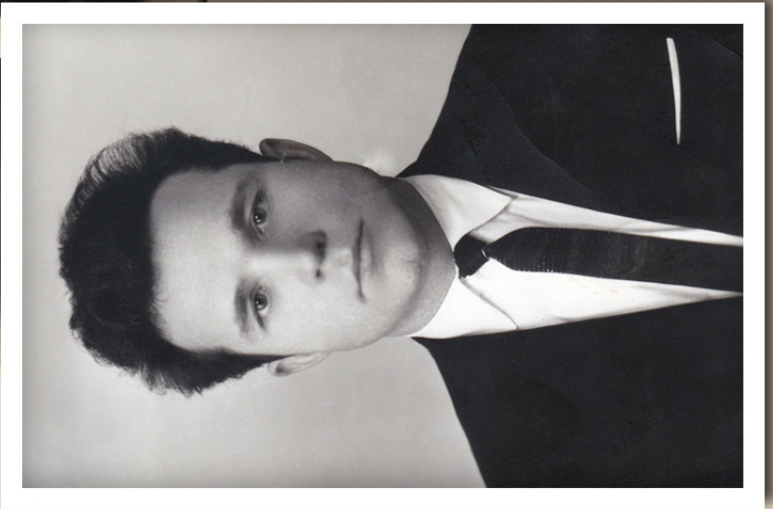
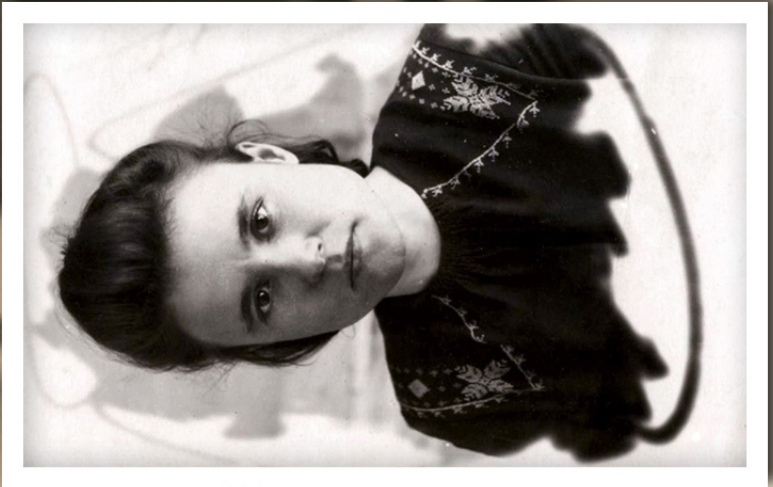
.....

Оглядываясь на прожитое, убеждаюсь в преимуществах многодетной семьи. Мир братьев и сестер – это особый, ничем не заменимый мир человеческих отношений! Конечно, можно, наверное, прожить и без него, вне него. Для меня – это, приблизительно, то же, что прожить без ноги, без руки.

.....
Что для меня – мир братьев и сестер?
Я жил, любил, учился водку пить и ром,
Я им дышал, растил в нем кругозор!
Единство разностей лелеял в нем!

Ведь братство для меня – не есть фигура речи:
В нем я созрел для дел мирских,
И встав на это братство плечи
Я до сих пор вкушаю кровный эликсир!

Бесспорно, мне легко и просто
Быть человеком при таких делах!
Спасибо Вам, родители, за братство -
Вы за одно за это достойны пребывать на лучших небесах!

ГЛАВА 14. О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Кое-что о каждом из «меньших братьев», т.е. о детях и внуках, я уже писал по ходу того или иного повествования. Но, конечно, вскользь, и связанное с конкретным содержанием этого повествования. Здесь же постараюсь только о них, о следующих поколениях как таковых, как они видятся мне с той громады лет, на которую я забрался...

Начну со старшей дочери, которая подарила мне предисловие к этой книге.

Елена Николаевна Леонова (Куранова) родилась 9 декабря 1969 г. в г. Астрахани. В этот период молодая семья Курановых работала после окончания Саратовского университета в Астраханском Техническом институте (Астрыбвтуз). Жили в общежитии. При зарплате 105 рублей в месяц, с крышей над головой, с безопасностью потерять работу чувствовали себя если не хозяевами положения, то уж точно – уверенными в завтрашнем дне. Когда потребовали жизненные обстоятельства, спокойно переехали в село, где в нашем присутствии нуждались мои родители и, прежде всего, больной отец. Поэтому детские годы Елена Николаевна – Алёнка, как я её называл и называю иногда до сих пор, провела в деревне, где в одном доме жили мы с родителями. В том самом доме, где родился я. Поэтому её самые ранние воспоминания, думаю, связаны с Забузаном. Это были счастливые годы для моих родителей, для нас. Наш дом был всегда полон гостями – родственниками, друзьями. Это не могло не сказаться на характере Алёнки. Смотрю на неё сейчас и вижу, как она закономерно стала центром притяжения всей семьи, включая родственников. Шашлыки на их даче стали традицией сбора современного семейного клана. Узнаю преемственность поколений от дедов к внукам с шумом, гамом, неподдельным весельем от «мал-мала до аксакалов». Это было тогда, 50 лет назад в моей деревне. Это есть и сейчас, конечно, в другой форме, но всё с тем же содержанием у дочери на даче. Главное сходство в том, что это нравилось моим родителям, это нравится и ей. Но ей присуща и углублённая задумчивость, молчаливое обдумывание ситуации. Ей не скучно самой с собой, а, иногда это даже необходимо. Это, по-видимому, результат образования – Мехмат МГУ – серьёзная прививка от скуки. Голова научилась быть занятой анализом чего-нибудь, а что-то для анализа подворачивается всегда. На это жизнь богата! В школе Алёнка была лидером, в университете лидеров хватало и без неё, что, как мне кажется, положило ещё один крепкий кирпич в её фундамент. Она умеет брать на себя ответственность, если другого лидера не находится, но и без излишних моральных издержек отдаёт лидерство, если есть кому. В своей семье, зная хорошо сильные и слабые стороны каждого члена семьи, умеет точно выбрать линию поведения в каждом конкретном случае, что позволяет ей сохранить семью, иметь безграничное доверие дочери даже в самый сложный подростковый возраст. Образование и личные качества помогают ей в работе на всём пути от главного бухгалтера и финансового директора компании до Генерального директора. Она один из признанных лидеров компании по заслугам, а не потому, что компания создана её отцом. За более чем 25 летний её опыт работы в фирме мне ни разу не пришлось краснеть за дочь, за её профессиональные и личные качества, за поведенческую линию в коллективе. Мне импонирует её копанье в своих недостатках, часто не замечая свои достоинства.

Елена Николаевна представляет собой нетипичный образ российского бизнесмена, который готов потерять прибыль ради достижения справедливости, честного поступка. Прочтите этот текст. «Папочка, дорогой! У нас все отлично. Началась весна – и это главное! Вот-вот зацветет наша кривенькая вишенка с вкусными-вкусными плодами, на японской айве собираются почки – выдаст куст вдруг такую расцветку – и не розовая и не алая... нет тому названия. Под сосной нашли массу «подсосенок» - будем растить датские сосны сами для красоты. Сижу в беседке – горит огонь, будем жарить шашлыки, потом в баню. В доме муж и дочь. Дочкина голова, склоненная над химией на втором этаже, блестит светлыми волосами. На соседнем участке гогочут гуси, лают собаки – каждое утро слушаем их неспешный, сварливый, как предполагаем, о природе...». Не веет этот текст духом современного бизнесмена!

Она не может ради прибыли шагать по костям. Совесть – это качество, которое она не готова потерять при ведении бизнеса. Для бизнеса это не всегда хорошо. Для человека, занимающегося бизнесом, это очень трудно, но прекрасно. Особенно, для бизнеса в творческой, в данном случае, научной, проектно-изыскательной сфере.

Трудно объективно судить о детях. С одной стороны ты вроде бы знаешь о них все нюансы, а с другой стороны – ты ничего о них не знаешь, поскольку все их недостатки утопают в родительской любви, где преломляются до неузнаваемости. Поэтому о недостатках детей говорить не буду. Не потому, что не хочу, а потому что не очень отчетливо вижу их. Они (недостатки) для меня, по-видимому, тоже являются их достоинствами.

Елена довольно близка со своим братом Петром, несмотря на абсолютную несхожесть характеров. Петр Николаевич Куранов родился 23 октября 1976 года в Астрахани, но уже с трехлетнего возраста стал проживать в Москве, куда родители переехали в связи с приглашением меня на работу в институт ВОДГЕО. Обычный путь советской детворы: садик, школа, пионерия. Характерное свойство сына – молчаливость или, точнее, не болтливость, часто принималось окружающими за замкнутость. Однако замкнутым он не был никогда. Он всегда с удовольствием проводил время в коллективах семейных, с друзьями, но никогда не торопился высказываться, быть на виду. Молчать и слушать других – замечательное его свойство. Он прекрасный собеседник для тех, кто любит поболтать – есть, кому послушать. В знакомой компании Петр забывает о своей молчаливости и легко превращается в обычного, а иногда и в болтливого собеседника. В незнакомой компании он отвечает на вопросы или вступает в разговор, выдерживая паузы, которые ему необходимы будто бы для обдумывания того, что хочет сказать. Петр идеально выдерживает принцип: «Прежде чем что-то сказать – обдумай это!» Но, пожалуй, главное свойство Петра – целеустремленность. Он умеет ставить себе цели, т.е. знает, чего он хочет. Он умеет выбирать пути для достижения цели, умеет идти по этому пути, допуская лишь сомнения, которые помогают, а не мешают достижению цели. Не могу сказать, что я, как отец, внёс в становление этой черты хоть какую-то толику. Может, это врождённое свойство, или он подглядел кое-что в семье, на стороне. Но мне кажется, он сам воспитал это свойство в себе.

Не следует путать целеустремленность с упёртостью. Целеустремленность подразумевает и корректировки жизненных задач, которые вызываются соответствующими обстоятельствами. Помню, как он не хотел поступать в аспирантуру. Это не входило в его тогдашние цели. Но аспирантура позволяла ему не идти в армию, чего он никак не хотел, поскольку понимал, что военный из него никакой. Не создан он для этих целей. Пришлось скорректировать цель – в армию не пойду, поэтому буду учиться в аспирантуре. Именно учиться, а не отбывать срок в аспирантуре. В результате получился молодой перспективный кандидат технических наук, как и сестра – Елена Николаевна. Достигнув одной цели, он ставил себе другие, опираясь на реальную платформу, которая у него имеется в этот момент. Это и есть, на мой взгляд, целеустремленность. Как выяснилось позже, он поставил себе цель – поработать в англоязычной стране, поскольку полюбил этот язык, с удовольствием им занимался. Я об этом долгое время не знал, хотя думал, что знаю хорошо своего сына.

Не знал не потому, что сын не доверял мне, а потому, что он не любил и не считал нужным болтать о своих мечтах, когда они оставались мечтами. А когда мечты обретали формы реальности, тогда только я узнавал о них. Так было и с разводом в его семье, так было и с написанием докторской диссертации, так было и с должностью Генерального директора фирмы, так было и с отъездом в Канаду. Он знал, что некая интимность его замыслов, не может обидеть меня, но может помешать этим замыслам, поскольку я мог в связи с особенностями своего характера, нарушить или внести сомнения в самом зачатке, в становление мечты. Знал он и то, что если его мечты обретали формы реальности, то я их всегда поддержу, помогу, чем сумею. Пока, как я понимаю, все поставленные ранее цели Петр достиг. Теперь его цель – надёжно, достойно укрепиться в Канаде, стать известным в мире специалистом в своей области, обеспечить достойное будущее своим детям. Это я так думаю, т.е. бесцеремонно влез в его «интимность», в его святая святых. Впрочем, теперь моё вмешательство не опасно. Он твёрдо стоит на ногах, я ему уже ничем не могу помешать или помочь, да ему и не нужна моя помощь! Можно сказать с уверенностью, что мы с ним купаемся в любви и уважении друг к другу, а помощь...это совсем из другой «оперы»!

Моя вторая дочь, Громова (Прокофьева) Мария Валентиновна, родилась 19 февраля 1980 года. С ней я познакомился в 7 лет, перед первым классом, но успел на первый в её жизни школьный звонок. Вторая моя дочка досталась мне очень легко – ночами за ней малышкой ухаживали другие, другие ей

меняли пелёнки, распашонки. Я даже портфель в школу не носил. Хотя я и стал ей неформальным отцом в семь лет, но стал жить с ней под одной крышей лишь с 14 лет. Понятно, что мое влияние на становление и воспитание дочери не велико. Только она сама может сказать, сумел я что-то ей дать или нет. Я, понимая, что передо мной уже почти взрослый человек, не пытался воспитывать Марию, становиться её другом. Я стал её отцом и предоставил ей возможность быть моей дочерью. Как мне кажется, она интуитивно правильно поняла меня и без каких-либо сложностей у нас выстроились отношения, которые вполне ложжились в канву отношений дочери с отцом. Не сразу эти отношения были предельно доверительными, но всегда уважительными.

В формировании моих отношений с младшими детьми я многое подчёрпнул у моего тестя Прокофьева Владимира Леонидовича, добрейшего человека большой души. На протяжении моей жизни с семьей Прокофьевых он неоднократно показывал мне пример деликатного, заботливого и внимательного общения с людьми разного возраста и характера, умея при этом найти тот единственный путь, который необходимо выбрать для выхода из сложной ситуации. Он заслуженно был центром семьи Прокофьевых и я благодарен судьбе, что она связала меня с таким человеком.

Прошло не так много времени, как возникли и вполне близкие отношения между отцом (мною) и дочерью (Марией). Это не трудно мне было понять, поскольку наиболее сложные свои проблемы она пыталась решить, советуясь со мной. Это продолжается и по сей день, несмотря на то, что Маша стала уже многолетней матерью, которая сама теперь проходит университеты воспитания детей, сплочения семьи и т.п.

Мария блестяще закончила МГУ – филологический факультет (факультет «невест»), овладела испанским, английским, отчасти – французским языками, хорошо разбирается в мировой и отечественной литературе, музыке, культуре народов мира. Являясь глубоким, разносторонне образованным человеком, Маша чутко, тонко и бережно воспитывает своих трех дочек. К каждой она имеет свой подход, каждой умеет при необходимости сказать те нужные слова, которые помогут решить её проблему, оставляя при этом полную самостоятельность в выборе решения.

Мария выросла в большой московской семье, впитала в себя ее устои, уважение к старшим, помощь и поддержку друг друга. Эти свойства ее характера проявляются во всем. Она не навязчиво, аккуратно контролирует ситуацию как в своей семье, так и в моей. Я чувствую ее поддержку, готовность всегда прийти на помощь в случае необходимости. Это очень греет и ласкает меня, создает ощущение счастливой и спокойной старости.

Я горжусь, что среди моих детей есть многодетная мать – это большой труд и главное предназначение женщины. Я уверен, что Мария всегда будет счастлива, окруженная заботой и любовью детей и мужа.

Когда я говорю о своем втором сыне, Прокофьеве Владимире (он родился 19 февраля 1980 г.), вспоминаю слова жены: «Мне очень повезло в жизни: рядом со мной всегда находились незаурядные, умные, внимательные и нежные мужчины: отец, муж и сын».

И это истинная правда. Мой тесть – умнейший человек, интеллигент до мозга костей, умел в легкой непринужденной форме обсуждать и решать любые вопросы. К нему тянулись все, от «мала до велика».

Мой сын, Прокофьев Владимир Валентинович, очень похож на своего деда. Та же широта души, та же деликатность, то же умение прийти на помощь. Очень показательным является то, что дети ходят вокруг него «табунами», это дорогого стоит, потому что дети безошибочно чувствуют добро.

Владимир – поэт и мечтатель в душе. Советская серая повседневность зажала его в своих рамках. Он, как все, учился в школе, окончил геологический факультет МГУ с красным дипломом и пошел на работу в офис. Но тут наша страна исчезла и мы стали жить в новом государстве, которое дало возможность людям изменить те жизненные устои, в которые их зажала советская действительность.

И Владимир сразу сделал это. Он больше не мог запереть себя в четырех стенах душного офиса. Он уехал на самый «край» земли – Шпицберген (Свальбард - по-норвежски) и стал там работать гидом-экстремалом. Он живет и работает в трудных условиях – 4 месяца кромешной темноты (полярная ночь), 4 месяца – полярный день, частые снега и дожди, холод. Но душа поэта и мечтателя нашла здесь

прият. Владимир говорит: «Несмотря ни на что, я люблю этот сумасшедший край со всеми его испытаниями». Трудности работы и быта компенсируются тем, что он встречает людей со всего мира. По сути, он сейчас не россиянин, не норвежец, а человек мира! Туристы, приезжая с разных концов света, часто не представляют, куда они приехали, неподготовленными идут в горы в ледяные пещеры, или морскими маршрутами на каяках в ледяной воде. Владимиру часто приходится не только демонстрировать профессиональные навыки, если с кем-то случается беда (обморожение, упадок сил и т.п.), но и выступать в качестве психолога, давая человеку возможность почувствовать, что он может сделать то, на что решился. Сейчас уже Владимир хорошо известен многим в Лонгиере, городе, в котором он живет. Побывав в Лонгиере, я почувствовал не только особую атмосферу этого места, но и уважение людей к сыну за его порядочность и честность. Его уважают также как специалиста и настоящего друга.

Мы сейчас встречаемся редко – раз в год проводим отпуск вместе. Владимир – прекрасный рассказчик. Мы слушаем истории о походах, белых медведях, песцах, северном сиянии, штормовом ветре, людях, живущих рядом и приезжающих туристах. Рассказы обычно сопровождаются шутками, тонким юмором и забавными историями. В какой-то момент прибегают дети и уводят его в свой детский мир. И мы слышим счастливый детский смех, радость общения и полный восторг (Володя – мастер на придумывание детских игр!).

Вот так живет мой сын – незаурядный человек с душой, готовой обнять весь мир. Он пошел своим, очень трудным, но очень достойным путем, презрев все проблемы нашей бытовой жизни, повернувшись лицом и сердцем к природе, миру, отдавая им тепло своей неумной души.

Я сразу не смог понять, что мой сын – человек большого полета, пытался давать ему советы, действуя в рамках повседневной жизни. Теперь я этого не делаю. Я просто смотрю, как он идет своим путем, радуясь за него, за его самостоятельность, успехи, уверенность в завтрашнем дне.

Каков мой вклад в воспитание и становление сына? Можно сказать – большой (по меньшей мере – обеспечил материальную основу для учебы и поиска себя), а можно сказать – малый, поскольку «яблоко от яблони далеко упало». Не мое это дело – отвечать на подобные вопросы. Но факт есть факт: он по всем сложным жизненным проблемам советуется со мной. Более того, в своих речах он часто, как никто, использует фразы, которые когда-либо услышал от меня. У меня даже создается иллюзия постоянного присутствия при нем!

.....

Вчера малыши, нынче взрослые люди
Невозможно принять, невозможно понять!
Лишь вчера папа с мамой подносили на блюде
А сегодня не дай бог советы давать!

Они лучше, продвинутой, много умней,
Но беспомощны кажутся в море проблем.
Мы подставить плечо днём и ночью готовы,
Понимая никчёмность замшелых затей!

Лишь молиться, безбожники, можем за долю,
Чтоб полегче, честнее, без бойни была,
Чтоб корысть не сломала, а «вольному – воля»
В вас не только вселилась, но прочно жила!

Вчера малыши, нынче взрослые люди!
Мы замшелые стали, а вы «на коне»!
Как прекрасно задумана господом богом
Эстафета бессмертия здесь, на земле!

Да и мы Вам нужны – в этом сила и правда.
Вам не помощь нужна – наш уют и покой.
Так-то легче проходят невзгоды и кривды:
Ведь сквозняк на земле – быть и слыть сиротой!

В заключение этой главы мне хочется поместить те чувства, которые я, пусть неумело, передал бумаге по поводу рождения моих внуков и их праздников.

На сегодня у меня набралось пока шесть внучек! Это Ксюша Леонова, Громовы - Настя, Света и Аня, Курановы – Кира и Ульяна! Так уж повелось, что первой своей внучке – Ксюше – я каждый год в день рождения писал песню. А потом в день ее семилетия – перед школой - выпустил домашний сборник, который помещаю ниже.

**Песни Деда
(1998-2006 гг.)**

Москва
27 мая 2006 года

Маме

Я спою тебе, дочь, как когда-то
Напевал колыбели твоей:
“Станешь, знаю, ты очень богатой,
Если сможешь прожить для друзей!

И для мужа, для близких душою,
Для всевышних - отцов и детей” -
Пел тебе это, помнишь, весною,
Когда с школой прощалась своей,

И когда ты прошла “универы”,
По любви стала мужней женой.
А когда стала мамой с любовью и верой
Я пошел уже вслед за тобой

Я спою тебе дочь как когда-то
Напевал колыбели твоей....
Твой отец сейчас очень богатый:
Научилась ты жить для людей!

**К рождению внучки
27.05.1998**

Сначала всех нас поздравляю! -
Родной явился человек!!
Ему любить, страдать, стремиться
И объезжать грядущий век!!!

Теперь поздравляю я себя -
Ведь снова возмужал “мальчонка”.

Сказали: “Ты живешь не зря!” -
Набатом Ксенины ручонки.

Конечно ж, поздравляю папу -
Ты стал, как ни взгляни, скала,
Универсальный трансформатор
Житейских бурь в ростки добра!

И, наконец, про маму - дочку:
Я за тебя безумно рад.
Вошла уверенной походкой
В самый волшебный в мире сад!

Песнь Деда -1

27.05.1999

Я Вас люблю! Я жду, ловлю улыбки,
От Ваших рук я воспаряю в небеса.
Ваш чудный стан с походкой нежно-зыбкою
Со мной творят, как Боже, чудеса!

Припев:

Мадам, за Вас пойду на преступленье!
Мадам, за Вас героем стану я!
Мадам, я предан Вам до иступленья,
И жизнь без Вас мне просто не нужна!

Вот снизошли, кокетливо склонились,
Ваш взор хрустальный подарили мне,
И я ожил, цветы чрез мох пробились,
Целебной плесень стала вмиг в душе.

Песнь Деда - 2

27.05.2000

Качели-карусели,
И даже обезьянки,
Степашки, Хрюши, белки,
И в небе самолёт.
Всё это так забавно,
Но есть уже на бланке:
“Пока мыслитель дремлет,
Характер так и прёт!”

Припев:

Не надо! Всё, что сказал - не надо!
Прикажешь что - не буду,
Не буду никогда!
Не надо! Всё, что сказал - не надо!

Прикажешь что - не буду,
Не буду никогда!

Пока-пока, игрушки, пока-пока, все книжки,
Гулять на электричке готова, как всегда!
И в гости к Пете-Свете не так чтоб часто слишком,
Но шорох там наводишь, конечно, это да!

И милые улыбки, и хитрые слезинки –
Все это в ход пускаешь, как в этом есть нужда.
Спасибо папе-маме, что ты живёшь с смешинкой!
За день один с тобою убавлю год иль... два!

Песнь Деда - 3

27.05.2001

Я встретил Вас у краешка метро,
В него вошли с присущим Вам восторгом.
Мне рассказали, где живёт оно,
И что сегодня будет деда долгом.

Припев:

Конфета чупа-чупс и чудо-карусель
Под шашлычок в кафе, под обезьянку с ламой.
И целый день как миг, как белка в колесе.
А завершеньё - хнык: “Мне дайте папу с мамой!”

И вот уже вранья пошли штрихи,
Которые Вы внятно раздаёте!
И есть, как у всех женщин, и грешки,
Но Вы их неохотно признаёте.

Мне прелесть Ваша - истинный бальзам!
Вы песнь моя - не больше и не меньше.
Я за улыбку - честь свою отдам,
И в этом - назначенье женщин!

Песнь Деда - 4

27.05.2002

Ты теперь своенравна, привольна
Хохотушка, болтушка, юла!
Может, это от песни раздольной,
Что от Волгушки мама взяла.

Может, это с просторов Донбасса,
Что вобрал в себя строгий отец.
Ты открыта для радости, счастья,
Ты у нас и для всех - молодец!

Припев:

Ксюша! Ты девушка весенняя!
Ксюша! Моя ты в воскресенье!

Но и скромность тебе не противна:
Ты задумчива очень порой.
Может, это пока что пассивно
Математика просится в бой?

Может, спит в тебе медик-светило,
Может, дремлет учёный большой?
А пока что ...Пока что ты просто красива!
Как мила ты нам, Господи мой!

Припев.

Песнь Деда - 5

27.05.2003

Прошли года - уж не сосёшь ты соску,
Уж учишь всех - как жить и почему.
И мастеришь пред зеркалом прическу
И глазки строишь, чаще одному.

Припев:

Мадам Леонова, Вы мой бальзам,
Адреналин всегдашний.
За вздох теперь я жизнь Вам не отдам -
Я буду с Вами жить как дух животворящий!

Теперь ты больше всё в делах:
То садик, где талант в английском,
То дома в уголке при куклах как друзьях,
То в пеньё втихаря вкушаешь Божью искру.

Ох, Ксюша! Пусть же Бог тебе
Дарует в жизни трудную удачу.
Свою любовь оставлю я себе,
Тебе ж, когда захочешь, тачку, дачу!

Песнь Деда - 6

27.05.2004

Припев:

Ксюша, Ксюша! Что за дама!
Полюбилася реклама.

1.

Папа с мамой в раздумье
Как рекламу победить,
Ну, а дочь - она на стуле

Никогда не усидит.

Вечно вертится волчком,
Хоть глаза в рекламе.
Ей запреты нипочём,
А как в слезы - к маме.

Припев:

Ксюша, Ксюша, Ксения
Полюбила пение.

2.

И поёт везде, всегда
Детские и взрослые.
Беспокоится страна -
Молодёжь несносная.

Ну, а ей всё нипочём -
Пусть страна не сердится!
Ксюша любит кувырком -
Земля ж тоже вертится!

Припев:

Ксюша, Ксюша! Ты кремень!
К попе просится ремень.

3.

Папа любит это дело -
Ксюшу в строгости держать.
И она на это смело
Не посмела наплевать.

К папе ключик подобрался -
Только папа за ремень,
Соглашение готово!
На минутку - не на день.

Припев:

Ксюша, Ксюша! Так держать!
В детстве надо баловать!

Песнь Деда - 7

27.05.2005

(Предверье школы)

Вы снова - как малыш с беззубым ртом,
Но светятся глаза игривым блеском.
Наполнен взор мыслительным процессом,
И любишь говорить о том, о сём.

Припев:

Повсюду Вам разбросан интерес:
От кроликов до песен по-английски.
Хоть в Вас вошёл технический прогресс,
Но, слава Богу, и друзья Вам близки.

Вы в танцы, Вы в бассейне, на коньках,
Не знаете совсем Вы слова “скука”.
И в Вас блаженство той душевной муки,
Что губит равнодушие в сердцах.

Что Вам сказать в преддверье школьных лет?
Я Вас люблю! И бородой колючей
Желаю Вам здоровья, быть везучей
И видеть звёзды чаще, чем браслет!

Песнь Деда - 8

27.05.2006

Уже первый класс позади,
Познали устройство наук.
Ваша слава у Вас впереди,
А сейчас “кнопки жмёт” ноутбук.

И подружки у Вас - хоть куда,
И поклонников целый вагон.
Вы в гастрольных поездках. О, да!
Петербург Вам дарует поклон.

Есть ли кляксы в тетрадках у Вас -
Знает только учитель и Бог!
За тобой, ей же ей, нужен глаз,
Чтобы ангелу малость помочь.

А закалка у Вас -хоть куда:
Вы купаетесь вместе с моржом!
Значит, чёрт не возьмёт никогда
Верх над светом, что вносите в дом.

Ваша нежность не знает границ:
Все парит, лишь коснётесь рукой.
Дедам вы продлеваете жизнь,
А отцам не даёте покой...

Вот уже первый класс позади,
Вы познали устройство наук.
Что же ждёт, Ксюша, Вас впереди?
Пусть поможет Вам Бог и ... ноутбук!

НАЧАЛО ЮНОСТИ (11 лет – 27 мая 2009 г.)

Вот уже и закончилось детство:
«Надоело, быть взрослой хочу!»
Все игрушки теперь как наследство,
Лишь компьютер, да волос в цвету.

И уроки как будто не нужны.
Лишь морока от них да слеза.
«Я хочу быть свободной от службы
И хочу всем понравиться я!»

Юность в Ксюше ростки пробивает
И в фигуре, во взгляде, в труде.
И дед с радостью все принимает,
Даже двойки в твоём дневнике.

Ведь есть чувства и виден характер.
Перемелется – будет мука.
Здравствуй, внучкина юность –
Всемогущий трактор.
Он умеет пахать облака!

Юность, детство – все равно:
Днем живет сегодняшним.
И вчера в них – так давно!
Завтра, точно, Бог бы с ним!

Ксюше я продолжаю что-то писать в каждый ее день рождения, стремясь сохранить традицию. Надеюсь, что не все затерялось, кое-что сохранилось в ее семейном архиве. Этот же обычай я пробовал перенести на других внучек. Не все получилось – то ли годы уже не те, то ли множественность внучек придавила остроту ощущений. Но кое-что сохранилось!

Например, по линии Громовых жена задумала ежегодно создавать фотоальбомы, которые мы назвали «Бабушкины сказы». В этих сказах, кроме наборов фотографий под разными рубриками, присутствуют вступления, заключения. Некоторые из них приведем ниже.

Бабушкины сказы.

Сказ 1 (Настя, 27.01.2010).

В некотором царстве в некотором государстве родилась необыкновенная девочка – Настенька! И были у нее папа – высокий красавец мужчина, мама – изумительной красоты, нежности и заботы дама и множество бабушек, дедушек, дядей и тетей.

Думала - подумала Настенька: как же мне их всех любить? И придумала! Буду-ка я красивой и веселой, забавной и счастливой – ну, то есть разной, и очень хорошей. И тогда все будут улыбаться и любить меня, и я им буду улыбаться и любить всех.

Сказано-сделано! И вот что из этого получилось.

Сказ 2 (Настя, 27.01.2011).

Вы, конечно, помните тот замечательный сказ №1 бабушки Леночки о том, что в некотором царстве, некотором государстве родилась необыкновенная девочка – Настенька, которая решила всех любить и всем улыбаться!

Вот я и есть эта прекрасная девочка Настенька!

Шли годы ... Целых два! Один годик и один годик. Вот прошел один годик и Настенька начала ходить. Зимой ходить трудно, комбинезончик тяжелый, а ножки еще идут нетвердо, но Настенька – молодец, она справилась!

А весной – так просто побежала!

А когда наступило лето, Настеньке так захотелось поболтать, что она за болтовней и не заметила, как сменились лето и осень и наступила зима.

Вот вам один годик и один годик! Настенька не только всех любит и улыбается, Настенька все умеет и все про вас всех знает.

А кто не верит – прошу пройти за мной в альбом, я там покажу вам себя и всех моих мамок – нянек!

Пойдемте, пойдемте в мой второй год жизни!

Так начинался фотоальбом, а заканчивался сказ каким-либо напутствием или эпилогом. Например, в виде расказней Ди Ди (так часто называют меня малыши).

Расказни Ди Ди.

27.01.2011

Теперь Вы собеседница, мадам!

Теперь вас на мякине не проманешь.

Вы остро чувствуете фальши и обман.

И без таланта – просто так – Вас не заманишь

Ни на прогулку без желанья,
Ни есть, ни спать без выкрутас.

Вы, мое милое создание,
Как Станиславский нам сейчас.

Мы учимся актерскому искусству,
Чтоб Вас одеть, Вас накормить.
Чтоб Ваши прихоти и буйства
Вам не мешали сладко жить!

Ах, как же сладостно живется
Актерам Вашим, режиссер!
Ведь все из сердца это льется –
В душе и счастье, и простор!

Мы с Вами, Настя, будто дети –
Достаточно взглянуть в альбом.
Как хорошо на белом свете,
Когда любовью полон дом!

Вам, Наночка, два годика всего,
А столько счастья Вы посеяли вокруг!
И нет дороже в жизни ничего,
Чем Ваших ручек вокруг шеи круг.

Сказ 3 (Настя, 27.01.2012).

Дорогие мои мамочка и папочка!

Посмотрите, какая я уже стала взрослая! Я люблю прыгать на матрасе под испанские песенки, играть в машинки и строить домики, я люблю кататься на коньках и плавать с мамочкой в бассейне, я люблю читать книги и наклеивать в них разные картинки, я люблю красить и рисовать!

Я очень люблю когда мамочка берет меня на ручки и обнимает, люблю с папочкой чинить разные штучки.

Я люблю, когда все собираются вместе и играют со мной. Вот это здорово!

В этом году я в первый раз увидела море и много солнца и заняла третье место в детском конкурсе. Там была моя любимая собачка Смайли, очень интересный детский клуб и тетя Сара, которая показала мне много интересного на сцене. Теперь я люблю ходить в ресторан и играть там в новые игры. Вот какая я большая!

А еще я скажу, что я вас очень люблю! Вы мои самые любимые, добрые, нежные и ласковые мамочка и папочка!

Приведу несколько цитат из самого альбома:

За едою могу давать интервью.
Заявляю с трибуны: «Еду не люблю».
Каверзные вопросы задают мне всегда ...
Компотика налейте! Вот этого, да!

Коньки и лопатки вместо палок для лыж –
Инновация, вишь!

И снова на гору, а,
Может, и горку!
Я в спусках побольше других
Знаю толку!

Эх, кино, мой таинственный дар –
Я гусаром была и Чаплиным тоже!
Улыбайтесь почаще и где-то в душе
Оставайтесь-ка в нем как можно подольше!

Спорт – он ведь в каждом из нас!
А я вот и морж, и бегун – водолаз!
Мы с мамой порой спорим о моде:
Голубой нынче в моде? –
Вроде бы, вроде ...

А мы похожи с мамой моей!
Сон нам – как повод набраться идей!

Ну а в творческом порыве
Все ведь средства хороши!
Я – в оранжевом комбезе,
Ты вот так и запиши!

Беру совок, включаю Солнце
И маму выведу гулять!
Мне надо многое проверить,
А больше всех – все раскопать!

С высоты мне виднее –
Нет, не прожитых лет!
Вы повыше залезьте –
Вот попроще совет!

Дни проходят быстро и спешат куда-то,
Только я скажу им: «Высыпаться надо!»

Садись со мной, и будем пассажирами,
Разглядывать через окно дорогу.
Я покажу тебе и звезды, если хочешь,
И можем ездить хоть всю ночь, ей – Богу!

Игра на природе – это по мне!
Мама ударилась в детство.
Я возвожу многоэтажный проект,
Мама – из трубочки мыльное «тесто».

Как все испанцы, мы ужинаем с вином
И потом идем на танцы.

Помню, как накатит ностальжи
По макаронам там или пельменям,
Так тесто раскатаю на коржи
И позабуду напрочь я про время ...

И сидя в кресле цвета свежести февральской,
Автограф оставляя на столе,
Я вам скажу:»Какое ж это счастье –
Принадлежать ... принадлежать Себе!»

Дни все бегут и спешат друг за другом,
Время застыло, но вроде идет.
Вместе с моим дружно – плюшевым зайцем
Будем с улыбкой шагать мы вперед!

Росказни Ди Ди.

НАСТЯ
27.01.2013

День морозный, мне -4!
Я ведь старшая сестра!
Мама дремлет, улыбаясь,

Я с сестренкой обнимаюсь!
Много я чего умею –
Петь, плясать, подать идею,
Приготовить распашонку
Моей маленькой сестренке.
Я катаюсь на коньках
И витаю в облаках.
Но могу и быть упрямой –
Всех «построить», даже ... маму.
У меня это пройдет,
И тогда поймет народ,
Что я лучшая на свете
Из толпы по кличке «Дети»!
И еще один рассказ
Про кафе «Бабленин сказ» -
Вот где сердцем отрываюсь,
Даже если всю ночь маюсь!
Всем спасибо, дорогие,
Что поздравили с рождением!
Громова Анастасия
Будет личность. Без сомненья!

НАСТЯ
27.01.17

Вы глубокая стали девица,
Красота Ваша вдруг ожила,
Интерес Ваш повсюду пробился
И теперь ты по жизни пошла!

Школа, как ни крути – дверь во взрослость,
Ты ее отворила шутя,
Папа с мамой сложили фундамента плоскость,
Сестры тоже добавили в топку огня!
Они стали как будто твои ученицы,
Не всегда послушаньем известны они.
Но зато увлеченность для них – это птица,
Что приносит, учитель, Вам счастья дары!

Беззаботное детство ушло, испарилось,
Но зато много можешь ты брать на себя,
И уроки учить, «зажигать», чтоб искрились
У родных от улыбки твоей их глаза.

Сказ 1 (Света, 23.08.2013)

Что такое? Что случилось?

Что произошло на нашей планете?

А вы не догадываетесь? Это я родилась!

Пришла на землю из другой системы и Очень обрадовалась!
Ведь у меня такие красивые и добрые папа с мамой!
И у меня еще есть Настя!
Да, да – моя сестренка Настя, которая меня смешит, и радует, и целует. И мне хорошо!
Посмотрите в мои глаза, на мою улыбку и ...вы улыбнетесь сами!
Вот такая я улыба!

Сказ 2 (Света, 23.08.2014)

Начало, начало, полвека откачало ...
Был мне годик, теперь два.
Мне, конечно, полегчало.
Я большая! Я большая!
Правда, мамочка моя?
Говорите: «это правда!»,
А не то – не сдобровать.
Уж теперь – то, уж теперь – то
За себя могу (Еще как могу!)
Я постоять!

Некоторые выдержки из альбома:

Вот что люблю, то уж люблю.
Гулять, играть, играть, гулять,
Сама с собой, и с мамой
Со старшею сестрой, и бабой Леной,
И с младшею сестрой и, редко, с папой!
Люблю с подружками, люблю и с няней!
Гуляйте все со мной всегда,
Вам – благодарность от меня.

Я в семейной обстановке
Словно рыба в океане,
Словно птичка на сосне.
Хорошо, признаюсь, мне!

СВЕТА

23.08.15

Мы споем сейчас для Светы
Песню, песенку про Свету.
Как девчушка хороша,
Как красива и мила.

Как она сестренку любит –
Настю с Аней. Не балует!
Папу с мамой бережет,
Дедушке поспать дает.

Ну а с мамой – неразлучна,
Никогда нам с ней не скучно.
Поздравляем с днем рожденья,
Пожелаем всем веселья.

Эту песенку споем,
Поиграем, а потом
Будем торт – вкусняшку есть,
Ей три годика уж есть!

СВЕТА

23.08.16

Ну скажите мне на милость,
Кто блистает красотой?
Это Громова Светлана
С кастинга спешит домой!

Кто на море любит волны
И песок бросать в глаза?
Это Громова Светлана
Разошлась как егоза!

Кто сестренкам подражает
Старшей, младшей – как когда?
Это Громова Светлана .
Она нынче – стрекоза!

Не дает в обиду свинок
Громова Светлана.
Вытирает нос, ботинок
Младшей сестре Ане.

Любит с дедом «обжиматься»
С горки ездить на санях
Еще может обижаться,
Рада торту при свечах.

Ты хорошая девчонка,
Громова Светлана.
Хочешь братика мальчонка,
Попроси у мамы.

Сказ 1 (Аня, 02.04. 2015)

Если три сына, то третий –
Иван – дурак, Иванушка!
Если три дочери,
То третья – царица!

Родители, помните это, запоминайте крепко!
Подрасту – устройте соревнование, которое пусть выиграет Иванушка!

Некоторые выдержки из альбома:

Я девочка семейная,
Но муж пока не нужен мне,
Я папе с мамой отдана
И сестрам век буду верна.

**АНЯ
02.04.2015**

У кого здесь день рождения?
У Ани Громовой, конечно!
Кто красива и беспечна?
Аня Громова, конечно!
Кто с улыбкой во весь рот?
Аня Громова, конечно!
Кто сестренку целовал?
Аня Громова, конечно!
Кто на маме день и ночь?
Аня Громова, конечно!
Мы ее сейчас поздравим,
Свечи в торт ее поставим.
Пусть задует Аня свечи
И здоровой будет вечно!
Кто здоровой будет вечно?
Аня Громова, конечно

**АНЯ
02.04.2016**

Взгляд обычно деловой:
Всех на свете радует,
А устанет – головой
На подушку падает.
Две минуты полежит
И куда – то заспешит!

Первой хочет всюду быть
Правда, на минутку,

Всех ей хочется любить
Всерьез, не на шутку.
Вот какая наша Аня,
Прямо взрослая такая.

Любит петь про «Капитана»
И российскую кадрили:
«Дед, смотри на пальчик прямо,
Дирижер я!» Это был –
Мол, как пальчик покажу,
Так замолкни. Накажу!

И штаны почти не мочит –
Мама, ты не карауль!
А мультфильмы смотреть хочет
Про щенячий, про патруль!
Крутится как белка в колесе,
Младшая, а как все!

Аня, милое дитя! Ты как свет в окне,
Многодетная семья стала при тебе.
И живете дружно.
Папе с мамой трудно,
Но зато они богаты –
У них полные «палаты»!

Три сестры Июнь - август 2016

Хорошо летом на даче. Каждый просыпается, когда захочет, завтракает – когда захочет, если, конечно, у мамы терпения хватит. А если мама не в духе – можно убежать в летний домик к бабушке с дедушкой. Там дедушка сделает горячие тосты, бабушка еще чего-нибудь придумает и под мультики можно и завтракать, и баловаться. К полудню завтрак заканчивается, мультики выключаются и можно делать что угодно. Мама с папой любят велосипедные прогулки. Аню и Свету сажают себе на велосипеды, а Настя садится на свой велосипед и все вместе катим в Здравницу или Жаворонки, в лес или «Помпончик». Хорошо! А потом с бабушкой или мамой – гулять на большую дорогу. Но это – после обеда или до обеда, если без велосипедной прогулки.

Большая дорога – так называем мы нашу тупиковую улицу. Это название придумали не мы. Ее так называли и тогда, когда мама была такая же, как мы. А ее бабушка была очень строгая и не отпускала маму с ее братиком дядей Вовой (а они – двойняшки) никуда. Гулять можно было только на большой дороге, а на велосипедах кататься только до второго колодца. А наша бабушка Лена совсем не строгая, а очень даже хорошая. Она никогда нас не ругает, как мама. Мы, конечно, ее очень любим и, как говорит дедушка, любим «садится ей на шею». А ей это нравится! Только иногда, когда мы уж совсем «сядем ей на шею», она начинает нас журить. Но все же это здорово, когда бабушка так тебя любит! А дедушка – он почти никогда серьезным не бывает, подшучивает над нами или поет песни. И мы научились песни петь и часто под дедушкин баян на даче поем и танцуем у беседки. Особенно, когда к нам приходят гости – Яромир с Росей, а тем более Кира с Улей – наши двоюродные сестры, которые год назад уехали в Канаду, там живут, а на лето приезжают в Россию, в Москву, вернее – на дачу. Бабушка с дедушкой в такие дни устраивают разные шоу с играми, песнями, танцами, шампанским и тортом.

А еще бывают на даче особенные дни – традиционные праздники. Например, детский праздник, праздник Ивана Купалы, день свадьбы бабушки с дедушкой, когда бабушка надевает свое свадебное платье, день рождения Светы – он как раз летом. В эти дни собираются взрослые и дети все вместе и что-нибудь интересенькое выдумывают.

Да, лето – это прекрасно. Еще и купаемся часто. То у себя на даче под поливалкой, то в нашем озере, то на Москве-реке. А яблок, малины, крыжовника, смородины черной и красной, жимолости, сливы завались. Даже клубника, черешня, вишня – и те есть.

А сразу после лета – тоже очень здорово. Нас папа с мамой везут куда-нибудь на море. Чаще всего – в Испанию. Мама очень любит Испанию, хорошо говорит на испанском языке. С нами всегда на море бывают бабушка Лена с дедушкой Колей, приезжают туда же Вова с Сигне, иногда и Кира с Улей. Вот веселуха тогда бывает. Мы все три сестры очень любим море, а мама с папой считают море еще и полезным, хоть оно и соленое.

Возвращаемся домой уже осенью и сразу – Аня и Света в садик, Настя в школу! Начинается наш труд осенний, зимний и весенний – до лета. Но так трудиться нам тоже должно нравиться – так наша многодетная мама говорит. Мы согласны с мамой, только вот не всегда это получается! Но мы стараемся. Уступаем, не всегда правда, нашей меньшей – Анечке. А средняя – Света многому учится у старшей – Насти. А Настя учится заботиться и об Ане и о Свете. Вот так мы и живем – три сестры.

Интересно, а как мы будем жить – быть, когда вырастим?!

Кое-что, написанное черным по белому сохранилось и для сестер Курановых

Внучке Кире:

Мне уже годик! Боже, как спрессовано время при взгляде назад! Мама в беременности была прелесть. Изумительное спокойствие, внешняя уверенность, как будто Я у нее под сердцем уже в пятый раз. А у папы – ни капли строгости, всегда какая-то детская улыбка на лице. И вот уже роддом. Первый взгляд на мир не дальше одеяла, первая поездка на авто, которое дед забыл обмыть шампанским. Маршрут роддом – отчий дом – позади. Первая высота взята. Пошли размеренные будни. И вот уже первая улыбка на лице, а вот и поползла Я, Кира Петровна Куранова, сама села, встала на ножки, побежала, обмыли первый зубок. А вот уже и первый шаг во взрослость – врач разрешил общий стол, и бабушка Наташа не успевает жарить сырники, в моду вошел второй ужин из папиной тарелки после работы, мама вынуждена заменить всякие там брокколи на любимую картошку. Но не хлебом единым....

Танцевать научилась раньше, чем ползать. Из пения предпочитаю дуэт папы с мамой. Романсы и русские народные песни быстро приводит в ступор, а потом сразу же в сон. Правда иногда, под настроение, могу часами слушать эту тяготину и не пикнуть. Не спасть, а слушать! Пожалуй, что из серии «не хлебом единым», предпочтение все же отдаю собственной музыке, которую включаю, где только могу: в книжках, велосипедах, машинках, игрушках. Самый кайф – включить музыку и поплясать под нее.

Люблю путешествовать. Ежедневно часами путешествуем с мамой по Тропаревскому парку: осенью, зимой, весной и летом. Ой, нет, нет! Летом путешествуем по даче. Здесь и освоили способ перемещения ногами. По вечерам пристрастились к самовару у деда. А однажды маршрут путешествия продолжили даже на Селигер. Дачу заволокло такой гарью от пожаров, что папа решил сбежать с дачи, из Москвы и спастись на Селигере.

Впервые я купалась в открытом водоеме, да еще каком! Это было в Осташкове на Селигере, где и берегов-то не видно. Впервые здесь и ощутила туристический дух на полу в гостинице. Ощутила этот дух и им заразилась.

Как иначе понять, что сегодня у меня день рождения, сегодня мне уже год, а завтра я лечу на самолете в Грецию, на остров Крит, в это пристанище богов от Зевса до...., в общем, много там всяких, наверное.

Все, заканчиваю свое годовалое жизнеописание. И вот она моя первая подпись... Да! Как же мне

подписаться-то? Мама и бабушка Наташа зовут меня Кирпетровочкой. А ведь я уже крещеная. И крестили меня на маминой родине, в самом главном храме. И путешествовала я в Сергиев-Посад много раз, к дедушке с бабушкой в гости. И я всех люблю. И Тошку – тоже, хоть он меня и грубо лапает. Я от него убегаю, но и играю с ним – ушастым и ужасно хорошим. Все! КПК - вот!

Ну что за прелесть эта тайна -
Рожденье жизни на земле.
Ни что здесь вовсе не случайно
И ты, мой ангел, как и все –

Вмиг появилась ниоткуда,
И стала главной в жизни вдруг.
Твоя улыбка озарила,
Все стало праздничным вокруг.

Тебя прижмешь-помолодеешь,
Рукой коснешься-окрылишь,
С тобою спляшешь - ошалеешь,
И все грехи себе простишь.

Будь счастлива, мой светлый ангел!
Живи в распашку, как Бог дал.
И пусть звезда твоя на небе
Твой освещает пьедестал.

Я - большая!

Мне уже два! Два годика! Боже, как я люблю мир вокруг меня, как я люблю всех вас! Пока я не могу все это сказать, только показать жестами. Но вы меня понимаете! Мне вполне достаточно: маами, паапи, бааби, диди, спсибо, Фуфа, еще, ав-ав и еще с десяток, не больше, слов. И все же я могу разговаривать с вами на любые темы. И мне от этого так хорошо! Прижмусь к маме, запущу свою ручку к груди, поглажу свою сестренку в мамином животе. Я сяду к папе на колени и съем его порцию шей и буду с ним летать, летать, летать. Я распишу себе лоб от радости, что приехала баби, буду бегать по квартире из угла в угол. Я заставлю диди спеть мне все песни на свете...

Я живу полной жизнью, я счастлива - как умеют только дети! И я люблю всех вас, как умею любить только я!

Ваша Кира Куранова; 11.09.2011 г.

Как часто слезы на глазах от умиления
Умеешь ты, моя родная, извлекать.
Одним своим прикосновеньем
На небеса седьмые посылать!!!

По вечерам – я в райских кущах,
Когда с тобою мы вдвоем,
И каждый шаг, и каждая улыбка
Душевный трепет вызывают в нем,

В выдавшем виды моем сердце!
И потому – счастливый я!
Ты – бриллиант, ты - изумруд, ты – мое солнце,
И все мы есть – одна семья!

**Поздравление с Днем Рождения.
11.09.2012.**

Это кто здесь без оглядки
Каждый день играет в прятки?
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры.

Это кто всегда поет
И игрушки всем дает?
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры

У кого сестра Уляша
Чуть стоит, но уже пляшет
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры

У кого жених Максим,
Он дерется! Пусть! Бог с ним!
Он хороший, он при Кире
Из 11 квартиры.

Ты считаешь, буквы знаешь
Любишь всех, взахлеб играешь,
Молодец-девчонка Кира
Из 11 квартиры

Славный пес, сестра и мама
Папа, бабушка и баба
Все они всегда при Кире
Из 11 квартиры.

Ни мороз тебе не страшен, ни жара!
Будьте счастливы всегда
Дорогая внука Кира,
Все, все, все в твоей квартире!

Ульяна – 4

Была девочка Уля,
А стала сегодня Ульяна!
Кто отгадает: «Почему?»
Как Уля вдруг стала Ульяна?!

Да потому что день рождения!
Сегодня стало 4 года!
Подарки, песни, угощения,
Улыбки и дары природы!

Ульяна, славное дитя!
Ты так серьезна и взрывная
Ты любишь в сказках доброту,
Но и бываешь озорная!

Ты с Кирой – не разлей – вода
С любимую своей сестренкой!
А свой характер иногда
Ты укрощаешь втихомолку!

Мы поздравляем всех - и папу с мамой
И Киру, Тошу, и тебя
Будь счастлива, красива, своенравна
И не меняй характер никогда!

Две сестренки
Анапа, сентябрь 2016

Утром – сонные тетери:
Завтрак – тяжелая работа.
Только со стола слетели –
Навалилися заботы.
Нужно это, нужно то –
Закрутилось колесо.
Одна станет рисовать
И другой дай краски.
А легенды сочинять
Из вчерашней сказки.
Могут врозь и могут вместе
В них они – жених с невестой.
Обсуждают горячо
Кто из них есть кто
И не слышат никого,
Мир вокруг для них – ничто.
Они создали свой мир,
В нем любовь, разлуки, пир.
Но ужасное – обед!
Снова кислый вид.
Без мультфильма – сущий бред
И живот болит.
А с мультфильмом – можно жить,
Даже – рыбу проглотить.
Спать? Вы что – с ума сошли,
Столько дел – хватит на всех!
В дело кулаки пошли,
Слезы, крик и смех.
Виноват, не виноват –
Мы друг другу друг иль враг!?
Но смотрю – опять в мечтах

Где-то там, на облаках,
В тридевятиом царстве, что ли,
Разгулялась мысль на воле.
Так в иллюзиях весь день,
Им ни чуточки не лень!
Но пришла пора ...
Просто так, по пустякам,
На ногах стоят едва,
Но виною – не игра.
Это бабушка любимая
Заставляет спать, ворчливая.

**Анапа – отдых
25.08 – 12.09.2016**

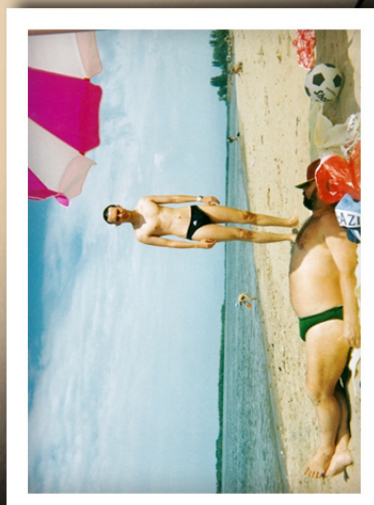
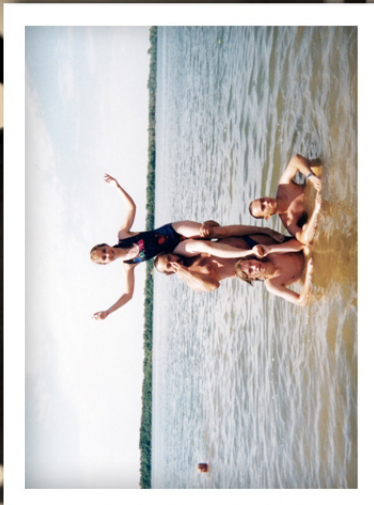
Ветер по морю гуляет
И в Анапу залетает,
Там на пляже на песке
Встретил наших налегке.
Уля, Кира, баба, деда
Здесь бывают до обеда
В море свои попы мочат,
На тарзанках, коль захочат.
Все же больше – на песке,
Здесь фантазия вполне
Может целый день держать.
Но команда: «Отдыхать!»
Лишь под вечер, под закат
Возвращается отряд
И до ночи – «стуки – стуки»!
Разве место есть здесь скуке?
Море, солнце, пляж, игра –
Ежедневная работа
И прожить с такой заботой
Все готовы без конца!
Ну, а вечер? Где отряд?
В парке выстроились в ряд
Музыкальные фонтаны –
Там, конечно, наши дамы!
Дед, конечно, тоже там.
Под оркестр, под фонтан
На скамеечке сидит
И на внучек все глядит
Как они очами блещут
И от радости трепещут,
Вальс танцуют не шутя,
Вот такие вот дела.
А потом – аттракционы:
Расстреляли все патроны,

Перелопали шары,
Автодромы все прошли.
Жаль, что спать пора ложиться.
Баба может рассердиться.
Для порядка внучки хнычут
Баба сказку им в постель,
Сладкий сон пришел теперь.
Так вот каждый день в Анапе —
Дед доволен: «Дело в шляпе!»

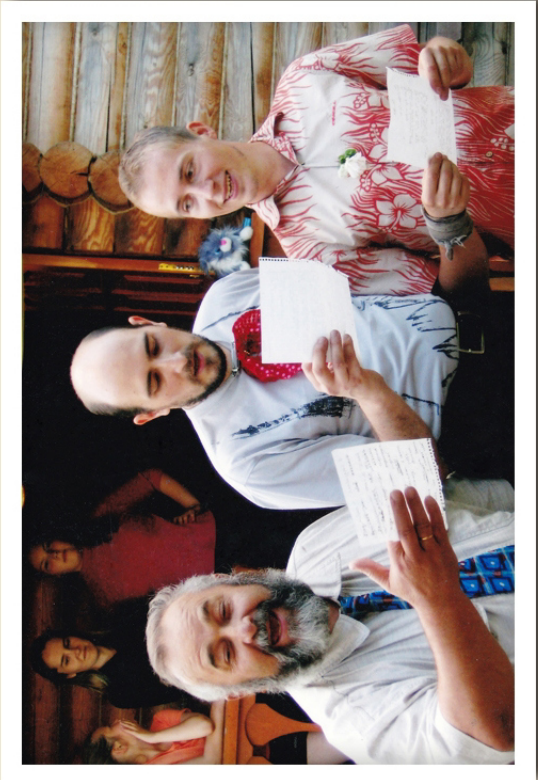
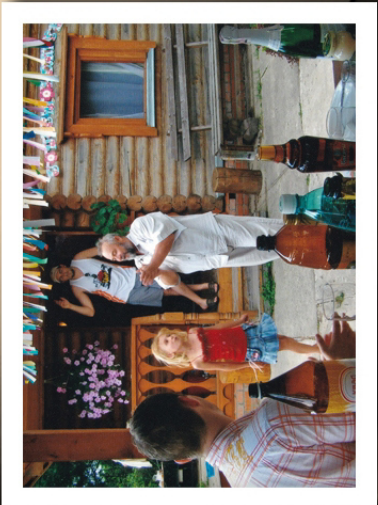
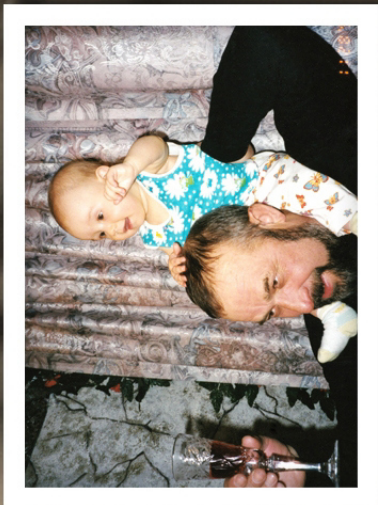
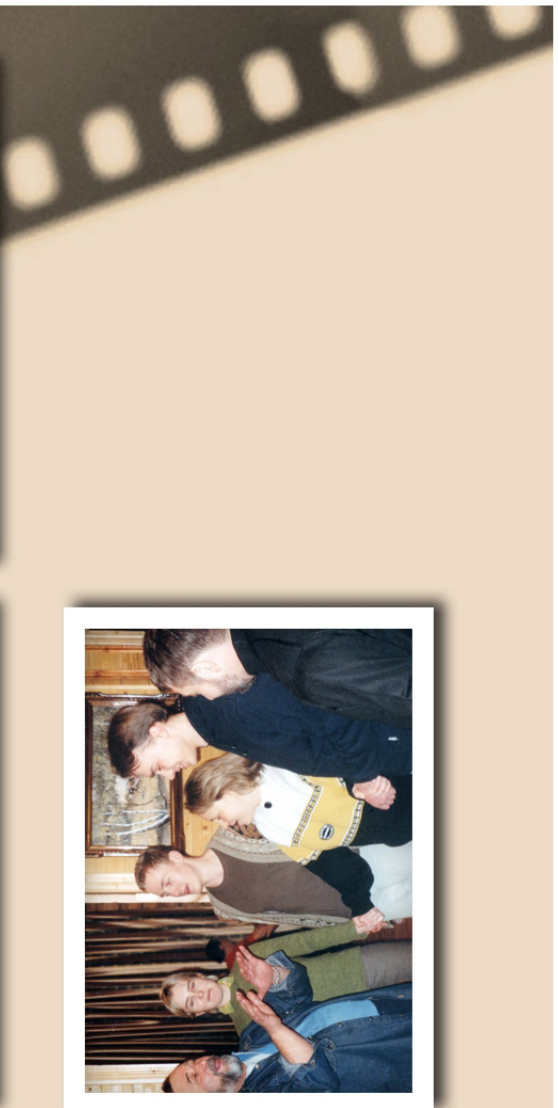
Не обижайтесь, внучки, на меня,
Что так не много дед Вам дал.
Дал я что смог, что потянул.
От Вас поболее я хлебнул!

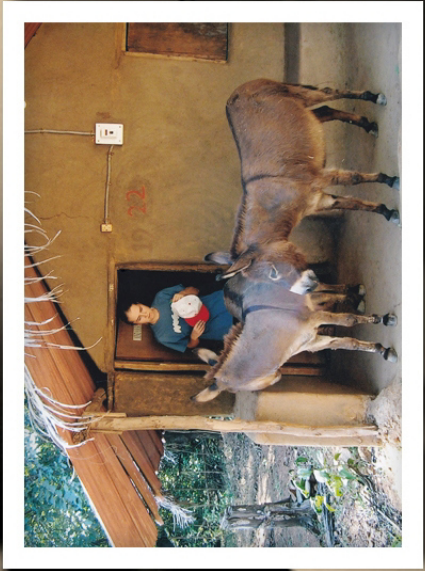
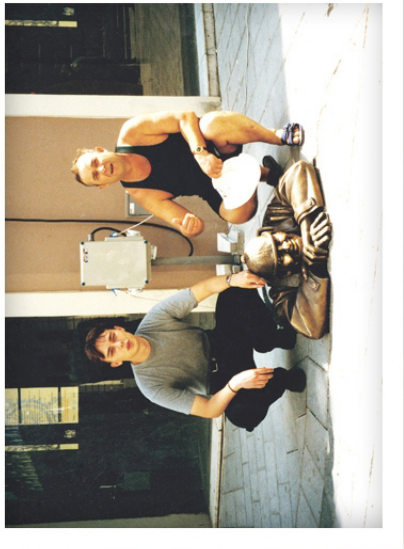
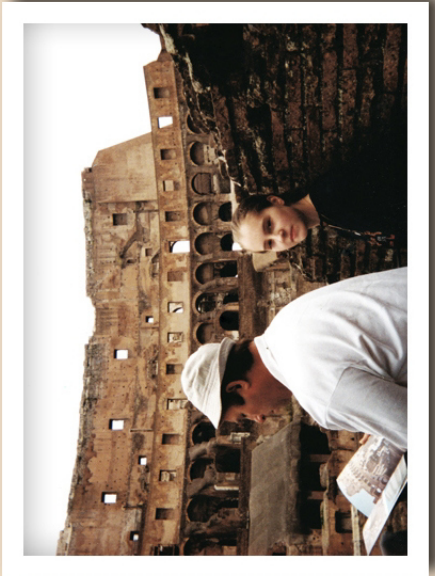
Пригоршнями я брал, беру,
У Вас на старость про запас
Вашу наивность, чистоту,
Любовь и смех. Ваш мастер-класс
Открыл мне тайный смысл бытия.
Я стал богат как никогда!

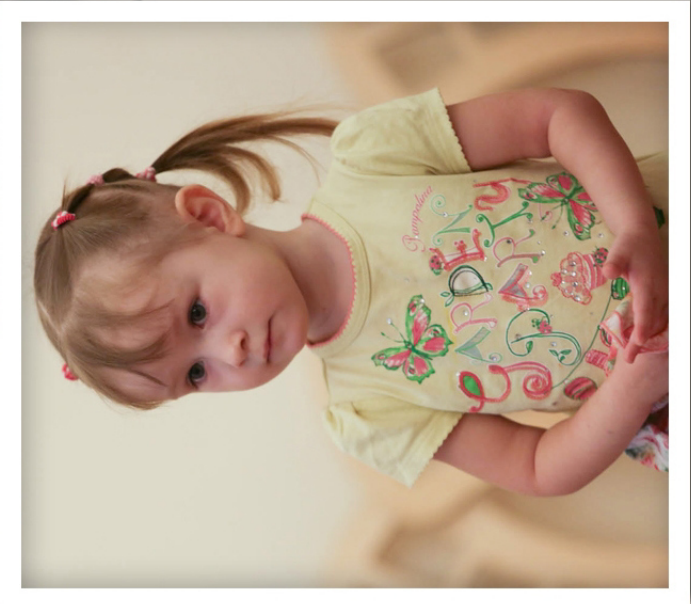

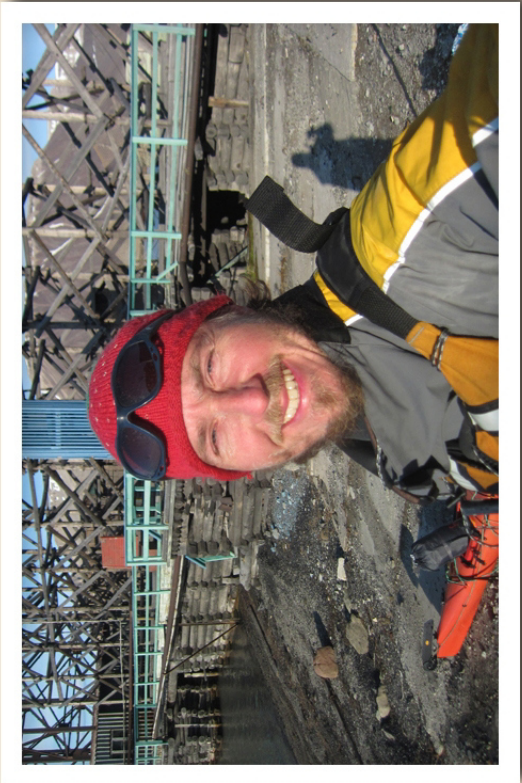
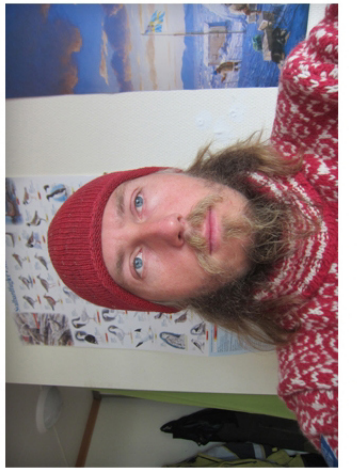

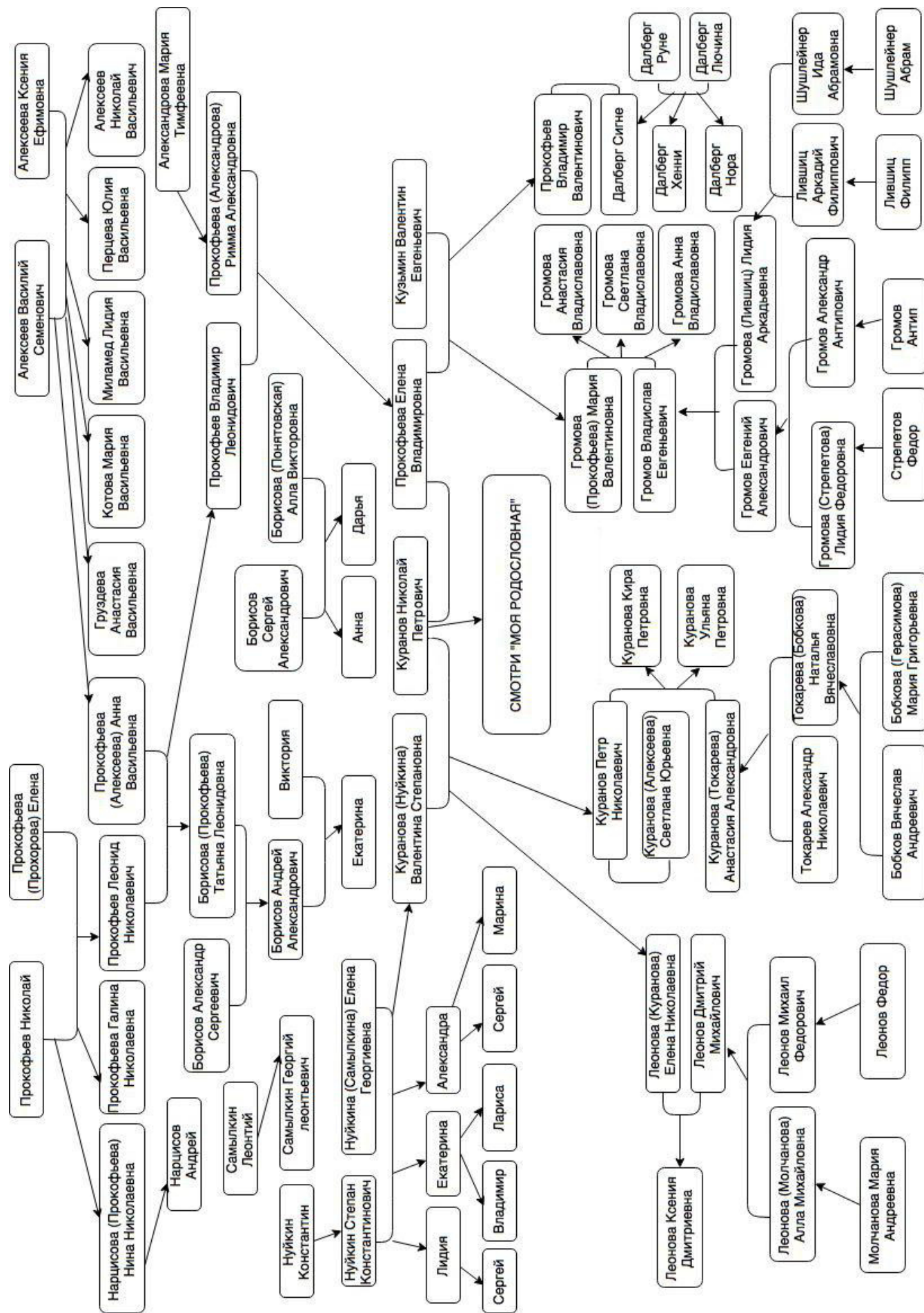

ГЛАВА 15. ВРЕЗКА В МОЮ РОДОСЛОВНУЮ

И все же не объят необъятное, а хочется! Хочется еще и еще, про тех, кто вошел в мою родословную, а ведь некоторые из близких мне людей не вошли в ту, исходящую от моих родителей. Попробую-ка сделать врезку в родословную, где я сам, а не мои родители, и есть пуп земли. И вот что у меня получилось (см. рисунок). Ниже центральной линии я поместил детей, их супругов, родителей и родственников супругов, а так же внуков. А выше центральной линии я поместил родителей и родственников жен. Получилось тоже не мало. Врезка позволяет мне подробнее поговорить о родственниках зятьев и снох, но, главным образом, родственниках жен. И то, и другое важно для детей и внуков. Буду писать только о тех, с кем, так или иначе, был знаком.

К своим зятьям и снохам отношусь как к детям, которые достались мне в виде награды за проделанную работу. В этом смысле мой первенец – Леонов Дима, который часто выполняет функции семейного доктора. Он обладает весьма сложным набором качеств, в которых долго и не всегда успешно он сам пытается разобраться. Тем интересней он мне, да, думаю, и себе самому. О родственниках Леонова Димы знаю, к сожалению, не много. Его отец произвел на меня впечатление мягкого, любознательного человека, на все готового ради своих детей. Мы с ним познакомились во время свадьбы наших детей. Свадьба проходила в Кучино в зале института ВОДГЕО 5 августа 1995 года. Тогда Михаил Федорович приехал на свадьбу из Краматорска. Он там работал металлургом на местном металлургическом заводе. В то время жены Михаила Федоровича уже не было в живых. По-видимому, она умерла не так давно и память о ней была во всех речах родственников. Когда Михаилу Федоровичу пришлось уйти с работы, по моей инициативе рядом с квартирой молодых Леоновых в Кучино была куплена однокомнатная квартира, что помогло скрасить ему старость рядом с детьми и внуками. Михаил Федорович любил задавать мне вопросы о политике, считая, что мое мнение профессора является истиной в последней инстанции. А я старался направить беседу на военные годы и заслушивался рассказами очевидца, которые не умел и не хотел что-либо приукрашивать о погибших товарищах. О тех, которые вместе с ним разминировали поле, по сути, не зная, не умея этого делать. Он сам чудом остался жив только потому, что мина оказалась бракованной, не разорвалась в руках неумелого мальчугана. Рассказывал Михаил Федорович и как сдерживали японцев уже после победы над фашистами. Помню 9 мая, но не помню какого года, Михаил Федорович оказался в больнице в каком-то подмосковном городке. Мы с женой приехали навестить его, и он был так рад, что во время долгой беседы держал руки Елены Владимировны в своих руках и не отпускал их, словно соскучился по женской ласке. Почти весь день провели мы у Михаила Федоровича, боясь каким-нибудь неуклюжим действием показать нашу вечную суету сует. Я надеялся на долгую жизнь этого очень скромного человека. Живя на пенсию, он не принимал помощи ни от кого. Наоборот, сам выкраивал из пенсии заметную часть и говорил, что молодым надо помогать, питаюсь свеклой, картошкой, капустой, в то время как молодежь – его дети – ездили на джипах. Это не критика в адрес детей, те ему приносили мясо, рыбу разных сортов, но он принципиально не ел это, держал с месяц в морозильнике и потом, при случае, на праздник возвращал детям в качестве подарка.

У его дочери, всегда эмоциональной и жизнерадостной Аллы, казалось бы, была сказочная жизнь. Прекрасная дочь, в которой она души не чаяла, мастеровой муж Молчанов Андрей, специалист по ремонту машин, открыл свой автосалон. Она не работала, но все мечтала найти себе приличную работу. Но... уж это НО! Как же часто оно откуда-то появляется. Не задержалось и в этот раз. Семья распалась, дочь возненавидела ушедшего отца. Алла Михайловна стала работать в нашей фирме. Дочка Маша закончила РУДН, преподает иностранный язык на разных факультетах университета. Слышал и несколько раз видел многочисленных родственников, главным образом из Орловской губернии, откуда, спасаясь от голода, отец Михаила Федоровича перевез семью на Украину, в Краматорск. Но в памяти кто-либо не зацепился и это почетное право продолжения родословной я передаю детям Михаила Федоровича Леонова, который к тому же еще и прекрасно рисовал, что для меня в принципе недоступно и недостижимо!

Анастасия Токарева, теперь Куранова, жена Петра – волевая, сильная, красивая, коммуникабельная женщина. Оптимист по натуре, настоящая опора мужу, поддеживая его в любых начинаниях. В настоящее время «подсела» на фитнес, сбрасывая несуществующие граммы своего молодого и без того привлекательного тела. Меня поражает сейчас побеждающая все и вся идеология: не ешь, если можешь и худей. Это, вместо естественного: «Ешь, сколько надо, чтобы быть здоровым!». Стремление к красоте, точнее к тому, что кто-то считает модным, побеждает стремление быть здоровым. Блажь и бред этой эпидемии настолько очевидны, что спорить об этом невозможно – нет предмета спора. Мне иногда кажется, что невозможные, глупые, бредовые идеи развития человечества все чаще одерживают победы над естественным, божественным, присущим человеку и человечеству. Это очевидные предпосылки деградации и гибели человечества. Я искренне надеюсь, что это временные флуктуации! Обидно за человечество, если оно погибнет от такой глупости. Настя – разумный человек и может быть принята за типичного представителя человечества. Мне очень интересно понаблюдать в течение нескольких десятков лет, как же в лице Насти будет трансформироваться идея всеобщего худения. И уже сейчас вижу сдвиги, а именно: занимается Настя спортом с энтузиазмом ради здоровья.

Мне посчастливилось недавно поближе познакомиться со свахой – матерью Насти, Натальей Вячеславовной Токаревой. Мы с ней вместе отдыхали в Испании, в Анапе, приглядывая за внучками. Настоящая женщина! В словах, в делах мгновенно и прелестным образом выскакивают один за другим противоречия. Я как лучшую в мире симфонию слушаю целый день бабушкино щебетание с внучками, где угрозы, к которым дети привыкли как в свое время к грудному молоку, перемежаются с поцелуями, с мгновенным выполнением любых капризов. Целый день слушаю «музыку»: бабушка, принести это, подай то, почему ты подала холодным, зачем ты читаешь эту сказку, а не ту, нет, не надо это, нам надо то. И бабушкины угрозы: так нельзя, скажу папе, маме, почему вы себя так ведете, а мороженное вам сейчас не положено, но я, так и быть, дам, если будете себя хорошо вести и т.д. и т.п. Наталья Вячеславовна – это та самая бабушка, которая нужна им всю жизнь, потому что теплота от такой бабушкиной бездумной, неумелой, преданной и сладкой любви остается в детях на всю жизнь. Бабушка Наташа еще и потому настоящая женщина, потому что она искренне считает, что одна из задач и даже предназначенье женщины (в смысле, женщины на земле!) – пытаться нравиться мужчине. Эти ее качества вместе с умелой хозяйкой и не назойливостью, вспыхиванием по каждому поводу и без повода, т.е. ее порывистость в реакции на слова и дела, у меня лично вызывают счастливую улыбку и радость от того, что я знаком с этим человеком. В одном не могу поддержать порывы этой женщины – в ее маниакальном стремлении руководить плаванием внучек на море, в котором сама она плавать не только не умеет, но и не любит. С Александром Николаевичем я знаком много меньше, поэтому только и могу сказать, что знаком. Кстати, сноха Настя многим похожа на свою мать, хотя обе отрицают это, указывая на отца.

Первая жена Петра – Светлана – это та самая девушка, с которой они стали жить в общежитии МГУ, обучаясь на одном факультете, в одной группе. Та самая, к которой он ушел из дома «в люди», вместе с которой повзрослел. Сначала жили душа в душу, но потом что-то пошло не так. Знаю, что одна из причин – стремление худенькой Светланы во что бы то ни стало худеть, худеть и худеть!

Владислав Евгеньевич Громов – Машин муж, молодой человек современной наружности, с которым мы чаще всего в последние годы «пропускаем» рюмку-другую. После окончания МГУ стал работать в фирме «Геолинк» у известного в стране гидрогеолога Пашковского Игоря Степановича. Того самого «Степаныча», как его часто называли в узком кругу, который когда-то отказался быть оппонентом по моей докторской диссертации. Степаныч был не только крупным ученым, знающим специалистом, но и умелым наставником, под руководством которого Владислав быстро вырос в крепкого специалиста. Почему-то не стал защищать диссертацию. Скорее всего - не хватило характера, а обстоятельства к тому не принуждали. А он – человек увлекающийся, не прагматичный, много умеющий и знающий. Для него важнее ночь просидеть в поисках сегодня интересующего его вопроса, чем доводить до конца диссертационную работу. Его образованность, врожденная тактичность, интерес к настоящим проблемам человечества, а не сиюминутным и надуманным, делает его для меня желанным собеседником за шашлычком. В другое время я пока не могу себе этого позволить, поскольку внутренние часы внимательно следят за миними-

зацией потерянного времени. У Влада же этот механизм работает слабее.

Так уж получилось, что и со стороны Маши я больше знаком со свахой, чем со сватом, которого видел один раз «при сватовстве». Но знаю его по рассказам Владислава как мастерового человека, умеющего и любящего творить руками, а так же «природника», не упускающего минуты общения с природой. Лидия Аркадьевна – мать Влада, внешне закрытая, сдержанная женщина. Однако, это совсем не так. Ясный, рассудительный, прямой характер позволяет ей иметь твердые убеждения, глубокий интерес к искусству, разумную порцию эгоизма, и разумную же любовь к детям – к своим двум сыновьям. Пожалуй, именно в Лидии Аркадьевне сердце (любовь) и голова (разум) – эти две разные субстанции выступают единым организмом по отношению к своим детям. Оказывается – бывает и так. Мне всегда приятно общаться с Лидией Аркадьевной, хотя это случается не часто. Думаю еще и потому, что при нашем общении ее многое, что есть во мне, шокирует. Интересно, что и я таки нашел голубую, пусть купеческую кровь в моих внуках. Оказывается (см рисунок) дед Лидии Аркадьевны (прапрадед моих внучек Насти, Светы, Ани) – «товарищ» Шушлейнер Абрам – купец первой гильдии, а их прабабушка Громова –Стрепетова была стоматологом, прадед Громов Александр Антипыч имел за плечами радиотехнический институт, жил в городе Плес, что на Волге в Ивановской области и куда отец Владислава – Евгений Александрович часто отлучается для общения с природой. А вот прапрадед Громов Антип был звонарь и обувной мастер. Поэтому и Громов – звонарь, значит.

По поводу четвертого своего ребенка – Владимира Прокофьева - для меня, надеюсь, многое в будущем. Знаком я только с Сигне – этой небольшой, но крепче стали, как мне кажется, девушкой. Несколько вечеров удалось поговорить мне с ней. Она из Стокгольма. Их три сестры, которых мы еще не видели, как и родителей. Но все еще впереди. Впереди наш визит в Стокгольм, а их – в Москву. Сигне мне нравится своей прямоотой, открытостью, точностью ответов на мои вопросы. В ней легко сочетается мужественность с женственностью. По-моему, они с Владимиром – прекрасная пара. Оба экстремалы, жизнь полна приключений, то ли еще будет!

Отдав должное зятям и снохам, перейду к корням жен моих.

У Валентины Степановны, помню, три сестры, которые были продавцами в магазинах. Отец Валентины был без ноги, крепко выпивал, а вот бабушка моих детей, Елена Егоровна – колхозница, труженица села. Это была простая, добрая, трудолюбивая женщина с очень трудной судьбой. А руководила той судьбой русская водка. Жили они все в городе Петровске Саратовской области – типичный провинциальный городок на реке Медведице в центре России.

Елена Владимировна – вторая моя жена – коренная москвичка, хотя в паспорте у нее указано место рождения город Моршанск Тамбовской области – такой же провинциальный городок, как и г. Петровск. Но в Моршанске она была только в роддоме – мама рожала на родине! Римма Александровна была из Моршанска. Она умерла в 33 года. А вот с отцом Елены Владимировны – Владимиром Леонидовичем мы по - настоящему дружили. Да и разница в годах у нас всего лишь 17 лет. О Владимире Леонидовиче я уже писал выше, но только вскользь, а хочется большего. Мы с женой часто бывали в гостях у него дома, где нас радушно принимала и его гражданская жена Валентина Феофановна Дмитриева. Традиционными такие встречи были в ночь под католическое рождество. Остальные праздники проводились в нашем доме в большой компании, как правило, шумно, весело, с песнями. И несмотря на то, что Владимир Леонидович не обладал громким голосом, не особенно знал слова песен, да и слух тоже не был его коньком, он, тем не менее, неизменно оставался душой компании. Ему это удавалось без всякого труда. Таково обаяние было этого незаурядного человека. В компании он оставался всегда веселым, легким, а точнее, жизнелюбивым человеком. Неожиданно, скоропостижно ушел из жизни мой тесть, считая себя довольно молодым человеком в свои 72 года.

Отец Владимира Леонидовича Леонид Николаевич, был столпом, стержнем семьи, ее фундаментом. Будучи стержнем семьи, Леонид Николаевич ухитрился умело отходить на второй план, мягко продемонстрировать врожденную интеллигентность. И это делало всю семью счастливой, держало всех вместе семейными узами. В конце 80-х и в начале 90-х годов, до самой смерти Леонида Николаевича, по сути дела существовал клан, в центре которого была бабушка с дедушкой, их дети Владимир Леонидович и Татьяна

Леонидовна Борисова с их женами и мужьями, а затем внуки Елена и Борисовы Сергей и Андрей.

При рассказе о родственниках жены хочу привести отрывки из воспоминаний моей жены, написанные несколько лет назад.

Семья Прокофьевых – большая, дружная семья, сложившаяся из двух кланов: Прокофьевы и Алексеевы.

Прокофьевы Николай и Елена (обратите внимание на совпадение имен!) – родители Леонида Николаевича, моего дедушки. Это была богатая, зажиточная семья. Елена, в девичестве Прохорова, родилась в семье основателей Прохоровской мануфактуры (опять голубая кровь). Разбирая старые фотографии мне посчастливилось найти приглашение на их свадьбу. Все в кружевах и вензелях, с изысканным текстом:

Мария Капитоновна Прокофьева, в день бракосочетания сына своего Николая Николаевича с девицей Еленой Стефановной, покорнейше просят Вас пожаловать на бал и вечерний стол, сего Ноября 2-го дня в 8 часов вечера.

Венчание имеет быть в церкви Св. Апостолов Петра и Павла что в Лефортове в 6 час вечера.

Бал имеет быть в доме Косичкина в Таганке.

Москва, 1892 года

Когда держишь в руках это приглашение, кажется, что ты прикасаешься к древней истории, оживает дореволюционная Россия с высокими моральными принципами, с честным купеческим словом ... А это ведь мои прадедушка и прабабушка!

В семье Прокофьевых было несколько детей. Я знаю только двух сестер: Галина и Валентина и брата Леонида. Мужчины в этой семье по известным причинам заканчивали текстильный институт. Мой дедушка не был исключением. Однако, после революции, все рассказы о семье Прокофьевых – Прохоровых были прекращены и я ничего о них не знаю.

После окончания текстильного института дедушка получил еще 2 высших образования: он окончил высшее артиллерийское училище и академию химзащиты. Судьба возложила на это поколение очень тяжелое испытание. Дедушка родился в 1910г. В 1917 г в возрасте 7 лет он пережил революцию и все тяготы послереволюционного периода. Только – только жизнь стала налаживаться, и началась Отечественная война. И опять это поколение 30и-летних приняло на себя все ужасы войны. Помню, что дедушка не любил говорить о войне, считал ее трагедией всего человечества. Во время войны он был одним из разработчиков наших легендарных «Катюш», ездил на передовую линию фронта, обучал наших солдат, как обращаться с «Катюшами» и свято выполнять приказ: «При отступлении – уничтожить!». Не могу не рассказать один случай из тех тяжелых времен. Во время войны наши «Катюши» устанавливались на «студебекеры», которые поставлялись нам из Америки по ленд-лизу. Был голод, люди по карточкам получали ничтожное количество хлеба. И вот у дедушки просят на несколько часов студебекер, обещая за это полную машину шоколада! И дедушка отказал, ведь в период военного времени согласиться на это все равно, что предать Родину! Знаю по рассказам бабушки как он радовался Дню Победы. Мы жили тогда в Старотолмачевском переулке (это в 15 минутах ходьбы от Красной площади) в деревянном доме, уцелевшем при пожаре в Москве в войну 1812 г. Дедушка в тот день забрался на крышу нашего дома и пел и танцевал от счастья. Это был великий день для всей страны.

Дедушка был очень человечным человеком. Через всю жизнь он пронес большую любовь к своей жене, моей бабушке. Благодаря этому чувству в семье сложилась теплая и доверительная атмосфера. Дедушка был столпом, стержнем семьи, ее фундаментом. Ни один вопрос не решался без его одобрения. Он был внимателен и в мелочах. Помню, как он провожал меня в институт (!) каждое утро. Он вставал раньше меня, кипятил чайник и накрывал на стол. Я говорила ему: «Дедушка! Ну зачем ты встал? Я сделаю все сама!». Но он продолжал это делать, считая это одним из необходимых элементов семейной жизни. Так же потом поступала и я, провожая своих детей в институт. Дедушка, я благодарна тебе за это!

Помню, как он волновался, когда я собралась выходить замуж за Николая, ведь у меня были дети и он переживал, как сложатся отношения между Николаем и детьми. Помню, как он много и долго беседовал с ним, расспрашивая про его родителей, детей, пытаясь понять его характер, понять, можно ли доверить ему правнуков. Понимая большую разницу (можно даже сказать, пропасть) в образах жизни и воспитании

наших семей, пытался деликатно объяснить это Николаю, предостеречь его от возможных ошибок.

Дедушка очень любил наши семейные застолья. Почти на все праздники (как советские, так и религиозные) собирались у нас за столом Прокофьевы, Перцевы, Меламид, иногда Груздевы. У сестер Алексеевых были хорошие голоса, они пели в церковных хорах. Вообще, в нашей семье любили петь, в основном романсы. Пели на разные голоса, бабушка, как правило, дирижировала нашим хором. Дедушка тоже очень любил петь. Особенно помню, как он с большим чувством пел арию Елецкого из «Пиковой дамы». Бабушка всегда подсказывала ему слова. Это было очень мило и трогательно. Их инициативу подхватили и мы с Николаем. Сейчас, в память о дедушке и бабушке, мы также исполняем эту арию: Николай поет, а я ему подсказываю слова.

Бабушка – Прокофьева Анна Васильевна, урожденная Алексеева, родилась в многодетной семье главного бухгалтера крупной компании, изготавливающей мыло и свечи. Ее отец, Алексеев Василий Семенович, был человеком кристальной честности. В те времена, когда не было ни кассовых аппаратов, ни компьютерного учета, а все держалось на «честном слове», в его распоряжении находилась вся прибыль компании, продававшей мыло и свечи почти на половине территории России (компания была постоянным участником крупнейшей ярмарки в России - Нижегородской). За свою честную, неподкупную работу, хозяева компании награждали его дорогими подарками.

Его жена – Ксения Ефимовна была центром семьи. Она родила 6 детей – четыре дочери и два сына. Она рано ушла из жизни. Для Василия Семеновича это был страшный удар. Хочу привести один эпизод из рассказов бабушки, показывающий глубину и теплоту их отношений. Когда у Василия Семеновича появлялся выходной день, он проводил его рядом с женой. И когда она готовила обед, он не отходил от нее. «Отойди, пожалуйста, - говорила Ксения Ефимовна, - ты насыпишь пепел от своей трубки мне в суп». «Я не могу отойти, - говорил он, - я соскучился!»

Моя бабушка рано осталась без матери, поэтому многому в жизни ей приходилось учиться самой. Видя в детстве родительскую любовь и большую заботу о детях, она выросла с сознанием, что семья – это главное, великое достижение в жизни людей. Семья – это опора каждого человека. «Мой дом – моя крепость», - такой девиз был главным в жизни бабушки.

Она взяла на себя все заботы в семье. Она воспитывала детей, внуков, правнуков, готовила, стирала, убирала, она старалась сделать и делала наш дом уютным и комфортным для всех членов семьи. В ее правилах был жесткий распорядок дня. Маша и Вова до сих пор вспоминают, как на даче ровно в 12 часов дня она выходила на «большую дорогу» и звала: «Маша, Вова – молоко пить!» И нельзя было опоздать ни на минуту, надо было бросить все игры и бежать домой. Да, в этом были определенные неудобства, но надо отдать ей должное. Бабушка воспитала всех детей и внуков в высоких моральных принципах, она научила нас верить в добро и делать добрые дела, она учила нас справляться с трудностями и выходить из сложных ситуаций с гордо поднятой головой. Мы все ее очень любили и уважали. Для меня она стала матерью. Она сумела заменить человека, которого никто не может заменить в жизни, потому что мать – это святое. На протяжении всей жизни она помогала мне, была моим ангелом-хранителем. Когда родились мои дети бабушке исполнилось 70 лет и, несмотря на такой почтенный возраст, она взяла на себя «львиную часть забот по воспитанию детей. Низкий тебе поклон, моя бабушка!

Мой отец Прокофьев Владимир Леонидович был старшим сыном в семье Прокофьевых. Не простая, порой жестокая судьба, не сломила его, не смогла лишить его доброты, порядочности, остроумия, интеллигентности.

Помню, после смерти мамы, его спасла работа. Он работал день и ночь. Помню как я засыпала вечером и просыпалась утром, видя его за рабочим столом. Как нежен он был ко мне маленькой, как бережно и аккуратно сказал мне, что мамы больше нет, как настоящим другом стал мне в юности и на всю жизнь. Тонко чувствующий семейные проблемы, он умел перевести в шутку назревающий конфликт. Он умел говорить с каждым на «его языке». Помню, как уже значительно позже, он спас нашу с Николаем семью от развода

Папа много работал. Он отдавался работе весь, без остатка. Он на протяжении многих лет руководил кафедрой физики в Заочном институте пищевой промышленности (теперь Московский государ-

ственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (МГУТУ). Его очень уважали и любили студенты. Он переживал за каждого из них, проводил дополнительные занятия, давал консультации.

Помимо этого ему нравилось писать учебники по физике. Вместе с Валентиной Феофановной, он написал несколько учебников и методических рекомендаций по физике для студентов.

Все это привело к тому, что он работал выше своих возможностей, не щадя своего здоровья. Папа умер в одночасье, сердце не выдержало такой нагрузки.

Не зря говорят, что для детей – главное воспитание, это жизненный пример родителей, поведение их в повседневной жизни. На долю моего отца выпало много жизненных испытаний, он смог очень достойно выйти из них. У него была настоящая, большая любовь к маме (знаю по рассказам какое это было сильное чувство, оно прошло через всю его жизнь), любимая работа, которой он отдавался полностью, любимая дочь, для которой он готов был сделать все, что возможно и даже чуть-чуть больше, и, конечно, родители, которых он безгранично уважал и любил.

У нас с папой была какая-то особая атмосфера, аура. Мы могли долго разговаривая на шуточные темы обсуждать серьезные вопросы, понимали друг друга с взгляда, полунамека. Он очень любил жизнь, со всеми ее сложностями и дарил окружающим большой заряд бодрости, уверенности в себе. Он научил меня понимать, что жизнь прекрасна! Нельзя предаваться отчаянию, даже в трагических ситуациях. Надо жить, радоваться жизни и помогать людям! Так я стараюсь жить по сей день.

За долгие годы супружеской жизни я встречался со многими родственниками по линии Алексеевых. Больше всего я любил встречи с Юлией Васильевной, которую очень уважал за безграничное жизненное и с которой мы так хорошо подтрунивали друг над другом. Много песен пропели мы с двойняшками Перцевыми Женей и Вовой. Женя и сейчас иногда захаживает к нам. Он преподает в МГУ английский язык, т.е. работает рядом с нашим домом, где мы живем. Защитил кандидатскую диссертацию в возрасте за 70 лет! Знаком, но меньше, я и с Котовыми, и с Груздевыми. Но ближе всего мы были с Борисовыми. Летом мы всегда жили с ними на даче, по сути, будучи одной семьей. Хорошо знали о любовных похождениях братьев, об их успехах, трудностях, неудачах. Были активными свидетелями становления их семей. Всегда помогали, если они обращались за помощью. А сколько было веселых застолий на даче в беседке с концертами, самодеятельными постановками. Особенно широко праздновали праздник СЧАСТЬЯ! Так мы называли день 9-го июля. Это день нашей свадьбы с Еленой, и день рождения Татьяны Леонидовны Борисовой. Татьяна Леонидовна очень светлая личность. Волевая, трудолюбивая, неравнодушная к событиям в семье, стране и мире она всегда и у всех вызывала симпатию, и всем в ее глазах хотелось быть лучше. Такая волшебная аура окружала Гулю – так в глаза и за глаза называли Татьяну Леонидовну. Она, вспоминая свое детство, юность, становление своей семьи, неизменно добавляла, что очень многим в своей жизни она обязана брату – Владимиру, который и в детские годы, и всегда по жизни оберегал ее и семью от жизненных напастей.

Время бежит, жизнь не стоит. У каждого своя жизнь, своя судьба. И это непреложный закон жизни. Необъятное не объять! Пора родословную оставить в покое.

Зятя и снохи, сватья и свахи
Ведь это награда за труд!
На этой меже не пашут не сеют -
Они к нам от неба идут!

Они нашим детям родней, чем мы сами,
И эта пикантность не прихоть, не вдруг!
У нас появляются общие внуки
И словом одним они нас назовут.

Мы баба и деда, и знаем – вы тоже,
Но нам, слава Богу, не надо делить.
Пусть будет побольше у них бабок, дедов
На всех у них хватит любви. И любить

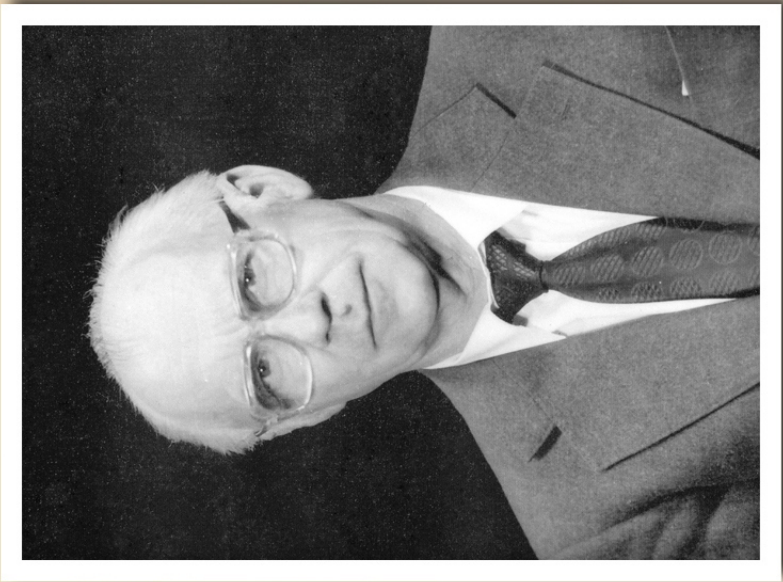
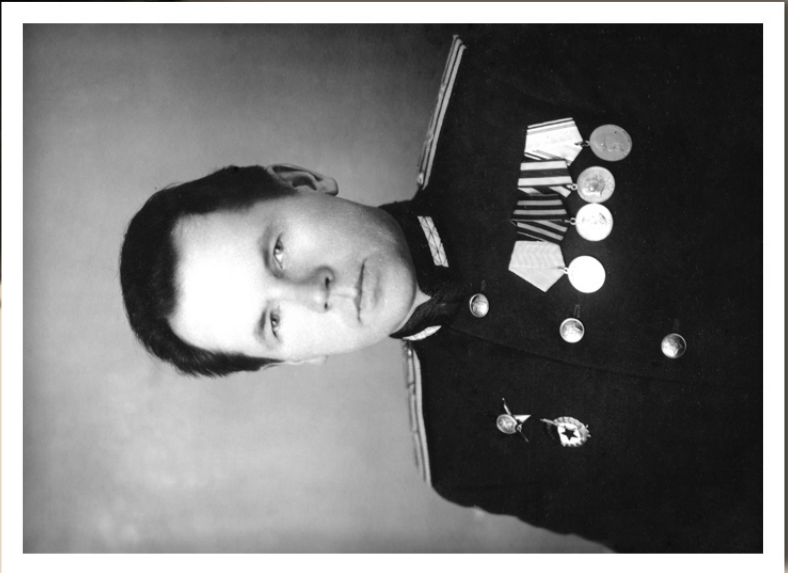
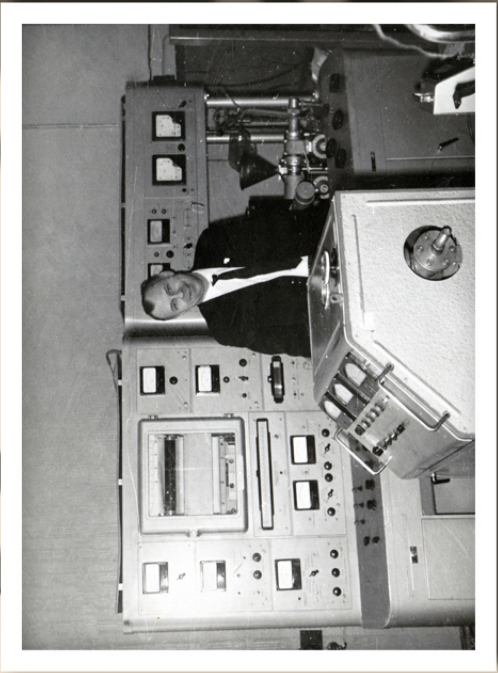
Как деды и внуки – ведь это волшебно,
Ведь это целебная сказка любви!
За это спасибо и свату, и свахе
И этой меже, где все вместе росли!

ГЛАВА 16. МОЕ ВТОРОЕ Я

Почти 30 лет мы с Еленой Владимировной живем вместе, и с каждым годом я чувствую свое счастье семейной жизни острее и острее. Почему-то хочется поделиться своими чувствами к жене как можно точнее, без фальши, но и без излишней придирчивости, без пафоса. И вспомнил я тогда, что это чувство предельной объективности в описании наших взаимоотношений владело мной, когда я готовил подарок жене к ее юбилею. Взял этот подарок в руки, перечитал и согласился с ним! Прошло 10 лет, как я это писал, но и сейчас подписываюсь под каждой строчкой.

А подарок я назвал «Покровские сказания»! – родилась жена в Покров 14 октября 1956 года.

Покровские сказания
Юбилею любимой женщины посвящается...
Москва
14 октября 2006 года

1. Пролог

Величье женщины – не в скошенных гектарах,
Не в тоннах стали, не в космической пыли.
Величье женщины навеки обвенчали
С загадкой нежности, с движением души,

С улыбкой чувственной, с искусством делать нечто,
Что поднимает ввысь, толкает жить, вершить,
Растить детей, мечтать о вечном!
Ну, и, конечно же, любить!!!

Величье женщины – не в скошенных гектарах ...
И в них, конечно - как без них?
Ведь в слове «мама» спрессовалось:
Любовь и труд – в том суть и стих!

2. Покровские сказания

Все началось с 14 октября 1956 года. Ты, мне кажется, не помнишь этот день. А я, как сейчас помню, в этот день, уже взрослый (ученик 4-го класса!), копал картошку на бахче (так говорили у нас – не на огороде, фазенде, участке, а бахче!). Получается, что, я готовил твое будущее благосостояние! Понимал, конечно, что любовь – не картошка, но чувствовал, что без картошки любовь – не любовь! Не сомневайся, я точно помню этот день!

У нас всегда старались выкопать к Покрову: «Посадить до Петрова, выкопать до Покрова». А в этот год мы задержались со своей бахчой. Наверно, много дел было в колхозе. Ведь в нашей семье всегда было так: коллективное – на первом месте, но и себя не забывай. Как у Окуджавы в молитве: «Дай же ты всем понемногу, и не забудь про меня!». Поэтому копали картошку в последний отведенный пословицей день – в Покров. Мне было хорошо, я был на подъеме: мне первый раз отец доверил таскать мешки, «всклень», под завязку, наполненные картошкой.

Появилась Ты, я стал носить полные мешки на своем горбу! Все прекрасно, все здорово, жизнь хороша!

Спустя сорок лет мы с тобой вместе побывали в том доме, где ты появилась на свет. Вот как это было ...

ОСЕННИЙ ВИЗИТ
19-21 сентября 1997 г.
Ведь что-то тянет нас к истокам?!

Где заворчалось и что...?
Ведь есть могилка, чтут ее достойно много лет,
Но нечто вдруг произошло
И вот уж памяти асфальт вскрыл генетический букет.

Моршанск! Хочу в Моршанск!
Где не был, знать не знал, но как-то укрепился верою...
Судьба дала такой нам шанс,
И запись в паспорте жены теперь уж обретет материю.

Учитесь дети – мы пошли!
Нас поезд ждет. Отец как молодой - волнуется.
Москва – Бишкек мы без труда нашли.
Нет пассажиров, но «комфорт» беснуется.

Убогость, грязь, уныло-серый вид.
Киргиз сполна хлебнул свободы.
Но Можжевеловой настой за миг
Наполнил радостью дорогу.

Мы в полутьме вагонной
Испытывали близость душ.
Не только Можжевеловой
За то положен туш!

Пусть три часа лишь сна.
Но мы бодры. Моршанск пред нами!
Вокзал уютен, чист. И тишина...!
Лишь порсячий визг на маленьком базаре.

Маршрутное такси - металлолом-кататель,
На Ленина нас сбросило, и вот
Наш гид – отец включил опознаватель,
Но он на сорок лет сегодня не берет!

Другое дело – чувства. Обнажились!
События все встали в стройный ряд.
Вот сани с лошадьёю к вокзалу подкатили:
Инкогнито жених московский прибыл в град.

Его встречали очень хлебосольно.
Пацан ничуть, я знаю, не робел
С родней нашел язык спокойно,
Ведь самогон ко времени поспел.

Другой приезд – он муж, а не жених.
Гуляет свадьба, пусть чуть-чуть вдогонку.
Зал Александровский – ведь магазин то их...
Блуждает снова память – как в потемках.

И был еще приезд. Теперь уж за приплодом.
Последний? Нет, последний - года через три.
Тогда жена сказала: «Как коммунист – я заодно с народом,
Но все ж в Моршанск я больше ни ногой! Ни-ни!»

С беседою такой мы все же отыскали домик.
Затем роддом. Сегодня там не то.
Но сохранился, ставший близким, дворик,
И сохранилось с занавескою окно.

Жена прочувственно нежна,
Растрогалась всерьез, а не на шутку.
В который раз твердит она –
То Бог ей подарил такую вот минутку.

Окно, в котором родилась...
Во мне какое-то тепло струится:
Случилось это сорок лет назад,
Но человек (Зачем?!) к нему стремится!

Два дома, два окна,
Где мама родила, где с ней вдвоем родились.
Невзрачны пусть, не в этом ведь дела...
У одного окна три сердца учащенно бились!

Таков наш был настрой –
Я не придумал это.
Неудивительно, что в день для нас такой
Весь город наложил на серость вето.

Толпой по улицам снуют,
Торгуют местным кой-каким товаром.
День города в честь нас дают!
Спасибо, мы это не оставим даром.

Сходили в броский Храм, как к богу на беседу,
Пытались даже - в краеведческий музей.
Пейзаж с моста на речке Цна (роддому он соседом).
С баптистами общались без затей.

Моршанск нам подарил сегодня праздник,
Что целый день на площади царил.
Мужик с табачки, мордатенький проказник,
Часов двенадцать все артистов выводил.

И я там был, мед - пиво пил,
С женой по площади кружил
В каком-то танце залихватском.
Моршанск родным стал! Больше - братским!

Погода чудная была,
Но с бабьим летом попрощались.
Нам дождик прошуршал: «пора» –
Так в ресторане оказались.

Центральный ресторан с названием «Цна»
Вошли, немного освежились и ... узнали
Здесь сорок с лишним лет назад
Экс-свадьбу бурно отгуляли.

Ведь это ж Александров зал,
Где Вова, Римма молодые...
Ну, это ж просто чудеса.
Про все на свете мы забыли.

Друг другу каялись в грехах.
Потом плясали до упаду
(То я сказал не в бровь, а в глаз).
«Упаду» были даже рады.

Их дочь порхала мотыльком
Про третью молодость забывши.
Где потолок, где пол – она волчком
Кружилась, местных поразивши.

Откуда взялся тот полет?
Куда там барышне Ростовской!
Ах, жаль, уже настал черед,
Домой пора – мы ж не готовы...

Мы не готовы уходить,
С Моршанском не хотим прощаться,
Но поезд наш уже стоит...
Нам надо с мыслями собраться.

Мне чувств и мыслей не испить до дна
Ведь что-то тянет нас к истокам...
И дивной прелести полна
Фантазия о времени далеком.

Прочитал я сейчас про твои истоки, и как-то хорошо стало на душе. Рад, что мы нашли тогда время, выбрались в Моршанск...

Вообще-то ты, Лана – мастер по созданию традиций. Поездки в честь Покрова-дня у нас с тобой стали хорошей традицией. Наверное, потому, что тебе от скромности вряд ли ждать серьезных неприятностей (это шутка такая!), а я не могу тебе ни в чем отказать (а это уже не шутка!)

Хочешь, я напомним тебе о некоторых наших Покровских маршрутах? Да-да я знаю, ты хочешь!

СУОМИ - ЛАНА - 40

Большое то было,
Конечно, от Бога!

11 октября 1996 г. (пятница)

Презревши долг – хотим в Суоми!
Так подведен итог прекрасной роли,
В которой пребывали мы с женой
В предъюбилейной суете мирской.

Решили так, что 40 лет –
Достойный срок достойной жизни,
И можем помахать отчизне,
Оставив скандинавам след.

Родные, дети нас поймут:
Работать и учиться им,
Нам впитывать и созерцать
Как поживает финн.

Но страх велик, погибнут дети,
Умрут без пищи и контроля.
Два дня уловы кулинарной сети
Все тащат в кухонное поле.

Забили до предела все, что можно,
Отъезд на три дня стал возможен.

Нас дети в поезд посадили,
Снабдили «фотик» батареей,
Смех по перрону разносился
Антиесененскою канарейкой.
Вот взмах рукой, перрон поплыл...
Тут Лазарь Моисеич подскочил
С супругой - «Музой Крепкогорской».
«Токай» исчез! А «Каганович» бойкий

Нам вел рассказ, как часовых дел мастера
В загранке не бывали никогда.
А все друзья – давно уж в Израиле.
Мы их в купе попозже храпом угостили
Токайскому вину как будто на закуску.
(Гостеприимство, так сказать, по-русски!).

Прощайте, дети!
Мы еще соскучимся без вас.
Финляндия! Надеемся,
Что ждешь ты нас!

12 октября 1996 г. (суббота)

Проспал я Питер! Вот уж Выборг –
Старинный русский городок.
Он русским не был никогда – войны итог!
Да, русский он с войны.
Вот и судите вы, сыны,

Россия что? За что боролись деды?
Чем кровью заплатили поколения?
А то, что отдали вчера без промедленья

В борьбе за власть продажки шкуры -
Не Родина? В Истории не мало «шуры-муры»,
Но прочно то, где кровь пролита,
И где с душой тобой обжито!

Вообще-то Выборг - Виипури –
Пролог Суоми – страны озер.
Мне крепость-остров присмотрелся,
Но в нем сидит и наш позор.

Расхлябанность и нищета,
И не ухожена земля,
Не так, конечно, как в Тамбове...
Ну, хватит, ловлю себя на слове.

Уже граница позади.
Хамина первым на пути.
То даже и не город, а сельцо.
Десяток тысяч жителей вмещает лишь оно.

Еще вместило Маннергейма,
Варвару с грудой пирожков,
Игрушку - площадь с Катериной
И пивокрассость остряков.

Воздушная Хамина – как виденье.
Она - как детства впечатленье.

А вот уж Лахти – в 100 тысяч городок.
Я красоту здесь с ратуши засек!
Озера, спортооруженья – все картинно.
Костел престранный. В нем все чинно,

Но то театр, а не храм.
Господь, я думаю, не ведал сам
Об этаким слиянии,
А нам понравилось сие «сиянье».

Жемчужина Лахти – трамплины.
Внизу - живописнейший ковш,
Нависли над ним исполины.
Хорош, лыжный центр, хорош.

Но кончился бал - пора в замок
Язык об него я сломал:
Ванаянлинна (вот так вот!) -
Он домом для нас нынче стал.

Монашьи покои и фрейлин,
Манящий к себе шведский стол,
И призраки этого «линна»,
И сауны «бледный» котел.

О замке - когда-то попозже -
Сейчас мы упали в кровать!
Не верит жена и я тоже:
Вчера лишь из дома решились удрать.

13 октября 1996 г. (воскресенье)

Свежесть утра на финской земле
Мы вкушаем у водной стихии.
Катума с рыбаком на стремнине,
Что с сетями возился во мгле.

Ах, Суоми, здесь все по-иному.
Я балберки и те не узнал,
Будто чайки слетелись до дому
И устроили здесь карнавал.

Автобус мчит нас в новый замок - Хаменлинна.

Это XIII век скандинавов.
Кое-что я уж видел в жизни и в фильмах.
А это - учебник о быте тех лет и о нравах.

Рвы и колодцы, мосты и пекарни,
И казематов манящая жуть
В глыбинах этих суровые парни
Орал на мечи переплавят и в путь!

Отсюда викинги-бандиты
Держали в страхе целый мир.
Такой романтики в избытке

Народ везде всегда творил.

А в Тампере совсем иное,
Здесь глаз ласкает Мумми Троль.
Никто не знает, что такое,
Но веселит, как алкоголь.

И россыпи камней, как на Урале!
Беднее, но изяществом берут.
А пуп здесь – в небе, в круглом зале,
Что в башне. Весь город на ладони тут.

Он затерялся средь озер,
Среди сосны и ели,
А в башне той – и рыбный мир,
Его мы долго с интересом зрели.

Аквариум вместил в себя
Стерлядку и мурену.
Я вспомнил Кубу – как тогда
Чуть не сроднился с пеной.

Наш гидша Тампере назвал:
«Манчестер - по-английски».
Ни труб, ни дыма не видал,
Он для Манчестера уж больно чистый.

А в Форссе (город есть такой -
Прошу не путать с Крымской дачей!)
Мы убедились и с лихвой:
Нептунов мир – удача.

Здесь в аквапарке быстро впали в детство.
А как иначе при таком соседстве
С джакузи, водопадами, «змеею»,
Да с финской сауной, конечно. Ты пацан душою!

Усталости не знали мы, и в полночь в замке музыка звучала.
Случайная компания здесь пела, танцевала.
Не дали спать мы привиденьям,
Пришлось смотреть им русских представленья.

Промчался день, настал Покров.
Жене пробило круглое число годов.

14 октября 1996 г. (понедельник)

Когда давно чего-то ждешь,
И вот оно пришло,
Бывает часто нелегко

Устроить сердцу торжество.

Сегодня просто. По плану
Нам в столицу мчаться.
Жена спокойна и нежна,
Глаза ее теплом струятся.
Ну, в общем, нынче – как всегда!

Покров в Суоми здесь ледок принес.
Купался в Катуме у Розенлева
Сегодня с русским я припевом
Всемирно знаменитым: «Ой, мороз»!

А Гельсинсфорс нас встретил солнцем,
Сенатской площадью у моря.
Она как дочка Питера с Монмартром,
И красотой с ними спорит!

Кружили мы у шведского театра,
А с лучшей финкой вышел здесь конфуз:
На площади голая – не очень – то вкус!

Церковь в скале, Сибелиус в органе,
Закрыт был нацмузей – все это нынче с нами.

И Стокман - город-магазин,
В себя, уж точно, многое «вгрузил».
Даже казалось - больше он столицы.
Она миниатюрна – он гигант,
Такой вот получился фолиант.

Что ж Хельсинки? Аккуратная женщина.
Она не высока, скромна, современна.
Нет, нет, не красавица, но глаз застревает,
И, кажется – все знает,
Что надо тебе, что ты любишь?!
Удобная женщина! Таковую не забудешь!
Немного посидели мы в кафе,
Чуть-чуть поговорили о себе,
А также об отцах и детях.
Жена сказала, что счастливей всех на свете.
Каждому б такое откровенье
В день ее рожденья!

Экскурсией по замку с приведеньем
Закончился сегодня день рождения!

15 октября 1996 г. (вторник)

Замок Ванайенлинна, откуда отъезжали мы сегодня,
Построил Розенлеф лет 100 тому назад.
Он для охоты был тогда пригоден,
Теперь же в бизнесе не знает он преград.

Конгрессы, презентации и свадьбы,
Туристы, прочий безалаберный народ
Сюда с охотою идет. Вот если еще знать бы,
Куда Суоми вскоре развернет.

Но коммунизм здесь стал не моден,
И Урхо Кэконен купил
У русских свой же замок...
И все невзгоды позади.

Когда-то президент имел его,
Но немец был богаче,
Ему не стоило, конечно, ничего
Все сделать здесь совсем иначе.

Затем война, Гансу не повезло,
И замок наш, советский.
И вот уж он – коммун-гнездо,
Наш дар Суоми веский.

Ожил у финнов Розенлеф,
Теперь он вновь красив, суров,
Туристов русских брать готов.

Закончили ли с русскими суомцы навсегда?
Они-то думают, что да!
Но кто поручится: история не повторится,
И русский с финном снова породнится?

Здесь всюду русский дух еще витает,
Здесь церкви, дачи императора наш взор ласкают.
Хоть травят финны память о Руси,
Но колосс наш им это не простит.
Кто знает, что через века?
Ведь только замки навсегда!

Замок для финнов все ж не частый гость.
Нет, не бросаются они в глаза.
И если нужен уж за финнов тост,
За адский труд, скажу, который чтит земля!

Суоми вся – одна скала, обрезанная ледником.
Здесь глыбы, валуны облизаны дождем и потом.

С пяти утра тот пот струится!
За это в финнов я готов влюбиться!

Известно, финны молчаливы.
Да оттого, что трудлюбивы.

А результаты налицо:
У них на ветках булки не растут,
Намного лучше нас живут,
Конечно, на халяву - тоже пьют.

Но это дело у них, мягко говоря, дороже,
У нас дешевле, но на халяву
Не только мы – весь мир пьет тоже!!!
К тому ж не просто все купить.
Ну, как тут в Петербурге не запить!

Еще увидел финский домик,
То финский стиль, а не молва.
Как не крутись – в Финляндии
Одни ведь финские дома.

Вишневый цвет в них самый главный,
Какой-то бежевый еще,
Воздушный, скромный, без излишеств,
В гармонии с природой. Правда, хорошо.

Природа – сосны и озера,
И горстка отвоеванной земли.
Форель, лососи-то в избытке,
Копильни – это навидались мы!

А быт? Едят и пьют как мы,
Поют и пляшут вроде тоже.
И все же свадьбы их (сам видел я)
На поминки уж очень похожи.

С весельем и юмором у чухонца напряг,
Может поэтому и с искусством никак.
И баксы не сыпятся с неба им там.
Финский болгарин мне жалился «густо»,
Милый старик с клюкой (больной сам)
За пустою бутылкой кидается шустро.

Автобус все мчит, мы уже у границы.
Суоми, ты нравишься мне,
Но я рад, что в Руси
Довелось мне родиться.

Закончился бал – мы уже у порога,
Что скажешь, жена, иль спросить мне у Глобы?
Она посмотрела и лишь улыбнулась,
И что-то большое нас вместе коснулось.

Смешным и убогим показался мне Глоба.
Большое то было, конечно, от Бога!
**А вот еще один визит в честь Покрова.
Ростов Великий – не хала-бала! ...**

**Ростов Великий в Покров день!
12-13 сентября 1997 г.**

Пусть любимые улыбаются!
Пусть традиции нарождаются!!

Дожили мы до той поры:
Подумать о душе, осталось ль что отмерить,
Когда мы детям не нужны
В триаде «отправить – покормить – проверить».
Хорошая пора -
В ней что-то есть от Покрова!

Уже прошли весна и лето.
Февраль ж далек, а плод созрел.
Люблю, Покров, тебя за это!
За то, что лист красив! Тот, что висит и что слетел.
В зрелости плода
Меня особая чарует красота.

Мы зрелые – хотим традиций!
И потому к Покрову дню
Дарю жене поход, как Феникс – птиц!
Сегодня центр Руси – Ростов – у нас к столу.

Послушайте, как Русью пахнет:
Мытищи, Подлипки, Тарасовка, Уча,
Клязьма и Яуза. Нива не чахнет,
В повторах как будто сольфеджио учит.
Разруху жизни заслонила красота -
Симфония цветов в нас брызжет из окна!

А дальше вновь седые времена,
Предстали Сергиев Посадом.
Жена здесь вспомнила сердечные дела –
Давно минувшего студенчества награда.
О, связь времен!
Студенчеству и Сергию – поклон.

Мне тоже было что сказать:
Сюда возил ребят за Вечным,
Абрамцево, Лавра – есть что показать
Не только послушным, но и «поперечным».

Не пожалею ни сегодня и ни завтра,
О времени походном и прекрасном!
Да, не жалею, господи прости,
Что в шесть утра парням, девчонкам
Бывало - отмораживал носы.

Дорога дальше увлекает ...
Деревни русские мелькают.
Церквушки обновились все
Подстать Покровской красоте.

По всей дороге – полотенца
Пятном малеванным в глаз бьют.
Встречались нам резные сенца,
Встречалось «нечто» там и тут.

Так подкатили к Переславлю –
Залесья колыбель и флота то ж.
Не знаю, как его я вам представлю?
Скажу сначала, что хорош.

Хорош ансамбль: то ль Кремль, то ли монастырь!
И купола, как в сказке о Салтане,
Что у Плещеева ... В другом же «стане»
Все по сравненью с ним – пустырь.

Здесь Петр Первый был «отравлен»,
«Отравлен» морем и мечем -
Забредил флотом «непотешным»,
Как дева Мария Иисусом Христом!
«Окно в Европу» здесь зачал он безгрешно.
Надуло ветром голову, конечно!
В окне Петровок. Обычный городок.
Квартет Крыловский, семечки, маслята.
«Елизавета – дочка, будто б, здесь была разок.
С тех пор собор и город именем Петра «назватый»».

Так нам поведала крестьянка на базаре
Перед собором Павла и Петра.
«Ребята» эти, как обычно, в паре -
Такая, видно, их судьба!

И, наконец, Великий - сам Ростов!
Что я увидел – сразу ослепило.

В осеннем золоте безбрежье куполов
В озерных волнах заискрилось.

В глазах и до сих пор картинка:
На водах – темная блондинка.

У многих башен – темный цвет.
Иные – золотом покрыты,
А Неро – озеро - смешало тот букет.
Все стало экзо, не избито.

Но это только общий вид,
Что сам Великий Вам дарит.
Что ж изнутри? Сам город невелик.
Быть может, «тыщ» на сто, на двести.
Все как обычно – развалюха здесь царит.
И даже в том, что все ж осталось от поместий.

Ну, а Хрущевки? Есть они?!
Без них нет Русской стороны.

Мы ж не за этим приезжали,
Поэтому – лишь созерцали.

Сначала Кремль и оживающий собор отца Романа.
Он с нас пятерку взял на Ангела в Покров!
Ему не жалко, заслужил не только из-за сана:
Церковный хор его блистал на «надцать» голосов
И школа звонарей - то детище Романа.
Не жаль ему пятерки - по трезвому, иль спьяну.

В самом Кремле в палатах Белых
Финифть Ростовская блистает,
Поленов, Шишкин, Айвазовский, Рерих
И утварь всякая, что нынче исчезает
В палатах Красных ... Нет, не буду я
Описывать все прелести Кремля.
Скажу лишь: ночевали мы в Кремле «На Погребях» –
Других гостиниц нет на Нерских берегах.
Ключ – с руку, стены – метра полтора.
«На Погребях» хоромы хоть куда!

Вокруг Кремля – торговые палаты.
Точнее, «курьеножные» ряды.
Для фильмов тех времен пейзаж богатый.
Для глаза нашего - блаженство, «хоть куды»!

До водной глади – рядом, метров двести.
Сама же гладь – чуть видны берега.

На рынке видели от озера чешуистые «вести».
Такие шуки!.. Постой, постой - давайте про века!

Еще одна жемчужина Ростова
Гигант, красавец - монастырь мужской.
Стоит на берегу и вид Ростову «клевый»
Он придает ... Но нам пора домой!
Прощай Ростов Великий – больше не приеду!
Спасибо, что несешь науку о житье.
Ты близок так же мне как «моржеведу» –
Купель в Неро во мне не канет в не бытие.

Прощай Ростов, я больше не приеду!
Жизнь коротка, а мир велик.
Спасибо, что жену ты вызвал «на беседу» –
В ее Покров ты стал ее родник.

Прощай Ростов ... О, боже – позабылся!
Ушел автобус – нам махнул хвостом.
Та-а-ак! Дух бродяжий распорядился:
«Нет на Москву - на Переславль махнем!»

Махнули!
Оттуда на Москву – примерно, через час.
По Переславлю этот час «гульнули» -
В Дендрарий даже забрались сквозь «русский лаз».

Все семь монастырей пересчитали,
Взглянули лишь на ботик от Петра.
Здесь родственное что-то повстречали,
Сюда вернемся, знаем. Но когда?
Когда все сложится у Светы и Петра!?
Опять автобус показал нам зад!
Бродяжий дух настроил снова на бродячий лад.
Ведь впереди Загорск, там Лавра, центр ипостаси!!!
И мы в Загорске! И очень даже кстати!
Какая Лавра – ночь накрыла, нас дети ждут!
Как там без нас? Что пьют, жуют?!

На крыльях электрички понеслись!
Соседка – дама из Тамбова - все про жизнь, про жизнь.
Про службу сына, про арабскую страну,
Жена кивает ей. Угу, мол, да - угу.

Ну, вот и все! Мы дома,
С приветом из Великого Ростова!
Покровом золотым ведомы,
Пропахли Русью под Ростовским кровом!

Готов жену я потчивать всегда
Дорогой, Русью в праздник Покрова!

**Продолжим Русь святую изучать –
Нет лучше, чем в Покров все это посещать!**

**Дарю себя тебе, жена
В день Покрова!
Покровские страдания.
9-10 октября 1999 г.
(суббота – воскресенье)**

Традиция – большое дело!
Настал Покров – и уик-энд
Проводим в чьей-нибудь постели...
С женой – желанный мой клиент.

Сейчас вот – свадьбу отыграли,
Отец отметил юбилей.
Еще совсем не отдышались,
Но...ждет автобус нас. Скорей,

Скорей в глубинку, в старину -
В бродяжьей ауре, в плену!

Сегодня хмурится Покров.
Дожди повисли на автобус.
Мы в Золотом кольце: маршрут таков –
На Суздаль крутит «мать-глобус».

Балашиха и Ногинск, Покров и Петушки
Знакомым чем-то одарили.
Где знал «вершки», где «корешки» -
Все за автобусом «уплыли»!

А лес сегодня без прикрас,
Какой-то серый и безликий.
Покровский лист не манит глаз,
А, часто, помню, был - Великий!

Дарил шедевры он из злата.
Ярчайших красок – перебор.
В нем чудилась ума палата,
Для чувств – широкий был простор.

Все «съело» нынче бабье лето.
Тепло. Спасибо и за это.

Владимир. Древняя столица.
На Клязьму вид – рублем дарит.

На смотровой - ты словно птица,
Что вместе с городом летит.

Владимир старый на холме
Хранит с двенадцатого века
Такие «перлы», что вполне
Могли войти бы в чуда света
А оказались лишь в ЮНЕСКО.
Еще б! Владимир - это веско!

Красавец Дмитриевский Собор –
Он коренаст, но с вязевой резьбою.
Здесь приютились письма.
Слегка склонился головою...

Успенский внутренностью свят,
Там и сейчас еще – некрополь.
Князя целованы лежат,
Архимандрита ж возит «Опель»!

Приехал он к нам отслужить,
Но разбежалась нынче паства.
Зато священников толпа -
У них своя «тусовка»! Ясно!

Один подносит «хлеб да соль»,
Другие в рясу обряжают,
А те сплотились дружно в хор,
А «энти» – ручки лобызают.

При боге любят преклоненья,
Сие – обычное явление.

А мы Рублева созерцали,
Иконостас с Екатериной,
И свечи здоровым зажигали:
Молодоженам жить счастливо!

Архимандрит службу ведет,
Но нас уж нет – наш путь вперед.
Отметившись в воротах Золотых
Опять, того ж, двенадцатого века,
Нас принесло на хор земных,
Что, впрочем, в храме приютили где-то.

Всех в зале, может, два десятка.
На сцене вдвое больше их.
Лавина удовольствия духовного порядка
Заполнила тот храм - от сих до сих.

И православие, Свиридов и Гаврилин
Входили голосами Маркинского хора.
«Брумштейном» даже одарили –
Он подходил здесь, как гусару шпора!

Я был в восторге, жена на Минина кивала,
Но спор был наш не долгим –
Дорога в Суздаль быстро укачала.

Ризоположный монастырь
Не принял нас в свою обитель.
Уж за полночь Покровский богатырь
Нам келью выделил. «Все, спите!» –
Сказал в Покровском хилый мужичок.
Но еще долго под мускат в той келье слышался смешок.

Утро. Сладкая прохлада бревенчатой избы.
Ты здесь, мое детство босоногое,
Со мной, мой сокровенный уголок души.

Я вижу как в блаженнейшей улыбке
Растаяла любимая моя.
Она ведь камертон мой чуткий, гибкий
Душу греет – как та изба.

Уж солнце «пялится» в зенит,
А мы цепляемся за келью!
Лишь после трапезной лежит
Наш путь с Покровки к ожерелью

Спасо-Ефимьевского монастыря,
Что ввысь над Каменкой поднялся.
А там - музеев кутерьма!
Там русский дух как был, так и остался.

Иконы, в жемчугах парча,
Святые книги, склеп Пожарских.
Умельцы нанесли сюда
Со всей Руси поделок ярких -

От хохломы до удальцов,
Исчезнувших профессий праотцов.

Еще наив, концерты с колоколен,
Что каждый час давали мастера.
Народ здесь был весьма доволен
И нам по сердцу все Ефимьевы дела.

Но жизнь идет и мы в Кремле,

Опять в концерте четырех монахов.
Нам с упоением поют молитвы все –
От здравия до - мир их праху.

Рождественский собор – жемчужина Кремля – закрыт.
Он рушится, но живы экспонаты.
Их приютил «Опель-архимандрит»
И разместил в архиерейские палаты.

Немного их посозерцали,
Потом за Каменку помчали
Гулять в Петровских временах.
Здесь хаты – всюду собирали,
Церкви и мельницы на ветряках

Своею собственной персоной, его Высочество –
Музей деревянного зодчества.

Волшебный миг: вот солнышко - от Покрова,
Там слева – сам Ефимьев «якоград»,
А прямо – Кремль в куполах,
Правей – Борис и Глеб, что на Кидекше,
А вокруг нас, как чудо-песня

Стоит под небом старый быт!!
То благо есть, что не забыт!

.....

Наш путь - из древней в современную столицу
Лежит через столицу тож!
Вершина Боголюбского Андрея -
Владимир! Он боле Суздаля пригож.

А монастырь, что рядом на Нерли -
Церквушка среди поля и коров.
Туда асфальт до сей поры не подвели.
Шагаем, взявшись за руки в Покров.

То знаменитость всей земли –
Церквушка Покрова, что на Нерли!

Её среди воды художники рисуют,
Я б – средь коров, что молоко даруют.
Единство плотской и духовной пищи
Увидел я в убогой, нищей

Сегодняшней окрестности твердыни.
Упадок, беспросветность здесь вокруг святыни!

Обратно средь полей дуэт наш ковыляет.

Устали, но забавность игры слов нас всё же умиляет:

«В Покров, через город Покров,
В Покровском монастыре ночевали,
Под покровом ночи в келье сладко спали,
Покровской церквушкой Покровский поход завершали!»
Язык ты русский, – славное создание,
Явил для нас Покровские страдания:
«В Суздаль милку я катал
В Покровском одеянии,
Там монах ей приглянулся –
Божие создание.
На меня монах взглянул
И от милки отвернул.
Богу все отбил чело,
Что доселе жив еще.

Во Владимире монашка
Мне шепнула на Покров,
Приходи, мол, ты, милашка
Вон за энтот вот засов.
Сразу шась я за засов,
А там поп во сто потов
Мою милку лобызает,
Теперь сироты страдают».
Почему белиберда
Эта вдруг на ум пришла?
Моя милая деревня
Шевельнулась здесь, наверно!

.....
Разливается что-то народное в поле.
Детство грудь заполняет и нежность жены.
Купола Боголюбских околдовывают, что ли?
Иль то щедрость любимой старушки- земли?

Я дарю этот миг тебе - лучшая в мире!
Мой подарок не блещет – он соткан из снов!
Это главным считаю в своей я «квартире»,
И дарю от души в мой любимый Покров.

Утомил я немного Покровом тебя.
Было ведь и другое – планета Земля!!!

Галопом по Европам.

Только о тебе!

Я люблю называть тебя: «Лана»,
«Моя любимая Лана!»
Тебе это тоже нравится, я знаю!

Мне хорошо с тобою:
И говорить, и молчать, и петь, и плясать.
Твои глаза выдают тебя: тебе тоже хорошо со мной.
Ты умеешь терять голову – напрочь.
Особенно, когда твоих детей касается «Тень».
Я научился любить этот недостаток (иди достоинство!?)

Мне нравится, как ты работаешь – от души!
Я люблю, когда тебя любят другие:
И сотрудники, и друзья, и родственники, и дети.

Я люблю с тобою путешествовать
По пригородам, по России, «по Европам».
С тобой мне никогда не бывает одиноко.

А, может, я люблю тебя?
Я, наверное, люблю тебя!?
Я люблю тебя!!!

Все сошлось к тому, что надо говорить о любви. Как же это любят женщины, и как это тяжело мужчинам! Любопытно, зачем это богу надо!?

Как быть?! Как угодить жене и богу, да при этом остаться самим собой!?

А давай-ка я и здесь использую свой любимый прием: просто соберу и процитирую то, что уже было сказано. Тем более, что всегда можно оправдаться и перед женой, и перед богом: мол, повторение – мать учения, или: новое – это хорошо забытое старое!

Бегство в субтропики.

Сочи, март 1999 года

... Традиция родилась на глазах:
Я в каждом водопаде искупался,
Хоть 10 градусов вода!
Но пиком, безусловно, оказался
Момент, когда за мной пошла жена (!).
Экскурсовод был вне себя,
Гордился нами: «Вот страна!»

Обезьянник

...Еще раз рыкнул тот горилла,
Жена от страха вся зашлась ...
А до меня дошло тогда,

Что так рычал на море я,
Когда меня в бетон мотнуло,
И потерял сознание я
Спасло лишь: в койке ждет жена!
Детьми клянусь теперь вовек –
От обезьяны человек!

Мацеста

...Мой бок исчез, я окрылен,
Жена ж – за сердце: «Валерьянки!»
Насилу все же откачали.
Вот, братцы, не было печали!!!
Мораль: Мацеста – здоровому под дых,
Не лезь: Мацеста – для больных.

Потом в «Приморской» сгладил я
Любовью все ее дела.

У Сталина на даче.

...Под страхом Сталина любовь,
Скажу, особенно сладка.
Смесь с таким страхом придает
Бесовость, тайну и огня!
А этого добра в жене –
Как солнца в бисерном вине!!!

.....

Прощайте, Сочи! Страна магнолий, суланже.
Девчонкой стала здесь жена –
Хоть дама взрослая уже,
Но и - прекрасное дитя!

Осеннее лето на «Шота Руставели».

Октябрь 2001 года

...Богемная известность – только Градский,
Который преф не пропускал.
В отличие от «миссок» – просыхал.
Да Шолохов, что в «Тихом Доме»,
На Мальте все пытался уяснить,
Как воду пресную здесь раньше добывали,
Ведь без нее здесь не прожить!

И Алла Сурикова со своим рассказом
О тех, с кем ставила кино.
О Генри – рыжий дьяволенок,
В прошлом успех его давно.
Сейчас он просто добрый малый.
Вот он – почти не просыхал

В компании «Мисс Прессы».
Он пил, спал, пил и снова спал.
А в редкие минуты перерывов
Он говорил моей жене:
«Вы, леди, первая на судне!
Будьте уверены вполне,
Что здесь Вам равных нет, и быть не может!».

И он был в том не одинок.
Ей богу, уши прожужжали,
Что мы здесь лучший островок!
Никто не видел, чтоб семья
Когда-нибудь такой была.
В чем дело? Что за чудеса?
Мне говорят: «Ее глаза!
На мужа смотрит (!) – так сияет (!),
Когда ж танцует – просто тает.
Такая искренность сквозит!».

Я тут же сделал гордый вид,
Мол, есть на что смотреть, наверно.
Но штука эта не прошла ...
Мол, ты – ничто, а вот жена!!!

**Коралл Шарм Эль Шейха.
Май 2003 года**

...Сбежал от Госстроя трясины,
Покинул любимых – семью.
Приехал накапливать силы
В знакомую очень страну.

Ее с женой исколесили
Когда-то вдоль и поперек
И здесь арабов полюбили.
Она – не я. А мне урок!

И все же, где же черпать силы,
Как не в соседстве с Палестиной.
Поэтому я в Шарм Эль Шейхе ...
Коралл ворожит своим шлейфом.
А я о ней все и о ней –
Ну что за мука, ей же ей!

Мне кажется, я снова наскучил тебе своими воспоминаниями, присущими мне длиннотами...
Не сердись, я сейчас все исправлю. Перейду на извлечение изречений в твою честь!

Про Лондон:

...Вы, сэр, как Черчилль изнутри!
И Вас я, как жену, желаю!!!

Возвращение из Парижа в Гавр:

...Париж, Эдит Пиаф – какие чувства
В ночной автобус принесли...
Одной жене лишь удавалось
Такое в сердце вознести!

Карнавал на корабле:

...Я – лишь в трусах,
Жена под гейшу «косит» наповал...
Потом, в каюте, гейшу в ней признал, призна-а-ал!!

Цветной фонтан в Барселоне:

...Венец – фонтан. Он «пел» Чайковского и Монсеррат.
Жена со слезою весь концерт подряд!
А я и тем, и этой любовался.
Прекрасный миг! В душе моей остался!

Санаторий «Заполярье». Начало старости.

...Могу писать пособие про лазер и массаж,
Но все же гимн пою Мацесте.
Им далеко – такой вот антураж –
Как старой жинке до невесты.

(Моя – не в счет: она всех молодых
Заткнет за пояс с гандикапом!).

Артроз мой испугался, сник,
Жена с Мацестой стали знаком
То ль исцеленья, то ли колдовства.
Где костыли? Не надо волшебства –
Подайте мне жену с Мацестой...
Артроз не выдержал, поник,
И я отбросил дальше клюшку.
Начало старости – проник!
С женою старость хороша!
До неприличия - это слишком!

.....
Сколько можно продолжать,
Гневно думает жена.
Давно пора кончать
Про амурные дела.

Все, кончаю! Понял я,
Не сердись, любимая.
Жду столетия! Тогда ...
Ты ж всегда красивая!!!

Вместо эпилога

Все недосуг сказать тебе,
Что ты даешь мне силы,
Что ты взрастила семена:
Мол, вечно - до могилы!

Что все еще лишь началось,
Хоть многое свершилось...
И я хочу, чтобы и в тебе
Все это разместилось!
Ты научилась жить сейчас,
И будущим, и прошлым.
В полвека – это самый раз,
Ведь скоро станешь взрослой!

Я рад, что все сказал тебе,
Что ты даешь мне силы.
Твой дар – все время отдавать –
То свойство ИСПОЛИНОВ!

И вместе с нежностью твоей
И с жертвенностью скромной
Я пребываю среди людей
Счастливым и влюбленный!

.....

Вот это и был подарок от меня моей жене в день ее юбилея!

Сейчас нам на 10 лет больше и много воды утекло с тех пор. Но вода эта не подмыла наш фундамент. Она была животворной. «Мне хорошо, жена моя, с тобой!», - так и хочется сказать! Я и говорю, говорю это сейчас и довольно часто жене, когда остаемся вдвоем. Мне это доказывать себе не нужно – я с этим живу и, когда есть такая возможность, то об этом пишу. А такая возможность есть в путешествиях, особенно в тех, Покровских, о которых уже говорилось. Эти путешествия давно превратились для меня и для жены в любимое хобби. А о хобби всегда приятно кому-нибудь рассказывать бесконечно! Я и сейчас не удержусь! Расскажу еще кое-что к тому, о чем уже поведал.

Покровская «интуристочка».
(Путешествие из Москвы в Новгород Великий
в честь Покрова, 12-13 октября 2002 г.)

Что за оказия, приятель,
Жить с молодой женой!
Она как козочка порхает -
Тебе б в постель, в тишь, на покой.

Когда ж на пороге Покров,
Я знаю – в походе мой кров.
И рад, что ныне не Эльбрус,
А Волховского Новгорода груз!!!

И не в палатке где-нибудь под ветра свист,
А в хатке под названьем» Интурист»!
Там в красном бархате
«Страдал» я два, без малых, дня.

Под плески волн из морса, медовухи и вина,
Под Ильмень рыбку – судака,
Под ласки той, из Покрова!

Затем - Великий Новгород! Он оказался мал.
Его наш опыт так в себя вобрал,
Что нам хватило даже дня.
Поэтому и в Старой Руссе нашлись у нас дела.

Там Достоевского мы изучали
Под скрипки, фортепьяно и волторн.
И Бесы нам со стен кричали,
И слышен был всемирный стон

Всех тех, кто был растоптан за идею!
Здесь в старой Руссе нёс он “ахиною”,
Которой мало есть ценней на белом свете!
Я рад, что видел, где и как творил мужик в берете.

Его жена потом здесь созидала ШКИД
У домово́й церквушки голубой.
Сейчас Федор Михалыч здесь сидит
В любимой позе. Молодой!

Недавно посадили тут его
Понравилось мне это полотно!
А также грязь, водичка,
Что из скважин бьёт.
Сегодня, как тогда, к ней движется народ,
Пытаясь хвори залечить,
И Достоевский, будто б, захотел испить!

Мне приглянулась Рушанка
С Порусью, Полистью, Соборной стороной
Здесь Грушенька – престранная мещанка-
За Карамазовым - как в омут головой.

Зелёный водный городок
У Ильменя в грязи,
Которой нет цены.
Такой вот получается клубок!

А Новгород... Что Новгород? Велик!
Софийской стороной и стороной торговой,

Где Мудрый Ярослав собрал под светлый лик
Не только множество соборов,

Но и красу «безмерну» их!
Как взглянешь – сразу на троих
Здесь хочется принять с моста,
Что от Детинца тянется сюда.

И сам Детинец нынче – раритет.
Собор Софийский здесь – авторитет!
Прекрасен памятник “Тысячелетие Руси”!
Узнал я день рожденья здесь своей страны.

И оказалось – 862-й год,
Когда из Старой Ладogi сюда вот
Рюрика позвал народ!
На Городище, где сейчас руины,
Что тож на Ильмени стоит.

Реальный был герой, а не былинный!
Очередной наш враже был разбит!
А после - Новгород Великий
Все тот же Рюрик основал.
Выходит - Русь Великую зачал!

Ещё был Юрьев монастырь
С Орловой дочкой во Христе,
И скит мужской, что как волдырь,
На острове невдалеке.

И здесь же Витославовна из дерева стоит.
Деревня эта славится. Здесь Новгород чудит
На Новый год, на Пасху, Рождество-
Музею деревянного зодчества, считаю, повезло!

Варлам на Хутыне явился нам.
Его я мощи целовал,
И освятил здесь всех своих
Детей, жену! И лик святых
Для них я хапнул оптом на базаре-
Так получилось, не был я в угаре.

О том, как я дрожжу пред Покровом
Люблю, порой, поговорить!
На самом деле, что греха таить,
Люблю, когда в поход жена
Меня с собою приглашает.
Мой чрев, ей богу, так и тает.
И я влюбляюсь в интуристку,

Как, помните, Садко в арфистку

Здесь мы их тоже повстречали
Считай, жена, сегодня - обвенчались!
Я узами к тебе проник -
Ты для меня – живой родник!

Ай да Пушкин, ай да сукин сын!
10-13 октября 2003 года

В день и ночь под Покровом,
Как девицы под окном,
Мы судили и рядили,
Что в России не открыли.

Получился город Псков.
Он спокон седых веков
От Прибалтов охраняет,
А москвич их знать не знает.

Непорядок! Посему
Мчимся мы в Покров к нему.
Ну и сразу на поклон
В знаменитый «Пушкинзон»!

Там три точки у него:
Две от прадеда его,
От арапа Ганнибала.
От его крутого нрава
По России клан пошёл.
А мамаша? Много он –
Пушкин в детстве натерпелся,
Но как гений ни вертелся,

Не желая с нею жить,
Ан пришлось насильно быть
У них в ссылке – вот бы мне
Жить в Михайловской тоске!

Та «тоска» - и парк природный,
И Кучане полноводный,
Что для Сороти течёт.
Няня любящая ждёт!

Крепостные жнут и пашут,
Их белянки глазки прячут.
Рот у Пушкина в пушку...
Ссылка в эту, бишь, «тоску»!

Здесь великим русским стал,
Повеса Пушкин-Ганибал.
И опять всё от Петра!
Он в арапа вдул ветра

Трудов, учёностей и веры.
Потом в опале был без меры,
Но милостью Елисаветы
Отгremели все наветы.

А в награду взял Кучане,
На высоком на кургане,
И Петровским их нарёк,
А потом сынам отсёк.

Петру Петровское попало,
Иосифу Михайловское пало.
Потом уж дочке отошло,
И только ей не повезло.

Родился Пушкин, будто в ссылке.
Он находился в этой вилке,
Её в трезубец превратив,
Тригорское приворожив.

Усадьбы все на берегах,
Им речка Сороть в « головах»!
Везде премилая краса
Сердец томлений и уста
Младые тянутся к устам.
И сёстры Осиповы там,
И Анна Керн, и иже с ним ...
Ай да Пушкин, ай да сукин сын!

Он и теперь один за всех
Везде сумел расставить вех.
Вот здесь Онегина скамья,
А вот Татьяна чуть жива

Идет по липовой аллее.
А Пушкин – Дон Жуан на самом деле!
Судите сами как грешил!
Господь же взял и положил

Его под Святогорский местный храм.
Святой он, значит, а не хам!
Где святость, поняли, живёт,
Что от него пошла в народ?!

Достал меня проникновенно
Сегодня Пушкин. Непременно
Ещё вживусь в его страницы ...
Я у могилы. В небе птицы.

Гусей крикливых караван.
Не прячу слёз я в свой карман.
Велик наш Пушкин!!! Но не всё
Здесь Пушкин - есть кое-что ещё!

Вот, скажем, Изборск со ключами,
Да с крепостными со стенами.
Будто при озере парит.
У Рериха «украли» вид!

Иль вот Печорский монастырь
Здесь сказки Пушкина лишь стиль.
А сущность при пещерах где-то.
Я побродил по белу свету,

Но сказку в были не видал.
И здесь сейчас господь послал!
Вам только это и могу сказать –
Не Пушкин я ж, ядрена мать!

Ещё картину нарисую,
Что здесь увидел я в живую!
Среди полей да на холме
Железный рыцарь на коне.
Чудское озеро пред ним лежит,
Он немцев, помните, крушит.
Знаменитое ледовое побоище
Устроило это «чудовище».

Чудо на Чудском – достойный Невскому венец,
Построил русский, наконец.
А рядом - наша заграница.
Где был, а где, скажите, небылица?

А что же город Псков?
Уж тысячу сто годов
Сегодня град сей «отпахал»,
Опять он прирубленным стал.

Река Великая и речка Псковка,
Сотни церквей под «луковицу и морковку»,
Кремль, Троицкий собор
В душе моей сложили хор

Из превосходных и проникновенных голосов.
Люблю тебя, жена, и твой Покров!

P.S.

Я как Иисус на тайной на вечере
Вкусил сень водопадов (он – образы учеников)
В Изборске случай дал попользоваться верой.
Теперь сто лет на благо всем прожить готов!

ПОКРОВСКИЙ ПИТЕР

8-9 октября 2005 г.

Седьмое небо — чем рождалось чувство?
Золотом восторженных царей?
Мастеров-Кулибиных искусством?
Иль причудами мистических затей?

Всё смешалось, поднялось в высоты:
Павловск, Пушкин, Царское село
И Крондштатский док. Его заботы -
Пушки грохот в полдень! Как в кино!

Вертолёт, прижавший Питер в схему,
Теплоход, канальный плеск воды.
Может, это встроилось в систему
И вспарило в райские сады?

Может, Эрмитажа прелесть,
Что с любовью девушка внесла.
Ей доступен, чудится, их шелест,
Их всегда парящая душа.

Мысль не знает, где остановиться,
Что в седьмое небо унесло.
Допускаю, это был Чайковский -
В Эрмитаже лебеди его.

Как тут не взлететь к небесной выси,
Как тут не взлелеять чудеса!
Но не так тот ларчик открывался,
Виновата осенью... весна!

На Покров, на листопад, о, чудо,
Засветилось небо от любви.
Питер смастерил нам это блюдо,
Покрываясь чарами весны.

Не боюсь чрезмерного восторга -
Праздникам чрезмерности нужны.

Льётся из души, а не от чувства долга:
Вас люблю! Вы очень хороши!

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ В СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА
14.02.2006 г. — 08.03.2006 г.

Любовь, конечно, движет горы,
Пустынь в оазис превратит.
Растопит льды, начнутся войны,
Иль смыслом жизни одарит.

В тот день в каком-то «Помидоре»
Мне «Валентин» вручил вердикт
За то, что в молодом задоре
Кому-то в душу я проник.

Не удивлён был — ведь любовью
Пылало сердце у меня.
Душа, согретая женою,
Хранила нежности глаза.

Итог кофейного происшествия -
Романтическое путешествие.

И вот с любимой моею
В Назарьево, в густом в лесу.
Я с нею, с нею, с нею! -
Себе беззвучно я кричу.

Какое благо — день влюбленных(!)-
На три недели растянуть.
И масленичные гулянья,
И женский день — всё было тут.

И лыж прекрасное томленье,
Простор Назарьевских высот,
Собор подсвеченный. Хождение,
Можно так сказать, в народ!

Так было все тепло и мило,
Любовью всё озарено,
Как будто счастье осветило
И нам подставило крыло.

В Валентинов день происшествие -
Романтическое путешествие!
Все для тебя, моя жена!
Но в «Помидоре» был и я!

**ПОКРОВ В ПОЛВЕКА
В БЕЛОРУССИИ.**

14.10.2006 г.

Традиции — не фунт изюма,
Их надо, должно соблюдать.
Тем более, когда женою,
Её чутьём все удалось создать.

И вот опять в родной Покров
Нас чёрт занёс... в какой-то ров!

Иван, мол, Грозный приказал
Создать тот ров для обороны.
Так на границу с латышом
Накинулись мы как вороны.

Турист сродни вот этой птице...
Решили с Полоцком сродниться!

Да, Полоцком, районным, древним.
Он был могуч, когда князя
Свои имели государства,
Свои законы и права.

Владимир, Суздаль, Новгород и Полоцк
Из них ковались Куликова повесть.

Полоцк били, бил он сам.
Здесь — от Речи Посполитой,
Петра в Северной войне,
Бонапарта — кровью все залито,

Что лилась в Двину
У Красного моста! Вот он - в яву!

Но война — ещё не всё.
Книги зародил Скорина,
Просвещал, учил -
Семён Полоцкий. Из глины

Словно он царей лепил.
Петра Первого учил!

И в картинной галерее
Показали, кто есть кто.
Так, с любовью рассказали
Про иконы и про то,

Как сокрыть в картине тайну,
Что абстракция случайно

Полюбилась всем и вся!
А когда про лён речь шла,
То туристы разомлели
Не от блеска полотна,

А от блеска глаз девичьих,
Что вливали в нас обычи

Белоруссии, им милой!
В них сквозило убежденье
И достоинство, и сила.
Это было наслажденье

Слушать их и созерцать,
Коммунизм наш вспоминать.

Милый малый городок
Чистый, древний, бедный Полоцк.
Рад знакомству я с тобой,
Чем-то стал на время дорог.

Может — ярмаркой с картошкой,
Может, вдоль Двины дорожкой.

Дальше — больше, областной
Город Витебск, с той ж Двиной,
С Бонапартом, что с балкона
На Дворцовой был хмельной.

Так войной и проиграл -
Долго Витебск муштровал.

Войны всё и там скосили,
Даже стены крепостные.
Пётр сжег его дотла,
Но, бог дал, и воскресил.

Город свой имеет вид,
Всё об этом говорит.

Здесь Шагал витает с Беллой,
Здесь Малевич и квадрат.
Пусть Малыш, но всё же Пушкин.
Тоже свой имеет сад,

То есть, малый уголок.

Странно, Пушкин и...клочек?

Дача Репина — усадьба!
Здесь душою отдыхал.
Царь ему за запорожцев
Эту землю отмахал.

Репин здесь пахал, творил,
И народ его любил.

Может, что я и забыл:
Про Базар Славянский новый,
Что в овраге притулил,
И про ратушу, про мову.

Ведь на ней не говорят -
Русский всем здесь друг и брат.

Но закончился Покров -
Юбилей, считай, удался!
Связью с предками пахнул,
И в душе моей остался.

Посмотрел я на жену -
Вот за что её люблю!

Серебряный Байкал.
4-12 июля 2008 г.

Так уж случилось, конечно, не случайно,
Судьба в июле перст сложила на Байкал.
Не то, чтоб алкал о Байкале я отчаянно,
Но побывать, ей-богу, здесь мечтал.

И вот, Иркутск под самолётом.
«Кирдык!» - вдруг выдал рядом кто-то.

Так сразу проявилось коренное население,
И русский здесь я, пусть желанный, оккупант.
Шаманам местным, бубнам - поклоненье,
Наш брат, как ни крути, был чаще арестант.

Как декабристы, например,
И жёны их - для всех пример.

За жёнами других совсем я не охотник,
Но здесь не выдержал и в спальню к ним вошёл.
Волконские и Трубецкие - здесь тот яркий зонтик,
Что защищает многих от всех зол!

Тот символ любви и верности, и общей доли!
Как у Петра с Февроньей, что ли?!

И дом-музей нас сразу окунул
В особенности местности Байкальской:
Острог, буран, рудник - по уху полоснул
Такой набор. Он только мало-мальски

Нам приоткрыл тюремной жизни муть.
Как жёны разделяли с мужьями камеры, и быт, и суть.

Но всё же преданность, врождённость благородства
Свои рождали чувства и плоды.
И декабристы стали центром производства
Всеобщей грамотности, чести и любви.

Всё это из музея вынес я, где главный экспонат -
Княгиня, мать, жена!

А что Иркутск? Слиянье Иркутка и Ангары,
Его приговорили быть раздольным.
Да, приземлён: местами крыши до земли,
Но есть лицо и, в общем-то, оно довольно.

На постаменте император грозный,
Колчак — суровый, недовольный.

Две площади у губернаторского дома,
могучая, все портящая ГЭС,
Аэропорт в туманном Альбионе
И всюду расплодившийся прогресс:

Реклама банков, кока-колы, прочей снеди -
Иркутск оставил это мне наследье.

И с ним уехал я в Листвянку,
Что в Устье той же Ангары.
Она — Байкальская беглянка
С шаманом-камнем на груди.
Здесь кульминация — музей,
В нём весь Байкал и ей же ей!

Я слушал, затаив дыханье...
Но вот об этом много книг -
Не буду повторять я знанья,
Которые имел, но здесь проник.

Я лучше, как обычно, впечатленья
Ну, например, о донных отложениях.

Их — девять километров, говорят.
По ним читают климат в средневековье,
И в будущее путь по ним мостят,
Для прогнозистов — разве не приволье!

И так во всем! Особенно, при погружении -
За полчаса, но столько приключений!

Причудливые нерповы глаза
Пронзили душу мне своим наивом.
Вот милые, скажу вам, существа,
От них идут одни лишь позитивы.

Душа распашкой. Зло изведено.
Надолго ль в доброте мне жить дано?

Об этом же все мысли на Ольхоне,
На острове, где главный бог — шаман.
Туда доставили нас на пароме,
А там - на газике на мыс Бурхан.

Ольхон! Наслышен много о тебе
И, наконец – то на твоей земле!
Святое место для буддистов
И для шаманов всех мастей.

Пещера — дело в ней не чисто.
Я проверял. С женою вместе, но с ней
Туда вообще б мне лучше не ступать -
Теперь не сможет уж она рожать!

Признаюсь вам — дрожал как фигов лист.
Но, скажу вам, шаман тут не причём.
Я со скалы чуть не слетел под свист
Инструктора, который нас потом

На землю все – таки спустил.
Шаман на этот раз простил!

На острове живут аборигены,
А ссыльных больше нет.
Но всех теперь здесь выровняло время,
Остался и от ссыльных след.
Музей в деревне! Его на мотоцикле собирал учитель -
Патриот, любитель и ценитель.

Ольхон — пустынный, голый остров.
И тем ценнее вклад в добро.
Здесь выжить каждому непросто.
Но даже нам его тепло

Перетекло через экспонаты!
Мы благодарны, тепло взято!

С Ольхона мы — в другой музей,
В село Тальцы, где на гектарах
История застроилась! При ней
В традициях ушедших старых

И гончары, улусострой,
И мельницы, капканы и изгои.

И те же чувства — торжество добра,
Простор Байкальский, всё - не понарошку!
Затем и едет на Байкал Москва,
Чтоб подкрепить себя такой «окрошкой»:

Мужицкой мудростью со смесью воли и тайги,
Целебностью и чистотой воды!

А чистая вода — не только на Байкале.
Здесь популярные курорты — Жемчуг и Аршан.
Какая чистота небесной ауры!
А минеральная вода — что там нарзан!

Глаза промоешь — и ты снова зрячий,
Нырнёшь — ты не хромой - ходячий!

Глаза, конечно, промывали,
Ныряли в минеральный «кипяток».
Дацан какой-то посещали,
На водопад дорога — то урок:

Ты должен силы измерять,
Иначе будешь горестно рыдать.

То не касалось ещё нас -
Мы словно козлики скакали.
Ну, пусть не козлики — козлы,
Но водопад-то повидали.

Вода, природа – хороши, но сам курорт.....
Бурятский быт — не высший сорт.

А мне опять чего-то не хватает,
Туристский дух зовет меня.
Не скрою, что, конечно, впечатляет
В июле зимняя Байкальская вода.
Сжимает челюсть. Судорогой сводит.
И про Вампилова на мысль наводит.

Он оказался местный парень.
«Утиною охотой» покорил.
Талантом от природы был одарен.
Но шлюпка перевернулась и... увы.

В такой июльской-то воде
Всё отморозит и везде.

Пора прибиться к полустанку!
Мы по железке, вокруг Байкала,
От Ангары и до Слюдянки,
Что ради ГЭС музейной стала.

Но нам музей как раз по нраву -
С утра скорей на переправу.

И удовольствие хлебать
В музейном поезде по берегу Байкала.
На остановках — факты собирать
Про подвиг инженерный и не малый!

Сто лет назад так быстро и умно
Москва - Владивосток легло здесь полотно.

С комфортом чудо созерцали,
И как-то ближе стал Байкал.
Дорога жизнь ведь изменила,
И легче жить «байкалец» стал.

Дремучесть вскоре испарилась,
И что-то новое явилось.

Отдавши почести дороге,
Мы поспешили в новый путь,
Не в степь к бурятам, не к берлоге,
А снова на Байкал взглянуть.

Хотим проплыть на корабле
С Байкалом изнутри, а не извне.

К утру подали «Баргузин» -
Корабль на Песчанку.
Мотивов сразу в голове на «магазин»
И под баян, и под шарманку:

«Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре!»

Да, кстати, много пели мы
В Байкальской ипостаси.
Все заводные, все свои
Вмиг стали, будто в одном классе.

Экран с Надеждой — Питерская пара,
Сан Саныч с Лидой из Москвы
(«Я — Санька-гроб!» - нас уверял он с жаром)
И завершали это трио мы.

Байкальской аурой сплелись,
Байкалу, песне отдались!

А на девятое июля,
Когда блеснуло «серебром»,
Уха из омуля тянула
На высший балл. При всём при том -

Всё было искренне, сердечно,
И счастье нам казалось вечным!
И вся инструктора семья
Как будто изнутри светилась.
И искра божия прошла
И в наших душах поселилась.

Опять нам в жизни повезло.
Хоть без детей — но хорошо.

Байкал ли этому виной,
Иль мало праздников по жизни,
Иль вирус есть при нас какой,
Иль это есть клеймо отчизны?!

Но факт есть факт — душа на месте
У жениха и у невесты!

И мы плывём по Ангаре,
Баян в душе моей играет,
Тайга вокруг, жена при мне
И счастье «ложками хлебает».

За тем и ехал на Байкал,
И он всё это мне отдал.

«Жандарм-шале» и пляжи «Внучка»,
Совсем как изначальный звук «Ом-ом» -
Всё это было на Песчаной,
Всё при Байкале, всё при нём.

Не надо в Индии искать, в чём суть.
Живородящий звук есть тут!

А к звуку — и волшебный вид:
Скалистый берег накрыт тайгой.
Не зря ж спешит сюда весь МИД,
Мешая «Цвай» и «Хрен с тобою».

Пусть вонь в сортирах хоть куда,
Но немцы здесь везде - всегда.

И правы — есть, чем подышать,
На что глазеть и чем напиться.
В Песчаной бухте — три в одном,
Есть чем и русскому гордиться.

Песчанка на Байкале — то венец...
Но всё имеет свой конец.

Пришла пора и нам прощаться.
В Байкал ладони опустил,
Дышал и всё никак не мог я надышаться,
И он грехи мне отпустил.

Теперь безгрешным жить придётся,
Но это ведь недолго вьётся.

«Ну что же, свадьба удалась!» -
Жена промолвила со смыслом
И на Камчатку собралась.
А я подумал: «Что-то быстро.

Не торопись ты, ангел мой.
Оставь до свадьбы золотой!»

Пол-жизни мы с тобой прожили
В любви, согласии, добре.
Байкал в подарок получили!
Бог подарил - тебе и мне.

Байкал! Подарок «красный» ты:
Как бриллиант, малыш, цветы!

**Покров пенсионный
14-16 октября 2011 г., Вена**

Любовь, как бабочка, ворчит
Помашет крылышком красивым
И исчезает, принося
Лишь шрамы, боль. Невыносимо!!

Но снова бабочка летит,
И то – забыто и забито!
Порхнёт и счастьем окропит
Мгновенье. Смотришь – снова битый

Я с уваженьем усмехаюсь
На лёгкость мнения о любви.
Я перед нею преклоняюсь
Ей грежу, господи – прости!

И не вино она игристо,
Что в бочках не боится лет,
Что крепнет, благородней стать стремится
Обдать вас хмелю на обед.

Любовь – не лежебока вовсе,
Хоть хмелю родная сестра.
Она не будет укрепляться
В пространстве замкнутом живя.

И не цветок она на грядке,
Что падок на заботу и тепло
Цветок ведь дарит только радость
А где же боль, где волшебство.

В конце концов – что есть любовь?
Себе поставил сверхзадачу.
Решить её решил в Покров
Став для жены российским мачо.
Купил билет до Вены я.
В том самолете и жена!

За много лет туристской рати
Я созерцанье ублажал.
Сегодня я любви отдался
И просто, для жены гулял!
Не потому, что было надо,
А потому, что в этом радость!

Любуешься женой – не Веной,
Не Вена, а Елена в сердце у тебя.

Ты не лучишься и не скачешь -
Года не те, не те года!

Но полон ты какого-то блаженства:
Как будто Штраус дар свой передал
И, наконец, решил, он сверхзадачу
И ангел мирный в душу залетал.
Вот что любовь – она сродни творенью,
Как дух святой, как озаренье.
И с возрастом она не исчезает.
«Фокстрот на оперу», конечно же, меняет,
И до зари лобзанья не живут,
Но близость все сильнее ждут.
Всё благородней с возрастом любовь,
Нужней и глубже проникает в кровь.

И это всё – уж часть тебя,
Где ты, а где жена – то не всегда понятно.
Как будто в Вене два счастливых голубка
Сплелись в одно и это так приятно!
Да, приятен дуализм такого рода
Он вовсе не зависит от погоды.

Хоть и погода – всем на загляденье,
Но все же триединство вне её:
Искусство, творчество и святость духа
Вот что любовь такое! Наверно - кое-что еще!
Но и того, что я почувал в Вене
Мне хватит на всю жизнь. Уверен – хватит и Елене!

Время бежит, прибежал и еще один юбилей, после которого моей зазнобе покатился седьмой десяток! Кипр, раннее утро, весь «табор» спит, лишь один не спит, а что-то пишет!

ПРОДЕЛКИ ЛЮБОВНОГО ЯДА. (Кипр, утро 14 октября 2016 г.)

Почему-то волнуюсь сегодня
И не знаю - с чего бы начать.
Моей даме минуло семнадцать
Подкатило, считай, шестьдесят!

Я не стану ту цифру мусолить
Ее, знаю, я должен скрывать
Любят, право, у нас позлословить,
Любят близких в утиль отправлять.

А она - нет, не персик желанный,
Не брильянт, драгоценная брошь –
Моя дама – душа несказанная,
Ее в плотское не завернешь!

Говорили друзья: «Что ты делаешь?
Молодая, и двое детей!?
Кандалы на всю жизнь себе вешаешь».
Поздно - яд просочился от пят до ушей!

Как сейчас рад, что навечно отравлен
Был, остаюсь я любовью своей.
Словно в нокаут ударом отправлен,
Став богатейшим из многих людей!

Ты не одна у меня – есть еще дети,
Те, что по свету дороги куют.
Есть генеральные, есть многодетные.
Это богатство у сердца, вот тут!

Внучки ручонками шею обхватят,
Песенку с дедом задорно споют.
Это богатство за деньги не купишь,
Это богатство лишь свыше дают!

Свыше лишь ты - со своею любовью,
С нежной, страдающей часто душой
Выше бриллиантов ценю эти свойства
Может быть выше, чем бог, дух святой.

Да, моей даме минуло семнадцать
И я горжусь, что уже шестьдесят.
Нет, я не стану ту цифру мусолить,
Слышал, что надо зачем-то скрывать.

О, моя дама! Всегда ты при мне,
Не луна, не цветок полевой,
Не портфель, не янтарь, не колье.
Ты родной мой ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ!

И еще тебе родная дарю в честь юбилея подарок – путешествие в Персию!

Персидская смесь.

10-22 ноября 2016 г.

Я не бредил персидскою дружбой,
Персиянок не видел во сне,
Но мечтал побывать я в Иране
В этой сказочной с детства стране.

Дал мне бог и здоровья и денег,
Чтоб в том детстве сейчас побывать,
Прогуляться в садах Тегерана,
У гроба Саади в Ширазе стоять.

Персиполис в раскопках увидеть,
Тот, что Дарий создал на века!
Кое-что сохранилось донныне,
Хоть прошла македонцев рука.

Подремал в мавзолее у Кира –
Здесь столицу хотел возвести.
Он один тут лежит на сегодня
В склепе, поднятом вверх от земли.

Что же сказка? Как она поживает
На воспетой поэтом земле?
Нет здесь сказки – народ выживает,
Но не падает духом в борьбе.

Не за бывшее персов величье,
Не за атом, что рушит все в мире и всех
За жену, за детей, кусок хлеба –
Здесь хотят они видеть успех.

Иран ныне – созвучье контрастов.
Они режут туристу глаза.
Блеск мечетей, дворцов и мозаик
Затмевают пыль, грязь и нужда.

Волшебство лишь в глазах чернооких.
В них огонь персиянок и страсть –
Завораживают и пленяют,
Старику можно ум потерять!
Сохранил, уцелел, взбудоражен!
Страсти пыл усмирила жена:
«Посмотри на их нос – в нем мясистость.
Не любил это ты никогда».

Согласился, что мог я поделать!
Ну а в мыслях все Разин Степан.
Ведь не зря персиянок любил он.
В Волге даже купал, обнимая их стан.

Отголоски былого величья
Все живут, будоража их дух
В грандиозном, для Дарья, некрополе
И в сердцах тот огонь не потух.

Да, бедны, не ухоженность всюду,
Но не гнется под этим народ.
«Мы с Америкой в схватке и хлеба в достатке.
В остальном – может быть повезет».

Залив Персидский. Бендер – Абас
Нас на ночь приютил, дохнув жарою.
Мы пропустить купанье не могли,
Смирившись с мусульманскою судьбою.

Да тут еще прилив-отлив.
Бежит вода на сотни метров.
Жена в купальнике Аллаха
Хотела быть бы не приметной.

Но перс не может глаз отвести
От «неприметного» костюма.
Жена стеснялась, а потом
Послала всех. Впрочем, без шума.

В персидской смеси чудеса пустынь
Были в особенности к месту
Вот, например, на острове Кешм
В долине Чахку мы нашли... невесту!

В наряде с длинным подолом
Среди природных аномалий
При вязи ветра и воды
Шли съемки киновипкомпаний.

Летал в ущельях аппарат
И стрекотали фотовспышки
Узоры Чахку, их краса
Шли свадьбе будто елке шишки.

Еще шедевры от пустыни
Нам Кешм - остров подарил
В Звездной Долине исполины
Придали бодрости и сил.

Здесь есть космическое что-то,
Инопланетная земля
Ее осилил вполовину
Жена же – полностью взяла.

Среди пустынной красоты
Я понял местные одежды:
Они в гармонии вполне.
Живи хоть век – умрешь невеждой.

Кешм и родиной дохнул,
Когда на лодке по протокам,
По мангровым кустарникам – лесам
Мы, как по лотосу, прошлись наскоком.

А мангровые ветки режет перс
Не для красы, как лотос дома.
Они верблюдам – лучший корм
Их здесь стада, они здесь дома!
Паром, вагон – вполне достойны,
Совсем не портили сюжет.
Есть время вспомнить как в Ширазе
Мы местный кушали обед,

Как побывали у Хафеза
(В беседке в мраморе лежит),
И как могуществом платанов
Гордился наш прелестный гид.

Она нас слезно попросила
О ней немного написать.
Жена же строго приказала:
Все только лестью покрывать!

Неважно с русским – ну так что же?
Зато старается она!
Совсем не знает про Россию?
«Лесть, только лесть» - сурово бросила жена.

ПЕСНЬ О ЗАХРЕ

О, Шираз! Покорил ты нас – русских!
Улетели болезни, хандра.
Виновата в этом гид – персиянка
Черноокая, милая дева Захра!
Она любит людей и желает служить им,
Хочет мир и веселье для всех на земле.
Мы желаем ей счастья, хорошего мужа
Лучшей деве Шираза красивой Захре!

Плавно поезд качает вагон.
За окном, понимаем, Иран,
А в глазах Тегеранское чудо-чудес
Раскрасавец дворец Галистан!

И морские богатства – омары, тунцы,
А креветочных гор – без прекрас.
Персиянки как будто их месят в грязи
На базаре в Бандер-Абас.

Но проверка билетов: «Ответь на форси» -
Предлагает жене контролер.
Я забыл Галистан. Мол – по-русски спроси!
На форси тебе – больно остер!

Улыбнулся нам перс:
О, мол, русский мужик! Это дело другое совсем.
Пожал руку: «Путин молодец!
Смирнов водка, морозы и Кремль!»

Много раз повторяли нам эти слова –
Очень дружит с Россией Иран!
Дружелюбие всегда, дружелюбие во всем –
Пребывает в почете Иван!

В лучший номер вселил киевлянин – студент:
Он так русским безмерно был рад.
С нами «сфоткаться» каждый второй бы хотел.
А нам что? Мы со всеми подряд!

Вдруг по-русски в Йезде что-то негр сказал -
Он в развалинах встретился нам.
Рады были как братья встрече мы с ним.
Он из Ганы и русским рад сам.

Хохоча, обнимаясь та встреча прошла,
И в округе собрался народ.
Изумлялись не негру, а нашим речам
И улыбкам, как русский живет.

Улыбаться умеет и смеется как все –
Это чудо у них на виду!
Они думали: русский лишь пьян да суров,
А он весел, как будто в раю!
Завалили расспросами ганца они:
Правда, русский такой или нет?
Долго щелкал потом аппарат,
Видно дан был подробный ответ.

Город Йезд в нас дохнул стариной,
Глинобитной с соломой стеной,
А за нею вся жизнь – и очаг, и ночлег,
И персидский ковер. Боже мой!

Здесь плевать всем на внешние виды домов.
Ценность спрятана где-то внутри:
То прохлада, беседа, ковер, достархан,
Чай, тишина в окружении семьи!

Я, пожалуй, впервые увидел страну,
Где язычество чтут как отца.
Заостризм – поклоненье святому огню –
Занимает их души, сердца.

Мусульманство арабы сюда принесли,
Но у них ведь сейчас не в почете араб,
А вернуться к истокам – поклоненью огню-
Нет возможности, но, кажется, перс был бы рад.

Он внутри уже к этому, как бы, готов,
Но, а внешне, как ты ни крути,
Заостризм мусульманству соперник – слабак.
Впрочем, схватка, возможно, еще впереди!

Ну а мы заостризмом дышали любя:
Побывали в селении Чак Чак,
Слезы девы коснулись нас где-то в горах.
Здесь в пустыне - мы как в облаках!

Говорят, по пустыне паломник ползет,
Что б к слезе заостризма припасть.
Я не видел, но верю сегодня вполне.
Ведь мобильник – не средство понять.

Он для веры, вообще-то, совсем не указ,
Интернет ей совсем не грозит.
Верят люди легендам таким.
Парадокс? Нет, ведь правда - за ним,

За создателем, как ты его не зови,
Что в легендах ему б кто не шил –
Он все вертит зачем-то всех нас.
Кто ему приказал, разрешил?

Вот и Пятничная мечеть позади
С древней системой подачи воды.
Окружили студентки все в черном там нас.
Вы откуда? Россия! Москва! Потрогать-то можно Вас?

Мы привыкли быть звездами у персиян,
Не уродами нас принимали.
Нет, мы, скорее, в Иране из марсиан,
Из манящей, неведомой дали!

А однажды невольно свидетелем стал,
Занимая в отеле, как ложе, верхи.
Здесь, внутри глинобитки, читали они
Поэтессе ушедшей ритмично стихи.
Достарханы и чай, и размеренный стих...
Я теперь оказался на Марсе.
Марс-Иран в мою душу проник
В древнем Йезде. Так в ней и остался!

Промелькнул древний Йезд - мы в пустыне уже.
Как ни странно – пейзаж умиляет.
Как тут люди живут, где же силы берут,
Ведь глаза отчего-то блестяют!?

Ушла пустынная земля,
Пришла полупустыня.
Здесь даже саксаул растет,
А вот и сакли. Дыни

Здесь ожидал увидеть я,
Но нет, не дыни, а фисташки.
Размером дерево – с лесной орех.
Конечно, козы да барашки.

Но это ближе к Исфаган.
Туда сейчас стремимся.
Он лучший город, как султан –
Так в книгах говорится.

Что увидел? Восторгам не счесть мне числа.
Я должен со слогом проститься!
Хотел на форси, да слаба ведь кишка –
На русском бы хоть объясниться.

.....
Никогда не видел я в природе
Той красы, что стала предо мной!
Я, пожалуй, при любой погоде
Не смогу найти теперь покой.
Вот таким предстал мне Исфаган –
Без вина от красоты я пьян!

Где найти слова мне для высот тех,
Что внушает площадь Хомейни,
Ведь она размером как Россия
И волшебной красоты внутри.
Покорен небесной красотой мечетей:
Каждый в них становится душою светел.

Дворец шейха – ложа конных зрелищ
И волшебной музыки услада.
Думал – несовместное все это,
Оказалось – все путем, как надо!
Здесь азартом душу напоит –
Там музыкой нежной угостит.

Здесь куда не бросишь взгляд и мысли
Вновь и вновь ты чувствуешь – сражен
Гениальностью бессмертного проекта

И, в веках живущим, мастерством.
Площади как эта в Исфаган
Следует причислить к чудесам!

Есть еще, что с чудом лишь сравнимо:
То мосты с рекою без воды.
Их монументальность поражает,
В них поют, читают здесь стихи.
В нашу честь дуэтом пели персы –
Так здесь дружбы проложили рельсы!

Здесь, когда вода журчит
Люди входят в исступленья!
Нас подробно посвящает гид,
Как вершат здесь жертвоприношения –
Режут и баранов и быков.
В речке люди, мясо их и кровь.

Ведь вода для персов – это жизнь!
Ей особый статус и почет.
Вот сегодня осень, а воды все нет –
Каждый житель с нетерпеньем ждет.
Все готово – нож, бык и баран!
О, Аллах, порадуй Исфаган!

Но, я видел, перс здесь ждет активно.
Он вдоль речки парки разместил.
Целый день бродили мы вдоль ложа,
Созерцали жизнь, что было сил.
Детские, площадки, шахматы и пикники –
Вот что видели мы вместо той реки.

Наконец дошли до парка птиц
Где-то у окраин Исфагана
Из-за траура сегодня он закрыт.
Так здесь чтут давно усопшего имама.
Не в накладе мы. Мы видели, как люди здесь живут!
Собственно, для этого и отправлялись в путь!

Никакой агрессии. «Салам! Откуда Вы?» -
Случайные прохожие, дети, пикники.
«Из России – матушки! Да, прямо из Москвы» -
И восторгом лица их вмиг озарены.
Чувствуем – причастны мы к славе россиян,
Целый день в улыбках. Без вина, а пьян!
Что еще запомнил я из Исфаган?
Да, Иисус Христа в церкви для армян!
Будто бы с Аллахом Иисус обручен,
Что-то из мечети приобрел здесь он.
Словно примирились вечные враги,
Будто примирились и в народ пошли!

Во век не забуду башни голубей!
Их я заприметил вдоль дороги всей,
Той, что привела нас в город Исфаган.
Башни из самана. Башня – великан!
Будто в ульях соты – сотни тысяч гнезд
В башне размещались. Вот вам и навоз!

Как увидел – ахнул! Ну и голь - хитра!
Из дерьма конфету сделала она!
Голубь как в колхозе в башне той живет,
А мужик на поле завозит помет.
Урожай богатый, голубь ест червя,
Саранчу и прочее, назовем то «фря».

Мне, в душе сельчанину, это как бальзам.
Голубиным башням я готов роман
Или серенаду тут же написать.
Таланта не хватает, ну и наплевать.
Гениально, просто перс се изобрел!
Я лишь восхитился, я бы не «допер»!

Но пора прощаться с гордым Исфаган,
Ведь у нас дорога вновь на Тегеран.
Снова мы в окошко будем наблюдать,
Жизнь Иранских будней вновь в себя вбирать.
Ведь за тем летел я к персам из Москвы.
Ох, я повторяюсь, господи прости!

Что взял по дороге – расскажу я Вам.
Ночью добрались мы снова в Тегеран.
Нас довольно долго посыпал снежок.
Это для иранцев как воды глоток.
Редко видят персы у себя в стране
Как летят снежинки в гордой тишине.

Впрочем, все бывает – огромная страна.
Зимние курорты – это тоже я
Утверждает Персия. Это модно здесь.
Горнолыжник если – у него успех
Модное занятие разрешил ислам.
Будут чемпионы и у мусульман!
В горной деревушке – той, что тысячи лет
Сакля жметя к сакле, розоватый цвет,
Странные балконы как из камыша,
Мавзолей уютный. Ни одна душа
Из деревни этой не встречалась нам.
Дальше покатали мы на Тегеран.

Промелькнули пушки там, где есть уран.
Русских познакомил с атомом Иран,

С козырем в пустыне! Янки – так и знайте,
Для Обамы есть ответ. Русским передайте!
Разное в раздумье посетило нас:
Это мирный атом или...Каждый раз

Лезет на туриста политика, война,
Но мы прибываем в счастья пока:
В городе Кашане млеет люля-кебаб,
Сладости вкушали в Куме. Словно сад
Без конца, без края он представил нам,
Глазки разбежались – сладостям воздам!

Ведь восток без этого, как Эльбрус без снега,
Без восточных сладостей нега и не нега!
Но пора заканчивать – самолет в Москве.
Перс – прощай навеки, доволен я вполне
Тем, что здесь увидел, что увез с собой.
Впрочем, до свидания – ведь Аллах большой!

Буду вспоминать я, как женщин любишь ты,
Купаешь их в одеждах, но, главное, платки!
Вагоны выделяешь специальные в метро.
Четыре ждал жены, но лишь одна. Почто
Ты обделил себя, самолюбивый перс,
Почто не пьешь ты кофе, с утра лишь яйца ешь,

В молочниках ты сахар держишь всегда.
И почему, скажи ты, нет на столе ножа?
И многое другое, что разделяет нас
Увидел я в Иране, таскаясь здесь, сейчас.
И обливаясь потом, пыхтя как паровоз
Я все, что мог - облазил, я все что мог – увез

С собою! И друг мой, моя жена,
Скажу Вам по секрету, довольная была,
Что я еще не падаль, что я еще могу,
И на восьмом десятке взбираюсь на скалу.

В твою-то честь, родная, в твой славный юбилей,
Конечно, я старался достойным быть, смелей
С тобой вторгаться в чужую, в общем, жизнь,
Но лишь добра желая! Пора сказать: «Аминь!»

P.S.

Напомнил мне «Аминь» такой вот эпизод в Иране,
То было в медресе на площади центральной в Исфагане.
В какой-то знак под куполом кто хочет, тот встает
И ради эха что-нибудь поет.

Я тоже стал, молитву прочитал, пропел – Аминь!
И слышу, как весь зал за мной пропел – Аминь!
Оторопелый, дальше я пошел,
Но из толпы вдруг парень подошел.

Еще, пожалуйста, сказал он на форси
И я пропел псалом! О, Господи, прости!

Все эти походные записи были сделаны во время путешествий, посвященных тебе, жена! Твой день рождения, Международный женский день, день нашей свадьбы – все эти дни, как-то само собой, превратились в особые для меня дни, организацию которых я считал и считаю своим почетным долгом, наградой! Что сказать на это? Молодец – умеешь награждать!

В завершении этой главы о жене хочу все же еще раз обратиться к ощущениям, связанным со словом брак.

Все не случайно в мире, даже слово «брак»!
Оно невесту делает женою!
Преображенье поражает часто так,
Что в пору в омут головою!

И все же в браке больше слышу я
Ту крепость уз, что у стены, у дуба.
И совершают узы чудеса –
Детей твоих, любовницу и друга.

В коротком слове то сплелось: «Жена»!
Она – уют, и нежность, и забота,
Такому вождельню нет конца –
То результат таинственной работы.

Вот потому меня влечет домой
Какая-то неведомая сила!
Моя жена мне послана судьбой,
Как много для меня без суи совершила!

И показала всем, как будто это я
Кузнец семейного безоблачного счастья.
Мужчинам, знает, важно сознавать,
Что будто б он защитник от напастей.

И если потому се браком величают,
То я за брак стою горой:
Она меня святым считает,
И я ее – своей святой!

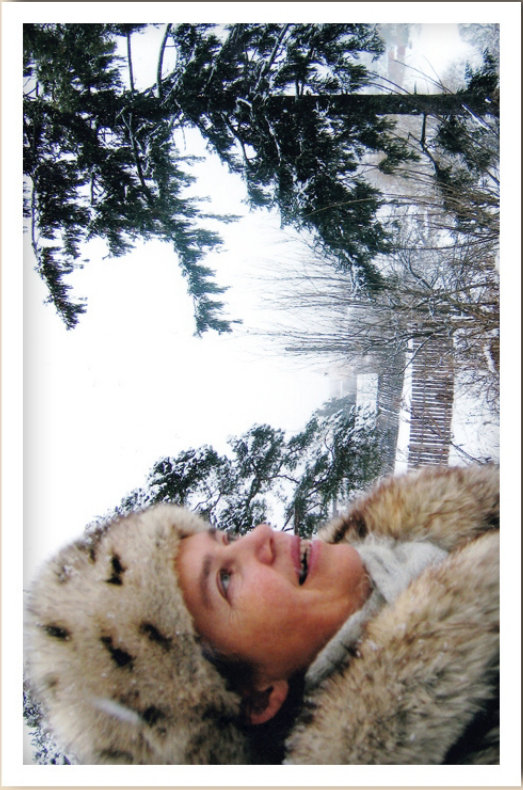

Н.П. КУРАНОВ

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА. ТОМ 1

2017 г.

Научный редактор: д.т.н., проф. Куранов Н.П.
Ответственный редактор: к.т.н. Прокофьева Е.В.
Художественный редактор: к.э.н. Савина Т.В.

Издательство АО "ДАР/ВОДГЕО"
119435 г. Москва, Б.Саввинский пер., д.9, стр.1
<http://www.darvodgeo.ru>, e-mail: info@darvodgeo.ru
Тел.: +7(499) 272-47-25

Лицензия сер. ИД № 05862 от 18.09.2001
Подписано в печать - 05.12.2017 г., заказ №1324/17
Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 113
Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-98826-016-5

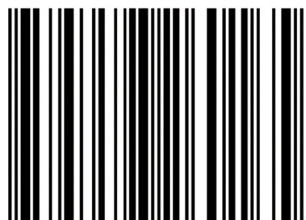
Отпечатано в типографии ООО «Клуб печати»
ИНН 7715446396, КПП 771501001
127018, г.Москва, Марьиной Рощи 3-й проезд,
д.40, стр.1, оф.32

Основную часть книги известного российского ученого в области прикладной гидрогеоэкологии, гидротехники, водного и жилищно-коммунального хозяйств, лауреата премии правительства России, Почетного строителя России, профессора, доктора технических наук Куранова Н.П. составляют биографические данные автора, позволяющие проследить путь от деревенской глубинки страны до директора столичного головного научного института, Государственного научного центра. Книга охватывает значительный период развития данной отрасли в СССР и постсоветский период, сложности выживания и становления науки в России после развала СССР.

ISBN 978-5-98826-016-5

9 785988 260165